

ISSN 2223–2974

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

№4 2022 (АПРЕЛЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
В.Н. Боробов
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 10472

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел/факс: 8 (495) 142-8681
E-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

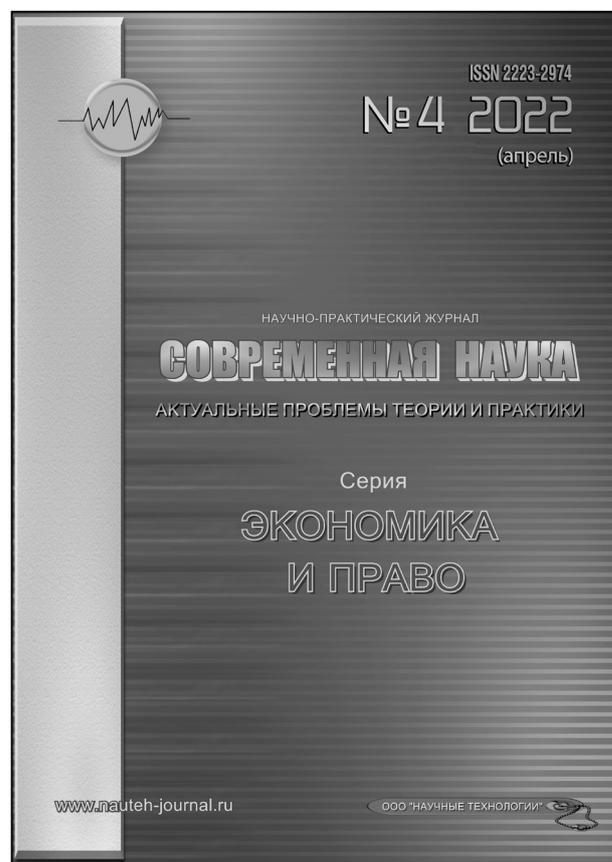
Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44912 от 04.05.2011 г.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(BAK - 08.00.00, 12.00.00)

В НОМЕРЕ:
ЭКОНОМИКА,
ПРАВО,
СОЦИОЛОГИЯ

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:
Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296
Подписано в печать 20.04.2022 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Редакционный совет

Бусов Владимир Иванович — д.э.н., профессор,
Государственный университет управления

Волкова Ольга Александровна — д.с.н., профессор,
г.н.с., Институт демографических исследований ФНИСЦ
РАН; профессор, Белгородский Государственный
Университет

Воронов Алексей Михайлович — д.ю.н., профессор,
Институт Государства и Права РАН

Гомонов Николай Дмитриевич — д.ю.н., профессор,
Северо-Западный институт (филиал) Московского
гуманитарно-экономического университета

Горемыкин Виктор Андреевич — д.э.н., профессор,
Национальный институт бизнеса

Ермаков Сергей Петрович — д.э.н., профессор,
г.н.с., Институт социально-экономических проблем
народонаселения РАН

Жигунова Галина Владимировна — д.с.н., доцент,
Мурманский государственный арктический университет

Иванов Сергей Юрьевич — д.с.н., профессор,
Московский Педагогический Государственный
Университет

Каныгин Геннадий Викторович — д.с.н., в.н.с.,
Социологический институт РАН (С.-Петербург)

Кибакин Михаил Викторович — д.с.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Кобзарь-Фролова Маргарита Николаевна — д.ю.н.,
профессор, Институт Государства и Права РАН

Лебедев Никита Андреевич — д.э.н., профессор, в.н.с.,
Институт экономики РАН

Леденева Виктория Юрьевна — д.с.н., доцент, г.н.с.,
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН

Леонтьев Борис Борисович — д.э.н., профессор,
Федеральный институт сертификации и оценки
интеллектуальной собственности и бизнеса

Малышева Марина Михайловна — д.э.н., в.н.с.,
Институт социально-экономических проблем
народонаселения РАН

Мартынов Алексей Владимирович — д.ю.н.,
профессор, Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского

Мельничук Марина Владимировна — д.э.н., к.п.н.,
профессор, Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации

Незамайкин Валерий Николаевич — д.э.н., профессор,
Российский государственный гуманитарный университет

Нижник Надежда Степановна — д.ю.н., профессор,
Санкт-Петербургский университет МВД России

Рубан Лариса Семеновна — д.с.н., профессор, г.н.с.,
Институт социально-политических исследований ФНИСЦ
РАН

Ручкина Гульнара Флюровна — д.ю.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Рыкова Инна Николаевна — д.э.н., профессор, Научно-
исследовательский финансовый институт Минфина РФ

Рыльская Марина Александровна — д.ю.н., доцент,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Сумин Александр Александрович — д.ю.н., профессор,
Московский университет МВД России

Фролова Елена Викторовна — д.с.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Черкасов Константин Валерьевич — д.ю.н.,
профессор, Всероссийский государственный
университет юстиции

Шаленко Валентин Николаевич — д.с.н., профессор,
Институт социологии ФНИСЦ РАН; профессор,
Российский государственный социальный университет

Шедько Юрий Николаевич — д.э.н., доцент,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Широкалова Галина Сергеевна — д.с.н., профессор,
с.н.с., Приволжский филиал ФНИСЦ РАН; профессор,
Нижегородская Государственная сельскохозяйственная
академия

Шмалий Оксана Васильевна — д.ю.н., профессор,
Российская Академия Народного Хозяйства
и Государственной Службы при Президенте РФ

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Экономика

Алиев А.Т., Балдин К.В., Титов А.В. — Развитие обрабатывающей промышленности в современных условиях цифровой трансформации

Aliev A., Baldin K., Titov A. — Development of the manufacturing industry in modern conditions of digital transformation7

Белоусов С.В. — Бюджетная политика: важно устранить диспропорции

Belousov S. — Budget policy: it is important to eliminate imbalances14

Бутузова Л.Л. — Экономический инструментарий устойчивости промышленных предприятий в России

Butuzova L. — Economic tools for the sustainability of industrial enterprises in Russia.....17

Вертакова Ю.В., Положенцева Ю.С., Клевцова М.Г. — Комплексная оценка уровня технологического развития инновационно-активных отраслей промышленности

Vertakova Yu., Polozhentseva Yu., Klevtsova M. — Comprehensive assessment of the level of technological development of innovative and active industries20

Жирнова Т.В., Коробейникова Е.В., Савоскина Е.В. — Динамическая система управления организацией с позиции синергетической концепции

Zhirnova T., Korobeynikova E., Savoskina E. — Formation of technology to ensure the security of banking activities in modern conditions.....28

Капустина И.В., Григорьева К.А. — Россия в системе мирохозяйственных связей

Kapustina I., Grigoreva K. — Russia in the system of world economic relations35

Ковтун И.В. — Методика оценки экономической эффективности применения инновационных материалов и технологий при реализации проектов развития сети автомобильных дорог Минобороны России

Kovtun I. — Methodology for assessing the use of innovative materials and technologies economic efficiency in the implementation of development of the road network of the Ministry of Defense of Russia projects.....41

Мокрова Л.П. — Современный кризис: особенности и зоны повышенного риска

Mokrova L. — Modern crisis: features and high-risk areas48

Морозов К.В., Колесникова А.А., Вардапетян Т.Д., Сабирзянов Р.М. — Метод оценки эффективности использования оборотных средств предприятия

Morozov K., Kolesnikova A., Vardapetyan T., Sabirzyanov R. — The method of evaluating the efficiency of the use of working capital of the enterprise54

Муртазина И.Р., Ваславская И.Ю. — Тенденции развития государственно-частного партнерства в нефтегазовой отрасли

Murtazina I., Vaslavskaya I. — Trends in the development of public-private partnerships in the oil and gas industry.....59

Мяо Юнтао — Исследование конкурентоспособности и взаимодополняемости китайско-российской торговли сельскохозяйственной продукцией

Myao Yuntao — Research of competitiveness and complementarity of the Chinese-Russian agricultural trade.....65

Онищенко Н.Н., Рубанцев П.В. — Международный опыт регулирования поддержки малого и среднего предпринимательства

Onishchenko N., Rubantsev P. — International experience in regulating support for small and medium-sized businesses.....72

Рубан Л.С. — Почему Каспий не стал нефтегазовым Клондайком, и что такое «политические запасы» нефти? <i>Ruban L.</i> — Why did the Caspian not become an oil and gas Klondike, and what are the “political reserves” of oil?78	Турищева Т.Б. — Аудиторская проверка автономных учреждений на базе комплаенс-рисков <i>Turishcheva T.</i> — Audit of autonomous institutions on the basis of compliance risks113
Сенотрусова С.В., Свинухов В.Г., Жегличева В.В. — Международный транзит товаров группы 27 ТН ВЭД через территорию РФ <i>Senotrusova S., Svinukhov V., Zheglicheva V.</i> — International transit of goods of the 27th group of the commodity nomenclature of foreign economic activity in the territory of the Russian Federation 86	Филина А.Д. — Противоречия в американско-канадских экономических отношениях <i>Filina A.</i> — Contradictions in US-Canadian economic relations117
Соколова Е.С., Леонтьева Л.С. — Автомобильный рынок ЕАЭС: перспективы развития в новых экономических условиях <i>Sokolova E., Leontieva L.</i> — Automotive market of the EAEU: development prospects in the new economic conditions.91	Шестиперова Е.Ю. — Уровень экономической безопасности регионов Приволжского федерального округа <i>Shestiperova E.</i> — The level of economic security of the regions Volga Federal District122
Соколова Е.Ю. — Проблема неравенства доходов и распределения богатства населения в экономике Российской Федерации <i>Sokolova E.</i> — The problem of income inequality and distribution of wealth in the economy of the Russian Federation96	Юдин А.А., Тарабукина Т.В., Облизов А.В. — Формирование эффективной модели развития агропромышленного кластера <i>Yudin A., Tarabukina T., Oblizov A.</i> — Formation of an effective model for the development of an agro-industrial cluster128
Соколова И.А., Соколов А.В., Калиновская Н.А. — Компетентностный подход к управлению человеческими ресурсами вуза в условиях цифровизации образования <i>Sokolova I., Sokolov A., Kalinovskaya N.</i> — Competence-based approach to the management of human resources of a university in the conditions of digitalization of education.102	Юдин А.А., Тарабукина Т.В., Облизов А.В. — Типологизация муниципальных образований в Республике Коми <i>Yudin A., Tarabukina T., Oblizov A.</i> — Typologization of municipalities in the Komi Republic137
Траоре Абдулай — Теоретические основы организационно-экономического механизма регулирования рынка труда на уровне государства и региона <i>Traore Abdoulaye</i> — Theoretical foundations of the organizational and economic mechanism of labor market regulation at the state and regional level107	Право
	Барченкова Я.В. — Использование специальных знаний при оптимизации расследования мошенничеств в сфере сотовой связи <i>Barchenkova Ya.</i> — The special knowledge using in optimizing the investigation of fraud in the field of mobile communications.145
	Гудков А.И., Мищенко В.И., Котлярова Е.И. — Проблемные аспекты раздела общих кредитных долгов супругов <i>Gudkov A., Mishchenko V., Kotlyarova E.</i> — Problematic aspects of the division of common credit debts of spouses150

Двойченкова И.В. — Злоупотребление правом при раскрытии информации <i>Dvoichenkova I.</i> — Abuse of the right to disclose information154	Лучинин И.И. — Известна ли галлицизму идея правового порядка? <i>Luchinin I.</i> — Does Gallicanism know the idea of a legal order?186
Ельцова Е.В., Верчагина И.Ю., Колечкина И.П. — Актуальные вопросы судебно-экспертной деятельности экономической направленности <i>Yeltsova E., Verchagina I., Kolechkina I.</i> — Current issues of forensic and expert activities of economic orientation159	Матвеева Т.П., Кузнецова Н.В., Рябова О.А. — Проблемные вопросы молодежного рынка труда <i>Matveeva T., Kuznetsova N., Ryabova O.</i> — Problematic issues of the youth labor market192
Жайтуменова А.Р. — Типичные ситуации первоначального этапа расследования мелкого хищения в форме кражи, совершенного лицом, подвергнутым административному наказанию <i>Zhaytumenova A.</i> — Typical situations of the initial phase of the investigation of petty theft in the form of theft committed by a person subjected to administrative punishment165	Песков В.С. — Правовой статус органов акционерного общества: генезис, история и практический опыт Германии и Франции <i>Peskov V.</i> — Legal status of the bodies of the joint-stock company: genesis, history and practical experience of Germany and France.....196
Зубков И.Б. — Функционирование государственных информационных систем в условиях антироссийских санкций <i>Zubkov I.</i> — Impact of anti-Russian sanctions on government information systems169	Потокин Ю.Н. — Применение экологической функции государства в странах Европы <i>Potokin Yu.</i> — Application of the ecological function of the state in European countries203
Зубков В.Н., Гусева И.И. — К вопросу об оценочных критериях морального вреда <i>Zubkov V., Guseva I.</i> — On the question of the evaluation criteria of moral harm.....172	Семенова Н.А. — Запрет анонимности в сети интернет как мера профилактики мошенничества <i>Semenova N.</i> — Prohibition of anonymity on the Internet as a measure to prevent fraud.206
Исаев А.И. — Личность преступника как элемент криминалистической характеристики контрабанды алкогольной продукции и (или) табачных изделий <i>Isaev A.</i> — The identity of the offender as an element of the forensic characteristics of the smuggling of alcoholic products and (or) tobacco products177	Степанов-Егиянц В.Г., Чекулаев Д.П. — Анализ некоторых распространенных ошибок при формулировании обвинения, ограничивающих право на защиту <i>Stepanov-Yegiyants V., Chekulaev D.</i> — Analysis of some most common wording of indictments that restrict the right of defense.....211
Кузнецов А.К. — Публичные слушания на едином портале государственных услуг: организационно-правовой аспект <i>Kuznetsov A.</i> — Public hearings on the federal portal of public services: organizational and legal aspect183	Чернова О.А., Таталина А.В. — Малозначительность административного правонарушения: правовая природа и критерии применения <i>Chernova O., Tatalina A.</i> — Insignificance of an administrative offense: legal nature and application criteria216

Чжао Лэ — История и развитие
корпоративного законодательства в Китае
Zhao Le — History and development of corporate
legislation in China220

Ярмолович Г.В. — Правовое регулирование
рекламы в аудиовизуальных сервисах
Yarmolovich G. — Legal regulation of advertising
on audiovisual services224

СОЦИОЛОГИЯ

Сунь Шуфэн — Образование, социальная
стратификация и социальная мобильность
Sun Shufen — Education, social
stratification and social mobility.....228

Информация

Наши авторы. Our Authors235

Требования к оформлению
рукописей и статей для публикации в журнале238

РАЗВИТИЕ ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

DEVELOPMENT OF THE MANUFACTURING INDUSTRY IN MODERN CONDITIONS OF DIGITAL TRANSFORMATION

A. Aliev
K. Baldin
A. Titov

Summary. The article discusses the strategic direction of digital transformation to achieve “digital maturity” by 2030 in a number of key manufacturing industries. The main goal of this transformation is to increase import substitution by creating a modern domestic high-tech production that can flexibly respond to sanctions and changes in the global situation, quickly rebuild cooperative network chains to reduce critical dependence on foreign supplies of high technologies, microelectronics, components, equipment, materials, and more. etc. This is especially relevant at the present time in the context of the introduction of a new set of sanctions in connection with Russia’s conduct of a special military operation in Ukraine, the consequences of which will be extremely painful not only for Russian industrial production, but for the entire economy and social sphere of the country.

When writing the article, various information sources presented in the open press were used.

Keywords: strategy, manufacturing industry, digital transformation, Industry 4.0, artificial intelligence, robotics, ecosystem projects.

Алиев Адик Тагирович

*Д.э.н., профессор, ГБОУ ВО МО «Академия
социального управления»
alievadik@yandex.ru*

Балдин Константин Васильевич

*Д.э.н., профессор, ФГБОУ ВО МО МИРЭА —
«Российский технологический университет»
kvbaldin@mail.ru*

Титов Алексей Викторович

*К.э.н., доцент, независимый исследователь
A238@rambler.ru*

Аннотация. В статье рассматривается стратегическое направление цифровой трансформации для достижения «цифровой зрелости» к 2030 году ряда ключевых отраслей обрабатывающей промышленности. Основная цель такой трансформации — наращивание импортозамещения путем создания современного отечественного высокотехнологичного производства, способного гибко реагировать на санкции и изменения мировой конъюнктуры, быстро перестраивать кооперационные сетевые цепочки для снижения критической зависимости от зарубежных поставок высоких технологий, микроэлектроники, компонентов, оборудования, материалов и мн. др. Особенно это актуально в настоящее время в условиях введения нового набора санкций в связи с проведением Россией специальной военной операции на Украине, последствия от которых будут крайне болезненными не только для российского промышленного производства, но всей экономики и социальной сферы страны.

При написании статьи использованы различные информационные источники, представленные в открытой печати.

Ключевые слова: стратегия, обрабатывающая промышленность, цифровая трансформация, «Индустрия 4.0», искусственный интеллект, робототехника, экосистемные проекты.

Введение

Принятая Стратегия цифровой трансформации обрабатывающих отраслей промышленности до 2030 года (далее Стратегия) содержит ряд ключевых положений по планированию реализации четырёх экосистемных проектов по пяти крупным направлениям: инновации в организации производства, технологические и продуктовые инновации, инновации в сфере кадров, инновации в государственном управлении, что как декларируется, позволит решить

ряд важных задач, в частности по снижению себестоимости производства продукции на основе повышения производительности труда и ускорение её вывода на рынок.

В Стратегии предполагается, что внедрение ряда перспективных инновационных технологий, в том числе таких как искусственный интеллект и робототехника, будет сопровождаться государственными преференциями для российских производителей программного обеспечения и программно-аппаратных комплексов,

а также создания различных маркетплейсов и цифровых платформ.

Правительством определены ответственные ведомства за реализацию Стратегии — Минпромторг совместно с Минэкономразвития, Минцифры, Минфином, Минтруда, ФАС, Ростехнадзором и Росстандартом.

На современном этапе развития нашей страны цифровая трансформация призвана решить ряд накопившихся проблем в российском обществе и согласно Указа Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 года N474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» должна обеспечить «цифровую зрелость» в ключевых отраслях экономики и социальной сфере. В Указе установлены целевые индикаторы в различных секторах социально-экономического развития России, в частности, рост доли (до 95 процентов) массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде; увеличение доли (до 97 процентов) домохозяйств для обеспечения возможности широкополосного доступа к информационно — телекоммуникационной сети Интернет; повышения вложений в сферу информационных технологий в 4 раза по сравнению с показателем 2019 года [1].

Для реализации Указа Президента Правительство РФ подготовило и выпустило в свет 29 июля 2021 документ «Стратегия цифровой трансформации обрабатывающих отраслей промышленности в целях достижения их «цифровой зрелости» до 2024 года и на период до 2030 года» [2]. Она формулирует главную задачу цифровой трансформации промышленности, которая заключается в модернизации управления производственными процессами для значительного повышения производительности труда, а это должно привести к росту ВВП в производственном секторе и, как следствие — повышению уровня благосостояния граждан страны

В Стратегии отмечается, что цифровая трансформация сможет создать современное промышленное производство, способное гибко реагировать на санкции и изменения мировой конъюнктуры, быстро перестраивать производственно-технологические цепочки при ограничении поставок зарубежного оборудования. Она станет «мотором» развития национальной социально-экономической системы, что позволит выйти промышленным предприятиям на мировые рынки с конкурентоспособной продукцией, отвечающей современным технологическим международным требованиями.

Это необходимо и для постоянного управления своевременными изменениями, поскольку специфика

конкурентоспособных стратегий в современном мире и вовлеченность промышленных предприятий в глобальную конкурентную борьбу требуют их преобразования с выходом на новый технологический уровень производственной индустрии.

Для таких предприятий достижение заявленных в Стратегии целевых установок на основе цифровой трансформации, связывается с концепцией «Индустрии 4.0» или четвертая промышленная революция [10], в которой одно из центральных мест занимает стандартизированное серийное создание сетей роботизированных заводов, использующих все современные информационные технологии: от интернета вещей, виртуализированных производственных процессов и объектов («двойников») до искусственного интеллекта, реализующего сценарии управления инновационным производством и сбытом в дистанционных каналах (примерами таких высокотехнологичных производств могут служить корейский завод Hyundai Heavy Industries (Hyundai) и немецкий Factory 56 — Mercedes-Benz).

В области искусственного интеллекта (ИИ), по мнению многих исследователей, сформировался большой потенциал. Так, по результатам проведенного исследования компанией SAP, проекты с использованием ИИ в нашей стране активно развиваются: только за период с 2007–2017 гг. государство и частный бизнес проинвестировали более 1300 научных проектов, связанных с ИИ в общей сумме примерно 23 млрд. рублей. Это проекты для госсектора, обороны и безопасности, транспортной отрасли. По степени проникновения интернета Россия с показателем более 70% обгоняет многие страны, в частности Китай (67%) и даже Канаду (66%) [4].

Если рассматривать создание роботизированного завода в отдельности, то это возможно на основе базовых и прикладных технологий, развиваемых IT-компаниями. Однако этого недостаточно, поскольку требуется ещё формирование новых представлений о качестве высококонкурентного предприятия с учетом специфики используемых им разнообразных ресурсов и подходов к формированию своих бизнес-моделей цифровой трансформации. Сегодня в этом направлении, несмотря на активное развитие специализированных консалтинговых практик по созданию организационных структур, отвечающих за цифровую трансформацию и рост бюджетов национальных передовых компаний российской промышленности, цифровизация остается весьма скромной сферой деятельности. Россия даже не входит в список стран-лидеров по внедрению промышленных роботов — на 10 тысяч человек, занятых на промышленных предприятия, приходится всего три

промышленных робота, этот показатель в 24 раза меньше среднемирового [7].

Рейтинг Международной федерации робототехники (основан на статистике по мировой робототехнике-IFR) опубликовал данные на начало 2021 года, согласно которым средняя плотность размещения роботов в обрабатывающей промышленности достигла нового мирового уровня — 113 единиц на 10 тыс. работников. По регионам мира наиболее автоматизированное производство имеют Западная Европа (225 единиц) и страны Северной Европы (204 единицы), за ними следуют Северная Америка (153 единицы) и Юго-Восточная Азия (119 единиц). А в десятку самых автоматизированных стран мира входят: 1) Сингапур, 2) Южная Корея, 3) Япония, 4) Германия, 5) Швеция, 6) Дания, 7) Гонконг, 8) Тайвань, 9) США, 10) Бельгия и Люксембург [8].

Несмотря на значительное отставание в области развития цифровых технологий от многих зарубежных стран, в России за последние десятилетие прогрессивные технологические изменения всё-таки получают развитие. Так, информационные технологии ведущих отечественных промышленных предприятий произвели структурные преобразования, превратив их сервисные функции в драйвер роста бизнес-развития. Стремительно удешевляющиеся системные и прикладные информационные технологии создают саму суть и границы возможных изменений в промышленности в рамках цифровизации и обеспечивают абсолютно новый качественный уровень добавленной стоимости в их продукции. Более того, предиктивная аналитика, как расширение SCADA-систем — еще одной информационной технологии в рамках цифровизации промышленности — позволяет делать достаточно точные прогнозы будущего: сбыта, косвенных затрат, отказов, необходимых ремонтов и т.п.

Внедрение концепции «Индустрия 4.0» требует модернизации всех производственных процессов: от формирования автономных комплексов с использованием промышленных роботов до виртуализации всех инженерно-конструкторских разработок в жизненном цикле продукции. В ходе организационно-технологического изменения промышленного производства одним из главных его аспектов будет виртуализация на различных стадиях: от проектирования продукта, технологических решений и оснастки до электронной документации, процессов аутсорсинга упаковки и транспортировки продукции. В связи с этим, можно привести успешный пример крупнейшего нефтехимического холдинга «СИБУР», начавшего процесс цифровой трансформации ещё в 2017 году. А в настоящее время одним из успешных направлений цифровизации выступает развитие APC (Advanced Process Control) —

практики глубокого анализа и совершенствования технологических процессов на основе обработки данных и построения прогнозных моделей в режиме реального времени [9].

Важным для предприятий промышленности является развитие дополнительных предпринимательских инициатив, что осуществляется с помощью цифровых технологий на базе инновационных решений и диверсификации бизнеса. К примеру, Норникель с 2017 года осваивает блокчейн-практику широкого профиля, возможности использования технологии не только в логистике предприятия, но и связывая её с технологией распределенного реестра других бизнес-инициатив. Технологии концепции «Индустрия 4.0» также могут внести значительные изменения моделей взаимодействия с потребителями: от использования дистанционных каналов маркетинга и сбыта до расширяющегося жизненного цикла продукции.

Однако массовый прорыв в этом направлении может произойти только тогда, когда достаточно большое количество людей от бизнеса поймет, что в этом и есть большая экономическая выгода. Будущее за объединением технологий «Индустрии 4.0», в которой производство органично включается в единую технологическую цепочку, где имеются роботы, изначально встроенные в автоматизированную производственную линию, а искусственный интеллект, способный самостоятельно заказывать запасные части в случае выхода оборудования из строя, также может управлять всем логистическим процессом. Такие проекты сейчас есть и они постепенно внедряются, но это очень дорого. К тому же, объективным сдерживающим фактором автоматизации выступают низкий уровень зарплаты на производстве, когда работники на ряде технологических операциях обходятся дешевле, чем роботизация.

И все-таки, для нашей страны цифровая трансформация как в целом, так и для отраслей обрабатывающей промышленности остается сложным и высокорискованным процессом, а возможность проведения такой трансформации в целях достижения «цифровой зрелости» в разумные сроки и с оптимальным бюджетом — самостоятельной бизнес-ценностью. Поэтому их массовое внедрение, как представляется, следует ожидать не один десяток лет.

Но другого пути нет для устранения технологического разрыва, укрепления суверенитета и национальной безопасности России в мировом глобальном пространстве. Поэтому в основу реализации Стратегии заложено внедрение новых производственных и коммуникационных интернет-технологий, робототехники и сенсорики, интернет вещей, искусственного интеллекта, техно-

логии виртуальной и дополнительной реальности для стремления к комплексному повышению эффективности и созданию условий для успешной деятельности, что необходимо для обеспечения прежде всего технологической независимости России на базе развития импортозамещения с целью переориентации с иностранных производственных решений на отечественные. Здесь же определены приоритетные направления цифровой трансформации по ключевым отраслям обрабатывающей промышленности — авиационная, судостроительная, электронная, медицинская, автомобильная, транспортного и сельскохозяйственного машиностроения, химического и нефтехимического комплекса.

В процессе реализации положений Стратегии цифровой трансформации на пути достижения «цифровой зрелости» до 2030 года в обрабатывающих отраслях промышленности в целях обеспечения социально-экономического развития и национальной безопасности страны предусмотрены риски (глобальные и национальные), мониторинг и контроль, а также нормативно-правовое обеспечение.

Принятая Стратегия будет реализовываться с опорой на всестороннюю государственную поддержку и выделением необходимых ресурсов промышленным предприятиям для производства и реализации продукции, что позволит им создать дополнительные возможности привлекать квалифицированную рабочую силу и расширить рынки сбыта без каких-либо вложений с их стороны.

Поддержка со стороны государства не будет ограничиваться лишь организационными мероприятиями в направлении оказания помощи по внедрению различных инновационных решений. Предполагается создание универсальных маркетплейсов с ресурсами для реализации продукции (от идеи до рынка) и биржи компетенций в целях увеличения удельного веса интеллектуального труда человека в производственном процессе, повышения эффективности использования человеческого капитала в промышленной сфере. Кроме того, будет осуществляться прямое финансирование, субсидирование процентной ставки при предоставлении льготных кредитов через уполномоченные коммерческие банки и т.д.

При этом в Стратегии отмечается, что объем государственного финансирования проектов по развитию и внедрению сквозных цифровых технологий в 2019–2021 годах уже показал заинтересованность и частного сектора национальных разработчиков программного обеспечения к таким механизмам поддержки создания, внедрения и производства новых компонентов и цифровых продуктов.

Государственная поддержка связывается не только с реализацией перспективных стратегических направлений по цифровой трансформации, но и вызвана недавним прошлым, когда значительное число промышленных предприятий в условиях падения внутреннего спроса и ограничений на внешних рынках могли надеяться исключительно на поддержку государства и отчасти высокую конкурентоспособность в промышленности ЕвразЭС и СНГ. Даже такие самые сильные отраслевые компании, как Газпром и Роснефть в 2019–2020 годах получили чистый убыток, а Норникель в 2021 году — рекордный штраф в 147,7 млрд. рублей после экологических катастроф (примерно 4% от максимальной капитализации компании в начале 2020 г) [6], показали, что во многом исчерпали возможности текущей экстенсивной модели «сырьевой экономики» и нуждаются в государственной финансовой помощи для интенсивного развития.

Власти страны возлагают большие надежды на цифровую трансформацию, рассматривая её в качестве приоритетного направления развития отечественной экономики и социальной сферы при достижении «цифровой зрелости», что подразумевает готовность предприятий отраслей обрабатывающей промышленности встраивания в новый технологический уклад, использующих новейшие достижения цифровых технологий. А в итоге это позволит обеспечить высокую адаптивность в создании и работе бизнес-моделей промышленного производства посредством интеграции сквозных цифровых технологий, а также технологический суверенитет и национальную безопасность РФ.

В соответствии со Стратегией, цифровая трансформация охватит ряд экосистемных проектов, среди которых можно выделить следующие цифровые технологии: «Умное производство», «Цифровой инжиниринг», «Продукция будущего» и «Новая модель занятости». По каждому из них определены целевые индикаторы, разработаны в тесной взаимосвязи с государственными программами, но с ограничением до 2024 года. При этом, в отличие от прошлых аналогичных документов, в Стратегии предполагается внесение ежегодных изменений по актуализации меняющейся ситуации.

Проект «Умное производство» нацелен на создание инфраструктуры и системы поддержки внедрения отечественного программного обеспечения (ПО), а также программно-аппаратных комплексов. Это обеспечит рост эффективности производственных процессов, повысить удельный вес предприятий, применяющих технологии предиктивной аналитики, инженерное ПО, что позволит получить преференции по сравнению с иностранными аналогами. К 2024 году по этому проекту предусматривается: во-первых, со-

здание биржи мощностей на базе государственной отраслевой информационной системы промышленности, а её наличие даст полную информацию о положении дел по загрузке станками, оборудованием и производственными площадями предприятий отраслей обрабатывающей промышленности; во-вторых, при реализации проекта на 45 процентов должно сократиться время вынужденного простоя производственных мощностей, в-третьих, будет повышена на 14,2 процента эффективность работы оборудования за счет новых управленческих решений для него, в-четвертых, сократятся на 30 процентов сроки окупаемости инвестиционных вложений в предприятия отраслей обрабатывающей промышленности.

Проект «*Цифровой инжиниринг*» направлен на создание национальной системы стандартизации и сертификации на основе технологий виртуальных испытаний с использованием технологии «цифровой двойник», что позволит к 2024 г. на половину сократить время выхода на рынок высокотехнологичной продукции.

Проект «*Производство будущего*» ставит целью переход к выпуску кастомизированной (адресной, индивидуальной) продукции под заказы конкретных потребителей путём внесения конструктивных или дизайнерских изменений (обычно — на конечных стадиях производственного цикла), а также внедрение технологий предиктивной (прогнозной) аналитики, позволяющих выстроить схему от «ремонта по регламенту» к «ремонту по состоянию». С помощью использования этих технологий к 2024 году будут сокращены расходы на ремонт и обслуживание высокотехнологичной продукции.

Проект «*Новая модель занятости*» предполагает создание биржи компетенций и набор сервисов с целью нивелирования дефицита профессиональных компетенций, требуемых для цифровой трансформации и обеспечивающих повышение производительности труда. За счет этого к 2024 году доля высококвалифицированных работников обрабатывающих отраслей промышленности, получающих заказы через оптимизированную онлайн-цифровую платформу по предоставлению продуктов и услуг (маркетплейсов), вырастет до 30 процентов.

Успешная реализация этих и других проектов Стратегии в целях достижения технологической независимости определяется, прежде всего, состоянием развития электронной промышленности, особенно в области микроэлектроники. Дело в том, что микроэлектроника пронизывает все современные технологические и технические инновационные решения, от потребительских товаров (холодильников и др.) до ракет

и космических кораблей. Большинство уникальных характеристик любой современной техники обеспечивается именно электронной начинкой.

В постсоветский период России электронной промышленности как для экономики и социальной сферы, так и для обеспечения национальной безопасности не уделялось должного внимания. Электронная промышленность (включая радиоэлектронику) досталась нашей стране концептуально как наследие советской. После окончания великой отечественной войны в разрушенной стране за считанные годы была основана радиоэлектронная промышленность и изобретены одни из первых в мире ЭВМ. И в период оттепели им не было равных стран. Но в последующее время, начиная с 70-х годов прошлого столетия, из-за ряда управленческих ошибок, приоритета идеологии и не эффективности экономики СССР привели к отставанию отечественной электроники от зарубежных аналогов. А развал Союза и «лихие 90-е годы» фактически добились науки и предприятия электронной промышленности, которая в то время разрушалась и перепрофилировалась.

Возрождение отрасли в Российской Федерации началось только с 2010 года, когда была принята государственная программа «Развитие электронной и радиоэлектронной промышленности на 2013–2025 годы». В соответствии с госпрограммой доля отечественной электронной продукции по сравнению с 2011 годом должна вырасти: на внутреннем рынке с 17% до 40%, а на внешнем с 0,3% до 0,8% [5]. А в январе 2020 года правительство приняло амбициозную Стратегию развития электронной промышленности Российской Федерации на период до 2030 года, реализация которой должно обеспечить столь необходимое в современном мире экономическую и стратегическую независимость [3].

Между тем, сегодня дальнейшее становление отечественной электронной промышленности и реализации в целом самого развития России осложняется обострением военно-геополитическими событиями, связанными с проведением специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины. Это вызовет необходимость пересмотра всей концепции экономической и технологической платформы страны, претерпит изменения, ускорив трансформацию процессов под возрастающим санкционным давлением Запада, затормозив ряд перспектив. Но в то же время надвигающиеся новые санкции вряд ли приведут к катастрофическим последствиям, поскольку у всевозможных рестрикций в отношении России имеются естественные ограничения, обоснованные сложившимся порядком глобального пространства и мировым энергетическим и в целом ресурсным кризисом.

Заключение

Для отраслей обрабатывающей промышленности России в настоящее время реализация Стратегии имеет огромное значение не только потому, что цифровая трансформация призвана решить ряд накопившихся проблем в отечественной обрабатывающей промышленности как внутренних — повышение производительности труда за счет модернизации управления производственными процессами, рационального использования ресурсов, роста эффективности производственных мощностей и их полная загруженность, обеспечения высокого конкурентноспособного качества продукции и т.д., так и внешних — снижение технологической зависимости от импорта зарубежного оборудования, полуфабрикатов, материалов и комплектующих и пр. высокотехнологичных изделий, стратегической переориентации сетевых кооперационных цепочек с внешних на внутренние на основе импортозамещения и реиндустриализации промышленного производства.

Это особенно актуально сегодня в связи с реальными геополитическими угрозами против России, вынудив её осуществить кардинальные спецвоенные действия на территории Украины, имеющей для неё две прямо заявленные цели — ликвидация военной инфраструктуры и значительное снижение влияния радикальных националистов на политическую систему Украины.

Такой шаг со стороны нашей страны был вполне оправданным и ожидаемым также, как и последствия от него — это введение дополнительных санкций. Несмотря на их обилие принят новый пакет экономических санкций против России, которые затронут многие отрасли обрабатывающей промышленности, включая ОПК.

Впрочем, попытки такого давления в разных внешних политических и экономических «упаковках» на протяжении всей истории развития нашей страны (в имперской России, СССР и сегодня в современной России) неоднократно предпринимались в известных целях — устранение конкурента на международных рынках, разрушения научно-технологического и оборонно-промышленного потенциала страны, обостре-

ние внутренних социальных и политических проблем путем нанесения масштабного материального ущерба отечественной экономике и социальной сфере, которое может вызвать в российском обществе острую гражданскую напряженность.

В то же время, как представляется, стратегическим плюсом нового витка санкций станет мощный импульс к импортозамещению. Здесь за последние годы уже зримо наметился прогресс в агропромышленном комплексе, некоторых подотраслях транспортного машиностроения, возрождении отечественного самолетостроения.

Вместе с тем на предстоящем длинном пути импортозамещения ещё много «завалов», которые придется преодолеть. И прежде всего в связи с большими разрывами в технологических цепочках, что потребует новых импортных поставок — технологического оборудования, специальных видов сырья, материалов, семенного фонда и др. При этом одним из важнейших препятствий станет импорт зарубежных электронных компонентов, элементов и программного обеспечения, последствия от которого для промышленности и инфраструктуры будут крайне тяжелыми. Речь идет о существенных угрозах не только на зарождающем этапе восстановления российской электронной промышленности, но и о том, что электронные компоненты также как и операционные системы и другие программные продукты иностранного происхождения присутствуют в абсолютном большинстве производственных и информационных систем отечественной промышленности, энергетики, транспорта и т.д. Это вызовет необходимость поиска альтернативных партнеров и трансфер технологий, ориентируясь, прежде всего, на Китай, Индию, возможно и на Иран (правда здесь могут возникнуть риски противодействия Израиля, а также закулисной оси Турции — Британии).

В любом случае сегодня и ближайшем будущем главной проблемой является «заморозка» нарастания противостояния России и Запада с тем, чтобы не допустить развития ситуации не только в военной сфере, но и в экономической по потенциально крайне болезненным для обеих сторон траекториям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Путин В.В. Указ о национальных целях развития России до 2030 года 21 июля 2020 года. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728/>
2. Мишустин М.В. «Стратегия цифровой трансформации обрабатывающих отраслей промышленности в целях достижения их «цифровой зрелости» до 2024 года и на период до 2030 года». <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401415210/>
3. Мишустин М.В. Распоряжением Правительства РФ № 2396-р от 15 декабря 2012 года. Государственная программа «Развитие электронной и радиоэлектронной промышленности на 2013–2025 годы», gosprog-019
4. Алиев А.Т., Титов А.В. Оценка текущего состояния и перспектив развития цифровой индустрии в промышленном производстве России. // «Проблемы экономики и Юридической практики». М.: 2018. — № 4. С. 27–31

5. Алиев А.Т. Веснин В.Р., Суртаева О.С. Проблемы развития отечественных отраслей высокотехнологичных производств в современных условиях стагнации экономики. // Научный вестник ОПК России. № 1, 2020. С. 18–25.
6. Капитализация «Норникеля» на Мосбирже обновила исторический максимум // Ведомости 17–01–2020 Доступ: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2020/01/17/820880-kapitalizatsiya-nornikelya/>
7. Электронный ресурс. // <https://www.popmech.ru/technologies/news-419512-rossiya-ne-voshla-v-dvadcatku-samyh-robotizirovannyh-stran/>
8. Электронный ресурс <https://news.myseldon.com/ru/news/index/245284816>
9. Электронный ресурс // <https://www.sibur.ru/upload/iblock/a9d/a9d530bb2c3ec2d71ad2e10c4f15c0ca.pdf>
10. Электронный ресурс // [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Четвертая_промышленная_революция_\(Industry_Индустрия_4.0\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Четвертая_промышленная_революция_(Industry_Индустрия_4.0))

© Алиев Адик Тагирович (alievadik@yandex.ru),
Балдин Константин Васильевич (kvbaldin@mail.ru), Титов Алексей Викторович (a238@gambler.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

БЮДЖЕТНАЯ ПОЛИТИКА: ВАЖНО УСТРАНИТЬ ДИСПРОПОРЦИИ

BUDGET POLICY: IT IS IMPORTANT TO ELIMINATE IMBALANCES

S. Belousov

Summary. It is difficult to overestimate the role of local budgets in solving national tasks aimed at improving the quality of life of the population. It is the local budget that is as close as possible to the real needs and demands of society, the qualitative satisfaction of which gives positive and effective feedback to residents of municipalities.

The basic and unconditional priorities of the budget policy of any municipality are the principles of maintaining budgetary stability in the conditions of the potential of the economy and really available financial resources.

Keywords: Federal budget, revenue potential, budget policy, expenditure obligations, financial resource, local budget, municipal powers.

Белоусов Сергей Владимирович

К.э.н., доцент, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина»
bsv-gelios@yandex.ru

Аннотация. Роль местных бюджетов в решении общегосударственных задач, направленных на повышение качества жизни населения, трудно переоценить. Именно местный бюджет максимально приближен к реальным потребностям и запросам общества, качественное удовлетворение которых дает положительную и эффективную обратную связь с жителями муниципальных образований.

Базовыми и безусловными приоритетами бюджетной политики любого муниципального образования являются принципы сохранения бюджетной стабильности в условиях потенциальных возможностей экономики и реально располагаемых финансовых ресурсов.

Ключевые слова: Федеральный бюджет, доходный потенциал, бюджетная политика, расходные обязательства, финансовый ресурс, местный бюджет, полномочия муниципалитета.

Введение

Широкий спектр мер по повышению доходного потенциала, эффективному расходованию средств бюджета и снижению долговой нагрузки на бюджет города, применяемых в Сочи, позволил нивелировать риски, связанные с определенным спадом экономики, вызванным распространением коронавирусной инфекции в 2020 году и исполнить все принятые городом расходные обязательства в 2021 году.

Вместе с тем важно отметить, что при исполнении бюджета города дисбаланс между объемом расходных полномочий и источниками их финансового обеспечения становится очевидным. Бюджет Сочи на 2022 год принят с дефицитом. Превышение его расходной части над доходной составляет 850,0 миллионов рублей. Нормативы отчислений доходных источников, установленные в рамках налогового и бюджетного законодатель-

ства, увеличивают финансовую зависимость местных бюджетов от бюджетов вышестоящих уровней.

По итогам 2021 года на территории города во все уровни бюджета мобилизовано свыше 67 миллиардов рублей, при этом на исполнение расходных полномочий муниципалитета в городе осталось только 16,6% от общей суммы собранных доходов (11 миллиардов рублей). Следует отметить, что объем средств от доходных источников, остающихся в городе, от общей суммы доходов, мобилизованных на территории муниципалитета за последние десять лет, имеет тенденцию к уменьшению. Так, в 2010 году доля остающихся в городе доходов в общей сумме доходов, собранных на территории муниципального образования, составляла 28,6%.

Да, мы видим, что объем финансовой поддержки из регионального бюджета в бюджет города Сочи ежегодно растет. Между тем при темпе роста безвозмездных поступлений в 2021 году относительно 2010 года

на 3% такой показатель, как расходы в расчете на одного жителя, сократились на 6% (с 34,4 тысячи рублей в 2010 году до 32,2 тысячи рублей в 2021 году.). Данный фактор обусловлен миграционным приростом населения города. Относительно 2010 года численность сочинцев увеличилась более чем на четверть (26,2%). Таким образом, для полного и качественного исполнения расходных обязательств в условиях недостаточности собственных финансовых ресурсов муниципальному образованию приходится систематически обращаться в вышестоящие бюджеты за дополнительными бюджетными ассигнованиями.

Отдельным проблемным вопросом следует выделить исполнение на территории города переданных государственных полномочий, финансовое обеспечение которых в условиях утвержденных объемов субвенций является крайне недостаточным. Например, задача по обеспечению жильем детей-сирот. Эффективно решить ее при установленном нормативе стоимости жилья, который в разы ниже сложившейся рыночной стоимости недвижимости на территории города, весьма затруднительно. Средняя стоимость одного квадратного метра общей площади жилого помещения в Краснодарском крае на первый квартал 2022 года утверждена Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ в размере 81 587 рублей. При этом средняя рыночная стоимость одного квадратного метра по первичному и вторичному жилью в первом квартале 2022 года в городе Краснодаре составляет 114 446 рублей (расчет произведен на основании семи ценовых предложений). Таким образом, стоимость жилых помещений по городу Краснодару превышает в 1,4 раза среднюю стоимость жилых помещений в крае. Вместе с тем в Сочи в обозначенный период фактическая средняя рыночная стоимость одного квадратного метра составляет порядка 280 тысяч рублей. Это в 3,4 раза выше утвержденной средней стоимости квадратного метра жилого помещения в Краснодарском крае. Полученная разница в ценах отражается дополнительной нагрузкой на местный бюджет по переданным муниципалитету полномочиям.

Отдельные диспропорции возникают при реализации новых масштабных федеральных проектов, затрагивающих вопросы обеспечения значительного круга населения города, в том числе детей.

Начиная с 1 сентября 2020 года город осуществляет реализацию мероприятия по организации бесплатного горячего питания 33 тысяч школьников с 1 по 4 классы (100% детей).

Софинансирование из федерального и краевого бюджетов предусматривает только расходы на приоб-

ретение среднесуточного набора пищевых продуктов для организации горячего питания.

Ежегодный объем денежных средств, выделяемых из федерального и краевого бюджетов, составляет порядка 390 млн. рублей, софинансирование из местного бюджета 25 млн. рублей.

При этом муниципальное образование самостоятельно организует и осуществляет финансирование приготовления горячих блюд.

Муниципальным правовым актом, основанным на нормативе краевого приказа РЭК, предельная средняя наценка на приготовление утверждена в размере 45 процентов к закупочной стоимости сырья и материалов, используемых в кулинарной обработке.

Таким образом, дополнительная нагрузка города Сочи на оплату услуги по приготовлению горячих блюд, которая не софинансируется и не компенсируется из федерального и краевого бюджетов, составляет порядка 186 млн. рублей в год, что является очень затратным.

С 1 марта 2021 года введены в действие санитарные правила и нормы СанПиН 1.2.3685–21 «Гигиенические нормативы и требования к обеспечению безопасности и (или) безвредности для человека факторов среды обитания», которые устанавливают минимальное (обязательное) количество работников пищеблока в образовательных организациях, минимальный (обязательный) перечень оборудования производственных помещений столовых образовательных организаций и базовых предприятий питания.

В целях выполнения требований вышеуказанных правил в полтора раза увеличено количество работников пищеблоков, соответственно возросли экономически обоснованные затраты на приготовление.

Вместе с тем аудит пищевых блоков также показывает, что износ оборудования в 70% учреждений (порядка 47 школ) составляет 100%, ориентировочная потребность в бюджетных средствах для замены оборудования в настоящее время составляет более 115 млн. рублей.

Мероприятие по капитальному ремонту и переоснащению пищевых блоков в муниципальных школах софинансируется из краевого бюджета точечно в пределах финансовых возможностей (2–3 пищевых блока в год).

Таким образом, расчетно муниципальное образование ежегодно затрачивает более 200 млн. рублей

собственных средств на решение вышеуказанных мероприятий.

Такая дополнительная нагрузка является очень высокой для дефицитного и дотационного бюджета города. Существует острая потребность в компенсации (софинансировании) бюджету муниципального образования из вышестоящих бюджетов части затрат, связанных с оплатой услуги по приготовлению горячих блюд, в размере 94 процента от действующих расходных обязательств.

Заключение

Безусловно, работа, проводимая в городе Сочи по повышению доходного потенциала, приносит положительные результаты. Они выражены в динамике поступлений доходов в местный бюджет.

Одним из приоритетных направлений деятельности по мобилизации доходов в бюджет и вовлечению дополнительных источников является работа по эффективно использованию муниципального имущества, в том числе вовлечению в оборот неиспользуемых (используемых не по назначению) объектов недвижимости.

Также акцент делается на проведение мероприятий по вовлечению сумм задолженности по налоговым и неналоговым доходам. Положительные результаты по этому направлению приносит также использование аппаратно-программного комплекса «Дорожный пристав».

Кроме того, проводится работа по сокращению «неформальной» занятости, доведению заработной платы работникам до среднеотраслевого уровня, реализуются мероприятия по поэтапной отмене неэффективных льгот, пониженных ставок по местным налогам — земельному налогу, налогу на имущество физических лиц, проводится работа по легализации налоговой базы, в том числе за счет выявления фактов нелегальной сдачи в аренду физическими лицами объектов жилой недвижимости.

Однако при всей действенности принимаемых мер они недостаточны, чтобы обеспечить все потребности муниципалитета, ввиду сохранения диспропорции между задачами, стоящими перед органами местного самоуправления и уровнем финансового обеспечения, необходимого для их эффективного решения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 N145-ФЗ (ред. от 22.12.2020) // «Собрание законодательства РФ», 03.08.1998, N31, ст. 3823.
2. Налоговый кодекс РФ. Часть первая [Электронный ресурс]: от 31.07.1998 № 146-ФЗ: (ред. от 15.02.2016 N32-ФЗ, от 05.04.2016 N101-ФЗ, от 05.04.2016 N102-ФЗ, от 26.04.2016 N110-ФЗ, // Консультант Плюс. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
3. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть вторая [Электронный ресурс]: от 13.07.2015 № 214-ФЗ, № 232-ФЗ (ред. от 10.10.2016) // Консультант Плюс. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.
4. Болтинова О.В. Бюджетное право / О.В. Болтинова. — М.: Норма, Инфра-М, 2017. — 288 с.
5. Годин А.М. Бюджетная система РФ: Учеб. пособие. — М.: Издательский Дом «Дашков и К°», 2017. — 324 с.
6. Мысляева, И.Н. Государственные и муниципальные финансы [Электронный ресурс]: учеб. для вузов по специальности Гос. и муницип. упр. / И.Н. Мысляева. — 3-е изд. — Документ Bookread2. — М.: ИНФРА-М, 2014. — 392 с.
7. Балтина А.М. Бюджетная политика и финансовый менеджмент расходов в общественном секторе: методология взаимосвязи и механизм реализации: автореф. / А.М. Балтина; Саратов. гос. соц.-экон. ун-т. — Саратов, 2011. — 34 с.
8. Гаджиев И.А. Государственные и муниципальные финансы (учебник) / И.А. Гаджиев // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. — 2014. — № 3–2. — С. 238–239.

© Белоусов Сергей Владимирович (bsv-gelios@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ УСТОЙЧИВОСТИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В РОССИИ

ECONOMIC TOOLS FOR THE SUSTAINABILITY OF INDUSTRIAL ENTERPRISES IN RUSSIA

L. Butuzova

Summary. The article deals with the problems of macroeconomics during the period of instability, sanctions against Russia, as well as in connection with the aggravated international geopolitical situation. The author proposes for consideration two tools for the sustainability of industrial enterprises in Russia at the present time. The work of industrial enterprises, both individually taken and united in industrial clusters, dictates the need for the introduction of goods and services in the country related to the contours of import substitution and value. The need for the introduction of import substitution processes is based more on ensuring the state security of the country than on economic enrichment. The contour of the quality of goods produced by domestic industrial enterprises is directly related to the goal of strategic social expediency.

Keywords: associations, industrial enterprises, investments, competitiveness, import substitution contour, goods and services quality contour, economic tools.

Бутузова Лариса Леонидовна

*К.э.н., доцент, Российская Академия Народного
Хозяйства и Государственной Службы при Президенте
РФ, г. Москва
lbtzz@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы макроэкономики в период нестабильности, санкций против России, а также в связи с обострившейся международной геополитической обстановкой. Автором предлагается к рассмотрению два инструментария устойчивости промышленных предприятий в России в настоящее время. Работа промышленных предприятий, как отдельно взятых, так и объединенных в промышленные кластеры, диктует необходимость по введению в стране товаров и услуг, связанных с контурами импортозамещения и качества. Потребность для внедрения процессов по импортозамещению основывается больше на обеспечении государственной безопасности страны, чем на экономическом обогащении. Контур качества производимой отечественными промышленными предприятиями товаров непосредственно связан с целью стратегической социальной целесообразности.

Ключевые слова: объединения, промышленные предприятия, инвестиции, конкурентоспособность, контур импортозамещения, контур качества товаров и услуг, экономический инструментарий.

Экономическое развитие российской экономики, как и мировой экономики в целом — это сложный и многогранный процесс, состоящий не только из экономического подъема и структурной диверсификации внутри экономики, а также из активного роста условий существования населения.

Наблюдая экономическое развитие общества как противоречивый и трудный для исследования процесс, становится очевидным, что данный процесс не способен двигаться по нарастающей. Это связано с тем, что в становлении прослеживается ряд нарушений, включая циклы подъема и спада, экономические конверсии по количеству и качеству, выгодно или негативно сказывающиеся направления в экономике. Касаясь отрицательных тенденций, здесь можно привести как минимум два важных фактора снижения экономических показателей российской экономики. Например, к негативным тенденциям в настоящем, как уже отмечалось выше, помимо чисто нестабильных макроэкономических факторов сдерживания экономики, мы имеем, во-первых, введение в 2014 году Евросоюзом секторальных эко-

номических санкций: для российских государственных банков лимитируется доступ к рынкам Европы; на реализацию оружия учреждается запрет; в отношении товаров бинарного функционала устанавливается вето; частично блокируется доступ к производству в сфере нефтедобычи и транзита газа, таким, как «Северный поток-2». Все это время данные санкции продляются и становятся все серьезнее для российской экономики. Во-вторых, небывалый урон мировой экономике в целом, и, соответственно, российской экономике, нанесла пандемия коронавирусной инфекции. Согласно доклада Роспотребнадзора «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в РФ в 2020 году» пандемия, связанная с COVID-19, в 2020 году привела экономику России к потере почти 1 трлн. рублей ценового индекса. Более точная цифра ущерба, причиненного экономике РФ, была опубликована ведомством. Итак, в минувшем году экономика России потеряла 997,06 млрд рублей, что в 1,4 раза выше, чем общий ущерб, причиненный всеми остальными инфекционными заболеваниями. Стоит отметить, что в данной цифре не учтена утрата произведенного ВВП [4].

Как известно, развитие рыночной экономики на этапе индустриального общества выявило такие особенности, как цикличность [3]. Непременно за спадом следует подъем социального-экономического производства. ВВП России в 2021 году стал частью текущих ожиданий Центробанка, то есть оказался в пределах 3–4%. О данном факте упоминается в докладе Банка России «Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2022 г. и период 2023 и 2024 гг.», обнародованном 2 сентября 2021 года [5]. Как отмечается в докладе, опираясь на ключевой прогноз экономика России способна вернуться на путь допустимого темпа роста с 2022 г. В 2021 г. прирост ВВП составил 4–4,5%, в 2022–2024 гг. данный темп спадет до 2–3% в год. Отсюда следует вывод, что во 2, 3 кварталах 2021 года российская экономика прошла пик восстановительного периода после пандемии и вышла на уровень замедления роста ВВП, отмечают многие эксперты.

Текущие внешние и внутренние макроэкономические условия определяют реальность во всех экономических областях России, в их число вошли и промышленные предприятия. На высокий уровень восстановления вернулась сырьевая и несырьевая промышленность: за минувший год второго полугодия он составлял уже 3,2% против 0,1% в первом квартале того же года и превзошел докризисные показатели. Среди основных факторов, увеличивающих рост промышленного сектора экономики, является переориентация выпуска продукции предприятий России на внутренний рынок. Спрос продукции промышленных предприятий на внутреннем рынке определяет контур импортозамещения товаров. Особое внимание следует уделить качеству выпускаемой российскими предприятиями продукции в рамках здоровой конкуренции. Пристальное внимание уделяется значительности конкуренции в момент упадка экономики и последующего восстановления. Конкуренция представляется стержневой темой, поскольку она сопряжена с активным развитием, доставляет предприятиям стимулы к введению инноваций, чтобы выходить на рынок и расти. Конкуренция — это еще один контур экономического подъема в период постпандемического спада, способствует уходу, разорению тех предприятий, кто менее эффективен. Укрупнение региональных кластеров промышленных предприятий приводит к гарантированности установления конкурентоспособной деятельности среды, способствующей перераспределению ресурсов в пользу более крупных объединений предприятий против менее производительных. Как уже отмечалось автором в работах [1] и [2], формирование объединений промышленных предприятий в инновационные кластеры имеют ряд преимуществ. Кластерам легче внедрять новые технологии или бизнес-модели, у них

больше шансов на получение государственной поддержки, и, следовательно, вероятность их конкурентоспособности на рынке выше.

Как показывает анализ результатов деятельности предприятий за 2021 год, пандемия оказала сильное и дифференцированное воздействие на предприятия. Рассматривая деятельность небольших фирм, молодых предприятий и компаний, которыми руководят женщины видно, что даже в начале 2022 года эти организации не смогли вернуть тот объем товарооборота, который был до начала первой волны пандемии в 2020 году. Однако, импортозамещение и конкуренция на внутреннем рынке позволили России уменьшить потребность в товарах импортного производства и отыскать дополнительные ресурсы для экспорта. Так, например, законопроект о «суверенном интернете», направлением которого является развитие механизма исправной работы отечественных интернет-ресурсов не зависимо от зарубежных серверов, призван обеспечить отечественным ПО более половины софта. Если рассматривать такие сферы экономики, как фармацевтика и автомобилестроение, то здесь нельзя говорить о таком феномене, как импортозамещение. Однако, в агропромышленном комплексе (далее — АПК) Россия добилась высоких результатов. Это, в первую очередь, цифровая трансформация и цифровизация АПК, внедрение успешных бизнес-кейсов, подготовка и привлечение специалистов в ВУЗах страны. Проанализировав ситуацию, эксперты пришли к выводу, что значительная доля российских сельхозпроизводителей применяет в работе беспилотные летательные аппараты, специальное программное обеспечение и технологии искусственного интеллекта. В макроэкономическом фокусе мы наблюдаем такие меры поддержки АПК как лизинг и страхование. С 1 марта 2022 года в России вступает в силу закон «О сельскохозяйственной продукции, сырье и продовольствии с улучшенными характеристиками», который будет способствовать повышению доступности для населения продукции сельского хозяйства, обладающей улучшенными характеристиками, а также помогать в получении информации о такой продукции. Можно также отметить положительные изменения в сегменте производства и переработки молока и молочной продукции. Таким образом, отечественные производители молока и молочной продукции более активно занялись импортозамещением, что снизило размер импорта приблизительно на четверть. За последние годы наблюдается резкое наращивание объемов экспорта отечественной молочной продукции. По результатам 2020 года экспорт увеличился более чем на 20%, данная динамика осталась и на 2021 год.

Всё то же ведущее место в структуре ВВП отводилось российской индустрии, а это означало, что от эф-

фективности выработки зависела не только прибыльность конкретных структур, а и экономический подъем всей страны в целом. Особый упор делался на привлечение регионов для урегулирования вопросов, связанных с инновационным промышленным становлением. Для этого были разработаны все условия по развитию в субъектах РФ многопрофильной промышленной инфраструктуры в формате новаторских групп индустриальных предприятий[1]. Сравнивая с показателями 2012 года видно, что число региональных промышленных парков возросло в 4 раза. Для достижения таких результатов последние шесть лет обновилось и создано более 8,5 тыс. государственных стандартов, соответствующих международным. На поддержку экспорта сформирована совокупная инфраструктура. В условиях импортозамещения со становлением внутренней

торговли, глава Минпромторга России Денис Мантуров заявил о том, что данное подразделение в экономике образует приблизительно 16% ВВП.

В нынешней международной ситуации, где на Россию оказывается сильнейший внешнеполитический и военно-политический натиск, можно с уверенностью утверждать, что наша страна способна не только выжить, но и стабильно развиваться, применяя импортозамещение и конкурентоспособность внутри страны. В данное время тренд для экономической реструктуризации модели развития государства через переход к импортозамещающему производству и технологии в стратегических отраслях промышленности определяет и соответствует глобальным вызовам, с которыми наше государство сталкивается.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бутузова Л.Л. Производственно-инновационные кластеры как новые формы активизации инновационной деятельности // *Предпринимательство*, 2011, № 2, С. 6–14.
2. Бутузова Л.Л. Теоретико-методические вопросы формирования и развития промышленных кластеров // *European Social Science Journal*, 2014, № 3–2 (42), С. 459–466.
3. Мэнкью, Н.Г. Принципы макроэкономики. 4-е изд. // Перевод с англ. СПб, Питер, 2012–544 с.: ил. — (Серия «Классический зарубежный учебник»)
4. О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2020 году: Государственный доклад. М.: Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, 2021. 256 с. // Доступ по ссылке: https://www.rospotrebnadzor.ru/documents/details.php?ELEMENT_ID=18266
5. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2022 г. и период 2023 и 2024 гг. // Доступ по ссылке: https://cbr.ru/about_br/publ/ondkp/on_2022_2024/

© Бутузова Лариса Леонидовна (lbtzz@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОМПЛЕКСНАЯ ОЦЕНКА УРОВНЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННО-АКТИВНЫХ ОТРАСЛЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

COMPREHENSIVE ASSESSMENT OF THE LEVEL OF TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT OF INNOVATIVE AND ACTIVE INDUSTRIES

Yu. Vertakova
Yu. Polozhentseva
M. Klevtsova

Summary. The article substantiates the need to assess the level of technological development of industry. The classification of the levels of technological development of the industry was carried out using one-dimensional criteria: the intensity of R&D, the level of innovation, technological provision, and on the basis of multidimensional classifications. The authors studied the differentiation of technological intensity from a macroeconomic point of view, depending on the distribution by industry sectors and the release of innovative products.

Keywords: technological development, industry, technical re-equipment, integrated assessment.

Вертакова Юлия Владимировна

*Д.э.н., профессор, Финансовый университет при
Правительстве РФ (Курский филиал)*
vertakova7@yandex.ru

Положенцева Юлия Сергеевна

*К.э.н., доцент, Юго-Западный государственный
университет (Курск)*
polojenceva84@mail.ru

Клевцова Мария Геннадьевна

*К.э.н., доцент, Юго-Западный государственный
университет (Курск)*
klevtsovam@mail.ru

Аннотация. В статье обоснована необходимость оценки уровня технологического развития промышленности. Проведена классификация уровней технологического развития промышленности с использованием одномерных критериев: интенсивность НИОКР, уровень инноваций, технологическая обеспеченность, так и на основе многомерных классификаций. Авторами исследована дифференциация технологической интенсивности с макроэкономической точки зрения в зависимости от распространения по секторам промышленности и выпуску инновационных продуктов.

Ключевые слова: технологическое развитие, промышленность, техническое перевооружение, интегральная оценка.

Постановка проблемы

Цифровая трансформация экономических систем формирует новые вызовы для обеспечения стабильного роста и развития страны. При этом происходит переориентирование государства на трансформацию структуры промышленного производства в соответствии с ключевыми факторами формирования технологического уклада, такими как технологические возможности, развитость инфраструктуры, персональные потребности населения, требования экономической эффективности и экологически безопасности устойчивого развития. Формирование и переход к новому технологическому укладу учитывающему глобальную цифровизацию всех сфер жизни человека является основным стимулом для экономического роста стран в долгосрочном периоде. Поэтому основным направлением экономической политики стран должно стать осуществление трансформации промышленности на основе национальной технологической интенсивности, включающей анализ развития высокотехнологичных и низкотехнологичных отраслей, скорость внедре-

ния инновации, создание новых технологий, развитие инфраструктуры, повышение конкурентоспособности.

Такие факторы как опережающее устойчивое развитие инновационной инфраструктуры для новых отраслей и устранение барьеров регулирования для вывода на рынок высокотехнологичной продукции являются базой для формирования структурно сбалансированной и конкурентоспособной промышленности и позволяет обеспечить ее интеграцию в мировую технологическую среду.

Следовательно, с точки зрения государственной политики необходимо выявлять такие точки промышленного роста и, в дальнейшем, продвигать те сектора промышленности, которые демонстрируют одновременно высокий уровень инновационного развития и конкурентоспособности с точки зрения международной экономики. Инструментарий формирования подобных точек роста достаточно разнообразен. И целесообразным считаем использование не отдельных частных критериев, которые имеют ограниченное поле приме-

нения, а построение сводного интегрального индекса, с помощью которого можно проводить оценку технологического развития промышленности.

Анализ последних исследований и публикаций

Особенности измерения технологического развития отраслей промышленного сектора изложены в работах: Фоломьева А.Н. [6], Глазьева С. [4], Бабкина А.В. [1], Балацкого Е.В. [2], Бодрунова С.Д. [3], Павлов К. [5] и др.

Зарубежный опыт исследования особенностей развития отраслей высокотехнологичного сектора представлен в работах Т. Hatzichronoglou [11], Р. Patel and К. Pavitt [16], Р.Р. Krugman and М. Obstfeld [17], W.L. Shankling and J.K. Ryans [21], D. Keeble [13] и др. Систематизация исследований показала необходимость совершенствования инструментария измерения уровня технологического развития промышленности.

Императивы технологической конвергенции рассмотрены в работах таких зарубежных авторов как Fang L.; Guo X. [8], Lei D.T. [14].

Методологические аспекты измерения уровня технологического развития изложено в значительном количестве работ, посвященных инновационному и технологическому развитию: J.W. Medcof [15], D. Felsenstein and R. Barel [9], M. Tushman and P. Anderson [22], P. Carroll, E. Pol, P.L. Robertson [18], Y. Polozhentseva, M. Klevtsova, E. Leontyev [19], Y. Vertakova, M. Klevtsova, A. Rushkova [23].

Особенности измерения и анализа уровня технологического и инновационного развития в отдельных отраслях с учетом практической апробации представлено в работах Kim J.H.; Lee, Y.G. [12], Hanh S.T.P.; Anh N.N.; Johnston A. [10], Cardinal L.B. [7], Reed F.M.; Walsh K. [20].

Цель статьи

Цель статьи заключается в многомерном анализе уровня технологического развития промышленности стан на основе прямой и косвенной технологической интенсивности, и формировании ключевых направлений ее трансформации промышленности с учетом вызовов 4-й промышленной революции

Основные результаты исследования

Формирование новой технологической базы в промышленном секторе основано на внедрении современных технологий. При этом трансформация институцио-

нальной среды предопределяет как создание нового устройства экономической системы, так и изменение экономической конъюнктуры. Таким образом, в современном обществе под влиянием структурно-динамических процессов создается инновационная система формирования экономического потенциала отраслей промышленности

Технологические изменения и, в частности, инновации являются основным двигателем долгосрочного экономического роста. Это означает, что экономическое процветание страны во многом зависит от ее способности к инновациям, поскольку именно технологические инновации является ключевым фактором роста в развитых странах. Однако эмпирические данные свидетельствуют о том, что технологическое развитие и инновационность территории напрямую зависит от уровня инновационного развития ведущих отраслей или отраслей, которые составляют основу экономики страны.

Следовательно, с точки зрения государственной политики было бы целесообразно выявлять и продвигать отрасли, демонстрирующие высокий уровень инноваций. Часто утверждается, что высокотехнологичные отрасли промышленности, в отличие от низкотехнологичных, удовлетворяют обоим условиям, что подразумевает, что государственная политика должна быть направлена на повышение эффективности высокотехнологичных секторов.

С нашей точки зрения, и государственная политика, и корпоративная стратегия должны основываться на надежных показатели технологических характеристик. Акцент в политике следует делать на наукоемкие отрасли, поскольку они оказывают большее влияние на рост экономики страны.

В данном случае можно говорить о возможности оценки уровня технологического развития территории, региона, конкретной страны, как с позиции группы одномерных показателей, так и с точки зрения многомерных показателей. Таким образом, можно построить индексы технологической интенсивности, полезные для различных целей, те, которые используются в настоящее время и предлагаются в экономической литературе, в основном, имеют ограниченную сферу использования. Отчасти это является отражением технических нюансов, связанных с формулированием и введением в действие индексов, но он также отражает проблемы в исходной гипотезе, а именно, о том, что технологически интенсивные сектора в большей степени стимулируют инновационное развитие государства, чем низкотехнологичные отрасли. Нами в исследовании выдвинута гипотеза о том, что и высокотехнологич-

Таблица 1. Динамика внутренних расходов на НИОКР (ВРНИОКР) по секторам деятельности (R&D Intensity), мил. евро.

Страны	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Китай	159004	203 201	213 225	230778	252 019	275728	297088
Франция	47918	49839	49650	50619	51 837	53158	53820
Германия	84246	88781	92173	99553	104 669	109322	114499
Италия	21781	22157	23171	23793	25 232	25909	26723
Япония	124530	12981	140694	138207	137 415	144381	147796
РФ	16 633	13 436	12755	15 456	13 887	15 661	16 634
Великобритания	37960	43573	40426	39704	41 903.35	44 364	41918
США	358644	446231	466699	485955	492 424	542176	572904

https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/rd_e_gerdtot/default/table?lang=en

Таблица 2. Динамика глобального инновационного индекса (Global Innovation Index (GII)).

Страны	2016		2017		2018		2019		2020	
	Баллы	Ранг								
Канада	54,7	15	52,7	18	53	18	53,9	17	52,26	17
Китай	50,6	25	52,5	22	53,1	17	54,8	14	53,28	14
Франция	54	18	54,2	15	54,4	16	54,2	16	53,66	12
Германия	57,9	10	58,4	9	58	9	58,2	9	56,55	9
Италия	47,2	29	47	29	46,3	31	46,3	30	45,74	28
Япония	54,5	16	54,7	14	55	13	54,7	15	52,7	16
РФ	38,5	43	38,8	45	37,9	46	37,6	46	35,63	47
Великобритания	61,9	3	60,9	5	60,1	5	61,3	5	59,78	4
США	61,4	4	61,4	4	59,8	6	61,7	3	60,58	3

<https://www.statisticstimes.com/ranking/global-innovation-index.php>

ные и низкотехнологичные отрасли оказывают влияние на технологическое развитие страны, а, следовательно, целесообразно скорее говорить о высокотехнологичном или низкотехнологичном развитии региона, что в свою очередь непосредственно связано с прямой и косвенной технологичностью развития всех сфер производства.

На первом этапе исследования нами рассмотрены стандартные одномерные индикаторы, предназначенные для классификации стран в соответствии с уровнем их технологической интенсивности.

Дальнейшее понимание условий, определяющих высокотехнологичные (или низкотехнологичные) регионы, может быть получено путем учета различных показателей, таких как внутренние расходы на НИОКР (ВРНИОКР) (R&D Intensity), глобальный инновационный индекс (Global Innovation Index (GII)), индекс эффективности инноваций (Innovation Efficiency Index), инновационные товары и услуги (Creative goods and services), индекс он-лайн креативности (Online creativity).

Для комплексного анализа и оценки «общей технологической интенсивности» нами объединены два частных понятия: 1. прямая интенсивность НИОКР (расходы на НИОКР), и 2. косвенная интенсивность НИОКР или «воплощенная технология», определяемая как приобретенная технология (т.е. технология, воплощенная в промежуточных и инвестиционных товарах, используемых в экономике), разделенных на производство. Прямая интенсивность отражает производство технологически инновационных продуктов, а косвенная — их внедрение и апробацию.

Для анализа на основе данных концепций нами предлагается использовать следующие показатели:

1. Прямая технологическая интенсивность (DTI), отражающая развитие производственных технологий и инновации (таблица 1–3).

Предположим, что низкий уровень по показателям прямой технологической интенсивности характерен для значений Score от 0–30, средний — для 31–60, вы-

Таблица 3. Измерение уровня прямой технологической интенсивности.

Страны	R&D Intensity*	Глобальный инновационный индекс	Прямая технологическая интенсивность
Канада	-//-	средний	средний
Китай	высокий	средний	выше среднего
Франция	низкий	средний	ниже среднего
Германия	средний	средний	средний
Италия	низкий	средний	ниже среднего
Япония	средний	средний	средний
РФ	низкий	средний	ниже среднего
Великобритания	низкий	средний	ниже среднего
США	высокий	высокий	высокий

*оценка проведена только по сформированной выборке

Таблица 4. Динамика показателей косвенной технологической интенсивности.

Страны	2016		2017		2018		2019		2020	
	Баллы	Ранг								
Индекс эффективности инноваций (Innovation Efficiency Index)										
Канада	0,7	57	0,6	59	0,61	59	0,62	59	0,6	60
Китай	0,9	7	0,9	3	0,92	3	0,91	3	0,9	3
Франция	0,7	44	0,7	35	0,72	35	0,73	35	0,7	35
Германия	0,9	9	0,8	7	0,83	7	0,84	7	0,8	8
Италия	0,7	33	0,7	31	0,7	31	0,71	30	0,7	31
Япония	0,7	65	0,7	49	0,68	49	0,69	39	0,7	32
РФ	0,6	69	0,6	75	0,58	75	0,59	74	0,5	75
Великобритания	0,8	14	0,8	20	0,77	20	0,76	20	0,8	19
США	0,8	25	0,8	21	0,76	21	0,78	19	0,8	20
Инновационные товары и услуги (Creative goods and services)										
Канада	25,89	51	20,73	57	21,21	66	24,7	45	24	39
Китай	31,86	38	31,35	29	35,15	28	35,2	15	39,7	12
Франция	37,97	22	34,53	19	36,74	24	26,6	39	28,4	31
Германия	34,44	29	31,69	28	33,67	32	26,3	41	27,6	33
Италия	29,43	45	25,81	44	29,31	44	21,7	51	22,1	47
Япония	38,26	20	34,31	21	40,29	16	30,9	26	30	27
РФ	23,29	59	18,91	61	13,34	81	9,8	88	9,1	81
Великобритания	48,57	7	45,63	6	56,97	2	40,4	8	41,6	10
США	49,79	6	48,24	5	51,02	5	43,8	5	44,2	7
Индекс он-лайн креативности (Online creativity)										
Канада	61,23	8	56,93	11	42,75	17	39,4	17	50,6	17
Китай	2,97	92	7,76	104	2,77	84	2,7	79	4,1	93
Франция	37,56	25	43,01	26	35,92	24	35,7	23	45,6	25
Германия	60,48	10	60,37	8	48,79	10	44,4	14	59,1	11
Италия	34,24	28	38,58	29	21,68	33	19,4	36	31,6	34
Япония	21,59	40	25,05	50	16,13	45	11,6	49	24,2	48
РФ	17,14	46	30,05	39	16,23	44	12,1	47	25,3	44
Великобритания	75,84	4	68,67	4	54,48	7	51,6	11	61,6	10
США	60,16	11	65,44	7	40,5	19	37,5	19	50,4	18

<https://knoema.ru/GII2018Aug/global-innovation-index-2020>; <https://knoema.ru>

*самыми высокими значениями обладает Гонконг (64,4) и ОАЭ (53,8), поэтому оценка проведена по сформированной выборке

Таблица 5. Измерение уровня косвенной технологической интенсивности.

Страны	Индекс эффективности инноваций	Инновационные товары и услуги	Индекс он-лайн креативности *	Косвенная технологическая интенсивность
Канада	средний	средний	средний	средний
Китай	высокий	высокий	низкий	средний
Франция	высокий	средний	средний	выше среднего
Германия	высокий	средний	высокий	высокий
Италия	высокий	средний	средний	выше среднего
Япония	высокий	средний	низкий	средний
РФ	средний	низкий	низкий	низкий
Великобритания	высокий	высокий	высокий	высокий
США	высокий	высокий	высокий	средний

сокий уровень 61–100 (для неизмеримых показателей) и на этом основании проведем измерения уровня прямой технологической интенсивности (табл. 3).

Таким образом, на основе показателей прямой технологической интенсивности можно говорить о том, что США обладают наиболее высоким уровнем развития, Китай – выше среднего, Канада, Германия и Япония — средним, остальные страны – ниже среднего, что характеризует общий уровень вложений и производства высокотехнологичных продуктов в стране.

2. Косвенная технологическая интенсивность (ТИ), отражающая использование технологий при создании продукта (таблица 4–5).

Аналогично нами проведено исследование показателей, отражающих косвенную технологическую интенсивность.

Совокупная оценка косвенной технологической интенсивности представлена в таблице 5.

Можем говорить о том, что по данному показателю наиболее высоким уровнем технологического развития характерен для Великобритании, Италии, Франции, Германии, т.е., по сути, другому блоку стран в отличие от прямой технологической интенсивности.

По результатам исследования можно сделать следующие выводы, во-первых, несмотря на высокий уровень агрегирования, мы обнаружили, что только Германию можно однозначно классифицировать как высокотехнологичную страну, а РФ и Канаду как страны, обладающие относительно низким уровне технологического развития. Анализ, проведенный в исследовании, показывает, что, например, Китай является среднетехнологичной страной в соответствии с уровнем косвенной технологической интенсивности,

но высокотехнологичной, если смотреть с точки зрения уровня прямой технологической интенсивности, и, следовательно не является устойчивой с точки зрения технологического развития.

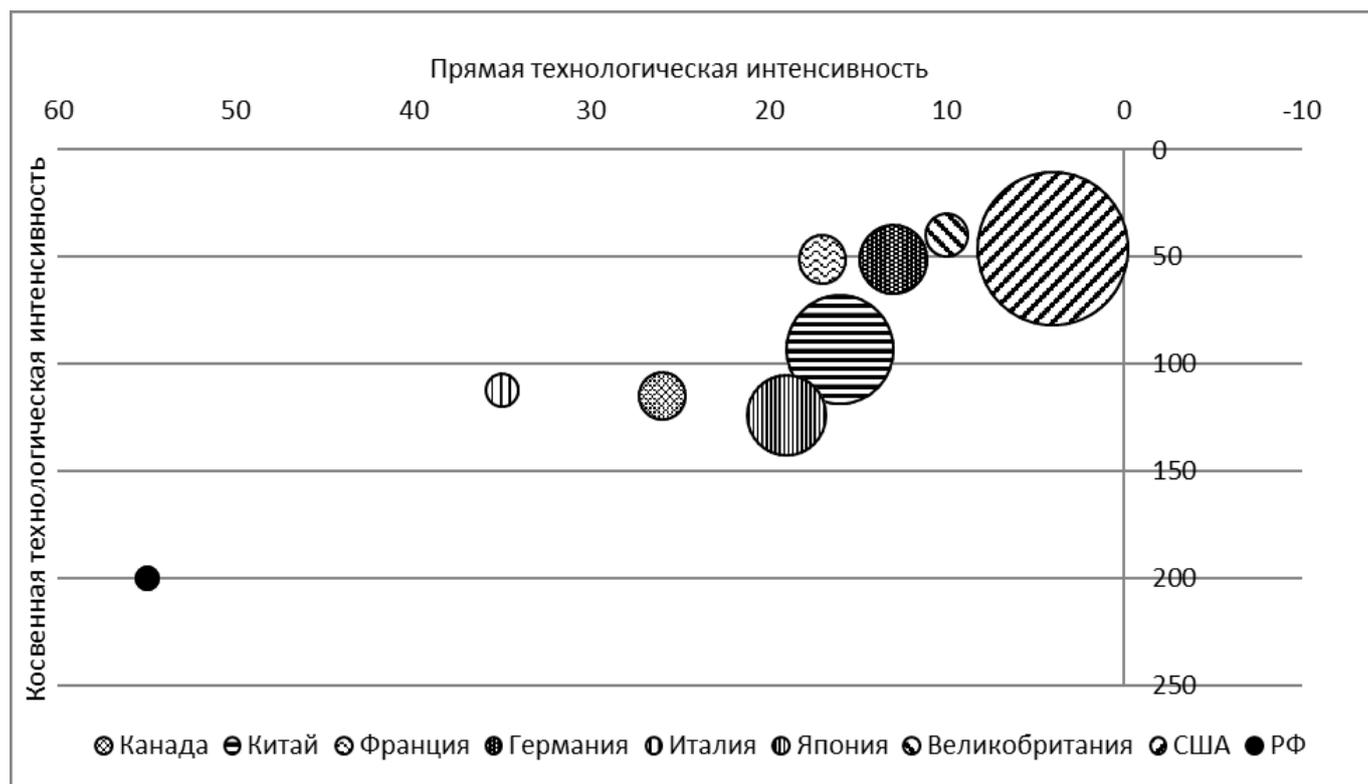
Во-вторых, высокотехнологичные отрасли не всегда соответствуют критериям высоких технологий. Это подтверждает, тот факт, что граница между высокотехнологичными и низкотехнологичными странами в лучшем случае размыта и целесообразно оценивать многомерные показатели.

Таким образом, эти измерения показывают вариации между странами, которые могут иметь значительную величину, и, как результат, имеет ограниченное применение при формулировании государственной политики или стратегии управления.

К странам с высоким уровнем инновационного развития можно отнести те, в которых наблюдается высокий уровень общей технологической интенсивности, т.е. в совокупности уровень прямой и косвенной технологической интенсивности выше среднего. В таких странах можно говорить об устойчивой технологичности, т.е. необходимо исследовать многомерные показатели (рис. 1).

В соответствии с рисунком 1 можем говорить о том, что наибольшем уровне устойчивой технологичности обладают такие страны как США и Великобритания, однако, как можно видеть по диаметру фигуры уровень R&D Intensity существенно выше в США. Таким образом, можно говорить о том, что измерение не двумерное, а обладает признаками трехмерного измерения (прямая и косвенная технологическая интенсивность и устойчивая технологичность).

Несоответствия между «оптимальными» уровнями прямой и косвенной технологичности, наблюдаемыми в конкретной стране, подразумевают неопределен-

*диаметр круга характеризует объем R&D Intensity

Рис. 1. Диагностика многомерного показателя общей технологической интенсивности

ность государственного регулирования, поскольку существует выбор использования прямой технологической интенсивности или непрямой технологической интенсивности для перехода на международные стандарты исследования. Исходя из проведенного анализа и с учетом целей экономического развития промышленного сектора стран, выделены ключевые направления приоритетного технологического развития промышленности, представленные на рисунке 2.

Реализация выделенных ключевых направлений приоритетного технологического развития промышленности будет способствовать формированию высокотехнологичной, конкурентоспособной промышленности способной обеспечить занятость и повысить уровень жизни населения страны в целом. Стратегические программы и проекты государства должны согласовываться с ключевыми направлениями, заявленными в стратегиях и программах корпораций, а также учитывать планы отдельных организаций промышленного сектора. Эффективное развитие и внедрение новых технологий в инновационно-активных отраслях промышленности содействует увеличению их финансовых возможностей и большей самостоятельности при формировании государственной экономической политики и основного вектора экономического роста.

Выводы. Периодические кризисы и циклическое развитие экономической системы оказывает негативное влияние на динамику ключевых индикаторов развития промышленности. Одним из ключевых мировых технологических лидеров является США, где 60% производительных сил страны функционируют в пятом технологическом укладе, и в шестом — 5%. В России только 10% технологий — пятый технологический уклад, более 50% — четвертый уровень и почти треть — третий. Поэтому если уровень прямой и косвенной технологической интенсивности промышленного производства имеет положительную тенденцию развития и само производство промышленной продукции представляется перспективным, то сложившаяся тенденция развития способствует экономическому росту и независимости государства.

Результаты исследования заключаются в анализе тенденций развития промышленности на основе мониторинга динамики групп одномерных показателей характеризующих развитие общей технологической интенсивности инновационно-активных отраслей промышленности. Определен уровень технологической интенсивности, учитывающий инновационную активность отраслей промышленного сектора. Выделены ключевые направления приоритетного технологиче-

Рис. 2. Ключевые направления приоритетного технологического развития промышленности

ского развития промышленности на основе формирования основ новой парадигмы экономического развития в эпоху технологической, социальной трансформации и обоснование стратегической технологической конкурентоспособности промышленных предприятий для обеспечения глобального технологического лидерства страны. При этом необходимо учитывать, что в ситуации снижающегося не только в стране, но и в мире спро-

са на продукцию почти всех промышленных отраслей, усиливается роль государства в создании условий для развития и роста экономики в целом, и промышленных отраслей в частности, обеспечивающих национальную безопасность экономики. Все это свидетельствует о необходимости технологической трансформации экономики и росте стратегической технологической конкурентоспособности промышленных предприятий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабкин, А.В. Интегрированные промышленные структуры как экономический субъект рынка: сущность, принципы, классификация [Текст] / А.В. Бабкин // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия «Экономика». — 2014. — № 4. — С. 7–23.
2. Балацкий, Е.В. Сдвиги в отраслевой структуре переходной экономики [Текст] / Е.В. Балацкий // Вестник Российской Академии Наук. — 1998. — Том 68. — № 3. — С. 195–202.
3. Бодрунов, С.Д. Реиндустриализация и становление «цифровой экономики»: гармонизация тенденций через процесс инновационного развития [Текст] / С.Д. Бодрунов, Д.С. Демиденко, В.А. Плотников // Управленческое консультирование. — 2018. — № 2 (110). — С. 43–54.

4. Глазьев, С.Ю. Мировой экономический кризис как процесс замещения доминирующих технологических укладов [Электронный ресурс] / С.Ю. Глазьев // Экономические стратегии. — 2012. — Режим доступа: <http://spkurdyumov.ru/economy/mirovoj-ekonomicheskij-krizis/>
5. Павлов К.В., Асадуллина Н.Р. Формы и направления цифровизации экономики // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. 2020. № 3–1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-i-napravleniya-tsifrovizatsii-ekonomiki> (дата обращения: 31.01.2021).
6. Фоломьев А.Н. Новая промышленная политика и инновационные преобразования национальной экономики // Инновации. 2017. № 12 (230). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-promyshlennaya-politika-i-innovatsionnye-preobrazovaniya-natsionalnoy-ekonomiki> (дата обращения: 31.01.2021).
7. Cardinal, LB Technological innovation in the pharmaceutical industry: The use of organizational control in managing research and development. Organization science. 2001. 12 1 pp. 19–36
8. Fang, Lei; Guo, Xiangchun The impact of technological innovation on the development of intelligent industry system: Evidence from Henan, China. Journal of intelligent & fuzzy systems. 2020. 38(6) pp. 6905–690
9. Felsenstein D. and Bar-el R., 'Measuring the technological intensity of the industrial sector: a methodological and empirical approach', Research Policy, 18, 1989, pp. 239–52.
10. Hanh Song Thi Pham; Anh Ngoc Nguyen; Johnston, Andrew Economic policies and technological development of Vietnam's electronics industry. Journal of the asia pacific economy. 2020 AUG
11. Hatzichronoglou T., 'Revision of the high-technology sector and product classification', STI Working Papers, OECD/GD (97)216, 1997, p. 4.
12. Jong-Hyun Kim; Yong-Gil Lee Patent Analysis on the Development of the Shale Petroleum Industry Based on a Network of Technological Indices. ENERGIES. 2020.13 (24) — 6746
13. Keeble D., 'High-technology industry', Geography, 1990, p. 361.
14. Lei, DT Industry evolution and competence development: the imperatives of technological convergence. International Journal Of Technology Management. 2000. 19 (7–8) pp. 699–738
15. Medcof J.W., 'Identifying super technology industries', Research Technology Management, July–August 1999, pp. 1–2.
16. Patel P. and Pavitt K., 'The wide (and increasing) spread of technological competences in the world's largest firms: a challenge to conventional wisdom', in Alfred D. Chandlers, Jr., Peter Hagstrom and O'rjan So'lvell (eds), The Dynamic Firm: The Role of Technology, Strategy, Organization, and Regions, Oxford University Press, New York, 1998, pp. 192–213.
17. Paul R. Krugman and Maurice Obstfeld, International Economics Theory and Policy, Addison-Wesley, New York, 1996, p. 279.
18. Peter Carroll, Eduardo Pol & Paul L. Robertson Classification of Industries by Level of Technology: an Appraisal and some Implications. Prometheus, Vol. 18, No. 4, 2000. pp.417–436
19. Polozhentseva, Y., Klevtsova, M., Leontyev, E. Effects of the economic space digitalization in the context of modern society transformation. Economic Annals-XXI, 2019, 180(11–12), pp. 78–87
20. Reed, FM; Walsh, K. Enhancing technological capability through supplier development: A study of the UK aerospace industry. IEEE Transactions on engineering management 2002. 49 (3), pp. 231–242
21. Shankling W.L. and Ryans J.K., 'Organizing for high-tech marketing', Harvard Business Review, November–December 1984, p. 166
22. Tushman M. and Anderson P., 'Technological discontinuities and organizational environments', Administrative Science Quarterly, 31, 1986, pp. 439–65.
23. Vertakova, Y., Klevtsova, M., Rushkova, A. Decomposition of industry structural shifts and reconstruction research based on share analysis. E3S Web of Conferences, 2019, 110, 02012

© Вертакова Юлия Владимировна (vertakova7@yandex.ru),

Положенцева Юлия Сергеевна (polojenceva84@mail.ru), Клевцова Мария Геннадьевна (klevtsovam@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДИНАМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИЕЙ С ПОЗИЦИИ СИНЕРГЕТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ.

FORMATION OF TECHNOLOGY TO ENSURE THE SECURITY OF BANKING ACTIVITIES IN MODERN CONDITIONS

Z. Zhirnova
E. Korobeynikova
E. Savoskina

Summary. The article reveals that the methodology of the synergetic approach considers the organization as an artificial system that is an integral part of the world. At the same time, in this system, at the maximum level, it is necessary to take into account the main processes of self-organization. The study substantiates that, in accordance with the principle of self-organization of complex systems, an organization as a complex system has the ability to organize itself, restructure itself, while external influence is necessary only to initiate the desired tendencies of its self-development. The article proposes to consider the concept of self-organization to a greater extent in "soft" systems, it is proved that fractals are self-organized structural units. The characteristic of "soft" control systems is given, the distinctive feature of which is the presence of horizontal (staff) connections in the organization in them. The activity of an entrepreneurial organization in a competitive market is disclosed and its influence on the economic system is revealed. In addition, the article discusses the synergetic theory of fractals or fractal factories, as well as an approach to the reproduction of organizational relationships based on the concept of a "learning organization".

Keywords: dynamic management system, synergy, synergetic approach, self-organization concept, entrepreneurial organization concept, "fractal factory" concept.

Жирнова Татьяна Викторовна

*К.э.н., доцент, Самарский государственный
технический университет
jtv.80@mail.ru*

Коробейникова Елена Владимировна

*К.э.н., доцент, Самарский государственный
экономический университет
korob-lena-79@mail.ru*

Савоскина Елена Владимировна

*К.э.н., доцент, Национальный исследовательский
Московский государственный строительный
университет
savoskina@mail.ru*

Аннотация. В статье выявляется, что методология синергетического подхода рассматривает организацию как искусственную систему, которая является составной частью мира. При этом в данной системе на максимальном уровне необходимо учитывать основные процессы самоорганизации. В исследовании обосновывается, что в соответствии же с принципом самоорганизации сложных систем организация как сложная система имеет способность сама себя организовывать, реструктурировать, внешнее же воздействие необходимо лишь для инициирования желательных тенденций её саморазвития. В статье предложено концепцию самоорганизации в большей степени рассматривать в «мягких» системах, доказано, что фракталы являются самоорганизованными структурными единицами. Дана характеристика «мягких» систем управления, отличительной особенностью которых является наличие в них горизонтальных (штабных) связей в организации. Раскрыта деятельность предпринимательской организации на конкурентном рынке и выявлено ее влияние на экономическую систему. Кроме того, в статье рассмотрена синергетическая теория фракталов или фрактальных фабрик, а так же подход к воспроизводству организационных связей, основанный на концепции «обучающей организации».

Ключевые слова: динамическая система управления, синергия, синергетический подход, концепция самоорганизации, концепция предпринимательской организации, концепция «фрактальной фабрики».

Введение

Развитие синергетической парадигмы в современном естествознании может быть расценено как рождение новой картины мира. Сегодня многими учеными уже предпринимаются попытки создать универсальную концептуальную модель мирового процесса самоорганизации. Исходя из этого на современном этапе развития современного информационного общества вопрос формирования эффективной системы управления остается наиболее актуальным.

Сегодня идеи синергетики широко применяются во всевозможных областях современной науки. Появляется все больше новых направлений, основанных на принципах самоорганизации. Синергетический подход, его становление и дальнейшее развитие, оказал значительное воздействие на управленческие дисциплины. Можно смело утверждать, что синергетика является началом синтеза различных научных теорий и прикладных дисциплин.

Благодаря экономическим и социальным изменениям, произошедшим в современном мире за последние десятилетия, довольно кардинально поменялся облик и современной организации. Поэтому на сегодняшний момент имеется острая необходимость в разработке принципиально нового подхода к познанию закономерностей функционирования системы управления.

Методология

Цель работы — исследовать динамическую систему управления организацией с позиции синергетической концепции, а также в выявлении закономерностей и принципов синергетического подхода в управлении. Для достижения данной цели в работе поставлены следующие задачи: изучить понятие и сущность синергетики; рассмотреть ключевые идеи и положения синергетики; охарактеризовать принципы синергетики в управлении; выявить закономерности самоорганизации в рамках синергетического подхода; рассмотреть синергетическую теорию фракталов и идеи самоорганизации социальных систем.

Методологическую основу составляет анализ теоретических подходов к исследованию применения синергетического подхода в управленческой деятельности.

Развитие идей применения синергетического подхода в организационных структурах привлекает интерес множества отечественных и зарубежных исследователей. В частности, вопросы общей синергетической концепции исследуют такие ученые как Варнеке Г., Воронков Ю.С., Герман Х., Евин И.А., Каменский Н.А.,

Капица С.П., Курдюмов С.П., Пригожин И.Р., Приходько В.И., Шапаренко В.В. Проблемам применения синергетического подхода управления посвящены работы таких авторов как Алексеевский В.И., Арсеньев Ю.Н., Гайсина Л.М., Гелих О.Я., Князева Е.Н., Гончар О.И., Иванова Т.Ю., Головнев Ю.Ф., Сайкова Ю.С. и др.

Вместе с тем, современные тенденции, связанные с развитием современного информационного общества и масштабированием цифровых технологий, с увеличением доли он-лайн операций, свидетельствуют о необходимости развития научно обоснованной системы взглядов на определение основных направлений, условий и порядка практического решения задач формирования и развития фрактальных фабрик, а так же подходов к воспроизводству организационных связей.

Результаты

Большую роль в рождении синергетики сыграло открытие, сделанное в 1900 году французским физиком Анри Бенаром. Он нагревал жидкое масло. Нижние более горячие слои поднимались вверх. Но при достижении в разнице температур критического значения, возник конвективный поток, внутри которого жидкость стремилась вверх, а по краям опускалась вниз. Все молекулы вели себя согласованно.

Определение термина «синергетика», близкое к современному пониманию, ввёл немецкий физик-теоретик Герман Хакен в 1977 году в своей книге «Синергетика». Синергетика (от греч. «совместно» и «действующий») — междисциплинарное направление научных исследований, основная задача которого состоит в изучении природных явлений и процессов на основе принципов самоорганизации систем.

Основная идея синергетики в том, что достаточно сложные открытые (обменивающиеся массой и энергией с окружающей средой) системы могут развиваться в сторону уменьшения, а не увеличения энтропии, грубо говоря, самопроизвольно упорядочиваться (самоорганизация). [1]

Синергетический эффект — нелинейность комплексных воздействий на систему. Это значит, что одновременное приложение двух воздействий по некоторой причине дает больший (или меньший) эффект, чем сумма эффектов от приложения одного и другого воздействий по отдельности.

Принципы синергетики: гомеостатичность, иерархичность, не линейность, не замкнутость (открытость), неустойчивость, динамическая иерархичность (эмерджентность), наблюдаемость. [2]

Синергетический подход ориентирован на изучение закономерностей самоорганизации сложных объектов в условиях хаотического спонтанного структурирования.

Методология синергетического подхода рассматривает организацию как искусственную систему, которая является составной частью мира. При этом в данной системе на максимальном уровне необходимо учитывать основные процессы самоорганизации. Со временем в функционировании организации именно процессам самоорганизации стало уделяться особое внимание, так как именно они позволяют улучшить организованность и эффективность системы в целом и, как следствие, способствуют максимальной реализации её потенциала. [3]

Таким образом, идея самоорганизации оказала существенное влияние на формирование и развитие современных управленческих концепций. Кроме того, попытки внедрения идей самоорганизации в рамки реального предприятия активно осуществляются в практике современного менеджмента.

Возникновение управленческой теории самоорганизации в современной науке вызвано экономическими и социальными изменениями в современном мире, которые, в свою очередь, вызваны научно-техническим развитием и высокой динамикой изменения внешних и внутренних факторов среды организации. [4]

Концепция самоорганизации на современном этапе продолжает развиваться под влиянием следующих факторов:

- ◆ ускоряются рыночные процессы
- ◆ организационные границы постепенно размываются становятся более открытыми
- ◆ активно развиваются горизонтальные системы управления
- ◆ усиливается роль человеческого фактора в деятельности организации.

В рамках традиционного подхода к управлению организацией, сформулированного классической и научной школами управления Фредерика Тейлора и Анри Файоля, результат внешнего управляющего воздействия представляется как однозначное следствие прилагаемых усилий, другими словами, управляющее воздействие влечет за собой желаемый результат.

В соответствии же с принципом самоорганизации сложных систем организация как сложная система имеет способность сама себя организовывать, реструктурировать, внешнее же воздействие необходимо лишь для инициирования желательных тенденций её саморазвития. [5]

Эффективность управляющего воздействия на нелинейную систему достигается лишь в том случае, когда такое воздействие согласуется с внутренними свойствами управляемой системы. При воздействии на систему в нужный момент времени, можно раскрыть все богатство ее форм и структур. С точки зрения принципов синергетической концепции, систему необходимо не столько строить, сколько инициировать, задавать ей собственный вектор развития.

Сложная система, элементы которой лишены дополнительной степени свободы, а их поведение однозначно и однонаправленно, не эволюционирует и в итоге разрушается. Направленное прогрессивное движение системы возможно только в условиях хаотичности и самостоятельности поведения.

Концепция самоорганизации превосходно проявляется в «мягких» системах. К системам такого рода относятся предпринимательские организации. Главная задача организации данного типа состоит в воплощении инноваций. Организация при этом является самостоятельной, автономной, не имеет долговременные связи с другими субъектами рынка, а ее поведение обусловлено временностью взаимодействия в целях осуществления инноваций. Деятельность предпринимательской организации на конкурентном рынке оказывает значительное влияние на экономическую систему:

- ◆ во-первых, ее действия выводят экономическую систему из равновесия и меняют условия и правила экономической деятельности;
- ◆ во-вторых, наименее успешные организации, которые не в состоянии выдержать конкуренцию, поглощаются наиболее успешными инновационными организациями, при этом, как следствие, изменяется структура рынка и система его функционирования. [6]

Под действием таких условий происходит самопроизвольный переход системы из неравновесного в более равновесное состояние. Идея самопроизвольного перехода, используемая в концепции самоорганизации, позволяет объяснить причину отказа организаций от вертикального администрирования в пользу мягких систем управления.

Характеризуя «мягкие» системы управления, следует отметить, что они в основном используют горизонтальные (штабные) связи в организации. В то время, как вертикальные (линейные) связи в организации базируются на иерархической координации в организации, горизонтальные связи позволяют эффективно взаимодействовать различным частям системы.

Наличие горизонтальных связей позволяет упорядочить процесс координации и сэкономить время

на принятие решений. Особое значение при горизонтальной организации связей имеют неформальные отношения, которые не регламентируются и возникают спонтанно при взаимодействии сотрудников при выполнении ими своих индивидуальных функций.

Исходя из этого, развитие в организационных структурах значительного количества горизонтальных связей содействует развитию в системе процессов самоорганизации.

Деятельность предпринимательских организаций ориентирована на рост, при этом расчет в большей степени делается на имеющиеся в наличии возможности, а не на имеющиеся ресурсы. [7]

При реализации данных возможностей осуществляется поэтапно, контроль за ресурсами проводится эпизодически, а структура управления является гибкой и имеет малое количество уровней иерархии. Результативность деятельности такой организации целесообразнее оценивать на основе эффективности, чем на основе производительности. В отличие от традиционных организаций, построенных на вертикальной координате, базой построения предпринимательских организаций является индивидуальная инициатива. [8]

В современных условиях все активнее развиваются диссипативные организационные структуры организаций, к которым можно отнести матричную, эдхократическую, партисипативную, сетевую структуры. Фундаментом данных организаций являются децентрализация управления, полицентрическое распределение полномочий и неформальные связи, которые в совокупности формируют не только автономность и самостоятельность сотрудников на высоком уровне, но и их эффективную кооперацию при выполнении служебных обязанностей, а результат этого проявляется в самоподдержании и развитии организации.

При этом, в жестких иерархических структурах достаточно часто практикуется формирование временных целевых групп, создаваемых на определенный период времени в целях решения конкретных проектных задач. К примеру, существуют научные группы, которые выполняют рутинную повседневную работу в централизованном режиме, а для решения инновационных задач переходят в режим свободного коллегиального сотрудничества. [9]

Таким образом, на практике существуют всевозможные альтернативные варианты и комбинации преобразования структур для выживания и развития организации.

В контексте концепции самоорганизации теоретик управленческой науки Варнеке разработал синергетическую теорию фракторов или фрактальных фабрик. В организациях, построенных по принципам «фрактальной фабрики», формируется коммуникационная структура, обладающая широкой автономией. Такой структурой управляют сотрудники, но в свою очередь и она управляет ими.

Характер «фрактальной фабрики» определяется не ее внешними особенностями, а внутренними ценностями, организационной культурой. Фрактал — самодействующая структурная единица организации.

Каждый фрактал имеет свою задачу, которая никак не регламентирована и определяется в процессе функционирования системы. Как правило, фракталы возникают хаотично и спонтанно, самостоятельно перестраиваются и распадаются. Чтобы служить целому, они способны группироваться без всякого внешнего давления. То есть фракталы представляют собой самоорганизующиеся структурные единицы. Именно самоорганизация позволяет реализовать хорошие идеи вне зависимости от места и времени их появления.

«Фрактальная фабрика» выполняет также и централизованную функцию: все фракталы включают все имеющиеся потребности и все потребности, которые необходимы для решения поставленных задач, кроме того, каждый фрактал является фрактальной фабрикой меньшего размера, то есть, в рамках отдельно взятого предприятия («фрактальной фабрики») функционируют несколько так называемых подпредприятий (фракталов).

Благодаря высокому уровню собственной динамики и способности максимально быстро и эффективно реагировать на изменения, происходящие во внешней и внутренней среде, «фрактальная фабрика» достигает максимально тесного взаимодействия между самоуправляемыми и самоорганизующимися фракталами. Каждый фрактал и каждое рабочее место представлены как целая компания, конкретная цель реализуется в комплексе, а отдельная задача решается самостоятельно.

Общие задачи работы системы выполняются локально, а общие задачи «фрактальной фабрики» становятся специфическими функциями конкретного фрактала. Но при этом существует требование недопустимости противоречий между целями отдельного фрактала и целями системы в целом.

Цели формируются, корректируются и согласовываются между фракталами-участниками таким образом, чтобы цели отдельных фракталов не противоречили

друг другу. Такая однородность целей является залогом эффективного использования человеческих ресурсов на «фрактальной фабрике». [10]

Таким образом, стимулирование организационных начал каждого из сотрудников и процессов кооперации между ними, дает «фрактальной фабрике» способность самоорганизоваться таким образом, что совместное сотрудничество всех подразделений и сотрудников предприятия дает максимально высокий положительный эффект.

Следует отметить, что в такого рода организации изменяются задачи менеджмента. Если выход и выход системы замыкаются друг на друга, то система вынуждена переходить в режим саморазвития, а ее цели при этом больше не являются главными критериями управления. В данной ситуации от менеджмента требуется создание оптимальных условий для самоорганизации и поддержания самоорганизующегося развития. [11]

Многими практикующими менеджерами и теоретиками современной управленческой науки все чаще высказывается мысль об устаревании тех принципов менеджмента, которые властвовали довольно долгое время, и как следствие, о необходимости обновления теоретической базы, способной ответить на вопросы управления и функционирования открытых информатизированных предприятий, интегрированных с внешней средой.

В настоящее время у практиков доминирует функциональный подход, но в современных условиях он весьма ограничен. Функциональный менеджмент делает ставку на иерархичность в принятии решений и контроля, что в свою очередь, заставляет все деловые процессы организации «загонять» в рамки имеющейся структуры. Но ведь организация, рассматриваемая нами как объективированная структура, не должна тормозить деловые процессы.

Посредством открытости и децентрализации организация способна максимально раскрывать творческий потенциал сотрудников, обеспечивать процесс самоорганизации, именно тогда в полной мере и проявляется закон синергии.

Хотя менеджери́зм и является величайшим достижением двадцатого века, но тем не менее он будет вынужден уступить дорогу синергизму. Другими словами, управление, основанное на принципе объект — субъект управления, постепенно будет заменен на взаимодействие в организации, ее саморазвитие.

Базовыми характеристиками рациональной самоорганизации являются:

- ◆ воздействие, целенаправленное на управляемый объект, ниже уровня флуктуационного воздействия внешней среды;
- ◆ в основе прогнозирования возможного состояния социально-экономической системы лежат синергетические представления;
- ◆ работник является персонифицированным выражением всей организации, включая ее управленческое начало, сама же организация, в свою очередь, представляется как ассоциированный работник.

Становление рациональной самоорганизации возможно при наличии следующих условий:

- ◆ развитие корпоративной культуры до уровня культуры гражданского общества в целом;
- ◆ переход от работы по найму к партнерским отношениям;
- ◆ повышение открытости социально-экономических систем;
- ◆ переход от целевых, когда цель является основной деятельности организации, к ценностно-ориентированным критериям в управлении.

Таким образом, основой концепции самоорганизации социальных систем служат следующие принципы:

1. Организация признается открытой системой, взаимосвязанной и взаимозависимой с внешней средой.
2. Система ориентирована в первую очередь на собственное совершенствование и развитие, а не на производительность.
3. В системе преобладают мягкие организационные структуры, обеспечивающие децентрализацию власти и контроль.
4. Главной ценностью является инициатива отдельно взятого сотрудника, его творческий подход к работе, а также наличие организующих свойств, присущих каждому человеку. [12]

Реализация данных принципов позволяет повысить уровень самоорганизации системы и способствует усилению в ней синергетических эффектов.

При изучении данного вопроса помимо всего прочего возникает необходимость решения проблемы воспроизводства организации как социального института и сохранения ее синергетического потенциала. При воспроизводстве всех социальных объектов необходимо учитывать основное свойство навыков, умений, знаний и опыта, которое заключается в том, что они не могут передаваться людям по наследству, но их приобретение, усвоение и развитие возможно только в процессе длительного обучения и воспитания в семье, образовательных институтах и других социальных коллективах и группах.

В своих трудах российский ученый В. Алексеевский [13] утверждает, что современный менеджмент — это культура достижения целей, сочетающая в себе научные методы (такие как исследование ситуации, методы принятия решений, проектирование систем) и социальные технологии и приёмы. Важная роль в управляемой подсистеме здесь отводится организационной культуре конкретного социального института, которая сочетает в себе не только личные потребности и интересы отдельных сотрудников, но и цели и задачи деятельности всей организации в целом.

Для того, чтобы получить желаемый результат в рамках социокультурной среды конкретной организации целесообразно использование: во-первых, социальных технологий (общение, передача информации, обучение, установление и регламентирование правил поведения, кадровые отношения), и, во-вторых, различных организационных технологий (целеполагание, функционирование, развитие, саморазвитие, принятие решений). [14]

Воспроизводство организационных связей и отношений в организации позволяет сохранять потенциал ее саморазвития. Для этого на уровне организации целесообразно применять технологии обучающего менеджмента, реализация которых осуществляется не только с помощью менеджмента, но и с помощью социокультурной среды организации. Использование данных технологий позволит новому работнику адекватно воспринимать и развивать организационную культуру. [15]

Рассматриваемый нами подход к воспроизводству организационных связей во многом основан на концепции «обучающей организации». В основе функционирования данной концепции лежит идея о том, что в рамках обучающей организации у каждого сотрудника имеется сформированное системное мышление, он обладает общим видением стратегии и тактики развития всей организации, он готов к инновациям и ориентирован на командный способ работы и обучения.

Основная цель каждого сотрудника в рамках «обучающей организации» заключается в выявлении и решении проблем, обеспечивая при этом множество возможностей для непрерывных экспериментов, изменений и совершенствований для организации, а это, в свою очередь, обеспечивает карьерный рост самого работника, его эффективное обучение и достижение поставленных им целей.

Важно отметить, что концепция В. Алексеевского не ограничивается простым обучением сотрудников в организации, но она направлена еще и на формирование и развитие работников нового типа. [13] Отличительная особенность работников нового типа заключается

в их способности реализовывать в рамках организации свой творческий потенциал, а также в умении обеспечивать синергетические эффекты в организации при тесном взаимодействии с другими работниками.

В данном случае менеджмент делает основной упор на самоорганизующее начало, присутствующее в каждом человеке, и активизирует его.

Требования, предъявляемые к работнику нового типа, который способен обеспечивать совместно с другими участниками группы самоорганизацию и саморазвитие социальных институтов (в частности предприятий), достаточно разнообразны и обширны. И, безусловно, требуемые качества работника должны формироваться совокупно всеми социальными институтами: семьей, школой, учебными заведениями различных уровней образования, организацией и государством в целом.

ВЫВОДЫ

Большинство практикующих менеджеров и теоретиков современной управленческой мысли сегодня заявляют о необходимости формирования новой теоретической базы по изучению закономерностей, механизмов и инструментов управления открытыми информатизированными предприятиями, интегрированными с внешней средой, которая бы адекватно и полно отвечала всем вызовам современности.

Таким образом, обосновано применение синергетического подхода к управлению в динамично изменяющихся условиях информационного общества, показано, что управление, основанное на принципах самоорганизации, имеет прикладное значение.

Были разработаны новые подходы к изучению организации, определению в ней роли менеджмента и сотрудников (концепция предпринимательской организации, концепция «фрактальной фабрики»).

В рамках представленных концепций залогом успеха любой организации служит преимущественное обеспечение ее саморегулирования, самоорганизации и саморазвития.

Именно эти концепции позволяют организации максимально реализовать свой кадровый и ресурсный потенциал за счет проявления закона синергии и синергетических эффектов.

Современные теоретики менеджмента приходят к выводу о необходимости формирования новой парадигмы управления, в которой менеджери́зм рано или поздно должен уступить свое место синергизму.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронков Ю.С. Синергетика. Учебник для Вузов. / Ю.С. Воронков, А.Н. Медведь, Ж.В. Уманская — М: Юрайт, 2020. — С. 455.
2. Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика -динамическая наука. М.: УРСС, 2005.
3. Иванова, Т.Ю. Теория менеджмента. Синергетический менеджмент: учебник для вузов / Т.Ю. Иванова, Э.М. Коротков, В.И. Приходько. — 2-е изд., испр. и доп. — М: Юрайт, 2020. — 331 с.
4. Gaisina L.M., Barbakov O.M., Koltunova Y.I., Shakirova E.V., Kostyleva E.G. (2017) Social management systems' modeling based on the synergetic approach: Methods and fundamentals of implementation. Academy of Strategic Management Journal
5. Малинецкий Г.Г. Самоорганизация, нелинейность и теория научных революций / Г.Г. Малинецкий. // Знание. Понимание. Умение. — 2021. — № 1. — С. 67–82.
6. Арсеньев Ю.Н., Давыдова Т.Ю., Минаев В.С. Управление субъектами хозяйствования по критериям синергетики и менеджмента знаний / Ю.Н. Арсеньев, Т.Ю. Давыдова, В.С. Минаев — Тула, 2019. — С. 240.
7. Gelikh O. Ya., Knyazeva E.N. (2014) Management and Synergetics // St. Petersburg. Ser. Philosophy and Sociology of Management Volume Book 3
8. Князева Е. Стратегии управления динамической сложностью / Е. Князева // Форсайт. — 2020. — Т. 14. — № 4. — С. 34–45.
9. Шапаренко В.В. Синергетика — новая эволюционно — историческая методология / В.В. Шапаренко // Концепции устойчивого развития науки в современных условиях. Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции: в 3 ч. — 2018. — С. 168–172.
10. Рустамов Н.Т., Жасузакова М.Ж., Нуралиев Ф.М. К вопросу фрактальности организационных систем / Н.Т. Рустамов, М.Ж. Жасузакова, Ф.М. Нуралиев // Globus: Технические науки. — 2020. — № 3 (34). — С. 8–13.
11. Соловьева Е.А., Бахтияров Р.И. Фрактальный подход в системе корпоративного управления // Е.А. Соловьева., Р.И. Бахтияров // Человеческий, производственный и сервисный потенциал экономики: глобальные тренды и локальные практики. Материалы Международной научно-практической конференции. Саратов. — 2020. — С. 441–448.
12. Головнев Ю.Ф., Сайкова Ю.С. Синергетика как принцип самоорганизации сложных систем / Ю.Ф. Головнев, Ю.С. Сайкова // Развитие науки и техники: механизм выбора и реализации приоритетов. Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2019. С. 6–8.)
13. Алексеевский В.С. Менеджмент и синергетика устойчивого развития социальных объектов /Алексеевский В.С.— Москва, Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана.— 2003.— 319 с.
14. Евин, И.А. Синергетика сознания. Монография / И.А. Евин.— М.: LAP LAMBERT 2017.— 113 с.
15. Малинецкий Г.Г. Синергетика и наука о человеке / Г.Г. Малинецкий // Мир человека: неопределённость как вызов. Сер. «Синергетика: от прошлого к будущему». — Москва, 2019. — С. 88–110.

© Жирнова Татьяна Викторовна (jtv.80@mail.ru),

Коробейникова Елена Владимировна (korob-lena-79@mail.ru), Савоскина Елена Владимировна (savoskina@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОССИЯ В СИСТЕМЕ МИРОХОЗЯЙСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ

RUSSIA IN THE SYSTEM OF WORLD ECONOMIC RELATIONS

*I. Kapustina
K. Grigoreva*

Summary. The study provides an objective assessment of the place of the Russian Federation in the system of international labor division. In order to make a comprehensive comparison the analysis was carried out on the basis of generally recognized world rankings. The main prerequisites and root causes of the present position were analyzed. The result of the work was the identification of relevant areas that determine the basis for the construction of a comprehensive socio-economic development course of Russia in the near future.

Keywords: GDP, Global Competitiveness Index, globalization, innovation activity, GVCs, international relations.

Капустина Ирина Васильевна

*К.э.н., доцент, ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»
kapustina_iv@spbstu.ru*

Григорьева Ксения Александровна

*ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»
ksushagrigor@list.ru*

Аннотация. В ходе исследования дана объективная оценка места Российской Федерации в системе международного разделения труда. С целью проведения комплексного сравнения, анализ осуществлен на базе общепризнанных мировых рейтингов. Проанализированы основные предпосылки и первопричины настоящего положения. Результатом работы стала идентификация релевантных направлений, определяющих основу для построения всестороннего социально-экономического курса развития России на ближайшую перспективу.

Ключевые слова: ВВП, Индекс Глобальной Конкуренентоспособности, глобализация, инновационная активность, ГЦДС, международные отношения.

С момента распада СССР в декабре 1991 года включение постсоветской России в мировую экономическую систему было сопряжено со значительным сокращением государственной демографической, торговой и военной мощи, повсеместно с необходимостью интегрирования в уже сформированную геоэкономическую систему в условиях отсутствия институциональной взаимозависимости в экономическом сегменте с бывшими странами СССР и союзниками [1]. Несмотря на данную очевидную ограниченность в возможностях приспособления к тенденциям на международной арене, пережитого дефолта 1998 года и сомнительное инициативное участие страны в глобальном управлении в конце 20 века., уже к середине 2000-х. страна смогла в определенной мере продемонстрировать как собственную финансовую независимость (увеличение объемов ВВП) России и сокращение бедного населения почти в 2 раза, рост прямых иностранных инвестиций (ПИИ) (с 14,3 до 121,1 млрд. дол. в течение 2001–2008 гг.), так и самостоятельность в международных делах [2] во многом за счет исключительной роли в обеспечении международной энергобезопасности, что значительным образом повысило влияние России на формирование и реализацию международной повестки дня.

Однако, кризис 2008–2009 гг. внес свои коррективы, обнародовав гипертрофированную роль государства и бюджета, избыточную зависимость от топливно-э-

нергетической отрасли и мировых рынков товаров и капиталов [3], низкую конкуренцию и слабость экономических и социальных институтов. Необходимость диверсификации национальной экономики и перехода от потребительской к инвестиционной модели роста повлияли на усиление экономического спада, оказавшегося хоть и относительно безболезненным для населения, но решающим с точки зрения международного положения страны. Так, если в 2006–2007 годах рост ВВП превышал 8%, то по итогам 2008 года он составил уже 5,2% [4]. Усиленная впоследствии падением цен на энергоресурсы, снижением курса рубля, доходов населения и вступлением в силу «крымских» санкций в 2014 тенденция привела к продолжительной стагнации, демонстрировавшей средние темпы роста российской экономики, не превышавшие 1,8% ВВП в год до конца 2019 года [5]. Вызовом же 2020–2021 года стала инфекция SARS-CoV-2, ставшей ударом для глобальной экономики и результирующая в устойчивых перебоях с поставками, ускорении инфляции, нестабильности мировых энергетических рынков, ужесточении условий кредитования и замедлении роста мировой экономики в целом (до 0,7% год к году в 4 квартале 2021 года), наблюдаемые даже в период восстановления [6].

Согласно оценке стран мира по уровню ВВП Всемирного банка за 2020 год, рассчитанного по паритету покупательной способности, Россия заняла шестое место

Таблица 1. Положение России в международных рейтингах 2019–2021 гг., индексные пункты (составлено авторами)

Показатель	Значение показателя / место в рейтинге			Кол-во стран	Источник
	2019 г.	2020 г.	2021 г.		
Индекс глобальной конкурент	45 место	50 место	45 место	141	Institute of Management Development
Индекс глобализации	72,03 (49 место)	71,94 (49 место)	70,73 (48 место)	203	KOF Swiss Economic Institute
Индекс экономической свободы в стране	61,5 (98 место)	61	61,5 (92 место)	178	The Heritage Foundation, The Wall Street Journal
Индекс глобальной инновации	37,65 (46 место)	35,63 (47 место)	36,6 (45 место)	132	The World Intellectual Property Organization
Индекс конкурент. промышленного производства	0,096 (35 место)	0,097 (32 место)	-	152	United Nations Industrial Development Organization
Индекс развития человеческого потенциала в стране	0,82 (49 место)	0,824 (52 место)	-	189	United Nations Industrial Development Programme

[7], удерживая данную позицию в течение 5 лет, со стоимостью всех конечных товаров и услуг, реализованных экономике страны за 2020 год эквивалентной 4133 млрд. долл., что сближает Россию с Мексикой, ЮАР, Фиджи, Катаром, Арменией, Колумбией, Исландией и Парагваем по уровню ВВП [8]. Страна продемонстрировала снижение на 3,1% в относительных показателях по сравнению с результатами 2019 года, обусловленное в большей степени за счет снижения внутреннего конечного спроса и глобального падения спроса на энергоресурсы. В действительности снижение российского ВВП по ППС оказалось меньшим в сравнении со странами, входящими в пятерку лидеров, вес которых в мировой структуре валового внутреннего продукта по паритету покупательной способности составил более 46%: Германия, Япония, Индия, США и Китай, что во многом объясняется высшей долей сектора услуг в экономике западных стран, оказавшейся наиболее пострадавшей в условиях пандемии и реализованных ограничительных мер.

Исходя из вышеуказанных данных следует, что Россия имеет потенциал по выходу в пятерку лидеров в случае восстановления объемов национальной экономики. Однако, абсолютно удручающая картина разворачивается в случае перерасчета ВВП по паритету покупательной способности Российской Федерации на душу населения в 2021 году: Россия занимает 49-е место с 28 тыс. долл., что возвращает страну к показателям 2011 года при уровне денежных доходов населения близким к многолетним минимумам. По прогнозу Международного Валютного Фонда на период 2021–2026 гг. мировая экономика будет развиваться среднегодовыми темпами 4,1%, когда же экономика России — 2,5%, т.е. доля экономики России в мировой будет непре-

менно сокращаться [9]. Сложившееся тенденция безусловно указывает на необходимость реализации мер по улучшению национального бизнес-климата, повышению конкурентоспособности отечественных производителей на внутреннем и внешнем рынках и реформирования госуправления со снятием регуляторного бремени, возложенного на бизнес [10].

Наиболее полно настоящее положение России на международной арене и стран, характеризующихся стремительно растущей экономической мощностью, могут быть оценены по ряду показателей, представленных в динамике за период 2019–2021 гг. в Таблице 1. Безусловно, используемые индексы имеют существенную долю субъективизма и не гарантируют наличие быстрого экономического развития стран при высоких рейтинговых показателях. Однако, нельзя уничижать их роль в ранжировании экономической реальности, стимулировании к ее улучшению и определении направлений развития.

Так, согласно составленному Всемирным Экономическим Форумом рейтингу экономической конкурентоспособности, отражающему способность страны создавать условия и поддерживать конкурентоспособный бизнес в течение последних 5 лет положение Российской Федерации по всем базовым компонентам колеблется в районе 40–50 мест (45 место из 64 стран, участвующих в исследовании в 2021 году) [11]. Исходя из проведенного институтом анализа основными факторами, предупреждающими развитие, выступает необходимость увеличения производительности труда и эффективности национальной экономики и госуправления в целом, сокращения отставания темпов экономического роста развития от среднемирового

уровня, улучшения демографической ситуации, сокращения неравенства и бедности на региональном уровне, венчурного финансирования и повышения доступности кредитных ресурсов для представителей малого и среднего бизнеса. В тоже время, в качестве факторов позволяющими России удерживать свои позиции даже в условиях пандемии можно выделить развитие финансового сектора, налоговой политики и высоких технологий, а также улучшение работы системы здравоохранения и капитального ремонта инфраструктуры, которые, в свою очередь, все еще требуют значительной доработки исходя из объемов страны. По мнению координатора программы ВЭФ Алексея Праздничных, на пути роста помимо вышеупомянутых факторов требующих преобразований, «российской экономике также придется адаптироваться к новым вызовам, с которыми сегодня сталкиваются страны, включая ускорение цифровой трансформации и конкуренцию за рынки будущего» [12].

В качестве доказательной базы сложившихся экономических реалий также служит индекс уровня глобализации стран мира [13], составляемый исследовательской группой Швейцарского экономического института при участии специалистов Федерального Швейцарского технологического института и характеризующий масштаб интеграции страны в мировое пространство с экономической, социальной и политической точки зрения [14]. Согласно отчету, Россия занимает 49 место с довольно низким потенциалом роста, что вполне объясняется сложившейся политической неопределенностью и ограничениями международной торговли и обеспечивается в первую очередь за счет широкого охвата торговых партнеров России, а не глубиной интегрированности национальной экономики в мировую.

Говоря об оценке свободы ведения бизнеса и наличии ограничений для предпринимателей наиболее показательным выступает уровень экономической свободы. Данный показатель, ежегодно составляемый «Фондом наследия» совместно с деловым изданием «The Wall Street Journal» [15], характеризует степень свободы перемещения рабочей силы, капитала и товаров в стране в условиях воздержания государства от принуждения или ограничения свободы. Другими словами, оценивается степень экономических и торговых свобод, инвестиционной открытости, вмешательства государства в экономику и фактора коррупции имеющих место в национальной экономике, используемые во всем мире для принятия обоснованных решений или для манипулирования общественным мнением [16]. Рейтинг 2019–2021 гг. отражает поступательный рост в данном ключе Российской Федерации от года к году и позволяет отнести страну к кластеру относительно свободных стран. Российская Федера-

ция заняла 92 место в 2021 году, поднявшись на 2 места по сравнению с 2020 годом. Положительная тенденция связана в первую очередь с улучшением значений субиндексов: «налоговая нагрузка» (с 88,5 до 93,0 балла), «государственные расходы» (с 63,8 до 66,1 балла), «свобода предпринимательства» (с 80,2 до 84,1 балла) и «свобода труда» (с 52,1 до 55,4 балла). Отрицательная динамика наблюдалась по субиндексам «права собственности» (с 56,8 до 54,4 балла), «свобода торговли» (с 77,8 до 74,0 балла), «эффективность судебной системы» (с 44,4 до 42,4 балла), что подчеркивает факт, что экономический рост России в большей степени опирается в отсутствие справедливости и свободы. [17].

Индекс человеческого развития (с учетом планетарной нагрузки) для России в 2020 году составил 0,824, что относит страну на 52-е место среди 189 государств мира, в частности к группе с очень высоким уровнем человеческого развития, согласно докладу Программы развития ООН. Однако данная оценка обладает некоторой долей субъективизма, так как учитывает узкий круг показателей. Так, по средней продолжительности обучения Россия, длиной в 12 лет, практически не проигрывает лидеру в данном рейтинге Норвегии (12,6 лет). Однако по ожидаемой продолжительности жизни РФ значительно уступает: ожидаемая продолжительность жизни при рождении в Норвегии — 82,4 года, когда в России — 73,0 лет. Нельзя также не отметить высокий уровень дифференциации на территории РФ и тенденцию по росту неоднородности и неравенства в регионах. Так, в 2020 году разрыв между субъектами федерации по Валовому региональному продукту в расчете на душу населения составил 3400%, что значительно превышает разрыв в таких передовых странах как США и Китай с разрывом в 500% и 800% соответственно [18]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что правительству России необходимо сделать упор на социально-экономическую политику, чтобы обеспечить граждан достойным медицинским обслуживанием и повысить доходы населения, а не фокусироваться на предпосылке о том, что экономический рост автоматически создаст для всех лучшие возможности.

Поскольку Россия характеризуется как страна с ярко выраженной сырьевой зависимостью и сравнительной недоразвитостью обрабатывающего сектора отдельное внимание заслуживает динамика промышленного производства. Так, по статистическим данным 2020 года Россия заняла 6 место среди всех стран мира с объемом производства в 1,3 трлн. долл. и долей промышленного сектора в ВВП варьирующееся от 30% до 33%. В действительности, в 2020 году на фоне пандемии коронавируса отрасль столкнулась с масштабным обвалом, вызванным снижением глобального спроса и реализации соглашения Организации стран — экспортёров

нефти (ОПЕК+): добывающая промышленность снизила выпуск на 6,9%. В то же время наблюдался рост обрабатывающей промышленности (0,6%) [19]. Однако, уже в мае 2021 года промышленное производство в России выросло почти на 12% в годовом выражении, что является самым высоким показателем за последние 17 лет. Это, главным образом, связано с эффектом низкой базы 2020 года и восстановления спроса на промышленную продукцию, в частности в отраслях топливно-энергетического комплекса.

В международных же масштабах наиболее содержательную оценку дает Индекс конкурентоспособности по промышленному развитию («индекс СР»), позволяющий судить о способности производить, экспортировать конкурентоспособные товары и тем самым влиять на мировой рынок [20], а также определять уровень технологического углубления и модернизации страны, отвечающим релевантным требованиям инклюзивной и устойчивой индустриализации и стимулирования инноваций. Несмотря на некоторый восстановительный рост, сравнительный анализ подчеркнул очевидную неравномерность преимуществ в обрабатывающей отрасли и «сырьевые перекосы» России. Более того, заметно и значительное отставание с точки зрения конкурентоспособности промышленных предприятий, связанного с низкими темпами роста и уровнем производительности труда, поскольку концентрация инвестиционной и производственной деятельности наблюдается в отраслях с низким и средним технологическим укладом с использованием недостаточно квалифицированной рабочей силы [21].

Вышеуказанные явления также в свою очередь определяют положение страны в глобальных цепочках добавленной стоимости (ГЦДС). По единогласному мнению экспертов, глобальная экономическая вовлеченность России в ГЦДС характеризуется восходящим типом связей (в более 80% случаях участия) и в основном обеспечивается цветной и чёрной металлургией и химической промышленностью. Другими словами, российские экспортируемые товары преимущественно используются в качестве сырья или компонентов в своем производстве [22]. Т. е. сырье после переработки в форме товаров возвращается в страну, но уже с соответствующей наценкой, что в свою очередь ограничивает участие России в основных процессах создания стоимости. Особенно это наблюдаемо в современной горнодобывающей, оптовой и розничной торговле, в транспортном и телекоммуникационном секторах [23]. Отсюда следует необходимость расширения присутствия в ГЦСС за счет участия в их более высоких звеньях, в частности в сферах глубокой промышленной переработки, научно-исследовательских работ, маркетинга, послепродажного обслуживания [24]. Следо-

вательно, государственная политика должна быть направлена именно на то, чтобы стимулировать фирмы к расширению участия в ГЦДС путем реформирования торговой политики, сферы услуг и прямых иностранных инвестиций, что как следствие может привести к росту объемов экспорта, числа рабочих мест и смещения экспорта в пользу более конечных товаров. [25].

Безусловным сдерживающим фактором экономического роста выступает уровень инновационной активности и степень технологического развития России. Согласно сопоставительным данным из доклада «Глобальный инновационный индекс», в 2021 году Россия заняла 45 место среди 132 экономик мира, что приравнивает ее к уровню Вьетнама и Индии [26]. Если последние стабильно демонстрируют наиболее быстрое продвижение в рейтинге, то в РФ, несмотря на наметившийся прогресс в течение 2013–2016 гг., в последние годы наблюдается тренд на стагнацию инновационной деятельности. Так, по словам члена Международного консультативного совета Глобального Инновационного Индекса, «отставание от стран-лидеров традиционно определяет низкая эффективность институтов, формирующих условия для предпринимательской и творческой деятельности». Однако, учитывая факт занятия Россией высоких позиций в части генерации новых знаний и их приобретения, а также позитивных сдвигов в инновационной активности предприятий, в объемах финансирования науки и развитии корпоративной науки в российском хайтеке можно прогнозировать дальнейшее укрепление позиций России в этом рейтинге [27].

Поскольку более половины промышленного производства мира приходится на деятельность транснациональных компаний (ТНК), определение степени открытости экономики России неотделимо от оценки ее привлекательности с точки зрения привлечения прямых иностранных инвестиций и активности транснациональных корпораций, что особенно актуально в эпоху цифровизации. В настоящее время российские ПИИ в значительной степени обусловлены наличием у нее природных ресурсов и в большей степени поступают из налоговых убежищ. И несмотря на очевидное увеличение вложений в российские активы со стороны азиатских и ближневосточных суверенных фондов прямых инвестиций, будучи подверженными санкциям и сложной правовой базе, ПИИ в России характеризуются низкой траекторией и крайне неблагоприятной динамикой. Так, Российская Федерация, на которую приходилось более 40% притока, столкнулась с сокращением притока ПИИ в 2021 году на 70% до 10 млрд. долларов. Несмотря на предпринимаемые усилия, восстановление притока ПИИ на уровне, достигнутом до пандемии, маловероятно в ближайшей перспективе из-за медленного экономического роста, влия-

ющего на ПИИ, ориентированные на освоение рынка, созданных пандемией трудностей, ограничивающих возможности диверсификации, экономических санкций и геополитической нестабильности в некоторых районах региона [28]. В действительности российские ТНК находятся пока на этапе формирования и укрепления своего положения на международных рынках [29]. Лидерами же по притоку ПИИ на данный момент выступают «Лукойл», «Газпром», «Атомэнергопром», «Сбербанк» и «Полиметалл», чей удельный вес в общем объеме ПИИ составляет более 55%. При этом наблюдается сокращение объемов накопленных капиталовложений российских ТНК (в том числе из-за переоценки созданных ими активов вследствие обвала курса рубля). Кроме того, снизились как инвестиции состоятельных россиян в зарубежную недвижимость, так и псевдоиностранные инвестиции вследствие очередных попыток провести деофшоризацию [30].

Что касается торговой политики, то стоит помнить, что экономические успехи России стали результатом большей открытости, включая вступление в ВТО в 2012 году. Действительно, с тех пор в России резко снизились импортные тарифы на обрабатывающие и сырьевые товары. Однако несмотря на то, что такие тарифы ниже, чем в Индии и Китае, они все же в два раза выше по сравнению с тарифами, введенными в ЕС, США и особенно в Турции. Либерализация торговли, включая снижение нетарифных барьеров, улучшит доступ к высококачественным ресурсам и будет способствовать участию и модернизации ГЦСС [31]. В данном вопросе также нельзя нивелировать роль исторически

сложившейся системы хозяйственных связей и экономического сотрудничества РФ. С одной стороны, в одних экономических союзах, играющих серьезное значение для мировой экономики — АТЭС, G-20, БРИКС, ООН, ШОС, роль России как экономической державы невелика. Другие же экономические союзы, где роль России как экономической державы достаточно существенна (ЕАЭС, ОЧЭС, СГ, СНГ) не имеют достаточно весомого значения для мировой экономики. Тем не менее именно поддержание и расширение исторически сложившихся хозяйственных связей является базовой основой для развития национальной экономики России и расширения ее международного влияния [32].

Таким образом, современное положение Российской Федерации как одной из крупнейших торгово-промышленных держав можно охарактеризовать как частично интегрированное и недостаточно подготовленное к соревнованию в рамках нарастающей международной политико-экономической конкуренции. Обладание огромными запасами нефти и газа действительно позволяют стране реализовывать свои преимущества в обеспеченности сырьевыми ресурсами. Вместе с тем очевидная узконаправленность внешней торговли вкупе со сравнительно низкой ориентацией на развитие отечественных институтов приводит к зависимости благосостояния россиян, здоровья финансовой системы и даже состояния государственного бюджета от конъюнктуры мирового энергетического рынка, что, в свою очередь, предупреждает внутренний рост и снижает уровень социально-экономической безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аганбегян А.Г. Экономика России на распутье: выбор посткризисного пространства. — М.: Астрель, 2010. — С. 379.
2. Ломагин Н.А. Россия в системе регулирования мирохозяйственных связей: от (само)изоляции к председательству в G20 / Н.А. Ломагин // Вестник СПбГУ. — 2014. — № 5 (1). — С. 71–90.
3. Оболенский В.П. Российская экономика в глобальных мирохозяйственных связях: проблемы конкурентоспособности / В.П. Оболенский // Проблемы прогнозирования. — 2001. — № 4. — С. 47–63.
4. Пучинин, Н. Финансово-экономические кризисы последних десятилетий и их влияние на экономику России. — ПРАЙМ: Агентство экономической информации — Режим доступа: <https://1prime.ru/science/20190402/829858467.html> (дата обращения: 21.12.2021).
5. Базанова, Е. Почему за 20 лет Россия так и не перешла от стагнации к развитию. — ВЕДОМОСТИ — Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/10/08/813068-20-let-stagnatsii> (дата обращения: 23.12.2021).
6. Доклад об экономике России: декабрь 2021. — Группа Всемирного Банка — Режим доступа: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099100111302157406/pdf/P177562047516f01709b360c30dafa5850d.pdf> (дата обращения: 29.12.2021).
7. World Development Indicators database: Eurostat-OECD PPP Programme. — The World Bank: Data — Режим доступа: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.KD?end=2020&locations=RU-CN-US-DE-IN-JP&name_desc=true&start=2017&view=chart (дата обращения: 03.01.2022).
8. Smirnov V. Russia in Economic Globalization / V. Smirnov, V. Semenov, A. Zakharova, A. Abramova, E. Perfilova // E3S Web of Conferences. — 2020. — № 228. — С. 1–6.
9. Мачавариани, Г. Мир в 2020 г.: Таблицы мирового развития. — ИМЭМО РАН — Режим доступа: <https://www.imemo.ru/publications/electronic-resources/oprme/archive/2021/mir-v-2020-g> (дата обращения: 05.01.2022).
10. Global Economic Prospects: January 2022. — A World Bank Group. — Режим доступа: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099100111302157406/pdf/P177562047516f01709b360c30dafa5850d.pdf> (дата обращения: 29.12.2021).

11. Country Profile: Russia IMD. — World Competitiveness Yearbook 2021. — Режим доступа: <https://www.imd.org/centers/world-competitiveness-center/rankings/world-competitiveness/> (дата обращения: 06.01.2022).
12. Карминский, А. Россия стало более конкурентноспособной: как это получилось. — Forbes — Режим доступа: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/432921-rossiya-stala-bolee-konkurentnosposobnoy-kak-eto-poluchilos> (дата обращения: 08.01.2022).
13. KOF Globalisation Index. — ETH Zurich. — Режим доступа: <https://kof.ethz.ch/en/forecasts-and-indicators/indicators/kof-globalisation-index.html> (дата обращения: 09.01.2022).
14. Гигичев Н.С. Интегральный индекс глобализации / Н.С. Гигичев // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2014. — № 5. — С. 79–84.
15. Index of Economic freedom. — The Heritage Foundation. — Режим доступа: <https://www.heritage.org/index/> (дата обращения: 13.01.2022).
16. Чуркин В.И. Индекс экономической свободы. Анализ и рекомендации / В.И. Чуркин // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. — 2013. — № 6–1 (185). — С. 28–38.
17. Изменения позиций государств — членов ЕАЭС в базе данных ЕЭК. — Евразийская Экономическая Комиссия — Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/a27/Spravka-ob-izmeneniyakh-v-baze-dannykh-po-mezhdunarodnym-reytingam-_po-itogam-1-kvartala-2021-goda_.pdf (дата обращения: 12.01.2022).
18. Шевкуненко, М.Ю. Стратегические цели обеспечения экономической безопасности России в условиях глобализации / М.Ю. Шевкуненко, С.Э. Маджуга // Структурная и технологическая трансформация России: проблемы и перспективы. От плана Гоэрло до наших дней: сб. статей. — Краснодар, 2021. — С. 740–744.
19. Промышленность России: Итоги кризиса и ситуация в первом квартале 2021 г. — Центр Развития НИУ ВШЭ: Комментарии о Государстве и Бизнесе — Режим доступа: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/450451985.pdf> (дата обращения: 15.01.2022).
20. Todorov, V. Competitive Industrial Performance Index 2020: Country Profiles (Report). — UNIDO — Режим доступа: <https://stat.unido.org/content/publications/competitive-industrial-performance-index-2020%253a-country-profiles> (дата обращения: 17.01.2022).
21. Mottaeva, A. Problems of competitiveness of industries in ensuring the economic security of Russia / A. Mottaeva, L. Kopteva // E3S Web of Conferences. — 2021. — № 284. — С. 1–9.
22. Сидорова Е.А. Россия в глобальных цепочках создания стоимости / Е.А. Сидорова // Мировая экономика и международные отношения. — 2028. — № 62 (9). — С. 71–80.
23. Мешкова Т., Анализ глобальных цепочек добавленной стоимости: возможности / Т. Мешкова, Е. Моисеичев // Форсайт исследований. — 2016. — № 10 (1). — С. 69–82.
24. Гудкова Т.В. Глобальные цепочки создания добавленной стоимости в условиях цифровизации экономики / Т.В. Гудкова // Журнал экономической теории. — 2020. — № 17 (1). — С. 53–64.
25. Кузнецов, Д. Перспективы снижения барьеров для экспорта в контексте участия российских фирм в глобальных цепочках добавленной стоимости / Д. Кузнецов, В. Седалищев, А. Кнобель — М.: РАНХИГС, 2018. — 12 с.
26. Global Innovation Index: Tracking Innovation through the COVID-19 Crisis. — WIPO — Режим доступа: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2021.pdf (дата обращения: 22.01.2022).
27. В ООН пересчитали инновации: Позиции России в рейтинге тянет вниз слабость институтов. — Коммерсантъ — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4996392> (дата обращения: 23.01.2022).
28. Доклад о мировых инвестициях 2020. — ООН — Режим доступа: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2021_overview_ru.pdf (дата обращения: 24.01.2022).
29. Чшиева З.Г. Место российских ТНК на мировом рынке / З.Г. Чшиева, А.А. Есиева // Научное обозрение. Экономические науки. — 2021. — № 1. — С. 15–19.
30. Кузнецов А.В. Прямые инвестиции из России за рубеж: изменения с 2018 года / А.В. Кузнецов // Общественные науки и современность. — 2021. — № 1. — С. 5–15.
31. Sanghi, A., Gillson, I., Winkler D. Powering Russia's Post-COVID-19 Recovery: Do Global Value Chains Hold the Key? — The World Bank — Режим доступа: <https://www.worldbank.org/en/news/opinion/2020/12/16/powering-russias-post-covid-19-recovery-do-global-value-chains-hold-the-hey> (дата обращения: 26.01.2022).
32. Тебекин А.В. Анализ влияния системы мирохозяйственных связей на национальные экономические интересы / А.В. Тебекин // Научное обозрение. Экономические науки. — 2021. — № 7 (1). — С. 62–74.

© Капустина Ирина Васильевна (kapustina_iv@spbstu.ru), Григорьева Ксения Александровна (ksushagrigor@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ МАТЕРИАЛОВ И ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ РАЗВИТИЯ СЕТИ АВТОМОБИЛЬНЫХ ДОРОГ МИНОБОРОНЫ РОССИИ

METHODOLOGY FOR ASSESSING THE USE OF INNOVATIVE MATERIALS AND TECHNOLOGIES ECONOMIC EFFICIENCY IN THE IMPLEMENTATION OF DEVELOPMENT OF THE ROAD NETWORK OF THE MINISTRY OF DEFENSE OF RUSSIA PROJECTS

I. Kovtun

Summary. The article discusses the issues of assessing the contribution of product and technological innovations to the effectiveness of the implementation of projects for the development of the road network of the Ministry of Defense of Russia, taking into account the results of monitoring the development of innovations and assessing the achieved socio-economic and defense effect based on the theory of investment and innovation risk management in market conditions for the development of road construction industries.

Keywords: road network, economic efficiency, road construction, innovative technologies, economic risks.

Ковтун Ирина Викторовна

Соискатель, Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва (г. Санкт-Петербург)
vatt@mil.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы оценки вклада продуктивных и технологических инноваций в эффективность реализации проектов развития сети автомобильных дорог Минобороны России с учетом результатов мониторинга освоения инноваций и оценки достигнутого социально-экономического и оборонного эффекта на основе теории управления инвестиционными и инновационными рисками в рыночных условиях развития дорожно-строительной отрасли.

Ключевые слова: сеть автомобильных дорог; экономическая эффективность, дорожное строительство, инновационные технологии, экономические риски.

Введение

Россия имеет значительную протяженность территории, что вызывает существенную пространственную дифференциацию социально-экономического развития [1, 2, 3, 4]. Высокий уровень указанной дифференциации, согласно действующей Стратегии экономической безопасности, является существенной угрозой для стабильного и устойчивого развития страны, поэтому требует снижения, на что направлено множество разработок российских ученых [5, 6, 7, 8]. Одним из наиболее очевидных способов повышения связанности территории и гомогенизации на этой основе социально-экономического поля РФ является развитие транспорта.

Развитие и содержание сети автомобильных дорог в России осуществляется в соответствии с Транспортной стратегией Российской Федерации. Одним из ос-

новных направлений ее реализации является модернизация транспортно-логистических систем на основе применения инновационных технологий в транспортном строительстве, превосходящих по своим характеристикам традиционные подходы к проектированию, строительству, содержанию, ремонту и реконструкции транспортных сооружений [9].

В дорожном строительстве решение этой задачи требует инновационного развития дорожной науки, предприятий и организаций дорожно-строительного комплекса, технологий дорожного строительства, разработки инноваций в области производства дорожно-строительных материалов. При этом, внедрение указанных инноваций должно базироваться на учете специфики конкретных автомобильных дорог.

Предметом нашего анализа в данном исследовании являются автомобильные дороги Министерства оборо-

ны Российской Федерации (далее — АДМО), которым в литературе уделяется, на наш взгляд, недостаточно внимания. Между тем, в Национальном проекте «Безопасные и качественные автомобильные дороги» им посвящен один из четырех Федеральных проектов — «Автомобильные дороги Минобороны России», основное содержание которого состоит в принятии мер по увеличению доли АДМО, соответствующих нормативным требованиям, на что выделяется из федерального бюджета 5,6 млрд. руб.

Безусловно, эти денежные средства нуждаются в обоснованном и рациональном расходовании, что, с учетом длительного срока эксплуатации таких объектов, как АДМО, требует применения инноваций. Это соответствует общей тенденции роста инновационности российской экономики, которая в современных условиях во многом реализуется через цифровизацию хозяйственных процессов [10, 11, 12, 13].

Объектом авторского исследования является количественная оценка вклада технологических инноваций в эффективность инновационно-инвестиционных проектов развития сети АДМО. Этот вклад определяется финансовой эффективностью (сроком окупаемости, приведенной стоимостью, внутренней ставкой доходности) инновации, ее коммерческой перспективностью (временем получения доходов от реализации соответствующей продукции) и рискованностью новшества (неопределенностью доходов от технологической новации).

Материалы и методы

Несмотря на понимание необходимости внедрения инноваций для повышения эффективности решения задач в дорожном строительстве, существует ряд проблем, сдерживающих его инновационное развитие. Прежде всего, к ним следует отнести проблемы организационно-правового и методического характера. Суть этих проблем состоит в недостаточной разработанности методического обеспечения, отсутствии четких норм, порядка и алгоритмов внедрения инноваций в дорожной деятельности.

Сказанное в полной мере относится к внедрению инновационных материалов и технологий при реализации проектов развития сети АДМО. Более того, требования к этим дорогам значительно выше, поскольку от их состояния зависит уровень боеготовности вооруженных сил и обороноспособность государства. Повышение качества, безопасности и долговечности АДМО требует выполнения работ, направленных на строительство автомобильных дорог с новыми потребительскими и эксплуатационными свойствами, создание

и применение новых или модернизацию существующих технологий дорожного строительства и производства дорожно-строительных материалов, экономию затрат или создания условий для такой экономии.

В этой связи очень важно исследование вклада тех или иных предполагаемых продуктовых и технологических инноваций в эффективность реализации проектов развития сети АДМО. Кроме этого, необходима оценка доступности технологической инновации для самофинансирования дорожно-строительной организацией или финансирования ее за счет привлечения государственного и заемного капитала. Требуется разработка методов управления инновационными процессами при развитии дорожной инфраструктуры в условиях экономических рисков и финансовой нестабильности.

Эффективная деятельность при реализации проектов развития сети АДМО предполагает стабильные показатели функционирования и устойчивого развития дорожной инфраструктуры, эффективное использование ресурсов и непрерывающееся обновление технологий.

Способы оценки эффективности применения инновационных материалов и технологий при реализации проектов развития сети АДМО должны учитывать необходимость использования научно-технического потенциала для строительства дорог, являющихся коммуникациями двойного назначения [14]. Следует отметить, что они используются как для решения социально-экономических, так и оборонных задач. Поэтому оценка эффективности инноваций в сфере АДМО, в отличие от автомобильных дорог общего пользования, должна включать совокупность приемов и методов (мониторинг освоения инновации, ведение отчетных материалов об освоении инновации, документация по достигнутому эффекту от использования инновации, анализ данных мониторинга, отчетных материалов и документации по достигнутому эффекту) анализа не только социально-экономических, но и оборонных эффектов.

Для этого в органах управления дорожным хозяйством важно формировать инструменты, которые необходимы для внедрения инновационных дорожно-строительных материалов, а также внедрения новых технологий (рис. 1).

Для реализации проектов развития сети АДМО и организаций, реализующих эти проекты, инновации нужны не столько в целях ухода в отрыв от конкурентов, сколько для обеспечения обороноспособности с учетом эффективного расходования бюджетных средств, выделяемых на дорожное обеспечение [15, 16]. Основные факторы, сдерживающие инновационное обеспе-

Рис. 1. Инструменты обеспечения инновационного развития ведомственной дорожной инфраструктуры (АДМО)

чение развития ведомственной дорожной инфраструктуры, показаны на рис. 2.

С учетом рассмотренных обстоятельств, в основу разработки методики оценки эффективности использования в дорожном хозяйстве инноваций положены следующие принципы: комплексность оценки эффективности применения инновационных материалов и технологий; выделение стадий жизненного цикла инноваций и расчет показателей эффективности для отдельных стадий; соответствие разработанных методических положений отраслевым методическим рекомендациям по оценке эффективности инновационных проектов; универсализация процедуры расчетов, заключающейся в создании одной модели для разных продуктовых и процессных инноваций; учет фактора изменения стоимости денег во времени и его экономической среды проекта; учет инфляции при реализации проекта; учет рисков, влияющих на реализацию проектов развития сети АДМО.

Результаты и обсуждение

Предлагаемая методика оценки эффективности применения инновационных материалов и технологий при реализации проектов развития сети АДМО базируется на теории и методах инвестиционного и военно-экономического анализа, а также теории управления инвестиционными и инновационными рисками. При этом учитывается, что вклад новых материалов и технологий (ресурсосберегающих, ресурсозаменяющих, импортозамещающих) зависит от: общей эффективности (приведенной чистой стоимости, ставки дохода, срока окупаемости инноваций или инновационных проектов); коммерческих перспектив (срока востребованности); рисков инновационного проекта (изменчивости величины дохода во времени); возможностей органов

управления дорожным хозяйством или подрядных организаций по разработке и внедрению новшества за счет собственных средств или с привлечением иных источников финансирования; уровня влияния инфляции на показатели общей эффективности инновации (инновационного проекта).

С учетом этого, оценку вклада инновации в инвестиционную стоимость проекта можно получить с использованием метода дисконтированных денежных потоков. Для этого целесообразно представить процесс реализации проекта без внедрения того или иного инновационного продукта и при его внедрении. При таком подходе вклад новшества в повышение экономической эффективности проекта будет определяться разницей между соответствующими оценками инвестиционной стоимости проекта (с внедрением новшества и без его внедрения).

Без внедрения инновации (инноваций) расчет обоснованной рыночной стоимости проекта S_{max} может быть выполнен на основе оценки остаточной текущей (приведенной к текущему моменту времени) стоимости будущих доходов (или убытков) в случае продолжающегося применения ранее освоенных материалов и технологий, т.е. без учета технологических инноваций:

$$S_{max} = \sum_{j=1}^k \sum_{i=1}^{n_j} C_j \left(\frac{1}{1+i_j} \right)^{t_j}, \quad (1)$$

где $j = 1, 2, \dots, k$ — номера выполненных работ (для производства дорожно-строительных материалов — номера выпущенных на предприятии и реализованных видов материалов (конструкций));

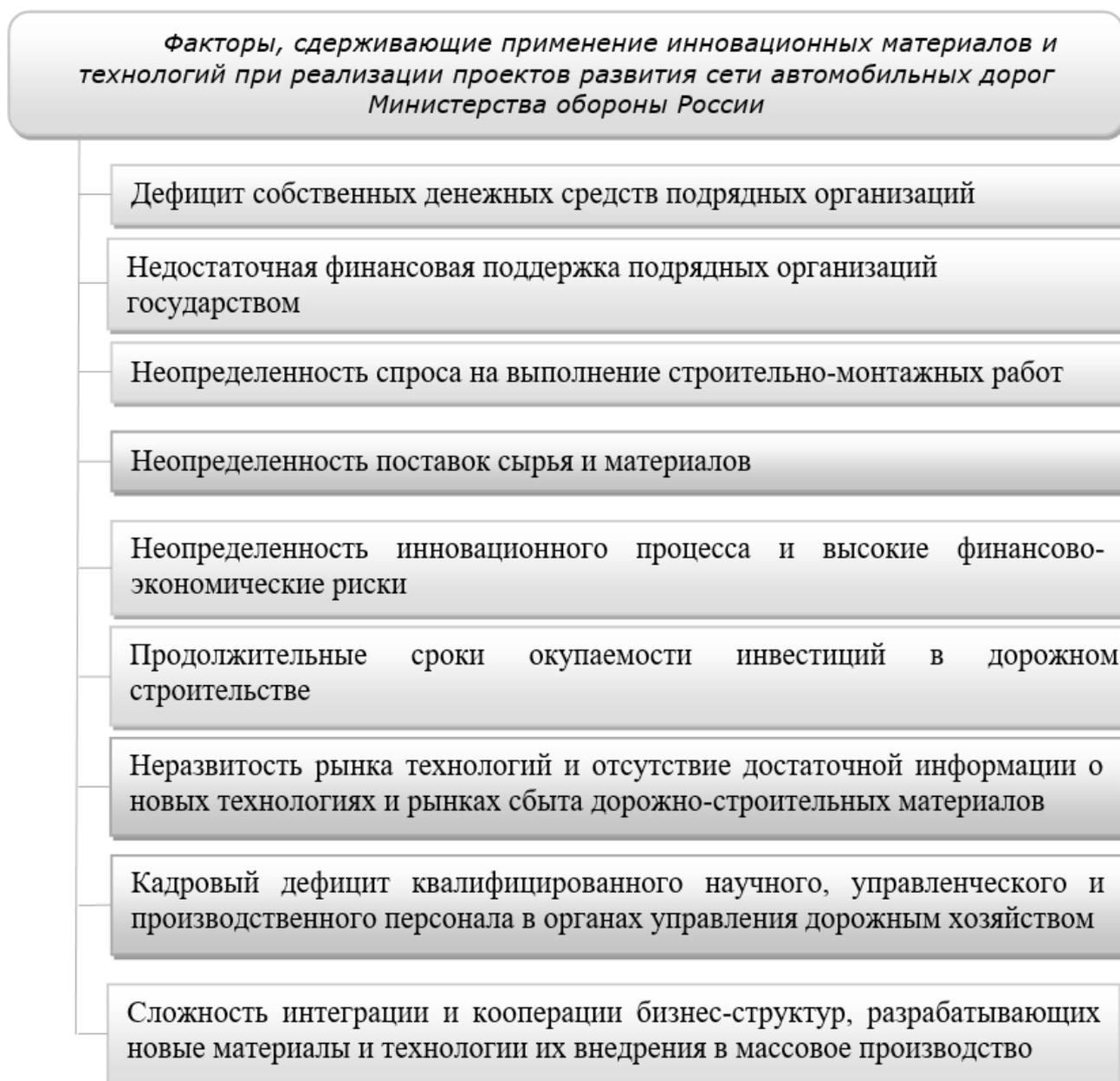

Рис. 2. Факторы, сдерживающие применение инновационных материалов и технологий для проектирования, строительства, содержания, ремонта и реконструкции АДМО

t_j — номера временных периодов (год, квартал, месяц) до номера года, в котором заканчивается получение доходов от выполненных работ или произведенных и реализованных дорожно-строительных материалов (конструкций);

C_j — прогнозируемые денежные потоки (положительные или отрицательные) предприятия при продолжении выпуска ранее выполненного j -го вида работ (произведенных и реализованных материалов);

i_j — норма дисконтирования дохода по каждому виду работ из числа выполненных предприятием, которая учитывает экономические риски.

Если при реализации проекта развития АДМО возможно внедрение новых инновационных материалов и технологий (выполнено технико-экономическое обоснование проекта, спрогнозированы ожидаемые доходы, имеется технологическое оборудование, патенты, здания и сооружения и т.д.), то расчет рыночной стоимости про-

екта S_{\max}^p осуществляется через суммирование текущей стоимости той части проекта, которая реализуется без внедрения технологической новации S_{\max} и текущей стоимости, приносящей доход от инновации NPV_p :

$$S_{\max}^p = S_{\max} + NPV_p; \quad (2)$$

$$NPV_p = \sum_{t_r=1}^{k_r} Z_{t_r} \left(\frac{1}{1+i_r} \right)^{t_r} - IC_{t_r}, \quad (3)$$

где IC_{t_r} — размер первоначальных инвестиций по t_r -му инновационному проекту, руб.;

Z_{t_r} — величина денежного потока, ожидаемого в t_r -м периоде по t_r -му инновационному проекту (инновации), руб.;

i_r — норма дисконтирования дохода (приведения стоимости будущих доходов к текущему моменту времени) по каждому по t_r -му инновационному проекту (инновации);

k_j — срок (количество временных: лет, месяцев, кварталов и т.д.) периодов реализации t_r -го инновационного проекта (инновации).

Что касается определения нормы дисконтирования доходов при расчетах остаточной стоимости освоенных (традиционных) и инновационных проектов, то она должна рассчитываться исходя из принципа оценки доходности альтернативного вложения такой же суммы инвестиций и на такой же период в другие инвестиционные активы, которые сравнимы по рискам с дорожно-строительной отраслью.

Предлагаемый способ расчета нормы дисконтирования учитывает отраслевую принадлежность предприятий и организаций к дорожному строительству и свойственные этой отрасли риски спроса на строительно-монтажные работы и дорожно-строительные материалы, риски конкуренции на строительном рынке, а также риски стабильного предложения по закупкам исходного сырья и компонентов, риски взаимодействия со смежными производствами. При этом обеспечивается возможность измерить инвестиционный риск изменчивостью доходов от инновации, что соответствует измерителю, принятому в теории управления инвестиционными рисками — изменчивость дохода с рубля инвестированного капитала.

В качестве количественной оценки такой изменчивости целесообразно применить среднее квадратическое отклонение величины дохода инновационного проекта от его средней величины. Время оценки изменчивости дохода в прошлые периоды должно соответствовать сроку инвестиционной деятельности в технологическую новацию. В таком случае риски инвестиций в разработку и освоение новых материалов и технологий производства работ могут быть учтены в норме

(ставке) дисконтирования на основе следующих соображений.

1. Для оценки нормы дисконтирования доходов от технологической новации необходимо выбрать объект-аналог (инвестиционный актив), изменчивость доходности которого за определенное количество временных проектов была бы сравнима с прогнозируемой доходностью инновационного проекта. Поиск аналога целесообразно осуществлять посредством анализа фондового рынка (наиболее прозрачного сегмента рынка капитала). Обнаружение такого актива является подтверждением того, что инновационный проект будет иметь схожий риск инвестирования. На этом этапе можно полагать, что изменчивость доходов от вложений в технологическую новацию может составлять величину, равную рентабельности собственных активов привлекаемого к реализации проекта предприятия или организации (ROE):

$$\sigma_a = \sigma_{ROE}, \quad (4)$$

где σ_a и σ_{ROE} — соответственно среднее квадратическое отклонение доходов у инвестиционного актива и рентабельности собственного капитала дорожно-строительной организации (предприятия) в ретроспективном периоде его работы продолжительностью k лет (кварталов, месяцев и т.д.) с доходом ROE_t в каждом t -м временном периоде при среднем доходе ROE :

$$\sigma_{ROE} = \sqrt{\frac{\sum_{t=1}^k (ROE_t - ROE)^2}{k}}. \quad (5)$$

2. Норма дисконтирования доходов дорожно-строительной организации (предприятия) должна рассчитываться с учетом возможности компенсации инвестиций для инвесторов в сопоставимом по рискам инвестиционным альтернативам на фондовом рынке [17]. В противном случае привлечение инвестиций в разработку и освоение инновационного продукта будут затруднены. Иными словами, доходность должна компенсировать риск инвестора [там же].

С учетом этих соображений ставка дисконтирования может быть рассчитана по зависимости:

$$i = R + \beta(R_m - R) + \Omega_1 + \Omega_2 + (\Omega_3), \quad (6)$$

где i — норма (ставка) дисконтирования при оценке инвестиционной стоимости проекта;

R — безрисковая ставка доходности;

β — коэффициент, являющийся мерой систематического риска и учитывающий макроэкономическую ситуацию;

R_m — средняя доходность акций на фондовом рынке;
 Ω_1 — приращение безрисковой ставки, учитывающее риски самофинансирования дорожно-строительной организацией освоения инновационного продукта (риск невозможности погашения долгов по причине недостаточного имущественного обеспечения);

Ω_2 — дополнительная премия, учитывающая риск инвестирования в закрытую организацию (возмещает для инвесторов риск блокирования дивидендных доходов, так как они не имеют доступа к дивидендной политике предприятия);

Ω_3 — дополнительная премия, учитывающая риск надежности прав собственности, подвижности политико-правовой среды, и др. (вводится в расчет применительно к иностранным инвесторам).

Требуется пояснения порядок расчета безрисковой ставки дохода от технологической новации. В условиях нестабильного экономического развития и инфляции расчет безрисковой ставки доходности инновационного проекта целесообразно выполнить, по мнению автора, по формуле Фишера:

$$R = r + s + r \times s, \quad (7)$$

где r — реальная ставка безрискового дохода (доходность по краткосрочным государственным облигациям, страхуемым банковским депозитам, рентабельность на рынках безрисковых товаров и услуг);

s — показатель инфляции (при расчетах базируется на правительственных прогнозах).

Показатель инфляции может быть рассчитан по зависимости:

$$s = \frac{s_o + 4s_m + s_p}{6}, \quad (8)$$

где s_o, s_m, s_p — соответственно, значение показателя инфляции по оптимистическому, наиболее вероятному и пессимистическому варианту прогноза экономического развития.

Заключение

Таким образом, предлагаемая методика оценки эффективности применения инновационных материалов и технологий при реализации проектов развития сети АДМО, является средством, позволяющим научно обосновать решения, касающиеся выбора направлений и способов повышения военно-экономической эффективности мероприятий дорожного обеспечения повседневной деятельности и боевой готовности вооруженных сил. При этом, предложенная методика может быть использована и применительно к реализации дорожно-строительных и дорожно-эксплуатационных проектов в других сферах, но это, вероятно, потребует ее некоторой адаптации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вертакова Ю.В., Клевцова М.Г., Положенцева Ю.С. Оценка эффективности регулирования пространственного развития региона в условиях поляризации // Вестник ОрелГИЭТ. 2012. № 4 (22). С. 20–25.
2. Гранберг А.Г. Возможны ли распад или сжатие России? // Регион: экономика и социология. 2011. № 2. С. 9–18.
3. Миндлин Ю.Б. Сравнительная характеристика кластеров и территориально-производственных комплексов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2020. № 4. С. 81–86.
4. Пространственное развитие современной России: тенденции, факторы, механизмы, институты / под ред. Е.А. Коломак. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2020. 502 с.
5. Зарецкая В.Г., Токарева К.В. Структурные сдвиги и экономический рост региона // Региональная экономика: теория и практика. 2019. Т. 17. № 9 (468). С. 1610–1624.
6. Миндлин Ю.Б. Региональный кластер, как локализованное организационное образование // Национальная безопасность / Nota Bene. 2011. № 3 (14). С. 161–173.
7. Плотников В.А., Лисина Е.А. Оценка уровня региональной дифференциации в Российской Федерации // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2018. № 2 (36). С. 5–15.
8. Vertakova Y., Plotnikov V., Fedotova G. The system of indicators for indicative management of a region and its clusters // Procedia Economics and Finance. 2016. Vol. 39. P. 184–191.
9. Ермошин Н.А. Проектирование производственной структуры дорожно-строительных организаций с учетом неопределенности структурообразующих факторов // Дороги и мосты. 2012. № 1 (27). С. 32–44.
10. Вертакова Ю.В., Плотникова Н.А., Плотников В.А. Промышленная политика России: направленность и инструментарий // Экономическое возрождение России. 2017. № 3 (53). С. 49–56.
11. Институциональная трансформация социально-экономических систем в условиях цифровизации: состояние, тренды, проблемы и перспективы: монография. Курск: Университетская книга, 2020. 294 с.
12. Котляров И.Д. Цифровая трансформация финансовой сферы: содержание и тенденции // Управленец. 2020. Т. 11. № 3. С. 72–81.

13. Volkova A., Plotnikov V., Nikitin Yu., Serba V., Detkov G. Digital economy development in Russia: prospects and problems // Proceedings of the 33rd International Business Information Management Association Conference (IBIMA 2019): Education Excellence and Innovation Management through Vision 2020. 2019. P. 8220–8232.
14. Серба В.Я. Моделирование недопоставок материальных средств войскам при нарушении договорных обязательств // Наука и военная безопасность. 2016. № 2 (5). С. 97–101.
15. Серба В.Я. Влияние государственного бюджета на военно-экономическую безопасность // Региональные аспекты управления, экономики и права Северо-Западного федерального округа России: межвузовский сборник научных трудов. СПб., 2017. С. 147–149.
16. Ермошин Н.А., Егошин А.М., Лазарев Ю.Г., Змеев А.Т. Проблемы и методологические аспекты организации дорожной деятельности в интересах военной безопасности государства: монография. СПб., 2017. 164 с.
17. Серба В.Я., Крутик А.Б., Коровин Э.В., Новиков А.В., Гончаров А.А. Маркетинг и менеджмент инновационно-активных предпринимательских структур туристических кластеров и гостиничного бизнеса Санкт-Петербурга: монография. СПб.: Копи-Р Групп, 2012. 316 с.

© Ковтун Ирина Викторовна (vatt@mil.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулева

СОВРЕМЕННЫЙ КРИЗИС: ОСОБЕННОСТИ И ЗОНЫ ПОВЫШЕННОГО РИСКА

Мокрова Лидия Павловна

К.э.н., доцент, Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации, Москва
LMokrova@fa.ru

MODERN CRISIS: FEATURES AND HIGH-RISK AREAS

L. Mokrova

Summary. Crises are an integral phase of society's development. Their cyclicity is determined by various factors: social, technological, political, economic, financial, etc. Well-known scientists have made a significant contribution to the study of crisis phenomena. The most famous are Kondratiev waves, which are a consequence of the obsolescence of technology. As a consequence of the recent events of 2019–2022, related to the pandemic and the current international situation, the crisis phenomena have acquired an acute irreversible phase. A significant number of organizational structures and relationships have been destroyed, companies are in a state of insolvency and bankruptcy. The restructuring of organizations is the most relevant tool of anti-crisis policy. For the correct and successful implementation of the long-term strategic development of the enterprise, the restructuring program should be initially integrated into the strategy of future development. Particular attention should be paid to changes in the field of intangible assets, primarily business reputation. The issue of measures and strategies designed to overcome the crisis and ensure sustainable development in the long term is facing all participants in the socio-economic space. The need for technological renewal is obvious, but the social system needs transformation to a large extent. What principles should be the basis of the new model, what should be taken into account when forming a new concept of management of organizations and human capital to ensure the effectiveness of management? It is obvious that it is impossible to manage the old methods, this leads to a tightening of management at all levels, hence to conflicts. Reducing the severity of the negative consequences of crises, the transformation of social systems should be based on both previously existing principles and new approaches.

Keywords: crisis, management methods and tools, transformation of the socio-economic system, cyclical development, restructuring.

Аннотация. Кризисы являются неотъемлемой фазой развития общества. Их цикличность определяется различными факторами: социальными, технологическими, политическими, экономическими, финансовыми и пр. Известные ученые внесли значительный вклад в изучение кризисных явлений. Наиболее известны волны Кондратьева, являющиеся последствием устаревания технологий. В следствие последних событий 2019–2022 гг., связанных с пандемией и текущей международной ситуацией кризисные явления приобрели острую необратимую фазу. Значительное количество организационных структур и связей разрушено, компании находятся в состоянии неплатежеспособности и банкротства. Реструктуризация организаций является самым актуальным инструментом антикризисной политики. Для правильной и успешно реализации долгосрочного стратегического развития предприятия, программа реструктуризации должна быть изначально интегрирована в стратегию будущего развития. Особое внимание следует обратить на изменения в области нематериальных активов, в первую очередь деловой репутации.

Вопрос мер и стратегий, рассчитанных на выход из кризиса и обеспечения устойчивого развития в долгосрочной перспективе, стоит перед всеми участниками социально-экономического пространства. Очевидна необходимость технологического обновления, однако социальная система нуждается в трансформации в значительной степени. Какие именно принципы должны быть положены в основу новой модели, что необходимо учитывать при формировании новой концепции управления организациями и человеческим капиталом для обеспечения эффективности управления? Очевидно, что управлять старыми методами невозможно, это ведет к ужесточению управления на всех уровнях, следовательно, к конфликтам. Снижение тяжести негативных последствий кризисов, трансформация социальных систем должна опираться как на ранее существующие принципы, так и на новые подходы.

Ключевые слова: кризис, методики и инструменты управления, трансформация социально-экономической системы, цикличность развития, реструктуризация.

Нынешняя экономическая реальность вынуждает менеджеров организаций принимать решения в условиях неопределенности. И в условиях политической и экономической нестабильности производственно-хозяйственная деятельность организации может обернуться различными кризисными ситуациями, например, банкротство или несостоятельность.

И в первую очередь стратегия должна быть ориентирована на эффективное использование возможностей организации и устранение действий, которые могут в дальнейшем привести к ослаблению эффективности ее деятельности. Поэтому для того, чтобы успешно реализовать стратегию организации и адаптировать ее под быстроизменяющиеся условия внешней среды

мгновенно, необходимо в первую очередь определить стратегические цели организации, разработать основную и альтернативный сценарии реализации стратегий, а также внедрить регулярный мониторинг процесса реализации стратегий на основе ключевых показателей.

Вопрос возможно ли развитие общества без кризисов и революционных изменений занимал умы великий ученых и общественных деятелей, бизнесменов и власти во все времена. Результатом явились различные теории цикличности и совокупность факторов, влияющих на кризис. Как известно, причины кризисов находятся в политической, экономической, психологической и социальной сферах. От этого зависит длина волны, сила удара, степень разрушения, скорость восстановления или гибель системы.

За все время своего существования практически каждая экономическая система переживает кризисные моменты. И каждая из них ищет пути выхода из выявленного кризисного состояния. Впоследствии одна организация быстро исчезает, в то время как другая продолжает существовать и вести свою деятельность на протяжении долгого времени.

При рассмотрении нынешнего состояния мировой экономики можно наблюдать за тем, что для всех стран наступили сложные времена с момента распространения нового вируса COVID-19, пришедший из Китая в декабре 19 года и с тех пор охвативший все континенты. Пандемия нанесла удар практически по всем крупнейшим экономикам мира, и почти все они, за исключением единичных случаев, не некоторое время вынуждены были ввести достаточно жесткие ограничения, которые непременно оказывали негативное влияние на уровень их деятельности [3]. В связи с этим уже появились предложения назвать нынешний кризис, который уникален по масштабам спада, «матерью всех рецессий». Последние события на международной арене дали новый импульс для развития кризиса. Прогнозы по его длительности вызывают дискуссию, если придерживаться теории Кондратьева длина волны составляет 40–50 лет. Однако расчеты учитывают только технологическое обновление, в нашем случае накладываются социальные факторы.

Насколько современная наука может дать объяснение современным событиям? Исключая теорию заговоров, которая дает объяснение происходящим явлениям на примитивном уровне, рассмотрим закономерности, присущие каждому циклу развития социально-экономической системы.

Все цивилизации развивается с определённой периодичностью, проходя виток за витком (циклы цивили-

зационного развития: зарождение, развитие, расцвет и угасание). И каждый следующий виток — это повторение предыдущего, только на новом уровне. При этом какие-то процессы, имевшие место на предыдущем витке, могут набрать ещё большую силу в новом цикле. Какие-то прошлые процессы могут ослабеть или исчезнуть вообще, освобождая место для новых. При этом общая картина остаётся прежней, и каждый новый этап отличается от предыдущего только своими нюансами.

Но постоянно корректировать структуру общества невозможно так она устроена. Ведь это огромная энергетическая система, которую можно сравнить с мощнейшим мотором, который завёлся когда-то очень давно. Как мотор невозможно чинить в те моменты, когда он включён, так и процессы существующей модели устройства общества очень сложно изменять во время их протекания. Это было бы очень неэффективно, ведь та энергия, которая запущена на определённую цель, уже реализует её. И все попытки повернуть её в другое русло искажают её движение.

Таким образом, когда-то очень давно, когда общество переходило на новый виток своего развития, были заложены базовые модели управления финансами, людьми, компаниями. Эти знания заложены в программах, распределенным по всем другим уровням общества. Именно эта информация и создаёт возможность сделать наилучший выбор, соответствующий следующему этапу развития. Применительно к современным условиям функционирования организаций решения о мерах, необходимых для дальнейшего развития, то как правило они основываются на стратегическом анализе и личном опыте руководителей.

Существует ряд особенностей, на которых нужно обратить внимание при проведении анализа стратегии организации в условиях экономического кризиса [7]:

- ♦ Сильные и слабые стороны организации, а также внешние возможности и угрозы, благодаря которым обнаруживаются стратегические изменения, необходимые для организации в условиях экономического кризиса. В качестве эффективного и надежного инструмента оценки стратегического положения организации выступает SWOT-анализ, позволяющий всесторонне проанализировать текущее положение организации и правильно структурировать информацию с целью разработки стратегии компании;
- ♦ Конкурентоспособность цен и издержек. По средством проведения стратегической оценки затрат организации по каждому виду деятельности, необходимо сделать сравнительный анализ с конкурентами по таким показателям как цена и затраты на производство товаров или реали-

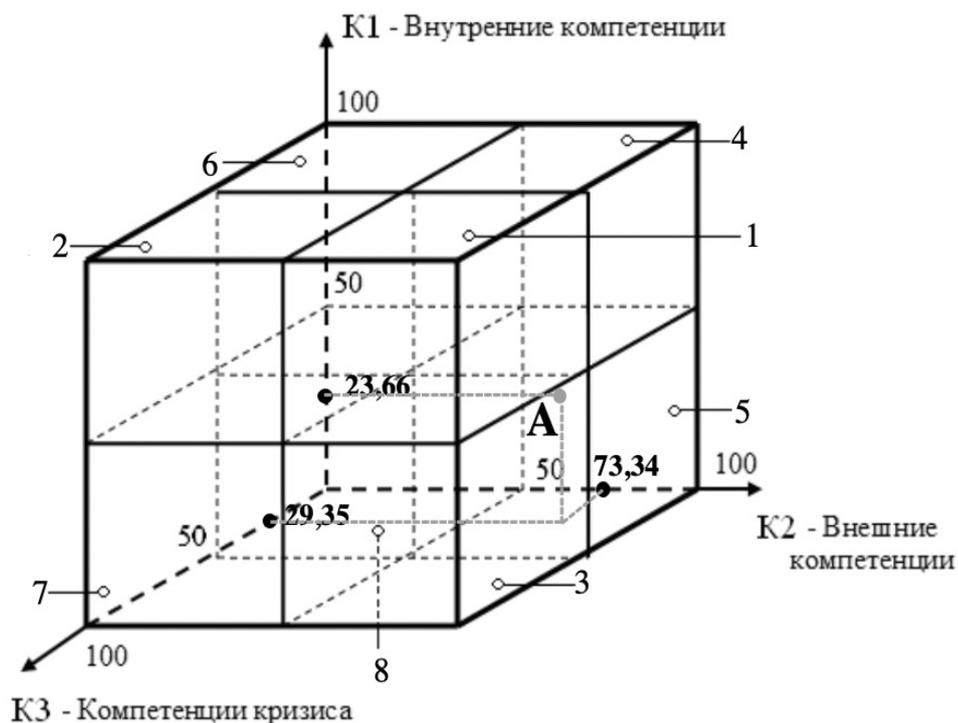

Рис. 1. Модель трех компетенций Ю.А. Коновалова и Е.Ю. Трифионовой

Источник: Клочкова Александра Валерьевна Разработка стратегии предприятия в условиях кризиса // Известия СПбГЭУ. 2016. № 1 (97)

зацию услуг. Это позволит выявить наиболее эффективный метод сокращения издержек и повышения конкурентоспособности организации. Помимо вышесказанного, необходимо также дополнить данный анализ оценкой устойчивости позиции организации по отношению к ее главным конкурентам. Такой анализ проводится по таким критериям как качество предложенной продукции или услуги, новизна технологии, финансовое состояние, продолжительность товарного цикла и т.д.

- ◆ Эффективность текущей ситуации. В данном случае нужно провести анализ конкурентов, которые также находятся в кризисной ситуации, по следующим критериям: доля рынка, целевая аудитория, возможности развития и т.д. Это позволит компании более четко представлять организацию, находящейся в кризисной ситуации.

Интерес представляет рассмотренная ниже трехмерная модель анализа состояния организации.

Как видно из рисунка 1, каждый из секторов предполагает собой антикризисную стратегию организации:

- 1) стратегия интенсивного роста;

- 2) стратегия диверсификации;
- 3 и 8) стратегия интегрированного роста;
- 4 и 5) стратегия концентрированного роста;
- 6) стратегия стабилизации;
- 7) стратегия сокращения.

Следовательно, в результате анализа модели «трех компетенций», предложенной Ю.А. Коноваловым и Е.Ю. Трифионовой, можно сделать вывод, что данная модель позволяет организации в условиях нарастающей кризисной ситуации выбрать наиболее перспективную стратегию коэффициентов ликвидности и пр.

Основным инструментом выхода из кризиса является реструктуризация. Как и любой процесс, процесс реализации реструктуризации связан с возможными проблемами. Среди наиболее актуальных выделяют следующие:

1. проблема неправильного выбора метода реструктуризации. Опасность: неуспешное осуществление реструктуризации и ухудшение его финансово-экономического состояния;
2. проблема неправильной оценки необходимых для реструктуризации ресурсов, включая временной ресурс, привлеченных специалистов,

достаточное финансирование. Опасность: невозможность завершения реструктуризации из-за нехватки ресурсов;

3. проблема недостаточной квалификации руководства по вопросам проведения реструктуризации. Опасность: неверные управленческие решения, приведшие к невозможности эффективного завершения реструктуризации. Проблема может быть решена в том числе путем проведения специализированных семинаров или увольнения менеджеров, допустивших возникновение кризисной ситуации;
4. проблема низкой мотивации лиц, участвующих в процессе реструктуризации. Опасность: конфликт интересов, возникающих между менеджментом и собственниками организации в ходе реструктуризации. Проблема решается за счет проведения реструктуризации сверху вниз, важна заинтересованность собственников, передающих свое стремление другим сотрудникам;
5. проблема некачественного юридического сопровождения проекта. Опасность: такого рода проблемы могут свести к нулю положительные результаты, которые были достигнуты в ходе реструктуризации;
6. проблема проектов реструктуризации, а именно разного рода неопределенности, в том числе в отношении исходных данных внутренней и внешней сред, в отношении выбранной модели реструктуризации, а также требований к ее эффективности. В качестве мероприятий по снижению данных проблем может быть применена оценка факторов неопределенности и разработка мероприятий по их снижению;
7. проблема преждевременной оценки результатов реструктуризации. Опасность: сворачивание реструктуризации из-за проявившихся негативных изменений. Решением этой проблемы может стать составление программы реструктуризации с подробным описанием всех краткосрочных результатов и целевых показателей, а также долгосрочных целей;
8. проблема появления негативных социальных последствий. Опасность: массовые сокращения и увольнения.

Обзор направлений, подходов и методов реструктуризации дает стройную систему проведения коренных изменений. Особенно это актуально в пост-ковидную эпоху, когда количество неплатежеспособных организаций и предприятий увеличится. Значительное количество организаций вынуждено будет реструктурировать свои активы, структуру и пр. Однако следует отметить, что авторы научных работ, связанных с реструктуризацией не уделяют внимания изменениям,

связанным с нематериальными активами. Уместно рассматривать реструктуризацию нематериальных активов в разделах реструктуризация бизнеса и имущества, однако тема настолько важна и обширна, что заслуживает отдельного рассмотрения.

В российском обществе поныне не сложилось компетентного отношения к управлению этими ресурсами. Доля их составляет до 90% и речь в основном идет о неучтенных или учтенных некорректно нематериальных активах. Причины этого явления были описаны неоднократно, однако реального осознания грандиозных возможностей, которые дает детальное понимание пользы для бизнеса пока не сложилось. Однако следует отметить значительный прорыв в отдельных областях управления НМА и деловой репутацией и присутствие востребованной деловой и правоприменительной практики.

Проведенные исследования показали, что наиболее распространенными вопросами реструктуризации нематериальных активов являются вопросы, связанные с брендом, имиджем и деловой репутацией (ДР) организаций, товарными знаками и охраной прав собственника (т.е. прямыми и косвенными последствиями оборота контрафактной продукции). В результате проведенного исследования возникла гипотеза, что именно системная реструктуризация нематериальных активов будет являться драйвером развития организаций в мире после волны ковида и связанных с этим кризисных явлений в организациях. Однако тема обширна и требует проведения отдельного исследования. Подводя итог следует отметить виды реструктуризации, необходимость которых не требует дополнительной аргументации. Это реструктуризация задолженности, отчуждение непрофильных активов, организационная реструктуризация с перераспределением функций и полномочий, анализ и реструктуризация продуктовой линейки с закрытием неперспективных исследований, внедрение новых технологий и материалов.

Самым распространенным объектом управления НМА является деловая репутация. Именно вокруг этого объекта сформировалась деловая практика, возникли технологии, кейсы. Однако чаще всего управление сводится к мониторингу и реакции на кризис.

Именно деловая репутация и имидж являются факторами повышенного риска.

Существуют алгоритмы управления ДР, проверенные различными компаниями на собственном опыте.

Общими позитивными факторами в таких историях являются:

- ◆ Мгновенная реакция на негативную информацию
- ◆ Принятие на себя ответственности (не вины)
- ◆ Общение с прессой, клиентами, поставщиками
- ◆ Обеспечение информационной доступности и прозрачности

Аутентичность информации, выдаваемый информационный модуль должен быть привязан к реальной ситуации, аналогичен прочим выходам в эфир. Никаких отклонений от выработанной позиции.

Поскольку имидж и репутация — это восприятие, образ, именно восприятие должно быть измерено [3]. Это доказывает необходимость оценки репутации в различных областях, в том числе контекстуальной, объективной и, по возможности, количественной. Необходимо решить три вопроса: какова репутация компании в каждой области (качество продукции, финансовые показатели и т.д.)? Почему? Как эта репутация соотносится с репутацией коллег по фирме?

Деловая репутация и имидж напрямую связаны с брендом организации. И снова возникает команда, скорее проектная, чем функциональная, осуществляющая процесс брендинга. В такую команду входят представители подразделений, работающие со СМИ, производственных подразделений, аналитики, маркетологи и представители высшего руководства, на которых замыкается весь процесс управления брендом. Важно определить лицо бренда на долгосрочный период. В каждом бренде этот вопрос решается по-разному. Самое правильное решение лежит в плоскости синергии персонального бренда основателя или лидера организации и бренда организации. И имидж, и деловая репутация являются равноправными участниками процесса управления. Крайне опрометчиво утверждать, что имидж — фактор управления брендом, или бренд — драйвер деловой репутации. Все эти составляющие взаимосвязаны и определить однозначно приоритет каждого из них еще предстоит. Однако можно предположить, что инвестиции человеческого интеллекта в любой из этих активов является необходимым условием поддержания позитивного восприятия аудиторией этих активов.

Одним из наиболее важных нематериальных активов сейчас является кадровый потенциал сотрудников. Следовательно, обучение и повышение квалификации персонала является ключевым объектом для инвестирования, ведь именно профессиональные качества сотрудников позволяют генерировать дополнительную стоимость для продукции компании;

Формирование и повышение деловой репутации компании — как направление инвестирования также

является важным инструментом для налаживания лучшего взаимодействия с кредиторами и инвесторами. Шанс на заключения выгодной сделки повышается у компании, которая котируется на рынке.

Таким образом интеллект сотрудника, мотивация, его опыт, репутация, имидж, умение работать в проектной команде являются системообразующими факторами развития всей совокупности нематериальных активов. Но в первую очередь они явно проявляются в имидже и деловой репутации организации. Влияние человеческого фактора на создание, защиту и иные стадии управления имиджем настолько велико, что представляет определенные риски. Часто управление такими рисками проводится вне системы, что приводит к развитию рисков в кризисы имиджа и деловой репутации. Принять этот факт, управлять им, допускать к формированию имиджа и репутации людей адекватно понимающих всю ответственность работы, мотивированных и управляемых является зоной ответственности руководителей. В дальнейшем каждой организации предстоит создать свою систему управления имиджем и деловой репутацией, которая исключит возможности возникновения кризисов имиджа и репутации, обеспечит мгновенную реакцию на такого рода события, обеспечит органическое развитие этих важнейших для организации активов

Для понимания причин кризиса и формирования оптимальной стратегии выхода из него можно использовать накопленный исторический опыт. Исследуя древние цивилизации следует отметить, что их гибель достаточно распространенное явления. Вместе с гибелью утрачивались технологические и гуманитарные достижения, восстановить которые последующим цивилизациям не удалось. Примерами могут являться медицинские и астрономические достижения майя и прочих цивилизаций. Гибель каждой цивилизации сопровождается фантастическими гипотезами, что лишь доказывает, что уровень развития науки на тот момент не мог объяснить протекающие явления. Одна из предлагаемых гипотез — устаревание социальной модели устройства системы, моральной и нравственной системы ценностей как на высшем уровне иерархии и на уровне отдельных личностей базового уровня. Связь социальных и природных кризисов выходят за рамки этого исследования, по описанным выше причинам. Их связь на сегодняшний день не имеет достоверной доказательной базы.

Подводя итоги, следует отметить, что в настоящее время кризисы участились. Их цикличность не представляет стройную систему, описанную выдающимися исследователями. Можно предположить, что человечество проходит контрольную точку, в которой закла-

дываются новые принципы существования общества на период больший, чем описывают известные нам теории цикличности. И экономику, политику, технологии, социальную сферу и пр. нужно рассматривать интегрировано. Т.е. новый формат стратегического анализа и прогнозирования должен содержать многомерное понимание деятельности организации и общества.

В том числе трансформации должны произойти в программах социального устройства общества, нравственных принципов, руководящих поведением и потребностями каждого человека. В первую очередь люди должны услышать свои потребности и цели, не ориентироваться на ранее существующие социальные штампы и критерии успешности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Джуха, В.М. Стратегический менеджмент: учебное пособие / Джуха В.М., Штапова И.С., Жуковская Н.П. — Москва: КноРус, 2021. — 282 с.
2. Иноземцев В. Коронакризис — 2020: что будет и что делать? Сценарии развития и меры экономической политики / под ред. К. Рогова. — Москва: Либеральная миссия, 2020. — 45 с.
3. Корягин Н.Д. Антикризисное управление: учебник и практикум для вузов / Н.Д. Корягин [и др.]; под редакцией Н.Д. Корягина. — Москва: Издательство Юрайт, 2020. — 367 с. — (Высшее образование)
4. Мокрова, Л.П. Управление нематериальными активами и деловой репутацией — ЭБС BOOK.ru. — URL: <https://book.ru/book/941464> (дата обращения: 25.10.2021). — Текст: электронный.
5. Мокрова Л.П., Косорукова И.В. Инструменты управления деловой репутацией бизнеса и ее стоимостью Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 9 (204). С. 18–31.
6. Ряховская, А.Н. Антикризисное управление: теория и практика: учебник / Ряховская А.Н., Кован С.Е. и др. — Москва: КноРус, 2020. — 378 с.
7. Инструменты и методы антикризисного управления: учебник / А.Н. Ряховская, А.Я. Акулов, Л.В. Ганцева, Л.П. Мокрова [и др.]; под ред. А.Н. Ряховской, Л.В. Волкова; Финуниверситет. — Москва: Магистр, 2021. — 624 с. — ЭБС ZNANIUM.com. — URL: <https://znanium.com/catalog/product/1779662> (дата обращения: 07.12.2021). — Текст: электронный.
8. Mokrova, L., Kosorukova, I.V., Ivlieva, N.N., Rodin, A., Trifonov, I.V. The business reputation of the organization: Terminology, technology and management (2020) Journal of Advanced Research in Dynamical and Control Systems, 12 (3 Special Issue), pp.

© Мокрова Лидия Павловна (LMokrova@fa.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Финансовый университет при Правительстве РФ

МЕТОД ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБОРОТНЫХ СРЕДСТВ ПРЕДПРИЯТИЯ

THE METHOD OF EVALUATING THE EFFICIENCY OF THE USE OF WORKING CAPITAL OF THE ENTERPRISE

**K. Morozov
A. Kolesnikova
T. Vardapetyan
R. Sabirzyanov**

Summary. The efficiency of the use of working capital of an enterprise determines the effectiveness of economic activity in the aggregate forming the economic and investment potential of an economic entity. Scientific substantiation and scientific research of objective and quantifiably measurable methods for assessing the effectiveness of the use of working capital are motivated by changes in the content of the current modern economic and social formation and market conditions.

The object of the study is capitalized sources of financing of the company's activities. The subject of the study is the mobile part of the capital in the form of working capital.

The purpose of the study is the scientific substantiation of the method of assessing the effectiveness of the use of working capital of an economic entity. The methodology of the research is heuristic methods of analysis based on generally recognized methods of scientific cognition.

The result of the research is a scientifically based method for evaluating the effectiveness of the working capital of the enterprise, which has a quantifiable form of final indicators and the visibility of the results of the evaluation.

Keywords: current assets, mobile capital, profitability, divergence, convergence, growth rate.

Морозов Кирилл Вячеславович
Московский государственный университет
пищевых производств
5726vmoroz@mail.ru

Колесникова Анна Александровна
Российский экономический университет
им. Г.В. Плеханова
llaitr@mail.ru

Вардапетян Татьяна Давидовна
Московский государственный университет
пищевых производств
vartd@yandex.ru

Сабирзянов Руслан Марсович
Московский государственный университет
технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Первый
казачий университет)
sabirzyanov131101@gmail.com

Аннотация. Эффективность использования оборотных средств предприятия определяет результативность хозяйственной деятельности в совокупности формируя экономический и инвестиционный потенциал хозяйствующего субъекта. Научное обоснование и научные изыскания объективных и количественно измеримых методов оценки эффективности использования оборотных средств мотивированы изменением содержания сложившейся современной экономической и общественной формации и рыночной конъюнктуры.

Объектом исследования являются капитализированные источники финансирования деятельности предприятия. Предметом исследования выступает мобильная часть капитала в виде оборотных средств.

Целью исследования является научное обоснование метода оценки эффективности использования оборотных средств хозяйствующего субъекта. Методологией исследования являются эвристические методы анализа основанные на общепризнанных методах научного познания.

Результатом исследования выступает научно обоснованный метод оценки эффективности оборотных средств предприятия, имеющий количественно измеримый вид конечных показателей и наглядность отображения результатов оценки.

Ключевые слова: оборотные активы, мобильный капитал, рентабельность, дивергенция, конвергенция, темп роста.

Таблица 1. Предлагаемые исходные значения показателей для расчёта и оценки.

Исходные данные и показатели оценки	
Исходные показатели предприятия для оценки эффективности использования оборотных средств:	руб.
+S (Выручка)	
- CP (Себестоимость)	
= EBIT (Валовая прибыль)	
- CE (Коммерческие расходы)	
- ME (Управленческие расходы)	
+/- O I/E (Прочие Доходы/Расходы)	
= PS (Прибыль от реализации)	
+ A (Амортизационные отчисления)	
= EBITDA	
- IT (Налог на прибыль)	
= E (Чистая прибыль)	
P (Стоимость всех обыкновенных акций)	
+ CL (долговые обязательства)	
- C (денежные средства и их эквиваленты)	
= EV (Справедливая стоимость компании)	
Суммарные активы	
- Нематериальные активы + Гудвилл	
- Долговые обязательства	
= B (Чистые активы)	
CA (Оборотные активы)	
Показатели (V, V_+)	
EV/EBITDA	
EV/CA	
P/E	
P/CA	
P/B	
ROA=E/B	
ROS=E/S	

Методы оценки эффективности использования оборотных средств хозяйствующего субъекта в основе своей предполагают наличие и расчёт относительных показателей, которые не формируют объективный и наглядный результат оценки. Связано это, прежде всего с тем, что показатели имеют относительную оценку, которая объективна в моментном измерении при сложившихся условиях хозяйствования, но в динамике и изменении рыночной конъюнктуры объективация результатов оценки снижается.

Авторы исходят из того, что необходимо оценивать не конкретное значение относительного показателя оценки эффективности использования оборотных средств, а динамику в ретроспективном периоде и вид динамики и изменения показателей отражает положительную или негативную тенденцию. Подобная практика в общем виде объективирует результат оценки: «... то есть определение их количества и структуры, источников покрытия и соотношения между ними для осу-

ществления эффективного управления финансами» [1, с. 282].

На основании вышеизложенного сформируем этапы оценки.

Этап 1.
Представление исходных данных и показателей оценки

На первом этапе необходимо выделить исходные значения для расчёта и показатели оценки — таблица 1.

Этап 2. Оценка дивергенции/ конвергенции показателей

Далее на втором этапе необходимо произвести оценку динамики изменения показателей, для этого можно воспользоваться показателями «дивергенции и конвергенции» [2, с. 66].

Тогда если условный показатель, например, оборотных активов и иных показателей оценки эффективности оборотных средств выразить в виде уравнения (1):

$$y = k_1 \cdot x + b, \quad (1)$$

$$\frac{dy}{dk} = k_1 > 0. \quad (2)$$

В этом случае при наличии дивергенции показателей будем иметь вид уравнений неравенств (3):

$$\begin{cases} \frac{d(OA)}{dt} > 0 \\ \frac{d(P_n)}{dt} < 0 \end{cases} \quad (3)$$

где t — время, год.

при наличии конвергенции показателей будем иметь вид уравнений неравенств (4):

$$\begin{cases} \frac{d(OA)}{dt} < 0 \\ \frac{d(P_n)}{dt} > 0 \end{cases} \quad (4)$$

Исходя из вида неравенств (3) и (4) производится оценка дивергенции (конвергенции) (D/K) рядов значений показателей и формируется графическое представление оценки дивергенции-конвергенции (рисунок 1). При этом необходимо понимать, что различные значения показателей в большинстве случаев имеют разную размерность, например, OA — оборотные активы в руб., ROS рентабельность по выручке в процентах. Для того чтобы избежать противоречия в размерности и привести к единому масштабу измерения показателей, необходимо осуществить нормирование показателей по максимальному значению (формула 5):

$$D(K) = \frac{HOA}{P_n} \cdot 100\%, \quad (5)$$

где $D(K)$ — показатель наличия дивергенции (конвергенции), в долях

HOA — оборотные активы нормированные, в долях;

P_n — рентабельность производства (принято условно), в долях.

Далее необходимо оценить, как и с какой скоростью и ускорением происходит расхождение и схождение рядов данных, для этого воспользуемся «...скорость и ускорение изменения показателя» [3, с. 92], формулы 6, 7, 8:

$$V_- = \sum_{i=1}^n \left| \frac{1}{D(K)_i} - \frac{1}{D(K)_{i-1}} \right|, \quad (6)$$

$$V_+ = \sum_{i=1}^n \frac{\left(\frac{1}{D(K)_i} - \frac{1}{D(K)_{i-1}} \right)}{n}, \quad (7)$$

$$a = \frac{\Delta V}{\Delta t}, \quad (8)$$

где V_- — скорость роста/снижения принятая по модулю, при соблюдении следующего условия:

$$\frac{1}{D(K)_i} < \frac{1}{D(K)_{i-1}},$$

V_+ — скорость роста показателя при соблюдении следующего условия:

$$\frac{1}{D(K)_i} > \frac{1}{D(K)_{i-1}},$$

a — ускорения изменения рядов данных значений.

Этап 3. Согласование результатов

Для согласования результатов необходимо воспользоваться количественным научно обоснованным методом оценки. Метод оценки средневзвешенного значения применим слабо в виду отсутствия нормативных или эталонных значений. Поэтому авторы предлагают воспользоваться методом анализа иерархий (МАИ).

При иерархическом воспроизведении поставленной проблемы формируются приоритет различных критериев, и производится оценка каждой альтернативы по отдельному критерию. В методе МАИ значения оцениваются в парах, и рассматривается отношение их воздействия на результативный показатель. Формируются системы парных оценок, которые представляют собой вид обратно симметричной матрицы. При этом за элемент матрицы $a(i, j)$ принимается интенсивность проявления конкретного показателя в иерархии i относительно другого показателя иерархии j . Оценка осуществляется по принимаемой шкале значений интенсивности, которая имеет интервал значений [1;9]. Значения оценок имеют следующую интерпретацию:

1 — одинаковые значения;

3 — небольшое превосходство конкретного показателя относительно другого;

Таблица 2. Обратнo симметричная матрица сравнения

Показатель	A 1	...	An
A1	1	...	W1/Wn
...	...	1	...
An	Wn/W1,	...	1

Таблица 3. Оценка компонента векторов приоритетов показателей

	A1	A2	...	An		
1	1	W1/W2	...	W1/Wn	$X_1 = (1 * (W_1/W_2) * \dots * (W_1/W_n))^{1/n}$	$BEC(A_1) = X_1 / \sum X_i$
2	W2/W1	1
...
n	Wn/W1	1	$X_n = ((W_n/W_1) * \dots * (W_n/W_{n-1}))^{1/n}$	$BEC(A_n) = X_n / \sum X_i$
					$\sum X_i$	

5 — высокое превосходство конкретного показателя относительно другого;

7 — значительный приоритет в превосходстве конкретного показателя относительно другого;

9 — крайне высокая значимость в превосходство конкретного показателя относительно другого;

2, 4, 6, 8 — принимаемые промежуточные значения превосходства конкретного показателя относительно другого.

В случае сравнения одного элемента *i* с другим элементом *j* получаем уравнение $a(i,j) = b$, то в случае сравнения второго элемента с первым элементом получаем $a(i,j) = 1/b$.

Критерии сравнения элементов *a* и *b* формируются исходя из следующих фактов:

- ◆ какой из показателей имеет большее превосходство в воздействие на результативный показатель (оборотные средства);
- ◆ у какого из показателей более высокая вероятность проявления (статистическая оценка).

Статистическая оценка (оценка вероятности), величина или вероятность каждого оцениваемого показателя в принятой иерархии показателей может быть определена в виде парной оценки соответствующего ему показателя по собственному вектору матрицы рассматриваемых приоритетов. Алгоритм нахождения собственных векторов матриц может быть реализо-

ван с помощью исчисления значений геометрической средней — таблица 2.

Условно примем:

$A_1...A_n$ — множество из *n* элементов;

$W_1...W_n$ — соотношение элементов.

На основе данных предположений построим матрицу сравнения элементов в таблице 2:

По окончании формирования обратно симметричной матрицы сравнения показателей, можно реализовать оценку компонента векторов приоритетов показателей — таблица 3:

При этом приоритеты значений объединяются со второго уровня иерархии вниз. Промежуточные значения приоритетов умножаются на значение приоритета по соответствующему критерию на более высоком уровне иерархии. Далее все значения суммируются.

Выделим следующие значения критериев при сравнении показателей оценки:

A — степень неопределённости по показателю;

B — объективность исходных данных, наличие истории изменения показателя (ретроспективный период)

B — «рыночность» показателя, насколько показатель отражает сложившуюся рыночную конъюнктуру;

Г — специфика показателя, некие специфические характеристики, которые воздействуют значительно

Таблица 4. Сводная таблица значений

Средневзвешенные значения показателей по МАИ (по конкретному хозяйствующему субъекту):	Значение:	Средневзвешенные значения показателей по МАИ (по акционерной юридической форме)::	Значение:	Средневзвешенные значения показателей по МАИ (по юридической форме ограниченной ответственности):	Значение:
EV/EBITDA		EV/EBITDA		B/EBITDA	
EV/S		EV/S		B/S	
P/E		P/E		ROA=E/B	
P/S		P/S		ROS=E/S	
P/B		P/B			
ROA = E/B		ROA = E/B			
ROS = E/S		ROS = E/S			

на результативный показатель (например, степень ликвидности тех или иных активов).

Этап 4. Результат оценки

Полученный результат оценки по конкретному хозяйствующему субъекту размещаем в таблицу 4, следующего вида:

Вывод

Представленный метод оценки эффективности использования оборотных средств, на взгляд авторов,

имеет ряд существенных преимуществ. Прежде всего, рассматривается ретроспективный период и динамика изменения показателей ретроспективного периода характеризует отчётный период. Важно понимать, что состояние хозяйствующего субъекта в ретроспективном периоде влияет и «...формирует текущее состояние» [4, с 540]. Следующим важным элементом объективации оценки выступает научно обоснованный метод анализа иерархий, который снижает субъективность результата оценки. Таким образом, представленный метод позволяет в полной мере получить объективный и количественно измеримый результат оценки эффективности использования оборотных средств хозяйствующего субъекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Морозов, К.В. Теоретические аспекты формирования и оценки эффективности использования оборотных средств современных предприятий / К.В. Морозов, Н.А. Гончар, А.А. Колесникова, Я.И. Лобов // Инновации и инвестиции. — 2022. — № 2. — С. 281–288.
2. Хайруллин, В.А. Инерция в социально-экономических системах: теоретико-эвристический анализ феномена / В.А. Хайруллин, С.В. Макара, Э.Н. Ямалова // Дискуссия. — 2021. — № 5(108). — С. 88–104. — DOI: 10.46320/2077-7639-2021-5-108-88-104.
3. Хайруллин, В.А. Оценка рисков и диагностика состояния крупномасштабных экономических систем с высоким фактором неопределенности / В.А. Хайруллин, Э.В. Шакирова, А.С. Огнева; Монография. — Уфа: Уфимский государственный нефтяной технический университет, 2014. — 147 с. — ISBN978-5-7831-1186-0.
4. Polyanskaya, N.M. "Analysis of current assets of the enterprise: Organizational and methodological framework and practical application." *Economic Analysis: Theory and Practice* 17.3 (2018): 539–561. — DOI 10.24891/ea.17.3.539.

© Морозов Кирилл Вячеславович (5726vmoroz@mail.ru), Колесникова Анна Александровна (llaitr@mail.ru), Вардапетян Татьяна Давидовна (vartd@yandex.ru), Сабирзянов Руслан Марсович (sabirzyanov131101@gmail.com).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2974.2022.04.20

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIPS IN THE OIL AND GAS INDUSTRY

*I. Murtazina
I. Vaslavskaya*

Summary. The oil and gas complex (OGC) is the basis of our country's energy supply and one of its most important sectors of the economy. The oil and gas industry is one of the main driving forces of the country's economic development, a real "locomotive" of its economic growth due to the generation of significant so-called multiplier effects from capital and operating costs as a result of the implementation of oil and gas projects.

Efficient, competitive oil and gas companies, as well as the industry management system on the part of the state, form the basis for the development of oil and gas companies. We are talking about the task of providing the state with the necessary room for oil and gas companies to maneuver, depending on the rapidly changing general economic situation, the state of the world commodity and investment markets. Ensuring the competitiveness of the products of the oil and gas industry in the domestic and foreign commodity markets, as well as the competitiveness of the entire oil and gas industry and its business entities is implemented on the basis of interaction with the state.

Keywords: oil and gas complex (OGC), fuel and energy complex (FEC), business, state, partnership, public-private partnership (PPP).

Муртазина Инна Рашитовна

*Аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет
Набережночелнинский институт (филиал) КФУ
inna4386@mail.ru*

Ваславская Ирина Юрьевна

*Д.э.н., профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет
Набережночелнинский институт (филиал) КФУ*

Аннотация. Нефтегазовый комплекс (НГК) является основой энергоснабжения нашей страны и одним из ее важнейших секторов экономики. Нефтегазовая отрасль выступает одной из основных движущих сил экономического развития страны, реальным «локомотивом» ее экономического роста в силу генерации им значительных так называемых мультипликативных эффектов от капитальных и эксплуатационных затрат в результате реализации нефтегазовых проектов.

Основу развития НГК составляют эффективные, конкурентоспособные нефтегазовые компании, а также система управления отраслью со стороны государства. Речь идет о задаче обеспечения государством нефтегазовым компаниям необходимого простора для маневра в зависимости от быстроменяющейся общеэкономической конъюнктуры, состояния мировых товарных и инвестиционных рынков. Обеспечение конкурентоспособности продукции нефтегазовой отрасли на внутреннем и внешнем товарных рынках, а также конкурентоспособность всей нефтегазовой отрасли и ее хозяйствующих субъектов реализуется на основе взаимодействия с государством.

Ключевые слова: нефтегазовый комплекс (НГК), топливно-энергетический комплекс (ТЭК), бизнес, государство, партнерство, государственно-частное партнерство (ГЧП).

Топливо-энергетический комплекс (ТЭК) в настоящее время важная часть экономики РФ, который обеспечивает текущую деятельность и развитие страны, а также формирует значительные поступления в бюджет государства (рис 1). В 2021 году нефтегазовые доходы составили 9056,51 млрд. рублей [1]. При этом нефтегазовая отрасль является ключевой в развитии топливно-энергетического комплекса РФ. Обобщенно нефтегазовую отрасль можно охарактеризовать, как отрасль экономики, которая занимается добычей, переработкой, транспортировкой, складированием и продажей природного полезного ископаемого — нефти и газа.

Выгоды и преимущества, которые извлекаются из коммерческих операций с нефтью, настолько значительны, а сама нефть является настолько важным топливным и химическим сырьем, что вся история развития нефтяной промышленности была, есть и, очевидно, еще продолжительное время будет тесно связана с мировой экономикой и политикой. Интересы нефтяных компаний являются объектом активной поддержки и экспансии ведущих мировых держав.

Разведанные и доказанные нефтяные запасы в мире составляют более 1,7 трлн. баррелей [2]. Почти 48%

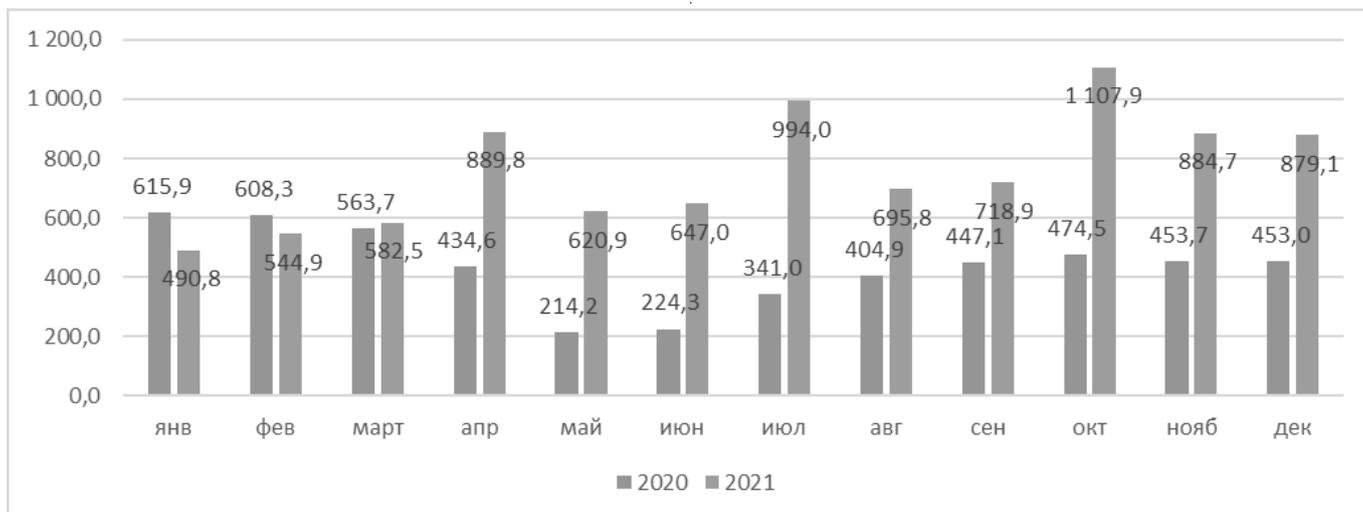

Рис. 1. Динамика нефтегазовых доходов РФ 2020–2021 гг., млрд. рублей

Источник: https://minfin.gov.ru/ru/statistics/fedbud/oil/?id_67=122094&page_id=3847&porup=Y&area_id=67 (дата обращения 11.02.2022)

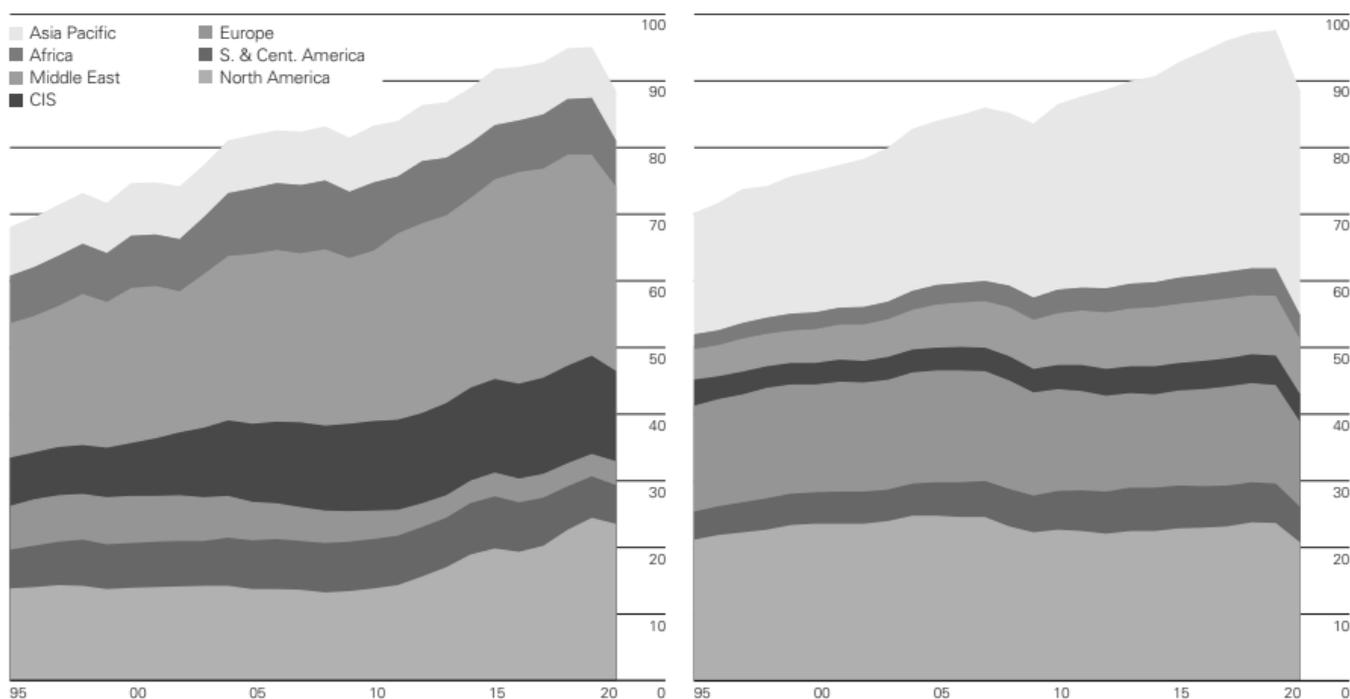

Рис. 2. Динамика производства и потребления нефти по регионам в 1995–2020 гг., млн. баррелей/сутки

Источник: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2021-full-report.pdf> (дата обращения 14.02.2022)

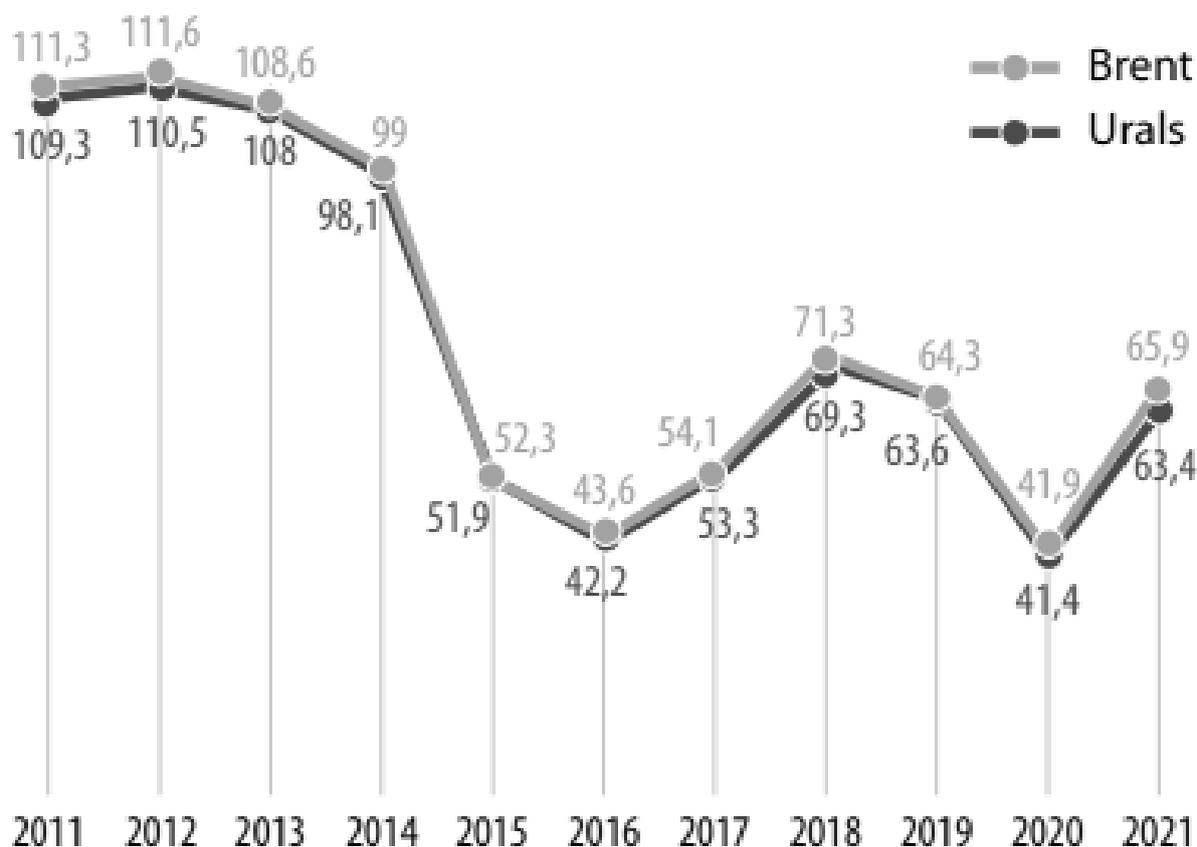

Рис. 3. Динамика стоимости нефти марки Urals и Brent в 2011–2021 гг., долл./баррель

Источник: <https://www.rosnedra.gov.ru/data/Files/File/7992.pdf> (дата обращения 14.02.2022).

всех разведанных объемов нефти расположено в странах Ближнего Востока, шесть из которых являются странами-членами ОПЕК (Посчитано автором на основе BP Statistical Review of World Energy).

В мировом объединенном балансе потребляемых энергоресурсов на сегодняшний день нефть продолжает оставаться доминирующим источником энергии в мире. Потребление нефти странами мира определяется уровнем развитости экономики.

Общая динамика мирового производства и потребления нефти представлена на рисунке 2.

Анализируя приведенную динамику, наблюдаем рост мирового производства и потребления нефти, что оказывает существенное влияние на уровень цен на нефть.

В 2020 г. на долю нефти приходилось около 30% от энергоносителей. На фоне восстановления мировой экономики после пандемии к 2025 г. эта цифра может

вырасти до 31%. Потребление нефти к этому моменту достигнет 104,4 млн. барр./сутки против 90,6 млн. барр./сутки в 2020 г [3].

Вероятнее всего, в ближайшие два десятилетия тенденции сохранятся: развивающимся экономикам будет требоваться все больше нефти, а наиболее развитым — все меньше. А в целом же потребление жидких углеводородов в мире будет расти как минимум до 2035–2040 годов [4].

Согласно базовому прогнозу МЭА, к 2040 году потребление нефти вырастет до 106,3 млн. баррелей в сутки. Весь прирост обеспечат Китай и другие страны Азиатско-Тихоокеанского региона. В Европе и США спрос будет сокращаться за счет повышения топливной эффективности, электрификации транспорта и роста потребления газа. При этом основным потребителем, как уже много десятилетий, будет оставаться транспорт, в первую очередь автомобили, которые потребляют около 45 млн. баррелей в день — это порядка 45% всего мирового спроса [4].

Однако, в современных условиях колебания цен на нефть определяют макроэкономическую ситуацию. Цены на нефть и нефтепродукты подвержены скачкообразным изменениям, как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения (Рисунок 3).

Нисходящая динамика цен на нефть в 2013–2016 гг. обусловлена главным образом избыточным предложением нефти на рынке. Восстановление цен началось в 2017 г. благодаря заключению Соглашения об ограничении добычи нефти между странами ОПЕК и еще одиннадцатью странами, присоединившимися к ним.

Рост цен на нефть продолжился недолго. Уже в 2019 г. среднегодовая стоимость марки Brent упала на 9,9% по сравнению с уровнем предыдущего года и составила 64,3 долл./барр., несмотря на продление соглашения ОПЕК+ об ограничении добычи и ростом потребления в ряде стран.

Еще более серьезным испытанием для нефтяного рынка стал 2020 г. Карантинные меры, спад промышленного производства и деловой активности привели к беспрецедентному снижению спроса на нефть и, как следствие, снижению цен на мировых товарных биржах. По данным Международного энергетического агентства (МЭА), спрос на нефть по итогам 2020 г. снизился до 91,3 млн. барр./сут. против 100,1 млн. барр./сут. в 2019 г. Кроме того, ситуация усугубилась конфликтом стран участниц ОПЕК+ и неконтролируемой добычей в марте-апреле 2020 г. В результате цены на нефть марки Brent в апреле упали до 18,4 долл./барр.— исторического минимума за последние 20 лет [5].

Учитывая нестабильность с ситуациями с мировыми ценами на нефть можно определить основные тенденции развития нефтегазовой отрасли в экономике России:

- ◆ стабильное, бесперебойное и экономически эффективное обеспечение внутреннего платежеспособного спроса страны нефтью и газом, и продуктами их переработки (НГК = поставщик углеводородов);
- ◆ экономически эффективное обеспечение внешнего платежеспособного спроса нефтью и газом, и продуктами их переработки (НГК = поставщик валюты);
- ◆ обеспечение стабильных поступлений налогов в бюджет (НГК = поставщик налогов);
- ◆ генерирование платежеспособного спроса на продукцию сопряженных отраслей российской экономики — обрабатывающих отраслей, сферы услуг и т.п. (НГК = поставщик (генератор) платежеспособного спроса на товары и услуги других отраслей).

В сложившейся ситуации снизить возможные риски инвестиционных проектов возможно путем реализации механизма ГЧП.

Сотрудничество осуществляется с целью привлечения в экономику частных инвестиций, а также обеспечения органами государственной власти и органами местного самоуправления доступности товаров, работ, услуг и повышения их качества.

В рамках ГЧП государство может оказать потенциальному инвестору помощь, так как в большинстве случаев объема инвестиций частного инвестора оказывается недостаточно для осуществления дополнительных затрат.

Привлечение в реальный сектор экономики страны инвестиций в объеме, необходимом для обеспечения экономического развития, требует активизации сотрудничества власти и бизнеса. Данное сотрудничество между государством и частным сектором с каждым днем становится все более актуальным, в т.ч. и в нефтегазовой отрасли. В связи с усложнением социально-экономической ситуации, у государства и бизнеса в последнее десятилетие, возникает необходимость использовать механизм ГЧП.

Партнерство бизнеса и власти основано на ряде принципов.

Принцип равенства интересов сторон и свободы выбора действий. Этот главный принцип экономики проявляется в ГЧП в нескольких аспектах. Он подразумевает, во-первых, равенство всех экономических агентов в доступе к услугам, во-вторых, равенство всех частных компаний в праве заключения контрактов ГЧП и, в-третьих, свободу партнеров выбирать формы и методы достижения целей, стоящих перед партнерством.

Принцип стабильности контракта ГЧП и одновременно возможности его изменения и адаптации. Контракт ГЧП представляет собой сложный, комплексный документ, рассчитанный, как правило, на длительные сроки реализации. В нем прописываются права и обязанности сторон, формы государственной поддержки, минимальная норма прибыли частного партнера. Эти и другие аналогичные по содержанию положения контракта должны быть стабильны в течение всего времени его исполнения.

Принцип ответственности за исполнение условий контракта. Частная компания — партнер государства должна предоставлять услуги экономическим агентам в полном соответствии с условиями контракта, причем ответственность за их выполнение выше, чем при соглашениях между частными фирмами, что опре-

деляется публично-правовым характером отношений ГЧП. Все возникающие проблемы и трудности частная компания должна разрешать с государством путем диалога в упреждающем порядке, предвидя возможные риски.

Принцип конкурентности. Он проявляется на стадии проведения конкурса на подписание с государством контракта ГЧП. Конкуренция среди частных компаний за участие в проекте ГЧП позволяет государству выбрать эффективного партнера и снизить затраты по проекту в целом.

Принцип прозрачности и обратной связи. Гражданское общество, в интересах которого реализуются проекты ГЧП, должно обладать доступом к полной информации о состоянии предприятия, его финансовых, экономических и иных показателях, стандартах и качестве оказываемых услуг.

Принцип невмешательства. После подписания контракта ГЧП государство не имеет права вмешиваться в хозяйственно-административную деятельность частной компании — партнера, которая самостоятельно принимает все административно-хозяйственные, управленческие, кадровые и иные решения. Ей на праве собственности принадлежат производимая продукция и получаемая прибыль.

Принцип стимулирования и гарантий. Государство применяет широкую систему стимулов по привлечению частных компаний к участию в проектах ГЧП: софинансирование, дотации из бюджета, льготный режим налогообложения, специальные таможенные режимы, гарантии по прибыльности, займам, поставкам, закупкам, снижение размера (отмена) концессионных платежей, арендной платы и т.п.

Принцип возмездности. При прекращении действия контракта по инициативе государства частному партнеру возмещаются сделанные им инвестиции и компенсируется недополученный доход, за исключением случаев нарушения с его стороны условий контракта.

Принцип равноправного отношения к иностранным компаниям, обеспечивающий им равные права с отечественными предпринимателями. Этот принцип воплощается в нормах по обеспечению недискриминационного режима допуска зарубежных компаний к конкурсам по проектам ГЧП, валютного регулирования деятельности партнеров государства, их права свободного распоряжения чистой прибылью, полученной на объекте ГЧП, в том числе права вывоза чистой прибыли за границу, и т.п. [6].

Таким образом, для развития нефтегазового комплекса национальной экономики необходимо понимать тенденции нефтегазового рынка и учитывать факторы, которые на них влияют. Важнейшими факторами развития нефтегазовой отрасли, по мнению автора, являются экономические, технологические, экологические, политические, а также социальные факторы.

Технологическое развитие нефтегазовой отрасли предусматривает применение последних современных технологий и инноваций, которые будут способствовать росту ресурсосбережения, а также помогут обеспечить выход на мировой рынок качественных и конкурентоспособных продуктов.

Таким образом, практика использования ГЧП становится актуальной для предприятий, работающих в сфере недропользования, отличающихся высокой капиталоемкостью, долгосрочностью, длительным сроком окупаемости вложений, требующих значительных дополнительных средств для создания соответствующей производственной и социальной инфраструктуры, вложений в природоохранные мероприятия.

Исходя из вышеизложенного, рассмотрев и проанализировав современные тенденции развития нефтегазовой отрасли РФ позволяет прийти к следующим выводам:

- ◆ на сегодняшний день нефтегазовая отрасль играет важную роль в развитии топливно-энергетической промышленности России. Однако последние несколько лет были достаточно тяжелыми для нефтяного сектора России. Это было связано с введением санкций, нестабильностью цен на нефть, борьбой за потребителя. Но, несмотря на это, нефтегазовая отрасль продолжает развиваться. Этому способствует применение механизма ГЧП.
- ◆ несмотря на большие капитальные вложения, и хорошие перспективы развития, у нефтяной промышленности имеются проблемы, часть из которых позволит решить ГЧП.
- ◆ в рамках механизма ГЧП фактически изменяется модель управления нефтегазовым сектором со стороны государства: от жестко регламентированных отношений в сторону партнерского взаимодействия;
- ◆ ГЧП способствует стимулированию инвестиционной и инновационной деятельности в сфере недропользования, созданию благополучного экономического климата в горной, газо- и нефтедобывающей отраслях и, как следствие, достижению финансовой стабилизации топливно-энергетического сектора страны в посткризисный период.

- ◆ ГЧП как наиболее оптимальная форма взаимовыгодного сотрудничества государства и частного сектора позволяет предусмотреть разделение рисков между субъектом государственной власти и инвестором на основе экономико-законодательного объединения материальных и нематериальных ресурсов.
- ◆ имеющееся законодательство не демонстрирует должной эффективности, а в отраслях НГК существует ряд серьезных проблем, которые необходимо начать решать, в первую очередь, с изменения роли самого НГК в экономике страны,

а также с применения новых подходов к управлению, более эффективных и действенных в сложившейся ситуации. Очевидно, что новым механизмом реализации социально-экономических задач должно стать государственно-частное партнерство.

Деятельность нефтегазовых компаний на основе механизма ГЧП способствует наращиванию инновационного потенциала сектора и в целом оживляет инновационную активность в стране, что благоприятно сказывается на ее социально-экономическом развитии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брагинский, О.Б. Нефтегазовый комплекс мира / О.Б. Брагинский. — М.: Изд-во «Нефть и газ»; РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина, 2006. — 640 с
2. Варнавский В.Г. Государственно-частное партнерство. В 2 т. Т. 1. М., 2009. 228 с.
3. Варнавский В.Г. Государственно-частное партнерство [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.g-k-h.ru/articles.php?id=1418>
4. Варнавский В.Г., Клименко А.В., Королев В.А., Баженов А.В., Воронников А.М. Государственно-частное партнерство: теория и практика / учебное пособие. Издательский дом ГУ ВШЭ. М., 2010. 288 с.
5. Ваславский Я.И., Ваславская И.Ю. Государственно-частное партнерство: Институциональный подход. Учебник для вузов. Изд.: Аспект-Пресс, 2019.
6. Государственный доклад «О состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации в 2020 году». Режим доступа: <https://www.rosnedra.gov.ru/data/Files/File/7992.pdf>.
7. Игнатюк Н.А. Государственно-частное партнерство в Российской Федерации. М.: Эксмо, 2009. 400 с.
8. Информационное сообщение Сведения о формировании и использовании дополнительных нефтегазовых доходов федерального бюджета в 2018–2022 году. Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/statistics/fedbud/oil/?id_67=122094&page_id=3847
9. Кабашкин В.А. Государственно-частное партнерство: международный опыт и российские перспективы. М.: ООО «МИЦ», 2010. 575 с.
10. Чернов Е.С. Исследование современных тенденций взаимодействия власти и бизнес-структур // Современная экономика: проблемы и решения. — 2018. — № 9 (105). — С. 54–63.
11. Чиркин В.Е. Основы государственного и муниципального управления: учебник / В.Е. Чиркин. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. 384 с.
12. Основные тенденции развития мирового рынка нефти до 2050 г. — Режим доступа: <http://www.lukoil.ru/Business/Futuremarketrends>
13. Официальный сайт Центра развития государственно-частного партнерства [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pppi.ru/>

© Муртазина Инна Рашитовна (inna4386@mail.ru), Ваславская Ирина Юрьевна.
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИССЛЕДОВАНИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ И ВЗАИМОДОПОЛНЯЕМОСТИ КИТАЙСКО-РОССИЙСКОЙ ТОРГОВЛИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИЕЙ

Мяо Юнтао

Уральский Федеральный Университет им. первого
Президента России Б.Н. Ельцина
1406515969@qq.com

RESEARCH OF COMPETITIVENESS AND COMPLEMENTARITY OF THE CHINESE-RUSSIAN AGRICULTURAL TRADE

Myao Yuntao

Summary. The article examines the relations between the Russian Federation and the People's Republic of China in the field of cooperation on import-export of agricultural products. The main normative-legal and diplomatic documents that reflect the mutual desire not only to maintain and maintain established partnerships, but also to increase import-export relations in the agro-industrial sphere are considered. An important focus of consideration of the problem of competitiveness and complementarity of the Sino-Russian trade in agricultural products in the article is the sanctions policy of the foreign policy of individual states. The author provides a historical digression about economic sanctions and their consequences both for the country against which the sanctions are directed and for the world trade market. The formation and development, according to the author, was influenced by a number of prerequisites and facts on the world market of agricultural trade: the control of the United States and China, the strengthening of partnership ties between Russia and China, joint investments in partnerships in the field of agricultural products of Russia and China, the COVID-19 pandemic. The prospects and future trends of competitiveness and complementarity of the Chinese-Russian agricultural trade are also summarized.

Keywords: international economic cooperation, Russia, China, agriculture, investment projects, pandemic, export-import.

Аннотация. В статье рассмотрены отношения Российской Федерации и Китайской Народной Республике в области сотрудничества по импорту-экспорту сельскохозяйственной продукции. Рассмотрены основные нормативно-правовые и дипломатические документы, которые отражают взаимное желание не только сохранять и поддерживать налаженные партнерские связи, но и увеличивать импорто-экспортные отношения в агропромышленной сфере. Важным фокусом рассмотрения проблемы конкурентоспособности и взаимодополняемости китайско-российской торговли сельскохозяйственной продукцией в статье является санкционная политика внешней политики отдельных государств. Автором приводится исторический экскурс об экономических санкциях и их последствиях как для страны, против которой санкции направлены, так и для мирового рынка торговли. На становление и развитие, как утверждает автор, повлиял ряд предпосылок и фактов на мировом рынке торговли сельскохозяйственной продукцией: контронтация США и Китая, усиление партнерских связей России и Китая, совместные инвестиции в партнерство в сфере сельскохозяйственной продукции России и Китая, пандемия COVID-19. Также обобщены перспективы и будущие тенденции конкурентоспособности и взаимодополняемости китайско-российской торговли сельскохозяйственной продукцией.

Ключевые слова: международное экономическое сотрудничество, Россия, Китай, сельское хозяйство, инвестиционные проекты, пандемия, экспорт-импорт.

В большинстве случаев использование экономических санкций предполагает желание страны-инициатора вмешаться в процесс принятия решений другой суверенной страны. Они служат дополнением к дипломатическим методам и дают возможность отложить или избежать использования военных средств. Из этого следует, что к экономическим санкциям чаще всего прибегают страны, проводящие активную внешнюю политику. Конечно, в истории были случаи использования экономических санкций между соседними странами, независимо от размера их экономики и активности позиции на международной арене (таблица 1).

Однако в основном экономические санкции используют именно большие государства, которые благодаря своей мощи могут влиять на события международного масштаба. «Демонстрация решимости» всегда была главной мотивацией для применения санкций, особенно для США, которые часто прибегают к таким средствам для того, чтобы поддерживать свое лидерство в мире.

США, например, пытаются продемонстрировать с помощью санкций свое осуждение политики определенной страны, даже если вероятность изменения поведения страны-объекта очень мала. В таких случаях

Таблица 1. Случаи применения санкций, когда инициатором не выступали «глобальные» государства

Год	Страна-инициатор	Страна-объект	Мотивация
Середина 1960-х	Индонезия	Малайзия	Кампания «Разбить Малайзию»
1950-е-1984	Испания	Великобритания	Гибралтар
1989–1990	Индия	Непал	Сближение Непала с Китаем
Середина 1990-х	Греция	Албания	Заклучения лидеров греческой общины в Албании

Источник: составлено автором на основе [3]

экономические санкции применяются потому, что цена бездействия — потеря доверия как внутри страны, так и в мире — выше цену санкций. Действительно, мировое сообщество всегда ждет от США «демонстрации решимости» и заверения своих союзников в том, что они придерживаются своих международных обязательств как страна-гегемон, согласно концепции управляемой стабильности.

В то время, как экономические санкции всегда имеют целью достижение внешнеполитических целей, иногда они помогают выполнить и важные внутриполитические задачи. Например, правительства могут прибегать к экономическим санкциям для того, чтобы продемонстрировать лидерство на международной арене ради усиления чувства патриотизма и политической поддержки у населения, избежать участия в военных действиях, дать сигнал другим государствам, которые могут в будущем решить осуществить шаг, противоречащий нормам международного права, удовлетворить интересы определенных лоббистских групп по ограничению импорта. Ярко это иллюстрируют слова Дэвида Ллойд Джарджа, когда он отметил решение Лиги Наций ввести экономические санкции по отношению к Италии в 1935 году: «Экономические санкции были приняты слишком поздно для спасения Абиссинии от агрессии Италии, однако они приняты как раз вовремя для того, чтобы спасти правительство Великобритании» [16].

Экономические санкции вошли во внешнеполитический арсенал стран задолго до начала Первой мировой войны. В XIX веке санкции в основном имели форму морских блокад. Страна или коалиция стран разворачивали свой флот у берегов государства, с которым они формально не были в состоянии войны, с целью блокады отдельных портов или целого побережья для прекращения морской торговли [11]. Практика применения экономических санкций стала гораздо более распространенной после Второй мировой войны. В 1950-х гг. было отмечено 15 случаев введения санкций, в 1960-х гг. — 20 случаев, в 1970-х гг. — 37, в 1980-х гг. — 23 и более 50 случаев в 1990-х гг. Большинство санкций объявлялись в одностороннем порядке Соединенными Штатами. В дальнейшем в санкциях стали

принимать более активное участие и страны Западной Европы, хотя коалиции по введению санкций чаще всего организуют США [3].

Также после окончания Второй Мировой войны другие внешнеполитические цели получили свое распространение, однако санкции продолжали использоваться и с целью повлиять на военные события. Одним из примеров расширения сферы действия экономических санкций, можно назвать их использование для того, чтобы нанести удар по экономике другой страны ради уменьшения военного потенциала. В частности, США проводили политику контроля торговли стратегическими товарами по отношению к Китаю и СССР в 1940-х годах. Более современным вариантом такой политики является попытка США и Канады не допустить самостоятельную разработку оружия массового поражения другими государствами, начиная с 1970-х годов.

Во времена Холодной войны распространенной задачей экономических санкций стало изменение политического режима в стране-объекте санкций. США и СССР использовали этот инструмент внешней политики для сохранения или изменения политического режима определенной страны для удержания их в сфере своего влияния. В то же время оппонентами принимались экономические инструменты стимулирующего типа (позитивные санкции) для нивелирования влияния экономических санкций и сохранения «дружественного режима». Ярким примером является экономическая борьба между США и СССР за Кубу [14].

В конце 1970-х годов при президентстве Дж. Картера обеспечения прав человека стало наиболее приоритетной задачей политики использования экономических санкций. Репрессивные режимы, которые оказались под давлением США, должны были выбирать: или менять публичную политику по отношению к правам человека или страдать от болезненных экономических санкций. Нередко целью США было не только изменение определенных направлений публичной политики государства, но и изменение политического режима [16]. Торговые санкции могут нанести экономический удар по стране-объекту за счет потери экспортных рынков.

По оценке экспертов FAO (продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН), Россия может обойти страны Европейского союза по производству пшеницы и стать крупнейшим экспортером в мире. Были изменены прогнозы мирового производства пшеницы за 2020 и 2021 сельхозгода до 742,4 миллиона тонн, что на 1,2% больше, чем в прошлом сельхозгоду. Такой рост связывают, в первую очередь, с ростом урожая в Индии, США и России.

Мировое производство риса должно увеличиться впервые за последние 3 года на 1,3%, значение дойдет до рекордной отметки в 497,8 миллиона тонн. Данное явление рассматривают как следствие затяжных муссонных дождей в Азии и рост производства в Африке. В России к концу 2019 года было собрано 1220,5 тыс. тонн, это на 3,1% больше чем в 2018 г. (или на 36,8 тыс. тонн). Краснодарский край является ключевым регионом-производителем. В 2020 году впервые производство превысило 1 млн. тонн. Было собрано 1026,5 тыс. тонн, это 84,1% от общего российского объема производства [10].

Основными кредиторами агропромышленного комплекса по данным на 2020 г. выступают ПАО «Сбербанк» и АО «Россельхозбанк». На долю данных банков приходится 88% общего объема всех предоставленных кредитных ресурсов. В 2019 г. в связи с увеличением ключевой ставки до 17%, российские банки стали повышать в одностороннем порядке процентные ставки по выданным кредитам. Так, Альфа-Банк и Сбербанк подняли ставку по кредиту одному из крупнейших агрохолдингов того периода — «Русагро» с 13–14% до 30%. На сегодняшний же день, в связи с последним снижением ключевой ставки в сентябре 2021 г. до 10,5% [4], ставка по кредитам АПК снижены до оптимальных размеров.

Налаживание импортозамещения требует серьезных инвестиций и времени. По оценке бывшего министра сельского хозяйства Н. Фёдорова, для достижения уровня самообеспечения продукции сельского хозяйства в 90% потребуются инвестиции в размере 16,7 трлн. руб. (600 млрд. долл.) и 5–7 лет [5].

Негативным последствием введенных ограничений на импорт многих сельскохозяйственных продуктов и продовольствия в 2014 г. стал рост внутренних цен на эти товары, в некоторых случаях мало обоснованный экономическими факторами.

Важным шагом на пути к освоению земель является Закон о «Дальневосточном гектаре», который вступил в силу 2 мая 2016 г. Он предусматривает распределение свободных земель в Дальневосточном федеральном округе (ДФО) среди граждан России [7].

Всего под программу выделено примерно 140 млн. га, или 1,4 млн. кв. км. Не все земли, расположенные на данной территории, в нынешнем состоянии пригодны для ведения сельского хозяйства в связи с климатическими условиями, но при использовании новых технологий даже они могут стать источником для развития АПК. Данная программа не только повышает эффективность антисанкционных инструментов, но и в целом решает ряд задач, связанных с изменением политического экономического курса в сторону Китая.

Дальневосточная Россия, расположенная через границу от провинции Хэйлунцзян, является ведущим местом для вывоза китайских ПИИ. По оценкам Министерства торговли Китая [2], совокупный объем инвестиций в сельское хозяйство, лесное хозяйство и рыболовство России на конец 2020 года превысил 4 млрд. долл. По данным исследовательского центра развития Хэйлунцзяна [15], отдельные фермеры Хэйлунцзяна начали выращивать зерно и овощи и разводить скот в России в начале 1990-х годов. В 2005 году чиновники Хэйлунцзяна разработали стратегический план по организации и поддержке фермерской деятельности в России, который включал модели, управляемые как компаниями, так и правительством Китая. К 2011 году 40% уездов провинции Хэйлунцзян и система совхозов провинции имели соглашения с органами местного самоуправления в России, охватывающие 6,9 млн. му (460 тыс. га) российских земель.

В 2007 году комиссия по сельскому хозяйству провинции Хэйлунцзян учредила фонд для финансирования закупок оборудования и другой поддержки развития сельского хозяйства за рубежом. Многие проекты включают в себя компании Хэйлунцзяна или фермерские ассоциации, обрабатывающие арендованные земли в России, часто организуемые соглашениями с правительством округа с партнерами в России. Инвесторы используют субсидию на закупку сельскохозяйственной техники в Китае для покупки техники для зарубежных проектов. Китайско-российский район современной сельскохозяйственной кооперации, открытый в 2007 году, был назван первой на национальном уровне компанией по посадке зерна в Лаосе.

Сонг и Чжан [17] описали Россию как страну с большим потенциалом для инвестиций в сельское хозяйство из-за низкой арендной платы за землю и низких цен на энергоносители. Вместе с тем, они также сообщили, что немногие из культур, выращенных китайскими инвесторами в России, были экспортированы в Китай. Другое исследование сообщили о таких проблемах, как ограничения на рабочие визы и неспособность российских чиновников выполнять соглашения, которые позволили бы экспортировать в Китай рапс,

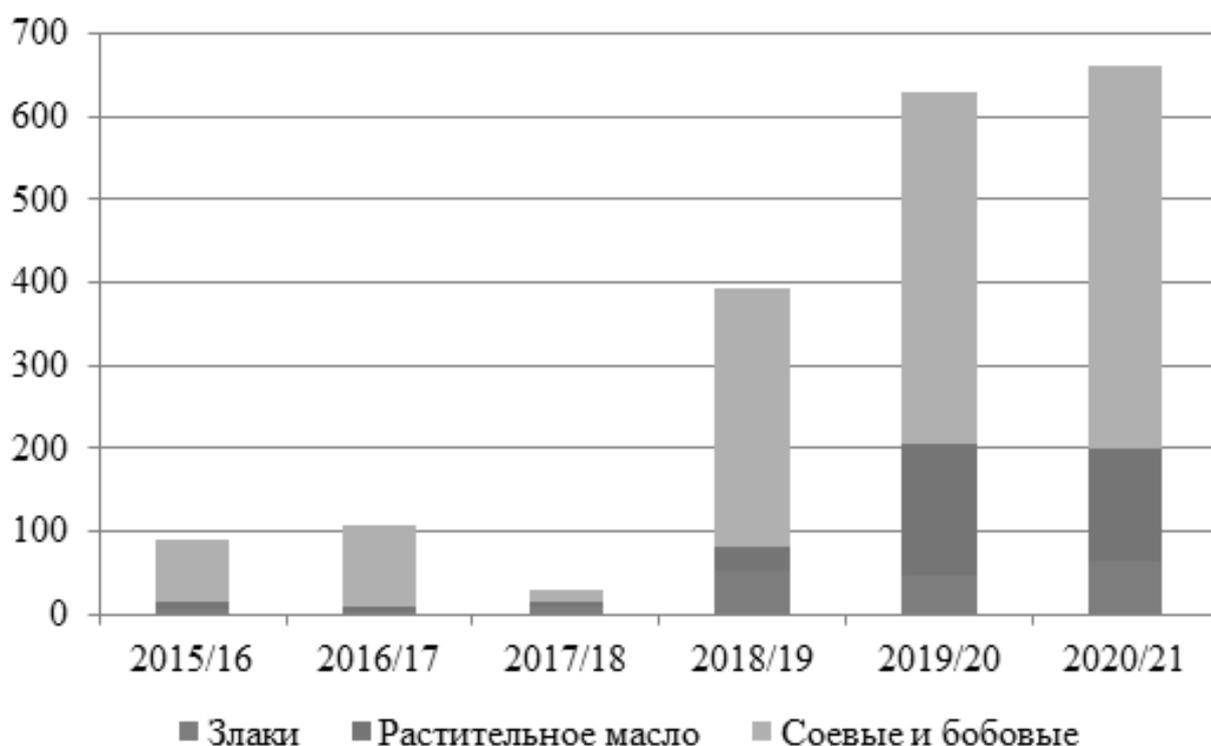

Рис. 1. Китайский импорт товаров народного потребления в отношении России (2021), тыс. метр. тонн

Источник: составлено на основе [18; 9]

выращенный в России. Сонг и Чжан сообщили о жалобах на высокие тарифы на импортируемые ресурсы, высокие налоги и сборы на продукцию, поставляемую в Китай, неравномерное соблюдение законов, отмену контрактов на аренду земли, погодные риски и плохую инфраструктуру.

Китайские власти предприняли шаги по снижению барьеров для экспорта продукции из России в Китай:

1. Власти провинции Хэйлунцзян лоббировали Национальную комиссию по развитию и реформам, чтобы получить освобождение от импортных пошлин в период с октября по декабрь для сои, выращиваемой китайскими фермерами в России [15]
2. Были модернизированы инспекционные и испытательные центры на российских пограничных переходах для обработки сельскохозяйственной продукции, выращенной в России, и были установлены процедуры для проверки ферм и продукции в России для ускорения их ввоза в Китай [12].
3. Китайские власти сообщили о совершенствовании и упорядочении таможенных и инспекционных процедур на российских пограничных

пунктах в целях содействия торговле сельскохозяйственными товарами.

4. Подписаны соглашения об экспорте рапса из России в Китай. Крупный китайский конгломерат был объединен с местным зерновым и нефтяным предприятием во Внутренней Монголии для импорта рапса и других товаров, произведенных в России, обработки их на китайском пограничном переходе, а затем распределения продукции в Китае [13].

Однако таможенная статистика подтверждает, что до недавнего времени в Китай экспортировалось мало товаров российского производства. Импорт сои, растительных масел и основных сырьевых товаров был незначительным до последних нескольких лет. Импорт сои из России в Китай увеличился с 425,8 тыс. т в 2019/20 до 459,69 тыс. т в 2020/21 гг. Импорт растительного масла из России — в основном соевого и рапсового-вырос с менее 7,6 тыс. т в 2017/18 гг. до более 137 тыс. т в 2020/21 гг.

Импорт зерновых — в основном кукурузы — также стал значительным в 2019/20 и 2020/21 гг., но так и не достиг 100 тыс. тонн. Несмотря на быстрый рост, Россия была самым маленьким поставщиком Китая им-

портируемых соевых бобов, а 431 тыс. т, импортированных из России в прошлом году, составляли небольшую долю от общего объема импорта сои Китая, который превысил 83 млн. т в 2020/21.

Российско-китайское сельскохозяйственное сотрудничество на Дальнем Востоке было одной из ключевых тем, которые обсуждались на Форуме Боао в Азии, (2020) в городе Боао (Китай). Эта индустрия, хотя и в значительной степени недооценена средствами массовой информации, ежедневно снабжает население планеты ежедневными скобками, в то время как в ней циркулируют миллиарды долларов.

Не вдаваясь в подробности, необходимо отметить, что принят ряд протоколов между Федеральной службой по ветеринарному и фитосанитарному надзору (Российская Федерация) и Главным таможенным управлением Китайской Народной Республики о фитосанитарных требованиях по отдельным категориям.

Помимо двусторонних соглашений, важно обратить внимание на государственные программы развития сельского хозяйства наших двух стран. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2016 № 350 «О мерах по реализации государственной научно-технической политики в интересах развития сельского хозяйства» и Стратегией научно-технологического развития России (Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 № 642).

Федеральный закон от 29.12.2006 «О развитии сельского хозяйства» (с изменениями на 15 октября 2020 года). Федеральный закон устанавливает правовые основы реализации государственной социально-экономической политики в сфере развития сельского хозяйства как экономической деятельности по производству сельскохозяйственной продукции, оказанию услуг в целях обеспечения населения российскими продовольственными товарами, промышленности сельскохозяйственным сырьем и содействия устойчивому развитию территорий сельских поселений и соответствующих межселенных территорий [8].

Государственная программа «Развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» на периоды 2008–2012 годы (Постановление Правительства Российской Федерации от 14.07.2007 № 446) и 2013–2020 годы (Постановление Правительства Российской Федерации от 14.07.2012 № 717).

30 ноября 2016 г. был утверждён паспорт приоритетного проекта «Экспорт продукции АПК». Ключевая цель проекта — создание отраслевой системы под-

держки и продвижения экспорта сельскохозяйственной продукции и обеспечение соответствия российской продукции требованиям регулирующих органов целевых зарубежных рынков.

24 сентября 2020 г. Правительством РФ утверждена «Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года». Основные цели программы — ускорение развития экономики региона, улучшение демографической ситуации, прекращение миграционного оттока, повышение качества жизни людей на Дальнем Востоке.

29 октября 2020 г. протоколом заседания совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам был утвержден паспорт Федерального проекта «Экспорт продукции АПК». В обновленной версии паспорта Федерального проекта целевой показатель по поставкам сельскохозяйственной продукции за рубеж достигнет 45 млрд. долларов перенесен с 2024 г. на 2030 г.

Анализ базы двусторонних документов между Россией и Китаем дает основание полагать, что оба государства стремятся к укреплению установившихся отношений в указанных выше областях, в том числе области сельского хозяйства, и их дальнейшему развитию.

Принимая во внимание период ведения торговых войн между США и Китаем, предшествующий пандемии, а также растущую мировую потребность в продовольствии в условиях сокращения плодородных и экологически благополучных районов, вопрос внешней торговой политики самого Китая по отношению к сельскохозяйственной продукции можно считать максимально актуальным. Ранее аграрная политика Китая была ориентирована на самообеспечение основными продуктами питания. Согласно «Белой книге по продовольственной безопасности Китая», обнародованной в конце 2019 г., то есть до начала пандемии, приоритетной задачей Китая в торговле прежде всего является наличие стабильного предложения на внутреннем рынке и поддержание комплексной продовольственной безопасности [6]. Тем не менее, в свете растущей волатильности мировых аграрных рынков и разногласий между крупнейшими производителями и потребителями продовольствия одним из возможных способов обеспечения безопасности для Китая является расширение производственных мощностей за рубежом и диверсификация импорта.

При обсуждении влияния пандемии на экономические отношения между Россией и Китаем в плане торговли сельхозпродукцией необходимо уточнить, что

в большинстве своем подразумевается именно экспорт из России в Китай. Приобретение китайскими государственными компаниями сельхозпродукции из регионов Сибири и Дальнего Востока, а также Краснодарского края здесь составляет основной денежный поток.

При более детальном рассмотрении экспорта в Китай основными сельхознаименованиями будут зерновые (пшеница, овес, ячмень, гречиха, рожь, сорго и др.), масличные (подсолнечник, лен масличный, рапс и др.) и сопутствующие им жмыхи и шроты, мясная продукция и прочие товары. Особенно показательными являются такие культуры, как гречиха и масличный лен, как самые нестабильные на рынке. Пшеница как наиболее производимая и экспортируемая культура стабильна в рублевом сегменте цен, со стороны Китая рынок лимитируется квотами для китайских компаний-импортеров [1].

Лен-кудряш, применяемый в России в основном в качестве сырья для производства масла с дальнейшей его реализацией для животноводческих нужд, является основной экспортируемой в Китай масличной культурой. Пандемия побудила китайские компании переориентироваться с компаний из Канады на российских партнеров. Как результат — процветающий рынок экспорта масличных культур имеет ежегодную тенденцию роста.

В конце 2019 г. при поддержке Российского экспорт-центра были проведены бизнес-миссии в регионах с целью познакомить представителей китайских государственных сельскохозяйственных компаний с недооцененными с точки зрения потенциала экспорта областями. К сожалению, инвестиционные проекты в сфере сельского хозяйства на данный момент можно считать законсервированными ввиду введенных ограничений.

Новая эпидемиологическая обстановка несомненно уже внесла коррективы в отношения России и Китая в сфере сельского хозяйства. Как со стороны КНР, так и со стороны РФ был применен ряд ограничительных мер по противодействию распространению инфекции. К данным мерам можно отнести требование портов Китая на проведение ПЦР-теста для каждой единицы замороженной продукции. Также стоит отметить влияние мероприятий по поддержке экономики в РФ, например, временный запрет на экспорт ядра подсолнечника для стран ЕАЭС. Кроме того, в период пандемии произошло перераспределение спроса на товары первой необходимости, что выразилось, например, в снижении спроса на экспортируемую из России в Китай гречиховую лузгу в качестве исходного материала для производства подушек с эконаполнителем.

Несмотря на очевидное снижение продуктивности сотрудничества России и Китая во время пиковых первых волн, к актуальному моменту экспортные потоки начали увеличиваться, что может восприниматься исключительно в позитивном ключе.

Хотелось бы отметить, что обеспеченность сельхозугодиями земледелия и животноводства в нашей стране меньше, чем в европейских странах, а продуктивность сельского хозяйства остаётся пока вдвое ниже. Прогресс в этой области заметен, особенно в последние годы, когда был объявлен курс на импортозамещение, но главным тормозом в развитии отрасли остаются не только её недофинансирование, но и общая технологическая деградация, которую преодолеть можно только созданием современной инфраструктуры, внедрением биотехнологий, позволяющих сокращать потери и увеличивать результат.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ворона А.А. Сотрудничество России и Китая в области сельского хозяйства: тенденции и перспективы // Уч. зап. С.-Петерб. им. В.Б. Бобкова филиала Рос. таможен. акад. 2019. № 4 (72). С. 42–47.
2. Китай отчитался об успехах в сельском хозяйстве за последние 70 лет // ИА «Регнум». <https://regnum.ru/news/economy/2682326.html> (дата обращения: 30.01.2022).
3. Костяев С. Мрачные перспективы: что происходит с государствами под санкциями США. <https://www.rbc.ru/opinions/politics/26/04/2016/571f42379a79471fa7cb8900> (дата обращения 15.02.2022).
4. Сайт Центрального Банка Российской Федерации (Банк России). Пресс-служба Банка России // Официальный сайт. <http://www.cbr.ru/press/keypr/> (дата обращения: 02.03.2022).
5. Сетевое издание центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. http://www.perspektivy.info/book/krizis_2014_goda_v_rossii_kak_itog_porokov_ekonomicheskoy_politiki_2015-02-04.htm (дата обращения: 07.02.2022).
6. Созинова С.С., Колпакова Т.В. Тенденции развития двустороннего взаимодействия России и Китая в сфере сельского хозяйства // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сб. Вост. центра, Забайкальский гос. ун-т (Чита). 2015. № 16–2. С. 70–81.
7. Федеральный закон от 01.05.2016 № 119-ФЗ «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/46326.html> (дата обращения: 07.02.2022).

8. Шевченко А.В., Бабанов А.Б. Актуальные направления и меры государственной поддержки агропромышленного комплекса Российской Федерации // Проблемы современной экономики: материалы VIII Междунар. науч. конф. (г. Казань, декабрь 2018 г.). Казань: Молодой ученый, 2018. С. 18–20.
9. Экспорт и импорт России по товарам и странам 2015–2021 гг. // Ru-Stut. <https://u-stat.com/date/RU/import/world/02> (дата обращения 18.02.2022).
10. Экспортные достижения АПК России в 2018 г. // АгроВестник. <https://agrovesti.net/news/indst/eksportnye-dostizheniya-apk-rossii-v-2018-g.html> (дата обращения 18.02.2022).
11. A Japanese firm holds the remaining 50 percent stake possibly in a Russian bid to counter balance China's influence in China Ministry of Commerce, National Bureau of Statistics, State Administration of Foreign Exchange. 2017. China Outward Direct Investment Statistical Communiqué.
12. AQSIQ. 2018. «农业'走出去'返销大豆经吉林口岸进口 [Importing agricultural 'go global' soybeans for sale to China at Jilin entry points]. General Administration of Quality Supervision and Quarantine of the PRC. June 25.
13. Central Peoples Government Net. 2016. «满洲里市与恒大集团、内蒙古银行举行合作会谈及签约仪式[Manzhouli City and Evergrande group, Inner Mongolia Bank hold cooperation meeting and sign agreement],» March 10.
14. Haas R.N. Economic Sanctions and American Diplomacy. — N.-Y.: Council on Foreign Relations, 1998. — 236 p.
15. Heilongjiang Development Research Center. 2014. «Heilongjiang Sheng Nongye 'Zou Chu Qu' Anli Yanjiu [Case study of Heilongjiang Province Agricultural 'going out'],» in Han Jun (editor), China: Food Security and Agricultural Going Out Strategy Research, Beijing: China Development Press.
16. Leogrande W.M. Making the Economy Scream: US economic sanctions against Sandinista Nicaragua // Third World Quarterly. — 1996. — Vol. 17 (2). — P. 329–348.
17. Song H., and H. Zhang. 2014. «Investment for Agriculture in Foreign Countries by Chinese Firms: Characteristics, Barrier and Choice of Government» Issues in Agricultural Economy issue 9:4–10.
18. USDA. 2021. Economic Research Service analysis of China customs statistics accessed through HIS Markit.

© Мяо Юнтао (1406515969@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

INTERNATIONAL EXPERIENCE IN REGULATING SUPPORT FOR SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES

**N. Onishchenko
P. Rubantsev**

Summary. The experience of supporting and controlling SMEs in Europe is considered, which consists in strengthening the integral system of the EU internal market, eliminating administrative barriers to servicing small and medium-sized enterprises, standardizing the legislative framework, as well as deepening the interaction of EU countries for economic cooperation with other countries. The main directions, principles and functions of the EU policy on SME development, from the implementation of production improvement, including R&D, to the protection of the interests of small and medium-sized businesses at all levels of government, have been studied. The measures of state support that will allow business in Russia to make a significant contribution to employment, replenishment of budgets through taxation, the formation of the middle class and institutions of secular society are proposed.

Keywords: small and medium-sized businesses, infrastructure, financial resources, support and regulation programs. administrative barriers.

Онищенко Наталья Николаевна

*К.э.н., доцент, Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск
natalia.onichenko@mail.ru*

Рубанцев Павел Витальевич

*Маркетолог, ООО «Регион Медиа» филиал
в г. Хабаровск*

Аннотация. Рассмотрен опыт поддержки и контроля МСП в Европе, который состоит в усилении целостной системы внутреннего рынка ЕС, ликвидации административных барьеров для обслуживания малых и средних предприятий, стандартизации законодательной базы, а также углубления взаимодействия стран ЕС для экономического сотрудничества с другими странами. Изучены основные направления, принципы и функции политики ЕС в отношении развития МСП, от реализации усовершенствование производства, включая НИОКР, до защиты интересов малого и среднего бизнеса на всех уровнях власти. Предложены меры государственной поддержки, которые позволят бизнесу в России, внести значительный вклад в занятость населения, пополнение бюджетов за счет налогообложения, формирование среднего класса и институтов светского общества.

Ключевые слова: малый и средний бизнес, инфраструктура, финансовые ресурсы, программы поддержки и регулирования, административные барьеры.

Формирование предпринимательства за рубежом исторически идет гораздо быстрее, чем в России. В каждой стране развитие среднего и малого предпринимательства обладает своими особенностями, на которые оказывают действия различные факторы. Среди них можно выделить: исторические, экономические закономерности, социальные, культурные национальные, и многие другие. Как показывает мировая практика, что в государствах с сформированной рыночной экономикой малый и средний бизнес оказывает основательное действие на обновление народного хозяйства в целом, решение социальных проблем, повышение количества занятых работников

В настоящее время МСП представляет собой средний класс, который служит базой для стабильного развития экономики зарубежных стран. Доля МСП в ВВП

стран мира по состоянию на 2018 год представлена на Рисунке 1.

Вышеуказанные данные демонстрируют местами двукратное превосходство развитых экономик над российской по вкладу МСП в ВВП страны. Но еще большим отставание России от развитых стран выглядит при сравнении доли занятого в МСП населения стран по состоянию на 2018 год (рисунок 2).

Малые и средние предприятия в экономически развитых странах обеспечивают работой до 79% всего занятого населения. Причем вклад МСП в занятость даже превышает вклад в ВВП. Малый и средний бизнес в России не удовлетворяет данному правилу: доля МСП в ВВП превышает его долю в общей занятости населения.

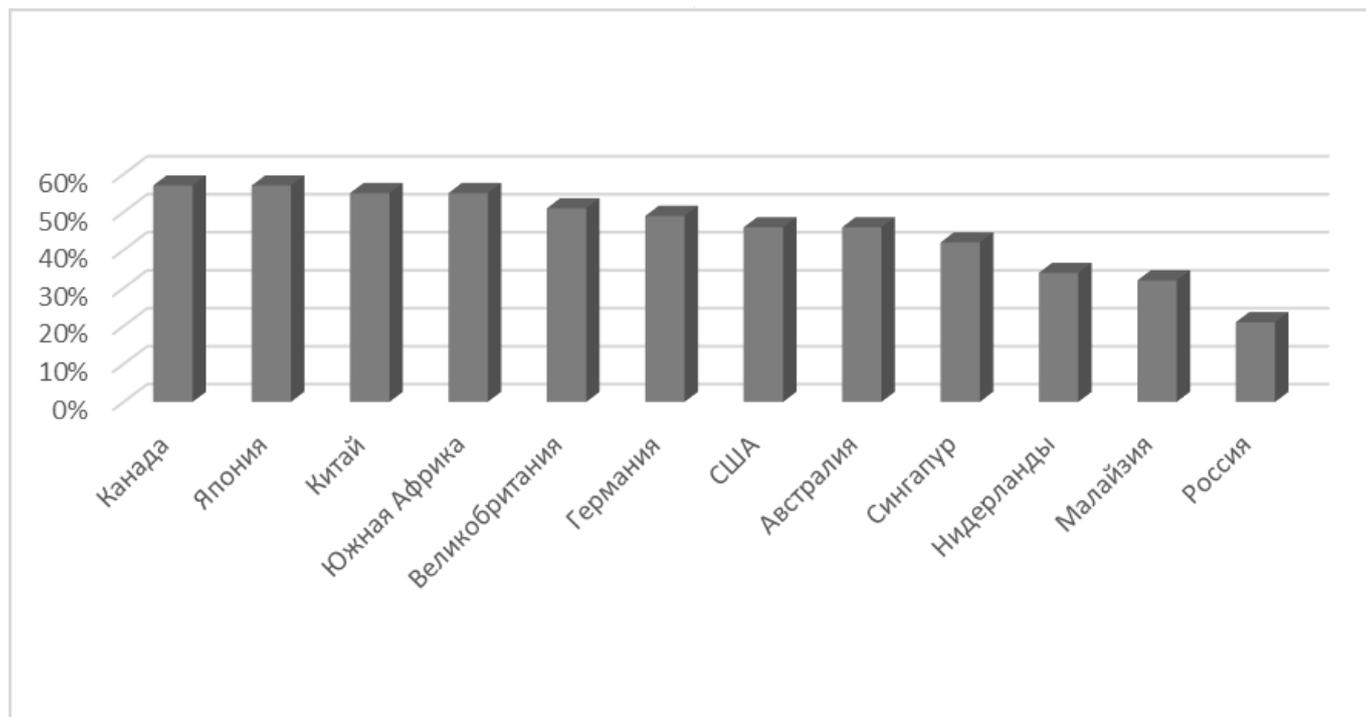

Рис. 1. Доля МСП в ВВП стран мира [6]

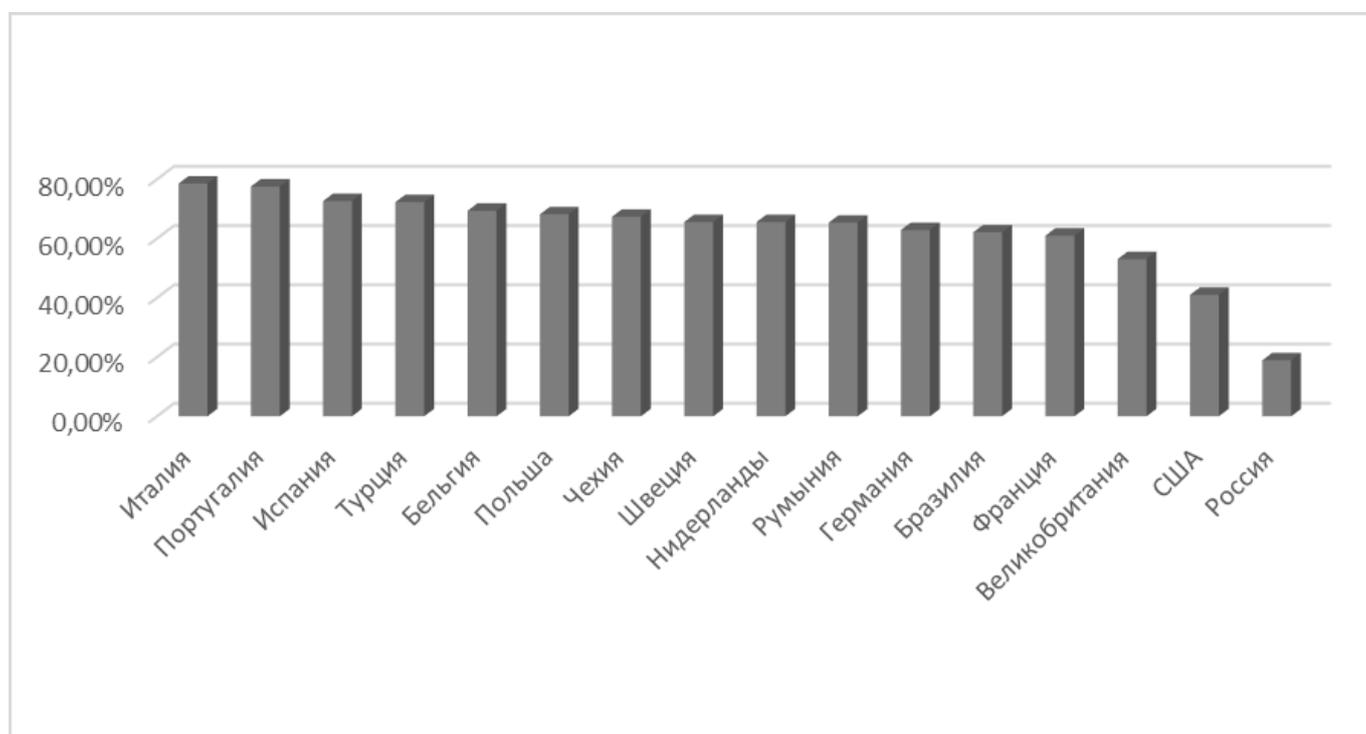

Рис. 2. Распределение стран по доле населения, занятого в МСП[5]

Большинство стран, представленных в данном списке,— это государства Европейского Союза. Предлагаем рассмотреть опыт регулирования МСП в странах Европы.

Исполняемой целью в рамках Евросоюза политики поддержки среднего и малого предпринимательства содержится в определении баланса круга интересов бизнеса и органов власти, в обеспечении рациональных условий для коммерческой деятельности, а также повышении конкурентного превосходства субъектов МСБ. Индивидуальная структура поддержки и регулирования среднего и малого бизнеса в развитых странах стали формироваться в 70-х годах двадцатого века и продолжает развиваться путем внедрения специализированных программ и создания фондов поддержки бизнеса малых и средних предприятий. На сегодняшний день основными направлениями политики ЕС в отношении развития МСП являются [9]:

- ◆ увеличение государственной помощи в оказании получения финансовых ресурсов для МСП;
- ◆ реформирование налоговой системы для МСП;
- ◆ упрощение административных процедур, законодательной базы в области поддержки МСБ;
- ◆ мобилизация венчурного капитала для инноваций;
- ◆ качественно меняется роль малого и среднего предпринимательства в инновационном развитии экономики;
- ◆ предоставление грантов и налоговых вычетов за наем молодых специалистов в узкоспециализированных областях для средних и малых предприятий.
- ◆ рост конкурентоспособной продукции МСБ, и выход с ней на международный рынок;
- ◆ формирование у населения стран входящих в ЕС духа предпринимательства и поддержка разнообразных видов сотрудничества между МСП.

В зарубежных странах сформировалась инфраструктура помощи и регулирования МСП. Она состоит из частных и государственных предприятий по обеспечению развития и поддержке СМБ. Торгово-промышленные палаты разрабатывают программы повышения квалификации персонала, занимаются технологическим консультированием кадров, работающих на МСП, стимулированием международной сотрудничества и торговли, выдачей сертификатов качества, снабжение деловой информацией и выдачей сертификатов качества предпринимателям малых и средних предприятий. [7]. Финансовые организации: венчурные компании, коммерческие банки, выделяют кредитную помощь фирмам, а также создают исследовательские и консалтинговые структуры, которые консультируют

по разным вопросам маркетинга, менеджмента и применения информационных технологий.

Особое внимание заслуживает Континентальная сеть, которая создана в помощь среднего и малого бизнеса (European Enterprise Network) — резерв пользования бесплатными справочными данными по поддержке малых и средних организаций, объединяющий более 500 агентств и организаций, выполняющих роль связующего звена между МСП и Евросоюзом. Бизнесмены средних и малых предприятий свободно могут узнать о возможностях развития компании, программах повышения квалификации кадров, новых технологий и методов производства, оценить степень риска начала деятельности в развитых странах, и получить контакты и всю необходимую справочную базу о конкретном Европейском фонде, который может разделить финансирование проекта развития с данной организацией [2].

Главные цели, помощи и регулирования СМБ в Европе, состоят в создании единого развитого рынка зарубежных стран, ликвидации административных барьеров для ведения бизнеса малых и средних предприятий, совершенствование законодательства, а также усиления взаимодействия развитых стран для крепкого экономического сотрудничества с другими государствами.

Огромное внимание для исследования представляет роль государства в поддержке МСП в США. В структуре ВВП США малый и средний бизнес не занимает такую же большую долю, как в Европейских странах, это связано, с чрезвычайным развитием крупного бизнеса и других отраслей народного хозяйства. МСБ в США является наиболее развитым в мире и находятся на качественно более высоком уровне развития, чем в России. На сегодняшний день в США зарегистрировано более 20 млн. предприятий МСП, которые обеспечивают рабочими местами более 40% населения страны.

Принципы поддержки МСП в США разработаны в середине 50-х годов прошлого столетия, Администрацией по делам малого бизнеса (АМБ), защищающей интересы СМБ на правительственном уровне по следующим направлениям:

- ◆ обеспечение доступа МСП к инвестиционным ресурсам;
- ◆ оказание организационного, консультационного, технического содействия предприятиям МСБ;
- ◆ не менее 23% государственного заказа разместить в секторе бизнеса; [3]

При этом помощь, которую оказывает государство МСП, весьма многообразна: от проведения технологической модернизации производства, содействия

Структура государственной поддержки МП

Рис. 3. Структура системы государственной поддержки МСП в США[4]

при осуществлении НИОКР до защиты интересов МСП на всех уровнях власти. Помимо АМБ в США существует немало разнообразных программ, направленных на развитие различных сегментов МСП, причем особое значение придается развитию инновационного предпринимательства, что обусловлено высокой эффективностью капиталоотдачи инновационных разработок и относительно высоким количеством патентов, выданных на одного работника МСП. Также в США высоко развита практика венчурного инвестирования, которая позволяет инновационным предприятиям разработать и довести до ума свой продукт и выйти на рынок, что было бы невозможно без крупных инвестиций извне. Структура системы государственной поддержки МСП в США представлена на рисунке 3.

В 1990-х гг. в США была проведена реформа МСП. Был принят ряд мер государственной помощи и развитию деятельности предприятий среднего и малого бизнеса, охватывая законодательные и налоговые льготы. Уникальный опыт налогового стимулирования МСП в США заключается в применении прогрессивной шкалы налогообложения для малых организаций, который

разрешает им сравнительно безболезненно пройти этап становления [10].

Помимо принципов государственной поддержки МСП в развитых странах необходимо упомянуть эффективные практики в этой области, примененные за рубежом.

Высокие результаты показывает практика снижения административного воздействия на бизнес в сочетании с классическими мерами поддержки.

Так, к быстрому росту мелких предприятий в США привело сокращение государственного вмешательства при самой разнообразной их поддержке. Процедура регистрации новых компаний в США максимально упрощена и занимает один день при стоимости от 5 до 10 долл.

В Австралии создана и функционирует система, сдерживающая принятие нормативных актов, негативно влияющих на конкуренцию и влекущая излишние административные издержки. В Австралии был чет-

ко сформулирован принцип «регулировать меньше», а не «регулировать лучше». Государственная политика здесь в явной форме направлена на поддержку саморегулирования везде, где эта практика применима и обоснована.

Упомянутая выше «регуляторная гильотина», которая в скором времени будет применена в России, ранее использовалась в ряде зарубежных экономик. Имеется положительный опыт реализации «гильотины» за рубежом: в США благодаря пересмотру правовых актов удалось добиться снижения издержек регулирования на 570 млн. долларов ежегодно, в Хорватии удалось снизить затраты для бизнеса и потребителей на 65 млн. долларов в год [1].

Существуют примеры эффективного зонального развития МСП. Во Франции была реализована практика перемещения предприятий на периферию, в слабо развитые регионы. В этом случае малые и средние предприятия получают целевые кредиты на вложения в основной капитал, структурную переориентацию производства.

США в рамках государственной поддержки малого и среднего бизнеса используют опыт создания «инкубаторов бизнеса», цель которых заключается в оказании помощи при создании новых предприятий. Эффективность их очень высока. Они функционируют на основе субсидий федерального правительства, а также средств, получаемых от правительства штатов, промышленных корпораций, учебных заведений [8]. Отдельного упоминания заслуживает Кремниевая долина — место сосредоточения инновационных и высокотехнологичных предприятий, венчурных инвесторов. Долина образовалась на базе Стэнфордского университета и других учебных заведений Калифорнии. Университет не только выпускает талантливых специалистов, но также прививает им дух и знания, необходимые предпринимателям. Более того, университет инвестирует немалые деньги в проекты своих студентов, помогая новым предприятиям доработать продукт и встать на ноги. На сегодняшний день ВВП Кремниевой долины превосходит ВВП некоторых государств. Именно

в Кремниевой долине появились такие компании, как Apple, Tesla, Hewlett Packard, Google.

Существует масса успешных практик в области передачи некоторых функций государства саморегулируемым организациям и усиления роли системных предпринимательских объединений. В США еще в 1889 г. возникла первая саморегулируемая организация: Конгрессом была создана межштатная торговая комиссия. Результатом такой политики стало возникновение организаций, которые в некоторых странах получили статус независимых органов административной власти.

Итак, практики государственного регулирования в развитых странах прошли долгий путь эволюции, в ходе которого были использованы самые разные методы поддержки МСП. Ряду стран с развитым сектором МСП удалось эффективно распространить принцип саморегулирования малыми и средними предприятиями отраслей своей деятельности и минимизировать государственное участие. Главной особенностью зарубежных систем регулирования малого и среднего бизнеса является стремление государства воздействовать не на субъектов МСП непосредственно, а на среду их жизнедеятельности. Отдельного упоминания заслуживает высокий уровень внимания первых лиц государства к МСП: к примеру, в США Агентство малого бизнеса регулярно отчитывается перед Конгрессом. Комплексное применение всех этих мер позволило малому и среднему бизнесу в этих странах внести более чем весомый вклад в занятость населения, формирование среднего класса и институтов гражданского общества. Необходимость ускоренного экономического развития Российской Федерации и отдельных ее территорий в частности объясняет важность использования успешных зарубежных практик для обеспечения жизнедеятельности МСП в современных условиях.

В данном исследовании были описаны теоретические основы обеспечения функционирования предприятий малого и среднего бизнеса в современных условиях. Удалось выявить направления государственного регулирования МСП за рубежом, которые можно использовать в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров Олег Владимирович «Регуляторные гильотины»: международный опыт устранения препятствий для бизнеса и инвестирования // Торговая политика. 2019. № 1 (17). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regulyatornye-gilotiny-mezhdunarodnyy-opyt-ustraneniya-prepyatstviy-dlya-biznesa-i-investirovaniya> (дата обращения: 18.02.2022).
2. Алиев Б.Х., Мусаева Х.М. Государственное регулирование и поддержка малого бизнеса в условиях кризиса // Финансы и кредит. 2010. № 32 (416). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennoe-regulirovanie-i-podderzhka-malogo-biznesa-v-usloviyah-krizisa> (дата обращения: 07.02.2022).
3. Захарова Н.В., Лабудин А.В. Малое и среднее предпринимательство в европейских странах: основные тенденции развития // Управленческое консультирование. — 2017. — № 12(108). — С. 64–77. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35119266>

4. Зубова О.Г., Жаркова Светлана Леонидовна Зарубежный опыт государственной поддержки малого и среднего предпринимательства // Вестник УРАО. 2020. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-gosudarstvennoy-podderzhki-malogo-i-srednego-predprinimatelstva> (дата обращения: 19.02.2022).
5. Конищева, Д.В. Критерии определения размеров малого и среднего бизнеса в России и за рубежом / Д.В. Конищева. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2018. — № 9 (195). — С. 83–86.
6. Необходимые инициативы в целях реализации перспективных направлений развития МСП в Российской Федерации — Министерство экономического развития Российской Федерации, Москва, 2018 [Электронный ресурс]. // URL: https://nsaldago.ru/media/project_mo_95/ (дата обращения 14.02.2022).
7. Тэпман Л.Н. Малый бизнес: Опыт зарубеж. стран: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению 060000 «Экономика и упр.» / Л.Н. Тэпман; Под ред. В.А. Швандара. — М.: Юнити, 2004. — 287 с.;
8. Подбиралина Г.В. Средний и малый бизнес в экономике зарубежных стран: учебное пособие / Г.В. Подбиралина, Т.В. Мигалева. — Москва: ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2013. — 92 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25555485>
9. Растущий малый и средний бизнес в России и за рубежом: роль и место в экономике — Национальная ассоциация обучения предпринимательству, Москва, 2010 г. [Электронный ресурс]. // URL: http://www.ruace.ru/datas/menu/final-report-mid-sized_businesses_-russia-abroad-281010.pdf
10. Финк, Т.А. Малый и средний бизнес: зарубежный опыт развития / Т.А. Финк. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2012. — № 4 (39). — С. 177–181.

© Онищенко Наталья Николаевна (natalia.onichenko@mail.ru), Рубанцев Павел Витальевич.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Тихоокеанский государственный университет

ПОЧЕМУ КАСПИЙ НЕ СТАЛ НЕФТЕГАЗОВЫМ КЛОНДАЙКОМ, И ЧТО ТАКОЕ «ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАПАСЫ» НЕФТИ?

WHY DID THE CASPIAN NOT BECOME AN OIL AND GAS KLONDIKE, AND WHAT ARE THE “POLITICAL RESERVES” OF OIL?

L. Ruban

Summary. The author examines how the attitude of Western countries towards the Caspian region has changed, the characteristics of its hydrocarbon reserves and resources in accordance with the need for them in Europe and the United States — a country that has become from the world's largest importer to exporter of shale oil and gas.

Keywords: Caspian Sea basin, oil and gas resources and reserves, oil and gas pipelines, Trans-Caspian pipeline.

Рубан Лариса Семеновна

*Д.с.н., профессор, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН
lruban@yandex.ru*

Аннотация. Автор рассматривает, как изменилось отношение западных стран к Каспийскому региону, характеристике его углеводородных запасов и ресурсов в соответствии с потребностью в них в странах Европы и США — страны ставшей из крупнейшего мирового импортёра экспортёром сланцевых нефти и газа.

Ключевые слова: бассейн Каспийского моря, нефтегазовые ресурсы и запасы, нефте- и газопроводы, Транскаспийский трубопровод.

Нынешние колоссальные острые энергетические проблемы Европейского Союза ещё раз подтвердили важность энергетики для эффективного развития и функционирования как экономической, так и социальной сферы общества. Особенно чётко обозначилась необходимость разведения политических заявлений и амбиций и реальных потребностей экономики и населения. Исходя из современных кризисных событий, мы затронем и проанализируем историю освоения энергетических ресурсов Каспийского региона, который в девяностые годы XX века был обозначен как основной энергетический поставщик для Европы, но затем в XXI веке ситуация резко изменилась.

Если мы вернёмся к истории данного вопроса, то следует отметить, что после обнаружения нефти и газа в Каспийском море и его прибрежной зоне западные государства и США стали проявлять к этому региону повышенное внимание. Оценки УВ-запасов бассейна Каспийского моря с самого начала были разноречивы, их было сделано более 15 вариантов. Как мы уже указывали с Катаевой Е.Г. в нашей совместной монографии «Каспий — море возможностей», «одни эксперты оценивали каспийские УВ-запасы как значительные, способные составить конкуренцию странам Персидского залива, другие — как уступающие им» [1, с. 37].

В фундаментальной книге Фёдорова Ю.Е. «Каспийская нефть и всемирная безопасность» (1996) отмечалось, что «запасы Каспия (см. таблицу 1) уступают не-

фтегазовым ресурсам стран ОПЕК и не могут с ними конкурировать» [2, с. 16–17].

В 60-е годы XX века углеводородные запасы бассейна Каспийского моря (БКМ) определялись экспертами как: «3,4 млрд. тонн, а к середине 90-х годов XX века уже называлась цифра в 12 млрд. т у т, в том числе 7 млрд. тонн нефти» [3, с. 40].

Данные по доказанным запасам нефти на Каспии были изложены в Международной нефтяной энциклопедии (International Petroleum Encyclopedia). Следует отметить, что Энергетическое Информационное Управление США по углеводородному потенциалу Каспийского моря озвучило примерно такие же цифры. Эксперты указывали, что «оценки ресурсного потенциала бассейна Каспийского моря варьировались в диапазоне от 17 (минимум) до 250 (максимум) млрд. баррелей, причём большая часть информации о перенасыщенности Каспия нефтью шла из Баку, Анкары и Вашингтона. В 1999 г. Госдеп США сообщал, что доказанные и возможные запасы нефти в БКМ составляют 178 млрд. баррелей» [3, с. 40].

Как писал российский исследователь Каспийского региона Жильцов С.С. в своей статье «Каспий: геополитические игры продолжаются», опубликованной в журнале «Газ и Капитал», «США широко оперировала информацией о нефтегазовом потенциале Каспийского региона как нового Кувейта, что импонировало прикаспийским государствам, заинтересованным в привле-

Таблица 1. [2, с. 23]. Мировые запасы нефти и газа на 01.01.1994 г.

УВ	СНГ			Бл. Восток	Персидский Залив
	всего	Азербайджанский Прикаспий	Казахстан		
Нефть млрд. т	7,7	850–870	2,150	90,8	90
Газ трлн. куб. м	56,5	4,105	1,455	44,8	44,1

Таблица 2. [10, с. 7]. Динамика доказанных запасов нефти по странам и регионам с 2011 по 2020 гг.

Страна/регион	2011–14	2015	2016	2017	2018	2019	2020
СНГ	19361,5	19253,5	19257,5	20229,5	16751,7	19657,5	19793
Азербайджан	952	952	952	952	954,8	958,9	958,9
Казахстан	4080	4080	4080	4080	4092,0	3931,8	3931,8
Россия	14133	14025	14029	15001	11500,0	14551,1	14686,6
Туркменистан	81,6	81,6	81,6	81,6	81,8	82,2	82,2
Узбекистан	80,8	80,8	80,8	80,8	81,0	81,4	81,4

Источник: ОАО «ВНИИЗРУБЕЖГЕОЛОГИЯ», 2020.

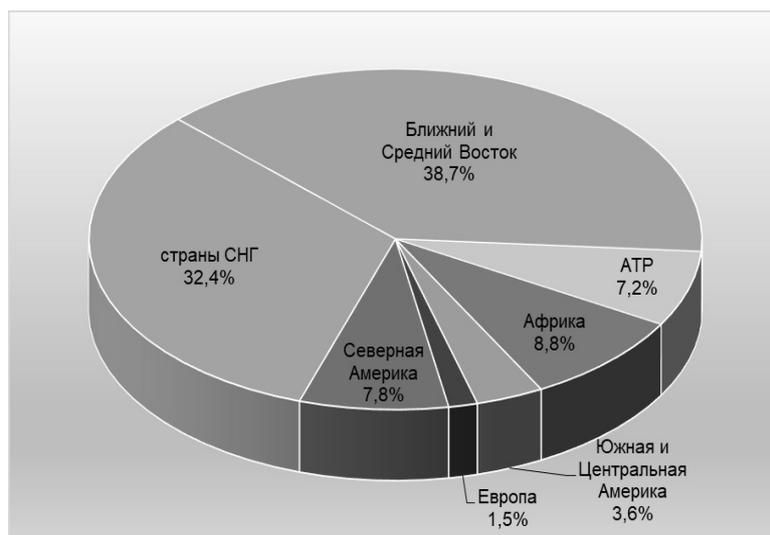

Диаграмма 1. Запасы нефти в СНГ на 2020 г. [10, с. 7].

чении иностранных инвесторов. Американские оценки ресурсов УВ Азербайджана, Ирана, Казахстана и Туркмении показывали их 3,5–4 кратное превышение над российскими» [4, с. 66].

Автор данной статьи, будучи руководителем аналитического отдела Министерства по делам национальностей и федеративных отношений РФ, приняла в 2000 г. в Ялте участие в международной конференции «ГУУАМ: проблемы и перспективы развития транспортно-коммуникационных коридоров» и изложила в своём докладе мнение российских экспертов о том,

что «ресурсный потенциал России в Прикаспии только по нефти специалистами США был занижен более чем в 20 раз, по сравнению с доказанными запасами в российском секторе» [5, с. 213].

Мы можем констатировать, что данные Минтопэнерго России в 2001 г. по оценке потенциала нефтяных запасов на Каспии были в два раза ниже, чем расчёты их американских коллег (10–15 млрд. тонн и 24–26 млрд. тонн соответственно) [4, с. 67], а украинские специалисты чётко заявили, что «Каспий не может сравниться с Ближним Востоком, но существует поня-

Таблица 3. [11, с. 35]. Состояние и перспективы добычи нефти в Каспийском регионе, млн. т.

Страна	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2020
Азербайджан	12,6	9,3	14,5	26,5	64,3	66,0	54,7
Казахстан	25,8	20,5	35,8	69,5	84,2	109,3	126,6
Туркменистан	5,7	4,9	7,0	12,0	15,3	15,2	12,5
Узбекистан	3,4	8,4	8,6	8,0	5,9	5,4	4,9
Всего	47,5	43,1	55,9	116,0	169,7	195,9	198,7

Таблица 4. [10, с. 11]. Добыча нефти в СНГ в целом и странах региона в 2013–2019 гг., в млн. т.

Регион/страна	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Страны СНГ	665,3	666,3	672,8	684,5	692,6	711,1	714,9
Азербайджан	43,5	42,1	41,6	41	39,0	39,2	38,1
Казахстан	82,3	81,1	80,2	79,3	91,6	91,2	91,4
Россия	523,4	526,7	534,2	547,5	546,5	563,3	568,1
Туркменистан	11,7	12,1	12,7	12,7	11,6	12,6	12,5
Узбекистан	2,9	2,8	2,7	2,6	2,3	2,9	2,8

тие **политические запасы нефти**, поэтому в выступлениях политиков часто звучат совершенно другие, чем в реальной действительности данные» [6, с. 27–28]. В 2001–2002 гг. российские специалисты оценивали запасы Каспийского моря в 18–19 млрд. тонн нефти при прогнозных величинах до 30–31 млрд. тонн.

Азербайджанской стороной «прогнозные нефтяные запасы Каспийского региона оценивались в 2007 г. в 200 млрд. баррелей, а запасы газа — в 640 трлн. куб. футов (т.е. 15% запасов энергетических ресурсов мира)» [7, с. 8].

Российские специалисты в 2008 г. определяли «суммарные прогнозные извлекаемые углеводородные ресурсы в акватории Каспийского моря как 1453,6–2160,4 млн. т у.т, в том числе нефти — 246,7–374,9 млн. тонн и свободного газа — 1125,7–1665,3 млрд. куб. м. По международному аудиту, мировые запасы на 1 января 2010 г. составляли 181,72 млрд. тонн, а российские — 10,16 млрд. тонн» [8, с. 18].

Американские геологи в 2011 г. указывали на стратегическую значимость запасов каспийских углеводородов, отмечая, что «неразведанных технически извлекаемых природных нефтяных запасов бассейна Каспийского моря на тот момент было 19,6 млрд. баррелей сырой нефти, 243 трлн. куб. футов природного газа (6,8 трлн. куб. м) и 9,3 млрд. баррелей природного газового конденсата» [9, с. 26]. В тот период было известно около 560 месторождений нефти и газа. Ситуация по доказанным запасам нефти СНГ в целом и по странам в отдельности подробно представлена в диаграмме 1 и таблице 2.

Следует отметить, что в странах СНГ прирост доказанных запасов нефти составил за последние семь лет свыше 135,5 млн. тонн. Его обеспечила Россия, а доля этого региона в мировых запасах уже в 2019 г. (в доCOVID-ный период) составляла 8,5%, ставя СНГ по доказанным запасам на второе место в мире. Ресурсы же традиционной нефти этих стран в 2020 г. составляли 25,8% мировых (147,2 млрд. тонн из них или 87,9% приходится на Российскую Федерацию).

Проследим, сопоставляя данные таблиц 3 и 4, насколько оправдались прогнозные оценки добычи нефти в прикаспийских государствах бывшего СССР, сделанные в 2001 г. азербайджанскими нефтяниками и опубликованными в аналитическом отчёте «Нефтегазовой вертикали» в сопоставлении с данными по добыче нефти в странах СНГ на современном этапе по расчётам ОАО «ВНИИЗАРУБЕЖГЕОЛОГИЯ», выполненным в 2020 г.

На страны СНГ приходится 15,9% мировой добычи нефти. Из сравнения таблиц 3 и 4 видно, что наиболее реалистичный прогноз был дан по Туркменистану, а по Азербайджану, Казахстану и Узбекистану прогнозы по добыче нефти оказались завышенными. Несовпадение вполне может быть обусловлено снижением производства в связи с пандемией коронавируса COVID-19. Данные по природному газу в бассейне Каспийского моря представлены в таблице 5 и даны в динамике.

Анализируя ситуацию в бассейне Каспийского моря в постсоветский период, мы с Катаевой Е.Г., заместителем генерального директора «Газпромрегионгаз» указывали, что «при освоении природных богатств в БКМ

Таблица 5. [11, с. 35]. Данные добычи газа в Каспийском регионе и прогноз, в млрд. куб. м

Страна	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2020
Азербайджан	9,9	6,6	6,2	10,6	32,3	39,3	41,0
Казахстан	6,4	4,5	10,4	19,8	35,7	52,0	59,0
Туркменистан	87,7	30,6	44,3	64,9	88,0	112,0	131,5
Узбекистан	40,3	47,6	54,3	59,3	60,0	63,1	66,3
Всего	144,3	89,3	115,2	154,6	215,9	266,4	298,0

сосредоточились интересы прибрежных государств: России, Азербайджана, Ирана, Туркмении и Казахстана и нерегиональных держав: США, Китая, Великобритании, Турции, Саудовской Аравии, причём США объявили регион зоной своих национальных интересов» [1, с. 60], что подчёркивает важность и значимость ресурсного потенциала.

Следует отметить, что к моменту распада Советского Союза и возникновению новых независимых государств наиболее серьёзным потенциалом в бассейне Каспийского моря располагал Азербайджан. Это неудивительно, так как уже в 1901 г. «в Азербайджане добывалась половина мирового извлекаемого ресурса нефти, а в 1940 г. — 71,5% от всей добычи в СССР, активно велась добыча морской нефти, имелась хорошо оснащённая геофизическая служба, флот для производства геофизических исследований, установки для картировочного и глубокого бурения, а также наработанный значительный опыт освоения месторождений на море» [12, с. 7–11].

В 1991 г. Азербайджане на морских месторождениях в БКМ добывалось 9,5 млн. тонн нефти и газа — 8,3 млрд. куб. м (96,7%) в год. Коротко ситуацию в энергетической сфере АР можно охарактеризовать следующим образом по полученным успешным результатам: «создано 20 консорциумов и подписано 24 контракта, в том числе «американские «Амоко», «Эксон», «Юнакал», который объединился с Шеврон, японской «Иточу Ойл Эксплорейшн», турецкой «Теркиш Петролеум». По освоению Шах-Дениза в июне 1995 г. был подписан контракт между British Petroleum, Statoil и ТРАО при доле иностранных компаний 60%. Была создана АМОК» [1, с. 60], которая уже в 2001 г. начала получать прибыль по проекту. Крупнейшим событием стало подписание в 1994 г. знаменитого «контракта века», по месторождениям Гюнешли, Азери и Чираг а основными акционерами по освоению Шах-Дениза стали BP, Statoil, «Амоко», ГНКАР, «ЛУКОЙЛ», TotalFinaElf, и OIEC.

Мы с коллегами отмечали «при подготовке модельного закона по разработке морских углеводородов (УВ), осуществляемой по инициативе Межправительственного Совета по нефти и газу СНГ, что из-за труд-

ностей разработки ресурсов произошёл уход 11 иностранных инвесторов и операторов из Азербайджана: сначала Pennzoil и Ramco потеряли интерес к «контракту века», затем заявили об уходе филиал HSBC, Bidas, Shell, UNOCAL, Chevron, Exxon Mobil из каспийской зоны» [13, с. 40–42]. За свой уход компании заплатили миллионные отступные, так как прогнозы на добычу углеводородов не подтвердились.

Неудачами были проекты «Карабах» и «Ашрафи-Дан-Улдузу», блок Апшерон, Кюрдаши, Огуз, Ленкорань-Талыш-Дениз. Месторождение Шах-Дениз было перепрофилировано из нефтяного в газовое. Таким образом, ряд инвесторов ушёл из БКМ, оплачивая миллионные отступные [13, с. 40–42].

На примере Азербайджана мы рассмотрели, что происходило в западной части БКМ, а теперь проанализируем ситуацию в восточной части, на примере Казахстана, тем более на Республику Казахстан приходится 3,5% мировых запасов нефти и 1% общемировых запасов газа.

Как мы уже отмечали с коллегами в наших монографиях «Каспий — море проблем» (2003), «Каспий — море возможностей» (2008) и «Сотрудничество на Каспии — путь к успеху и процветанию» (2011), отличительная черта экономики Казахстана заключается в том, что «объём иностранных инвестиций в энергетику Республики значителен. Уже в 1991 г. он достиг 3 млрд. долларов, что составило 33% от капиталовложений в экономику РК. Их основная часть была направлена в минерально-сырьевой комплекс. Крупнейшим инвестором выступали США — 54%» [1, с. 87].

В 2010 г. 85% инвестиций, вкладываемых в нефтегазовую отрасль РК также были иностранные. Самые крупные инвесторы на сегодняшний день — это КНР, США и Италия. 87% добычи нефти и 88% добычи газа контролируются 12 компаниями из Европы, Китая, России и Америки. Сильнейшее соперничество в этой сфере идёт между США и КНР, причём доли их вклада практически равные — порядка 30% от каждой из этих стран.

Партнёром «КазМунайГаз» с 1993 г. работает американская компания «Шеврон» в составе «Тенгизшевро-нойл» (ТШО) по разработке месторождения Тенгиз с долей 50%, «Казмунайгаз» — 20%, Эксон Мобил Казахстан Венчурс Инк. — 25% и СП «ЛукАрко» — 5%.

А вот из состава участников Aqir KCO — «Аджип Казахстан Норт Каспиан Оперейтинг Компани» в мае 2011 г. наметила выход SoposoPhillips и заявила об этом своём намерении выйти из СКП и продала свою долю (8,4%) АО «НК «КазМунайГаз» за 5 млрд. долларов США, а 7 сентября 2013 г. «КазМунайГаз» продал 8,4% китайской компании CNPC. По данным Министерства нефти и газа Республики Казахстан, в производстве казахстанской нефти на Китай приходится около 24% и на США столько же.

Но добытую нефть нужно ещё доставить на потребительский рынок. Как отмечает Д. Ергин в своей книге «Новая карта мира», «вице-президент Эл Гор, который был горячим сторонником строительства новых трубопроводов для каспийской нефти, заявил: «Безопасность мировых ресурсов нефти и газа продолжает оставаться в числе важнейших интересов США и их союзников. Сегодня интересы США, распространяются на Кавказ, Казахстан и Сибирь» [14, с. 116]. Так началась большая гонка вокруг каспийских трубопроводов.

Западные страны стремились провести трубопроводы в обход территории России (Баку-Тбилиси-Джейхан, Баку-Супса, Южно-Кавказский трубопровод (ЮКТ), главной частью которого должен был стать «Nabucco», разрабатывались маршруты «Белый платок» и ITGI. Конкуренция маршрутов была жёсткой. Велись напряжённые переговоры о транскаспийских нефте- и газопроводах, против которых протестовали РФ и Иран. Но этим проектам не суждено было реализоваться по экономическим причинам, так как после кризиса 2008 г. ситуация в мире изменилась. Производство замедлило темпы роста, стало необходимо меньше энергоресурсов. К 2012 г. снижается потребность в нефти в мире и в ЕС. К примеру, 9 НПЗ в Европе закрылись, а 15 были проданы в 2012 г. [15].

Однако спустя десять лет в марте 2022 г. снова заговорили о транскаспийском газопроводе в связи с решимостью США помешать российскому газовому экспорту в Европу и жёстком дефиците энергоресурсов в Евросоюзе.

Озаботился проблемой успешного УВ-экспорта и Казахстан, который транспортирует в Европу по Каспийскому трубопроводному консорциуму (КТК) 53 млн. тонн нефти из 60 млн. тонн общей прокачки сырья. Казахстан обеспокоен надёжностью этой транспортной

артерии, так как опасается, как бы США не наложили санкции на экспортную прокачку нефти по КТК в Европу после начала Россией 24 февраля 2022 г. спецоперации на Украине.

Кроме того, шторм 20–21 марта 2022 г. на Чёрном море привёл к повреждению выносного причала КТК под Новороссийском, где загружаются нефтью танкеры. Устранение этой аварии потребует, по меньшей мере, полтора — два месяца, что уже сказалось на цене на нефть на мировом рынке, которая в настоящий момент достигла 117 долларов США за баррель. Другой риск связан с тем, что штормом были смыты в акваторию Чёрного моря малые морские и противодесантные мины с заминированных ВСУ пляжей и подходов к морским портам Украины на Чёрном море. Эти мины по морским течениям двигаются в сторону проливов, тем более что локация Чёрного моря выше, чем Мраморного, и это значительно ускоряет процесс перемещения. Очень высока опасность, которую представляют мины для судоходства, тем более что для их подрыва достаточен контакт с величиной от 700 грамм. В случае столкновения мин с нефтяными танкерами это может привести к экологической катастрофе. 26 марта 2022 г. первая мина появилась на Босфоре, но была успешно ликвидирована турецкими моряками.

В ЕС надеялись на вклад в сокращение потребления минеральных энергоресурсов, который должно было внести развитие возобновляемой энергетики, в первую очередь ветро- и солнечной. Во Франции и Германии в рамках зелёного перехода закрыли ряд атомных электростанций, но надежды на ВИЭ не оправдались. Кроме того, сокрушительный удар по развитию топливно-энергетического комплекса всех стран нанесла пандемия коронавируса COVID-19, снизив спрос на нефть на 30 млн. баррелей в сутки в 2020 г. Таким образом, в Европе произошло снижение спроса на 50–70% в 2020 г., но даже это не смогло воспрепятствовать складыванию дефицита энергоресурсов в ЕС в 2022 г., что ввергло всю европейскую экономику в турбулентное состояние.

Три страны — США, Россия и Иран в 2019 г. обеспечивали 47% мировой добычи газа, причём США заняли 1-е место за счёт добычи сланцевого газа. Среди регионов по суммарному объёму экспорта газа лидируют страны СНГ. Основной объём обеспечивает Российская Федерация, экспорт из которой вырос по сравнению с предыдущим годом на 8,7 млрд. куб. м.

Среди стран экспортеров газа со значительным отрывом лидирует Россия, Катар находится на 2-м месте, США — на 3-м, а Туркменистан на 10-м месте. Крупнейшим импортером природного газа является Европа, вот

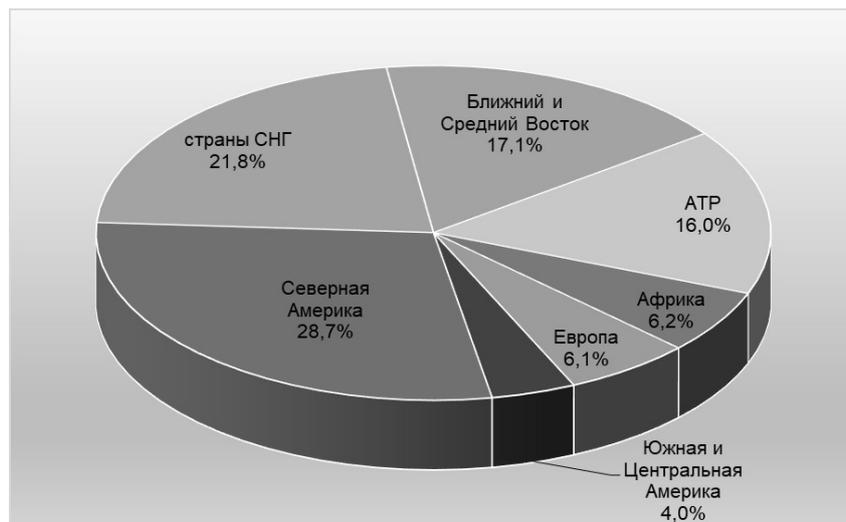

Диаграмма 2. Добыча газа в регионах в 2019 г. [10, с. 24].

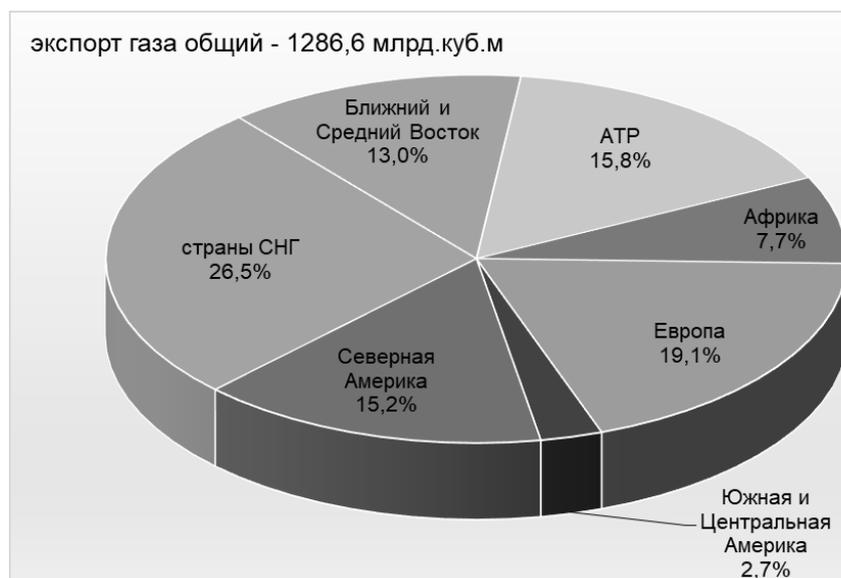

Диаграмма 3. Экспорт газа по географическим регионам в 2019 г. [10, с. 26].

поэтому за этот рынок и развернулась ожесточённая борьба. США хотели и хотят вытеснить из него Российскую Федерацию.

Наибольший рост добычи газа произошёл в 2019 г. в Северной Америке (+85 млрд. куб. м), чему способствовали успехи сланцевой революции в США, причём доля сланцевого газа в суммарной добыче в этой стране превысила 70%. США превратились из главного мирового импортёра углеводородов в экспортёра, поэтому как раньше ожесточённые дискуссии шли вокруг Транскаспийского газопровода, так в 2021–2022 гг. развивались коллизии вокруг «Северного потока-2»,

строительство которого было завершено, и он заполнен техническим газом. Однако после наложенных США и ЕС санкций на РФ после начала спецоперации на Украине на пуск «Северного потока-2» рассчитывать не приходится.

Хотелось бы сказать об особенностях: чтобы работать в Казахстане, иностранные энергетические компании должны брать на себя выполнение социальных проектов. И они идут на это. Но надо отметить, что раньше США были заинтересованы в казахских энергетических активах потому, что являлись крупнейшим импортером нефти, теперь им нужны не только акти-

вы, им нужны буферные государства между Россией и Китаем. После ухода Д. Трампа с поста президента отношение США к энергетической сфере в странах Центральной Азии не изменилось при Дж. Байдене, и тут стоит вспомнить деятельность Байдена через его сына Хантера на Украине.

Итак, резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что, если в европейском направлении несмотря на временное снижение нефтегазовый экспорт из стран СНГ развивается наравне с восточным китайским направлением, то США уже не заинтересованы в импортных энергоресурсах и стремятся вытеснить из европейского и азиатского рынка углеводородов других крупных экспортёров.

Во время пандемии COVID-19 влияние Турции, ставшей в XXI веке крупным транспортным газовым и нефтяным хабом, снизилось в связи с сокращением мирового производства и потребности в УВ по сравнению с предшествующим периодом. В настоящий момент спад производства в связи с пандемией коронавируса преодолён, потребность в энергоносителях увеличилась, а обеспечение Турции энергетическими ресурсами благополучно, в частности газ непрерывно и бесперебойно поступает по подводным морским российским газопроводам «Голубой поток» и «Турецкий поток», а также Баку-Тбилиси-Эрзерум. Нефть поставляется танкерами и по нефтепроводу Баку-Тбилиси-Джейхан.

Иран озабочен жёсткими американскими и европейскими санкциями и трудностями, связанными с ними. Турбулентности в ситуацию добавили уже сделанные и планируемые в отношении России санкции Евросоюза и США в связи с началом спецоперации на Украине. Постоянно звучат призывы США и ряда стран Европы

прекратить импорт углеводородов из Российской Федерации. Всё это обостряет энергетическую ситуацию не только в Каспийском регионе, но и в мировом масштабе.

Подводя итог, мы можем констатировать, что неоправданно оптимистичные прогнозы по нефтегазовым запасам и ресурсам бассейна Каспийского моря не реализовались за постсоветский период и не смогли дать Прикаспию статус нефтегазового Клондайка. Ситуацию в топливно-энергетической отрасли осложнила турбулентная ситуация в Европе — крупнейшем импортёре каспийских углеводородов и превращение США из мирового импортёра в экспортёра нефти и газа.

На этом фоне КНР значительно укрепила в СНГ свои позиции, привязав к себе трубопроводами по транспортировке нефти и газа страны Центральной Азии и захеджировав энергетические риски, при том, что Китай в значительной степени владеет активами как в добывающей сфере ТЭК, так и в нефте- и газопереработке и транспортировке углеводородов стран СНГ, активно внедряя юань как валюту для расчётов со своими партнёрами. Проект Китая «Один пояс — один путь» реализуемый Китаем в рамках концепции единой судьбы человечества, показывает эффективное укрепление этого глобального игрока на постсоветском пространстве.

А что же страны Прикаспия? Наиболее реалистично смотрят на эту ситуацию в Казахстане, где ставят перед собой задачу диверсификации деятельности добывающих отраслей экономики и их ресурсного экспорта за рубеж, постановки экономического развития страны на инновационные рельсы для выхода на новые научно-технические рубежи и внедрение инноваций в производство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Катаева Е.Г., Рубан Л.С. Каспий — море возможностей. М.: Academia, 2008. 277 с.
2. Фёдоров Ю.Е. Каспийская нефть и всемирная безопасность. Вып. 1. М., 1996. 138 с.
3. Жильцов С.С. Каспий: геополитические игры продолжаются // ГАЗ и КАПИТАЛ. 2001. № 3. С. 40.
4. Рубан Л.С. Каспий море проблем. М.: Наука, 2003. 279 с.
5. Рубан Л.С. Природные ресурсы в зоне БКМ: использование и проблемы // ГУУАМ: проблемы и перспективы развития транспортно-коммуникационных коридоров. Киев. 2000. С. 211–217.
6. Нанинец В. Дело — труба, или нефтяные реки, железные берега // Новости Центральной Азии и Кавказа. 2000. № 17 (27). 15 октября — 1 ноября. С. 27–28.
7. Велиев К.А., Шафиев Ш.Ш. Каспийский шельф: взгляд из Азербайджана // НефтьГазпромышленность. 2004. Декабрь. С. 8.
8. Калюжный В.И., Рубан Л.С. Сотрудничество на Каспии — путь к успеху и процветанию. М.: Academia, 2011. 284 с.
9. Уоткинс Э. Высокие ставки на Каспий подтверждает Геологическая служба США // Oil & Gas Journal Russia. Январь-февраль 2011. С. 26.
10. Высоцкий В.И. Запасы, добыча, импорт и экспорт нефти и газа в 2019 г. — М.: ОАО «ВНИИЗАРУБЕЖГЕОЛОГИЯ», 2020—63 с.
11. Семенович В. Сколько нефти в Прикаспии? // Нефть России. № 7, 2001. С. 35.
12. Катаева Е.Г., Рубан Л.С. Эффективное освоение морских углеводородных ресурсов и его нормативно-правовое регулирование // Защита окружающей среды в нефтегазовом комплексе, № 4, 2006. С. 7–11.

13. Катаева Е.Г., Рубан Л.С. Подготовка Модельного рамочного закона по освоению морских углеводородов // Бурение и нефть № 9. 2006. С. 40–42.
14. Yergin, D. The Quest: Energy, Security, and the Remaking of the Modern World (New York: Penguin, 2011), chapters 2 and 3; Amy Myers Jaffe and Robert A. Manning, «The Myth of the Caspian "Great Game": The Real Geopolitics of Energy». Survival 40, № 4 (Winter 1998–99), p. 116.
15. Refining in Europe and in Mideterranium. Presentation Platts и McGFAW HILL FINALCIAL. Рим. 2012.

© Рубан Лариса Семеновна (lruban@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российская академия наук

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТРАНЗИТ ТОВАРОВ ГРУППЫ 27 ТН ВЭД ЧЕРЕЗ ТЕРРИТОРИЮ РФ

INTERNATIONAL TRANSIT OF GOODS OF THE 27TH GROUP OF THE COMMODITY NOMENCLATURE OF FOREIGN ECONOMIC ACTIVITY IN THE TERRITORY OF THE RUSSIAN FEDERATION

**S. Senotrusova
V. Svinukhov
V. Zheglicheva**

Summary. The Russian Federation is one of the largest oil exporting countries. Despite this, Russia imports a large amount of petroleum products, and also offers export transit of oil through railways, ports and pipelines of the Russian Federation within the framework of agreements and contracts. The main partner country for oil transit is Kazakhstan. The article provides an overview of the data of foreign trade statistics, from which it follows that in 2018 the trade turnover between Russia and Kazakhstan amounted to 18219255476 US dollars. Foreign trade turnover increased by 5.68% compared to 2017. In 2019, the values of the trade turnover of the two countries reached their record and amounted to 19621839163 US dollars, which means an increase of 7.7% compared to 2018. Due to the pandemic and the temporary closure of borders in 2020, the trade turnover decreased by 2.84% and amounted to 19065108341 US dollars. In addition to Kazakhstan, Belarus, Turkmenistan and Azerbaijan transit goods of commodity item 2710 of the HS through the territory of the Russian Federation.

Keywords: foreign economic activity, import, export, transit, trade turnover, oil, petroleum products.

Сенотрусова Светлана Валентиновна

*Д.б.н., профессор, Московский государственный университет
Им. М.В. Ломоносова
svetlsen@mail.ru*

Свинухов Владимир Геннадьевич

*Д.г.н., профессор, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»
customs_fgu@mail.ru*

Жегличева Вероника Владимировна

*Преподаватель, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»
inmar2000@mail.ru*

Аннотация. Российская Федерация является одним из самых крупных стран-экспортеров нефти. Несмотря на это Россия импортирует большое количество нефтепродуктов, а также в рамках соглашений и договоров предлагает экспортный транзит нефти через железные дороги, порты и трубопроводы РФ. Основной страной партнером по транзиту нефти является Казахстан. В статье приведен обзор данных внешнеторговой статистики, из которого следует, что в 2018 году товарооборот России с Казахстаном составлял 18219255476 долларов США. Внешнеторговый оборот увеличился на 5,68% по сравнению с 2017 годом. В 2019 году значения товарооборота двух стран достигли своего рекорда и составили 19621839163 долларов США, что означает увеличение на 7,7%, по сравнению с 2018 годом. В связи с пандемией и временным закрытием границ в 2020 году товарооборот снизился на 2,84% и составил 19065108341 долларов США. Кроме Казахстана транзит товаров товарной позиции 2710 ТН ВЭД по территории РФ осуществляет Белоруссия, Туркменистан и Азербайджан.

Ключевые слова: внешнеэкономическая деятельность, импорт, экспорт, транзит, товарооборот, нефть, нефтепродукты.

Российская Федерация является одним из самых крупных стран-экспортеров нефти. Несмотря на это Россия импортирует большое количество нефтепродуктов, а также в рамках соглашений и договоров предлагает экспортный транзит нефти через железные дороги, порты и трубопроводы РФ.

Россия является самой крупной транзитной страной товаров группы 27 ТН ВЭД, так как занимает огромную часть континента Евразия. Через территорию Российской Федерации проходит самая протяженная в мире железная дорога — Транссибирская железнодорожная магистраль. Данная магистраль является про-

должением транспортного коридора Берлин-Варшава-Минск-Москва.

Одним из главных международных транспортных коридоров является Северный морской путь. Это один из самых коротких путей, который соединяет Европейскую часть России и Дальний Восток. По данным статистики, в 2020–21 году грузооборот составил примерно 33 млн. тонн товаров. Основными транзитными направлениями являются перевозки грузов с запада на восток. В товарную структуру транзитных перевозок по Северному морскому пути входят следующие товары (табл. 1).

Таблица 1. Товарная структура транзита по Северному морскому пути в 2016–2021 гг. [1]

Груз	Вес, тыс. т	Доля в перевозках, %
Нефтепродукты	1 345	29%
Конденсат	1 277	28%
Железная руда	763	17%
Уголь	405	9%
Природный газ	209	5%
Бумага и целлюлоза	123	3%
Нефть	44	1%

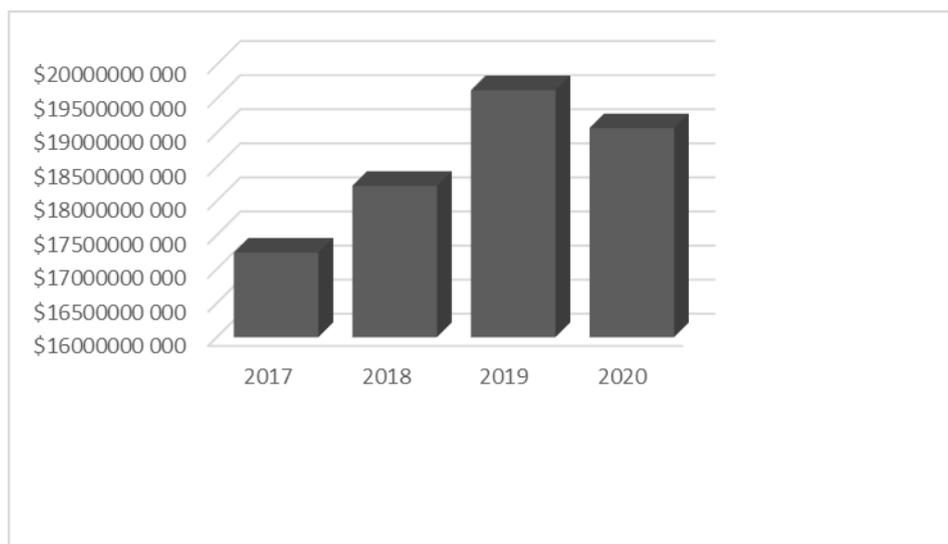

Рис. 1. Товарооборот Республики Казахстан и Российской Федерации в период с 2017 по 2020 г [2]

Основной страной партнером по транзиту нефти является Казахстан. В 2010 году между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан было подписано Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве в области поставки нефти и нефтепродуктов в Республику Казахстан (РК). Соглашение устанавливает беспроцентную взаимную торговлю товарами группы 27 ТН ВЭД ЕАЭС. Каждый год государственные органы двух сторон Соглашения составляют баланс добычи, потребления, поставки, экспорта и импорта нефти и нефтепродуктов. Также в этот баланс включаются данные поставок нефти из РФ и из РК в Республику Беларусь (РБ) [2].

В Республике Казахстан (РК) добывают нефть сорта СРС Blend. Основными месторождениями является Тенгиз и Карачаганак. Именно с этих мест казахская нефть поставляется по экспортному маршруту через Каспийский трубопроводный консорциум (КТК). В Российскую Федерацию нефть поставляется на терминал (порт) в г. Новороссийск, а далее экспортируется в страны Европы. Главными акционерами Каспийского трубо-

проводного консорциума являются: Российская Федерация (Транснефть и КТК Компани) — 31%; Казахстан — 20,75%.

Далее рассмотрим динамику международной торговли между РФ и РК (рис. 1).

По данным внешнеторговой статистики следует, что в 2018 году товарооборот России с Казахстаном составлял 18219255476 долларов США. Товарооборот увеличился на 5,68% по сравнению с 2017 годом. В 2019 году значения товарооборота двух стран достигли своего рекорда и составили 19621839163 долларов США, что означает увеличение на 7,7%, по сравнению с 2018 годом. В связи с пандемией и временным перекрытием границ в 2020 году товарооборот снизился, но незначительно, на 2,84% и составил 19065108341 долларов США. Таким образом, торговые отношения между Россией и Казахстаном достаточно стабильные и носят позитивный характер. Россия является одним из главных торговых партнеров для Казахстана. Несмотря на пандемию, связанную с коронавирусной инфекцией вза-

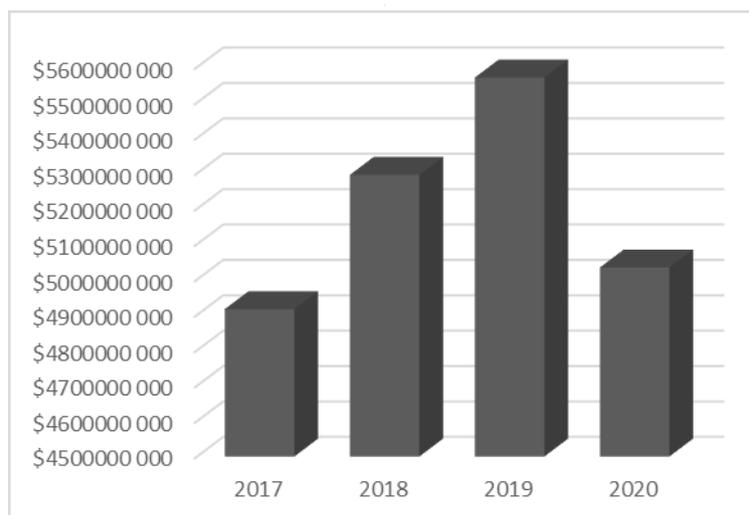

Рис. 2. Объем экспорта товаров из Республики Казахстан в Российскую Федерацию (долл. США) 2017–2020 г [2]

имный товарооборот показал довольно устойчивый результат [2].

Проанализируем объем экспорта товаров из Республики Казахстан в Российскую Федерацию (рис. 2).

По данным за 2018 год общий объем экспорта из РК в РФ составил 18219255476 долларов США, это на 7,71% больше, чем в предыдущем году. В дальнейшем можно увидеть, что объемы возросли, например, в 2019 году объем увеличился ещё на 5,19%. В последующем произошел резкий спад в объемах на 9,64% по причине пандемии.

Основные группы сырьевых товаров в структуре экспорта Казахстана в Российскую Федерацию (в том числе транзит через РФ) в 2020 году составляли различного вида руды (железные, медные, цинковые, хромовые), каменный и бурый уголь, нефть и нефтепродукты, нефтяные газы, лом черных металлов и т.д.

Главными экспортными маршрутами перевозки казахстанской нефти через территорию России являются:

- ◆ нефтепровод Каспийского трубопроводного консорциума (КТК);
- ◆ нефтепровод «Атырау-Самара»;
- ◆ нефтепровод «Казахстан-Китай»;
- ◆ морской порт Актау.

Туркменистан является страной, которая занимает второе место среди государств, которые экспортируют нефть транзитом через Россию. У страны присутствует целый ряд достоинств, такие как огромные запасы и доступ к рынкам углеводородов, их инфраструк-

тура находится в постоянном развитии, и политическая власть внутри государства обладает стабильным характером. К развитию нефтяной промышленности государство постоянно привлекает новые высокотехнологичные инвестиции. Так, например, Государственный концерн «Туркменнефть» привлекает огромное количество инновационных технологий, а также современное оборудование для добычи товаров топливно-энергетического комплекса. Одним из крупнейших месторождений является «Галкыныш», здесь добывают не только газ, но и нефть, которая отличается своим качеством (в ней почти отсутствуют примеси). Вся добываемая нефть отправляется на нефтеперерабатывающие заводы, например, завод НПЗ Туркменбашинский, а далее продукты отправляются на экспорт в такие страны как: Афганистан, Россию, Иран, Азербайджан, Турцию, Болгарию, Румынию и др. В соответствии с Государственной программой развития нефтегазовой промышленности Туркменистана к 2030 году, страна должна обеспечить достаточно высокие объемы нефтепереработки — до 22 млн. т. в 2025 году и до 30 млн. т. в 2030 году. В апреле 2021 года страна отправила на экспорт транзитом через Россию больше 160 тыс. тонн нефти. Экспорт добытой нефти осуществляется частично железнодорожным транспортом, а частично — морским транспортом через Каспий и далее по российским нефтепроводам [3].

Немаловажную роль в экономике России играют торговые отношения с Азербайджаном. В начале 2021 года страны подписали соглашение о экспорте азербайджанской нефти через территорию РФ. Компании ПАО «Транснефть» и SOCAR договорились о транспортировке нефти по трубопроводу «Баку-Новороссийск». Для

Рис. 3. Товарная структура импорта товаров позиции 2710 ТН ВЭД ЕАЭС по стоимости в Российскую Федерацию в период 2016–2020гг [5]

Список экспортирующая рынков для товара, импорта Российская Федерация товар: 2710 Нефть и нефтепродукты, полученные из битуминозных пород, кроме сырых; продукты, в другом месте не поименованные или не включенные, содержащие 70 мас.% или более нефти или нефтепродуктов, полученных из битуминозных пород, причем эти нефтепродукты являются

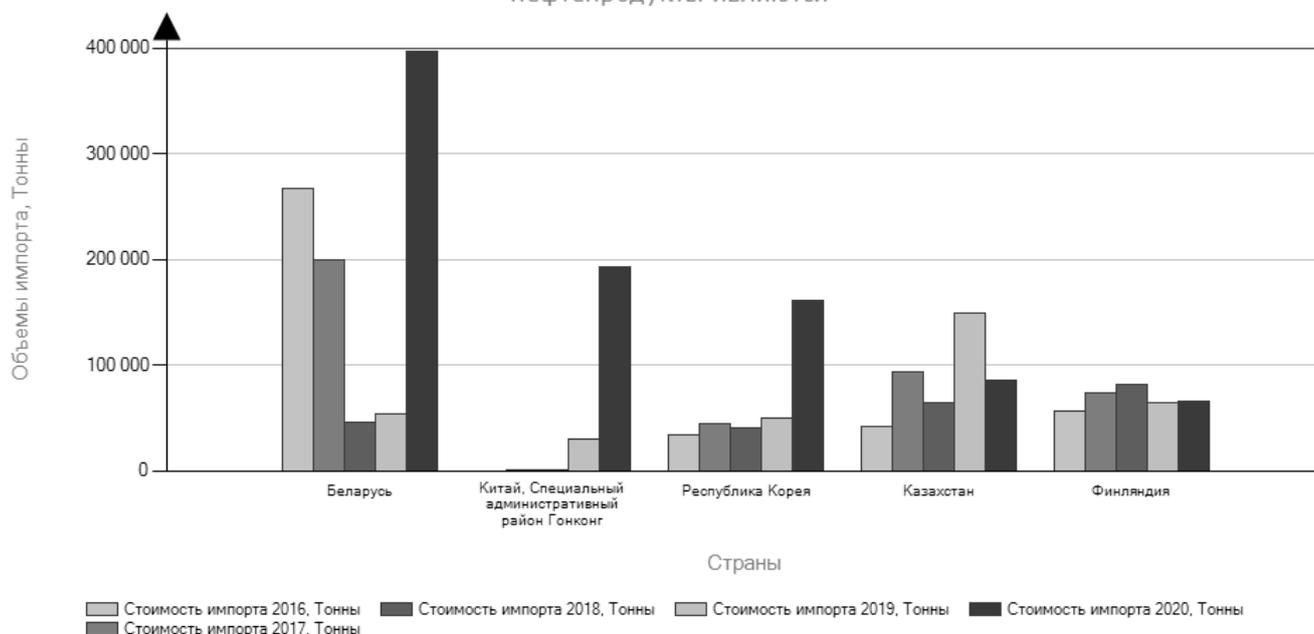

Рис. 4. Список ведущих стран, импортирующих в Российскую Федерацию товары товарной позиции 2710 ТН ВЭД (нефть и нефтепродукты), полученные из битуминозных пород, кроме сырых; содержащие 70 мас.% [6]

азербайджанской стороны данный путь считается не самым выгодным, по причине высоких тарифов на транспортировку, именно поэтому путь считается, так сказать, запасным. В основном Азербайджан экспортирует свою нефть через сеть трубопроводов «Баку — Тбилиси — Джейхан». При перемещении через магистральные нефтепроводы (МНП) России страна теряет качество своей нефти. Сорт азербайджанской нефти называется Azeri Light и стоит данный сорт на 3 долл. США /барр. дороже, чем российская нефть сорта Urals [4].

Кроме заключенных соглашений о транзите нефти через территорию Российской Федерации, в страну поставляется огромное количество нефтепродуктов товарной позиции 2710 ТН ВЭД ЕАЭС. То есть, экспортный рынок нефтепродуктов включает в себя мазут, дизель, нефть. Бензин приходится на внутренний рынок страны. Рассмотрим товарную структуру импорта в Российскую Федерацию (рис. 3).

По данным диаграммы видно, что с 2016 по 2020 год в Россию поставлялись следующие товары позиции 2710 ТН ВЭД ЕАЭС:

1. 271019 — Прочие дистилляты и продукты (доля по стоимости — 84,91%, доля по массе — 66,84%);
2. 271012 — Легкие дистилляты и продукты (доля по стоимости — 14,99%, доля по массе — 32,91%);
3. 271020 — Нефть и нефтепродукты (кроме сырых), полученные из битуминозных пород, и продукты, содержащие 70 мас.% или более нефти или нефтепродуктов, полученных из битуминозных пород (доля по стоимости — 0,08%, доля по массе — 0,18%).

Проанализируем перечень ведущих стран мира по импорту товаров группы 27 ТН ВЭД в Российскую Федерацию (рис. 4).

Одним из основных торговых партнеров РФ является Беларусь и одной из самых крупных компаний экспортеров в Белоруссии является Белорусская нефтяная компания (БНК). Ежегодно компания поставляет на экспорт следующие нефтепродукты: бензин, мазут и дизель. По данным статистики Белоруссии, самыми крупными покупателями нефтепродуктов являются Нидерланды и Великобритания. Также, например, мазут поставляется в Сингапур, а бензин — в Латинскую Америку, Африку. Ранее все эти товары поставлялись через страны Прибалтики, а также через Украину. Однако на сегодняшний момент Белоруссия и России подписали соглашение до 2023 года о перевозках нефтепродуктов через морские порты РФ. Страны ожидают перевалку более 9,8 млн. т мазута. Соглашение, заключенное между странами, предполагает под собой следующую систему, которая называется take-or-pay (бери или плати), то есть, если грузоотправитель обеспечивает перевалку в объеме меньше согласованного, морской терминал в любом случае получает плату за весь согласованный объем. В июне 2020 года Российская Федерация ввела запрет на импорт бензина в связи с падением спроса и цен из-за пандемии на бензин, дизельное топливо и так далее. Данный запрет не стали продлевать и запрет был отменен 1 октября 2020 года, по причине подъема спроса на топливо.

Таким образом, Россия является одной из самых крупных транзитных стран. Через территорию Российской Федерации проходит много международных транзитных коридоров. Так как Россия является основным экспортером товаров группы 27 ТН ВЭД ЕАЭС, то она предоставляет возможность другим странам региона поставлять товары транзитом через свою территорию в рамках договоров и соглашений. Основными партнерами России по транзиту товаров группы 27 ТН ВЭД ЕАЭС являются страны Европы и некоторые страны СНГ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственная комиссия по вопросам развития Арктики: Северный морской путь. Итоги 2020 года [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://arctic.gov.ru/wp-content/uploads/2021/02/2020.pdf>.
2. Торговое представительство Республики Казахстан в Российской Федерации: Официальный сайт [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://kaztrade.ru/>.
3. Абдырахманов А. Ч. Состояние и перспективы экспорта нефти и газа из Туркменистана / Инновации и инвестиции. 2019. № 7. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-i-perspektivy-eksporta-nefti-i-gaza-iz-turkmenistana>.
4. Публичное акционерное общество Транснефть: Официальный сайт [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.transneft.ru/pipelines/>.
5. Статистика внешней торговли России [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://statimex.ru/>.
6. Торговая статистика для развития международного бизнеса TRADE MAP [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.trademap.org/>.

© Сенотрусова Светлана Валентиновна (svetlsen@mail.ru),

Свинухов Владимир Геннадьевич (customs_fgu@mail.ru), Жегличева Вероника Владимировна (inmar2000@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АВТОМОБИЛЬНЫЙ РЫНОК ЕАЭС: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В НОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

AUTOMOTIVE MARKET OF THE EAEU: DEVELOPMENT PROSPECTS IN THE NEW ECONOMIC CONDITIONS

**E. Sokolova
L. Leontieva**

Summary. The automotive industry of the EAEU is currently not in the best condition. There are a number of trade and technological barriers to its development on the territory of the Union, and foreign markets are practically not covered by the offer of the EAEU automotive industry. Within the framework of the article, a classification of the products of the EAEU automotive industry is carried out and a methodology is proposed in accordance with which it is possible to effectively classify EAEU cars for the purposes of legislative regulation both in the domestic market and in foreign markets. The authors have identified the main regions, marketing products of the EAEU automotive industry, in which the demand for cars from the EAEU will be high. Also, an analysis of the positive and negative aspects of both cars and trucks produced by the companies of the Union was carried out and a differentiated approach to correct the situation was proposed. The main problem of the article is the lack of statistical data on the automotive markets of the EAEU and Russia, as well as the lack of fundamental research in this area. The main novelty of the work lies in the differentiation of the Union's automotive industry development strategies with a unified approach to the automotive industry in all EAEU countries. The most important contribution of the article is the formation of a system for assessing the successes and failures of the EAEU automotive industry and the development of potential opportunities to conquer new markets for the Union's products.

Keywords: EAEU, automotive industry, cars and trucks, localization of production, classification, strategy.

Соколова Елизавета Сергеевна

*Д.э.н., профессор, Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации
sokolovaes15@mail.ru*

Леонтьева Лидия Сергеевна

*Московский государственный университет им
М.В. Ломоносова*

Аннотация. Автомобильная промышленность ЕАЭС на текущий момент находится не в самом лучшем состоянии. Наблюдается ряд торговых и технологических барьеров для ее развития на территории Союза, а иностранные рынки практически не охвачены предложением автопрома ЕАЭС. В рамках статьи проводится классификация продукции автопрома ЕАЭС и предлагается методика, в соответствии с которой можно эффективно классифицировать в целях законодательного регулирования автомобили ЕАЭС как на внутреннем рынке, так и на иностранных рынках. Авторами выделены основные регионы, маркетинг продукции автопрома ЕАЭС, в которых спрос на автомобили из ЕАЭС будет высоким. Также проведен анализ положительных и отрицательных сторон как легковых, так и грузовых автомобилей, производимых компаниями Союза и предложен дифференцированный подход к исправлению ситуации. Основной проблемой статьи является отсутствие статистических данных по автомобильным рынкам ЕАЭС и России, а также отсутствие фундаментальных исследований в этой области. Основная новизна работы заключается в дифференциации стратегий развития автопрома Союза при едином подходе к автопрому во всех странах ЕАЭС. Важнейшим вкладом статьи является формирование системы оценки успехов и неудач автомобильной промышленности ЕАЭС и разработка потенциальных возможностей завоевания новых рынков для продукции Союза.

Ключевые слова: ЕАЭС, автомобильная промышленность, легковые и грузовые автомобили, локализация производства классификация, стратегия.

Введение

Автомобильная промышленность ЕАЭС является прямым наследником автопрома СССР, сохраняя его особенности в структуре производства, основных задачах предполагаемого использования транспортных средств, производимых странами Союза и, соответственно, конкурентоспособность продукции автомобильной промышленности Союза во многом определяется path dependence. Этот факт, а также высокий спрос на иностранные автомобили в ЕАЭС по сравнению с произведенными в ЕАЭС (для легковых

автомобилей)[1], и, наоборот, высокий спрос на грузовые автомобили из ЕАЭС [1], [2] позволяет рассматривать автомобильную отрасль Союза в двух аспектах.

Также отдельного упоминания заслуживает внутренний спрос на продукцию автопрома ЕАЭС. Известно, что основной спрос на российские автомобили приходится на страны СНГ, и ЕАЭС, в частности. Таким образом, необходимо рассмотреть текущую ситуацию и дать рекомендации по импортозамещению автомобилей на территории ЕАЭС продукцией стран ЕАЭС. Помимо этого, необходимо выявить закономерность в поставках

Таблица 1. Классификация брендов автомобилей ЕАЭС (разработано автором)

Легковые	Грузовые
АвтоВАЗ, УАЗ	КаМАЗ, Урал, МАЗ, ГАЗ, ЛиАЗ, БелАЗ

лицензированных автомобилей на территорию ЕАЭС из других стран Союза и охарактеризовать влияние этого явления на автопромышленность стран ЕАЭС в целом.

Для выполнения поставленных задач авторы обращаются к анализу рынка автомобилей и их производителей: классифицируют продукцию автопромышленности ЕАЭС и анализируют поведение товаров каждой группы в отдельности. Помимо этого, авторы выдвигают предложения по увеличению конкурентоспособности автомобилей, производимых на территории ЕАЭС на мировом рынке и на рынках стран ближнего зарубежья. Для этого авторы выделяют основные преимущества и недостатки автомобилей из ЕАЭС по каждой из предложенных групп.

Обзор литературы

Автомобильная промышленность играет одну из главных ролей в экономике любой страны [3], успешный экспорт автомобилей означает, что экономика страны функционирует хорошо. В ЕАЭС ситуация не такая здоровая. Литературы по автомобильной промышленности в ЕАЭС мало. Причиной тому является неудовлетворительное состояние его развития в странах ЕАЭС и СНГ. Общий обзор нормативно-правовой базы отрасли дан в [4], где авторы не отвечают на вопрос, нужна ли массовая поддержка от государства выгодно для отрасли в целом, так как они не учитывают сильные и слабые стороны самой отрасли. Анализ международных инвестиций в автомобильную промышленность ЕАЭС приведен в [5], авторы пришли к выводу о положительном эффекте совместных предприятий в сфере. При этом отмечают, что кризис наносит массивный удар по автомобильной промышленности ЕАЭС. Автомобильная промышленность России, а, следовательно, и ЕАЭС, неконкурентоспособна в глобальном масштабе — вот что следует из [5]. Авторы данной статьи концентрируются на том, как повысить эффективность автомобильной промышленности в России.

Методология

Для точности классификации автомобилей, производимых на территории ЕАЭС, необходимо выделить основные признаки классификации. По характеру использования автомобили разделены на легковые и грузовые в соответствии с их характеристикой по категориям (в соответствии с положениями Конвенции

о дорожном движении [6]). Хотя в российской практике существует отклонение от принятых норм (например, автомобиль категории В может быть и грузовым), авторы предлагают классифицировать автомобили именно в соответствии с международными нормами.

Вторая предлагаемая классификация относится к правилам происхождения автомобилей и локализации их производства. В рамках этой классификации авторы предлагают характеризовать как автомобили из ЕАЭС те бренды, родина которых — страны Союза, автомобили, производимые на территории ЕАЭС — те марки, которые не менее чем на 50% собираются и производятся на территории ЕАЭС вне зависимости от страны производства и сборки, а иностранные автомобили — те транспортные средства, которые импортируются в ЕАЭС с добавлением стоимости автомобиля на территории ЕАЭС в 49% и менее.

Изучение экспортных рынков, поставки на которые могут оказаться перспективными из ЕАЭС основывается на условиях эксплуатации. Как уже было сказано выше, автомобили из ЕАЭС имеют четкую специализацию для сложных условий эксплуатации (также, как и продукция автопрома СССР), в связи с чем уступают по ряду потребительских качеств иностранным аналогам. Авторами предложена следующая укрупненная схема анализа рынка автомобилей:

1. Природные условия и среднее качество дорожного покрытия
2. Плотность транспортной инфраструктуры
3. Доступность ремонта автомобилей
4. Уровень благосостояния населения
5. Основные потребности промышленного сектора в автомобилях.

В соответствии с этой классификацией оценивается, насколько близки или далеки условия конкретного экспортного рынка к условиям эксплуатации автомобилей в России и Казахстане, как в основных производителях автомобилей в ЕАЭС и основных потребителях продукции автопрома Союза. В случае, если условия близкие, то предлагается рассмотреть рынок как перспективный к экспорту автомобилей из ЕАЭС

Результаты

Для начала анализа необходимо разделить автопром ЕАЭС по секторам. В соответствии с предложен-

Таблица 2. Локализация производства автомобилей в ЕАЭС (составлено автором)

Автомобили из ЕАЭС	Автомобили, произведенные на территории ЕАЭС	Иностранные автомобили
АвтоВАЗ, УАЗ, КаМАЗ, Урал, МАЗ, ГАЗ, ЛиАЗ, БелАЗ	АвтоВАЗ (Азия-Авто — Казахстан), УАЗ (Азия-Авто), ЛиАЗ и ГАЗ (СемАЗ — Казахстан), КаМАЗ (КаМАЗ-Инжиниринг — Казахстан), МАЗ (ряд российских заводов), Ssang-Yong (Сарыаркаавтопром — Казахстан), грузовой Hyundai и Daewoo (HyundaiTransAuto, DaewooBusKazakhstan — Казахстан)	Ford (Sollers — Россия), легковой Hyundai, Nissan (ИжАвто — Россия), Toyota (Санкт-Петербургский хаб заводов, Sollers), Kia (Автотор — Россия), Renault (московские заводы и АвтоВАЗ), Volkswagen и Skoda (калужские заводы и АвтоВАЗ), Lifan, Geely, Great Wall (Derways — Россия) Peugeot, Citroen и Mitsubishi (Peugeot Citroen Mitsubishi Automotive — Россия)

Таблица 3. Преимущества и недостатки автомобилей ЕАЭС (составлено автором)

Легковые		Грузовые	
Преимущества	Недостатки	Преимущества	Недостатки
Относительная дешевизна	Невысокая надежность	Высокая надежность	Низкая технологическая база
Низкая требовательность к ГСМ	Низкое качество материалов	Простота в эксплуатации	Достаточно высокая доля импортных компонентов
Невысокая стоимость ремонта	Относительно низкие потребительские характеристики	Нетребовательность к ГСМ	
Ремонтопригодность	Низкая технологическая оснащенность	Высокие эксплуатационные характеристики в сложных условиях	

ной классификацией, обратимся к делению на легковые и грузовые автомобили в таблице 1 по брендам.

Как очевидно из таблицы 1, основными поставщиками автомобилей на рынок ЕАЭС являются Россия и Беларусь. В связи с этим возникает необходимость охарактеризовать локализацию производства предложенных автомобилей. В соответствии с данными ЕЭК, свободное обращение автомобилей на территории ЕАЭС возможно только при локализации производства более 50% для стран Союза (беспошлинный ввоз на территорию другой страны ЕАЭС автомобиля возможен только в том случае, если автомобиль произведен не менее чем на 50% в этой стране, считая по НДС). Этим условиям локализации удовлетворил только 1 российский, 1 белорусский и 6 казахских концернов. Это противоречит данным классификации в таблице 1, в связи с чем авторами вводится еще одна классификация, предложенная в таблице 2.

Таким образом, таблица 2 позволяет провести подробный анализ внутреннего автомобильного рынка ЕАЭС. Выделяются следующие закономерности:

1. Высокий спрос на недорогие иностранные автомобили
2. Высокий спрос на грузовые автомобили Союза
3. Низкий спрос на легковые автомобили Союза
4. Высокая конкуренция в начальном ценовом сегменте при отсутствии таковой в ценовом сегменте дороже 1,5 млн. руб для иностранных легковых автомобилей

Таким образом, внутренний рынок ЕАЭС насыщен легковыми автомобилями, но в начальном ценовом сегменте ситуация имеет тенденцию к изменению, особенно в связи с концом льготного налогового режима для автомобилей из Армении и Киргизии (с начала 2020 года) [7]. Рынок грузовых автомобилей ЕАЭС также насыщен, но уже отечественными автомобилями,

которые лучше адаптированы к условиям эксплуатации в ЕАЭС.

Эти характеристики позволяют выделить преимущества и недостатки легковых и грузовых автомобилей из ЕАЭС (таблица 3).

В соответствии с методологией, а также с результатами, представленными в таблице 3, охарактеризуем условия эксплуатации автомобилей в ЕАЭС, с которыми будет проводиться сравнение потенциальных рынков сбыта.

1. Природные условия в ЕАЭС сложные и разнообразные — автомобили должны быть проходными и ремонтпригодными, а низкое качество дорожного покрытия вынуждает использовать только самые простые и дешевые материалы
2. Плотность транспортной инфраструктуры в ЕАЭС низкое
3. Доступность ремонта автомобилей также низкая, требуется возможность отремонтировать автомобиль подручными средствами
4. Уровень благосостояния населения в ЕАЭС средний, автомобиль все еще остаётся предметом роскоши
5. Основные потребности промышленного сектора в автомобилях характеризуются грузовыми автомобилями с наливными установками, цистернами и кузовами для сыпучих грузов и специальными установками (ориентированных на работу в добывающей промышленности).

Таким образом, по соответствию этим критериям наиболее привлекательными рынками для автомобилей ЕАЭС являются страны Центральной Азии, Южной Азии, частично страны Африки и Южной Америки. Тем не менее, конкуренция в Южной Америке для российского автопрома непреодолимо велика (американский автопром) [8], а для Африки новые российские автомобили слишком дороги, а на вторичный рынок они туда практически не поступают.

В связи с этим, основные рекомендации, предлагаемые в статье направлены на завоевание автомобилями ЕАЭС азиатских рынков. Стоит добавить, что азиатские рынки логистически являются наиболее удобными для экспорта автомобилей ЕАЭС.

Обсуждение

Как показывают результаты проведенного выше анализа, стратегию развития автопромышленности ЕАЭС и завоевания новых рынков можно делить на 3 условных части: развитие внутреннего спроса на легковой автопром ЕАЭС, развитие спроса на легковой

автопром ЕАЭС за пределами Союза и развитие спроса на грузовой автопром ЕАЭС за границей Союза.

Для решения проблем в рамках первой части предлагаются следующие меры:

1. Повышение потребительских качеств легковых автомобилей из ЕАЭС, что уже сейчас реализуется на примере АвтоВАЗа, но медленными темпами
2. Следование стратегии низкой цены, в этом случае как минимум начальный ценовой сегмент будет охвачен автомобилями из ЕАЭС
3. Продолжение многочисленных программ стимулирования потребительского спроса («Мой первый автомобиль», льготных условий кредитования на покупку автомобилей из ЕАЭС и пр.)
4. Снятие ограничений на беспощинную транспортировку и продажу легковых автомобилей, происходящих из ЕАЭС на его территории
5. Постепенное повышение цен на автомобили, производимые на территории ЕАЭС до цен импортируемых на его территорию, что позволит снизить конкуренцию в начальном ценовом сегменте.

В целом, все вышесказанное разумно и безопасно с социальной точки зрения только в том случае, если качество легковых автомобилей будет сопоставимо с иностранными аналогами.

Вторая часть стратегии по выходу на мировой рынок легковых автомобилей помимо перечисленных мер включает в себя:

1. Возобновление практики заграничных и отечественных версий легковых автомобилей, повышение потребительских характеристик для заграничных версий с сохранением низкой цены — возможно при аутсорсинге отдельных технологических процессов в Армению и Киргизию при строгом контроле качества
2. Активное участие на международных выставках и салонах, развитие маркетинговых стратегий, особенно в странах Азии и Южной Америки, для которых должны предлагаться особые условия послепродажного сервиса и расширенная гарантия
3. Открытие представительств автопроизводителей в указанных странах

Для популяризации грузовых автомобилей из ЕАЭС на зарубежных рынках необходимо предпринять следующие шаги:

1. Активный маркетинг на международных выставках, регулярное участие в мероприятиях спортивного характера
2. Снижение цен на экспорт за счет экспорта через зоны свободной торговли ЕАЭС — Сербию в ЕС,

Иран в Африку и на Ближний Восток, Вьетнам — в Азию [9].

Таким образом, все вышеперечисленные меры основываются в основном на завоевании внутреннего рынка ЕАЭС для легковых автомобилей и на повышении узнаваемости брендов грузовых автомобилей за рубежом.

Заключение

Основные ограничения повышения конкурентоспособности автомобилей из ЕАЭС лежат в их качестве и отсутствии должного маркетинга. Для преодоления этих проблем рекомендуется формирование единого рынка автомобилей для ЕАЭС, а также снижение барьеров доступа на национальные рынки автомобилей из ЕАЭС при снижении льгот для автомобилей, производимых в ЕАЭС. При этом, эти меры должны носить избирательный характер, относясь в основном к начальному ценовому сегменту.

Необходимо повысить качество производимой продукции, при этом не прибегая к значительному увеличению стоимости. Для этого можно обратиться к потенциалу зон свободной торговли, которые автоматически будут уменьшать потребительскую стоимость автомобиля на размер импортных пошлин.

Помимо этого, необходимо наибольшее внимание уделить азиатским рынкам и рынку Южной Америки, поскольку именно они наиболее похожи по своей конъюнктуре на рынок ЕАЭС.

Также важным является разработка диверсифицированной стратегии для развития рынка автомобилей ЕАЭС, так как на сегодняшний день под меры стимулирования подпадают не только бренды Союза, но и иностранные автомобили, предоставлять преимущество которым не требуется. Также важно преодолеть барьеры формирования общего рынка ЕАЭС законодательного характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ivanov Alexei, Tomyshev Andrey. (2018) Overview of the Russian and CIS automotive industry. Available at: <https://investinrussia.com/data/files/sectors/eyrus-automotive-survey-2018-eng.pdf> (дата обращения: 09.03.2022)
2. EAEU Development Prospects up to 2025. Working Paper. Special Issue / 2017 / [E.S. Alekseenkova, I.S. Glotova, A.V. Devyatkov, et al]; [I.S. Ivanov, Editor-in-Chief]; Russian International Affairs Council (RIAC). — Moscow: NPMP RIAC, 2017. P. 96.
3. Behzad Saberi. (2018) The role of the automobile industry in the economy of developed countries. Available at: https://www.researchgate.net/publication/326274056_The_role_of_the_automobile_industry_in_the_economy_of_developed_countries (дата обращения: 09.03.2022)
4. Egemberdiyeva Assel, & Zhanabergenova Mira (2016). Automotive Industry Support in the EAEU. Торговая политика, (4 (8)), 60–69.
5. Spitsin, V., Mikhailchuk, A., Spitsina, L., & Vukovic, D. B. (2018). Foreign-owned companies in countries with an unstable economy: The case of the automotive industry in Russia. *Journal of International Studies*, 11(3), 57–69. doi:10.14254/20718330.2018/11-3/5
6. Transport and communications. (1968) Available at: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetailsV.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XI-B-19&chapter=11&Temp=mtdsg5&lang=en (дата обращения: 09.03.2022)
7. Armenia's automobile boom and the car dealers who brought thousands of old cars into the country. (2019) Available at: <https://jam-news.net/armenias-automobile-boom-and-the-car-dealers-who-brought-thousands-of-old-junk-heaps-into-the-country> (дата обращения: 09.03.2022)
8. South America automotive market — growth, trends, covid-19 impact, and forecast (2022–2027). Available at: <https://www.mordorintelligence.com/industry-reports/south-america-automotive-industry-outlook> (дата обращения: 09.03.2022)
9. Baronina Y. Foreign Investment into Russian Automotive Industry. (2016) *World Economy and International Relations*, vol. 60, No 6, pp. 61–69. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-6-61-69>

© Соколова Елизавета Сергеевна (sokolovaes15@mail.ru), Леонтьева Лидия Сергеевна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМА НЕРАВЕНСТВА ДОХОДОВ И РАСПРЕДЕЛЕНИЯ БОГАТСТВА НАСЕЛЕНИЯ В ЭКОНОМИКЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

THE PROBLEM OF INCOME INEQUALITY AND DISTRIBUTION OF WEALTH IN THE ECONOMY OF THE RUSSIAN FEDERATION

E. Sokolova

Summary. The consequences of the growing anti-Russian sanctions, the coronavirus pandemic escalated the problems of poverty and socio-economic inequality and increased the necessity to give a comprehensive assessment of these phenomena in order to develop areas of action to reduce them. Despite the fact that many countries of the world have adopted state programs to combat poverty and inequality, there is no significant reduction of the gap in income and wages of the population. The scale of the problem has become so significant that increasing inequality may threaten not only to increase the income gap between countries, but also to internal social tumults, even in the leading countries. In general, international sources of economic growth are becoming less stable. As a result, countries are increasingly paying attention to the internal sources of economic growth, among which the most important place is occupied by domestic consumer demand. The problem of inequality and low incomes of the population limits the potential for expanding consumer demand, which should become an important driver for the preservation and further growth of the Russian economy in the near future.

Keywords: income and property inequality of citizens, socio-economic inequality of citizens, population income, wealth, indicators of wealth concentration, the subsistence minimum, methods of inequality measuring, indicators of deprivation.

Соколова Елена Юрьевна

*К.э.н., доцент, в.н.с., Финансовый университет при
Правительстве РФ (Москва)
eys@mail.ru*

Аннотация. Последствия нарастающих антироссийских санкций, пандемия коронавируса обострили проблемы бедности и социально-экономического неравенства и усилили потребность дать комплексную оценку этим явлениям с целью выработки направлений деятельности по снижению. Несмотря на то, что многими странами мира приняты государственные программы по борьбе с бедностью и неравенством, не происходит существенного снижения разрыва в доходах и уровне зарплат населения. Масштабы проблемы стали столь значимыми, что усиление неравенства может грозить не только увеличением разрыва в доходах населения между странами, но также и внутренними социальными беспорядками, причем даже в ведущих странах. В целом международные источники роста становятся менее стабильными. В результате страны все больше уделяют внимание внутренним источникам роста экономик, среди которых важнейшее место занимает внутренний потребительский спрос. Проблема неравенства и невысоких доходов населения ограничивает потенциал расширения потребительского спроса, который должен стать важным драйвером сохранения и дальнейшего роста российской экономики в ближайший период.

Ключевые слова: доходное и имущественное неравенство граждан, социально-экономическое неравенство граждан, доходы населения, богатство, показатели концентрации богатства, прожиточный минимум, методы измерения неравенства, индикаторы депривации.

Проблема благосостояния российского общества, различие населения по уровню доходов нельзя отделять от актуальных экономических вопросов, обсуждаемых как на государственном уровне, так и в научных кругах.

Различные отрасли науки, такие как политология, социология, психология, медицина, так же как и экономика, посвящают свои исследования проблеме неравенства. Важно изучение этого явления с точки зрения социологии, поскольку интерпретация границ неравенства доходов граждан — вопрос, который может вызывать социальные конфликты. Несмотря на то, что многими странами мира приняты государственные программы по борьбе с бедностью и неравенством,

не происходит существенного снижения разрыва в доходах и уровне зарплат населения.

Пандемия коронавируса обострила проблему бедности и экономического неравенства и обозначила потребность дать комплексную оценку этим явлениям с целью выработки направлений по снижению и преодолению экономического неравенства и бедности российских граждан.

Все больше российских и зарубежных ученых обращаются к обсуждению проблемы экономического и социального неравенства граждан. Самые распространенные варианты изучения данной проблемы — с социологической и экономической сторон. При эко-

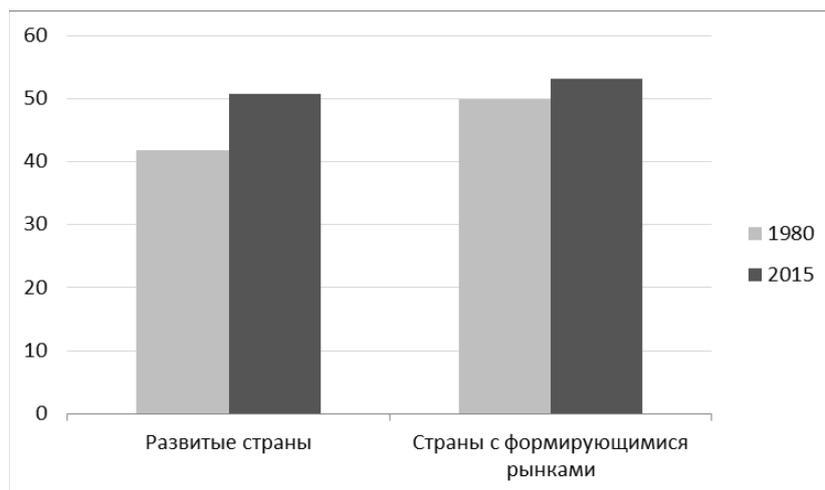

Рис. 1. Показатели неравенства в развитых странах и в странах с формирующимися рынками — коэффициент Джини по доходам до налоговых вычетов и социальных выплат, %
Источник: BIS. Annual Economic Report. 2021

номической оценке данный вопрос рассматривается многими исследователями с точки зрения взаимосвязи неравенства и экономического роста: в одни периоды чрезмерное неравенство может снижать экономический рост, а в другие — положительно действовать на рост экономики. По мнению С. Кузнецца, рост неравенства положительно влияет на экономический рост за счет инвестиций в экономику со стороны населения с высокими доходами, тем не менее, доказать опытным путем то действие, которое оказывает неравенство на рост экономики, весьма затруднительно [1]. К сложностям относят определение уровня бедности и избыточного неравенства как статистических показателей. Избыточное неравенство демонстрирует невозможность одинаково применить экономический потенциал трудящегося населения, чтобы создавать нормальные жизненные условия для тех граждан, которые нуждаются в мерах социальной поддержки. Оно находится в зависимости от принятия обществом бедности и социальных условий. Понятие неравенства связано с понятием справедливости, поскольку именно с точки зрения справедливости общество оценивает и определяет уровень неравенства в доходах, который будет приниматься как нормальное неравенство, а отклонение от принятой нормы будет тормозить экономический рост.

Так, Т. Пикетти представляет исторические изменения в распределении богатства и доходов, обусловившие разные формы проявления неравенства [2]. Авторы Ледерман, Брюкнер заявляют, что неравенство в странах с низкими доходами граждан выливается в экономический рост, тогда как в странах с высоким уровнем доходов и небольшим неравенством можно наблюдать обратное явление [3].

Дж. Стиглиц видит зависимость экономического неравенства от политики страны: ошибки в политике выливаются в провалы в экономике. Увеличение неравенства провоцирует отток значительной части произведенной продукции к богатому населению, которое менее склонно направлять доходы на потребление, вследствие чего происходит снижение совокупного спроса, ведущее к увеличению доли безработных [4].

Что касается большинства российских экономистов (Анисимова Г.В. [5], Воейков М.И., [6] Кормишкин Е.Д., Горин В.А. [7], Горда А.С. [8], Литвинов В.А. [9], Бузгалин А.В., Трауб-Мерц Р.[10], Тетерятникова К.С. [11]), то они придерживаются мнения о том, что рост неравенства в обществе не зависит от изменения экономических индикаторов. Ряд работ свидетельствует том, что связь между неравенством и экономическим ростом четко не прослеживается.

Значительное количество исследователей занимаются изучением воздействия инфляции на уровень неравенства [12, 13]. Выделяют три канала, по которым инфляция может оказывать эффект на неравенство: отраслевой канал, канал неполной индексации и канал изменчивости инфляции. Влияние отраслевого канала проявляется путем изменения в распределении доходов, например, рост цен на продукты питания может уменьшить неравенство за счет роста доходов производителей продовольствия [14]. Канал неполной индексации влияет на повышение инфляции по причине неполных выплат реальной зарплаты той части населения, которая трудится в бюджетной сфере, и малоимущим, усугубляя неравенство в этих низкооплачиваемых слоях населения. Что касается канала изменчивости

инфляции, то по причине неожиданной инфляции, вызванной несовершенством финансовых рынков, невозможно предотвратить негативное влияние непредвиденного повышения цен, что выльется в переток богатства от сберегателей к заемщикам. В ситуации, когда граждане с высокими доходами будут исключительно сберегателями, а граждане с низкими доходами будут заемщиками, то такая неожиданная инфляция будет способствовать уменьшению неравенства [15].

Пандемия коронавируса обострила проблему бедности и экономического неравенства во всем мире. В значительной степени это связано с тем, что в сложившихся в настоящее время условиях в мировой экономике сохраняется неопределенность с окончанием пандемии, и пока еще не до конца восстановлены международные цепочки производства и поставок. Обострили этот вопрос и российско-украинские отношения, введение жестких антироссийских санкций странами мира, в результате которых в целом международные источники роста стали затруднительными. В результате страны все больше уделяют внимание внутренним источникам роста экономик, среди которых важнейшее место занимает внутренний потребительский спрос. Проблема неравенства и невысоких доходов населения ограничивает потенциал расширения потребительского спроса, который должен стать важным драйвером роста в ближайший период.

В 2020 г. из-за пандемии работу потеряли люди, как правило, выполняющие низкоквалифицированную работу и люди с невысокими доходами. При этом механизмы, которые были применены со стороны финансовых регуляторов для стабилизации ситуации, в частности, масштабное количественное смягчение, разогнавшее рост на фондовых рынках, способствовали увеличению неравенства за счет повышения доходов наиболее состоятельного населения.

Масштабы проблемы стали столь значимыми, что усиление неравенства может грозить не только увеличением разрыва в доходах населения между странами, но также и внутренними социальными беспорядками, причем даже в ведущих странах. По мнению руководителя МВФ К. Георгиевой, «существовавшее ранее неравенство, которое усугубилось кризисом из-за коронавируса, может привести не только к макроэкономической нестабильности, но и к усилению поляризации, подрыву доверия к правительствам и росту социальных волнений» [16].

В 2021 г. потребление во многих странах являлось ключевым драйвером восстановления экономик. При этом в немалой степени этот спрос был обеспечен государственной финансовой поддержкой населения,

которое осуществлялось в различных формах — в виде прямой социальной поддержки, в виде льготных кредитов, в виде госгарантий и т.д. Такая поддержка оказывалась и в развитых странах и, вероятно, сворачивание этих мер должно компенсироваться усилением экономической активности в целом, которая сможет поддерживать потребительский спрос.

Неравенство и бедность являются важнейшими проблемами и для российской экономики. О важности сокращения неравенства и бедности неоднократно говорил В.В. Путин. Снижение уровня бедности в два раза по сравнению с показателем 2017 г. — одна из целей национального развития РФ до 2030 г. [17]. В июле 2021 г. бедность была названа одной из нерешенных проблем, которые чувствительны для населения.

Для изучения экономического неравенства необходимо оценить масштабы расхождения уровня доходов граждан и установить причины, способствующие данному расхождению. Именно расхождение в уровне доходов по группам населения и понимается как неравенство с экономической точки зрения.

В мире в целом уровень неравенства населения по доходам увеличивается, причем такая тенденция наблюдается как в развитых, так и в странах с формирующимися рынками. При этом разрыв в неравенстве между этими группами стран сокращается (рисунок 1). Это происходит за счет подтягивания уровня доходов в странах с формирующимися экономиками к показателям развитых стран.

При этом можно наблюдать высокую неравномерность распределения доходов и богатства в странах Ближнего Востока, тогда как в странах Европы такая неравномерность значительно ниже.

Средневзвешенный ВВП по ППС стран Европейского союза — 13 в 2008 г. составлял 55,2%, в 2016 г. он был равен 63,5% аналогичного показателя для стран Европейского союза — 15. Рост экономик стран — членов ЕС существенно отличался, в основном, за счет различия экономических институтов. Однако в последующие годы, как отмечает Всемирный банк в рейтинге Doing Business, страны ЕС-13 практически сравнялись с уровнем стран ЕС-15, а отдельные страны превысили этот уровень. Если же в целом оценивать ситуацию в мире, то такие оценки являются довольно высокими [18]. Пандемия коронавируса в значительной степени изменила сложившуюся модель потребления, в первую очередь, у состоятельных граждан стран «старой» Европы, чей средний душевой доход в 1,5 раза превышает доход в новых европейских странах. Тем не менее, сближение двух групп стран — членов ЕС по показателю душевого дохода продолжается, хотя и гораздо

Таблица 1. Денежные расходы и сбережения российских граждан и обеспеченность их недвижимостью и товарами длительного пользования на 100 домашних хозяйств

показатели	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Денежные расходы и сбережения, млрд. руб.	28697,5	32498,3	35648,7	39903,7	44309,2	47309,2	53153,2	54325,3	56205,1	58458,7	62076,2
Наличие предметов длительного пользования на 100 домохозяйств:											
Телевизоры, шт.	160	164	170	174	178	183	197	193	190	187	188
Видеомагнитофоны, видеокамеры, шт.	58	49	46	46	47	44	61	46	39	38	35
Персональные компьютеры, шт.	55	63	75	86	100	113	125	127	124	125	126
Мобильные телефоны, шт.	217	228	237	244	250	257	256	245	245	248	250
Музыкальные центры, шт.	39	39	40	38	39	38	35	31	28	28	25
Холодильники, морозильник, шт.	123	121	122	125	126	128	129	132	133	134	136
Стиральные машины, шт.	101	99	101	101	101	103	100	100	100	101	101
Электропылесосы, шт.	92	92	93	93	95	96	96	96	95	96	96
Микроволновые печи, шт.	51	61	65	69	72	75	79	106	108	112	110
Посудомоечные машины, шт.	3	3	4	5	7	8	9	10	10	10	13
Кондиционеры, шт.	8	8	10	12	17	20	21	24	23	25	26
Швейные, вязальные машины, шт.	53	43	42	40	41	40	40	39	40	38	36
Общая площадь жилых помещений в собственности — всего, млн. кв м	3177	3288	3288	3349	3359	3473	3581	3653	3708	3780	3857

Источник: Федеральная служба государственной статистики

медленнее, чем до коронакризиса. По состоянию на 2021 г. в странах Евросоюза отмечается меньший уровень неравенства по доходам граждан, чем в других развитых странах мира. Данные Евростата показывают, что квинтильный коэффициент фондов всех европейских стран в 2018 г. составлял 5,0 раз относительно 4,9 раз в 2008 г., что говорит о незначительном уменьшении неравенства доходов граждан. Такое снижение связано с опережающим снижением той доли доходов, которая принадлежит верхнему квинтилю, и одновременно уменьшающейся доли нижней 20% группы. На долю пятой наиболее обеспеченной группы в 2008 г. приходилось 39,2%, тогда как в 2018 г. она составила 38,7%. В то же время удельный вес первой группы сократился на 0,3%, составив в 2018 г. 7,7%. То есть, доля дохода, которая отводится на 2–4 квинтили увеличилась в период с 2008 г. по 2018 г.

К основным факторам, которые сдерживают снижение неравенства европейских граждан, относят

изменение структуры семьи, иммиграцию и старение населения. Индекс Джини в странах Европы в целом в среднем составил 29,9% в 2018 г., это ниже уровня 2008 г. на 0,1 п.п. Социальное неравенство в этот период в странах ЕС-13 уменьшилось, в странах ЕС-15 возросло [19].

Отметим, что Россия находится на наихудших позициях среди европейских стран по экономическому неравенству. Более половины, а именно 57,1% всего богатства нашей страны принадлежит 1% самых богатых жителей.

А 84,8% всего богатства Российской Федерации сосредоточено в руках 10% самых обеспеченных граждан. То есть, основное богатство находится в руках узкого круга людей, которые и получают основные результаты экономического роста. Тот факт, что в России существует меньшее количество долларовых миллио-

неров, также подтверждает факт неравномерного распределения богатства в нашей стране [20].

Росту неравенства в мире в последние 20 лет в незначительной степени способствуют ускоренное развитие технологического развития и глобализация. Причем глобализация и технологическое развитие усиливают друг друга. Вместе эти два фактора привели к ускорению развития ряда секторов экономики, перераспределив в пользу этих секторов доходы и прибыль.

Также одной из значимых причин неравенства является большой разрыв в доходах руководства компаний и рядовых служащих. В целом такой разрыв в крупных компаниях сейчас достигает 320 раз [21]. В 1989 г., т.е. 30 лет назад, эта разница была существенно меньше — 61:1. Очевидно, такая проблема имеет место и в РФ.

Оценить неравенство населения по богатству более трудная задача, чем оценить неравенство по доходам. Богатство населения формируется из потока доходов и накопленного богатства. Концептуально измерение богатства должно включать не только финансовые активы, но также и человеческую ценность. Оценка последнего параметра является особенно трудной задачей.

Кроме того, оценка затрудняется различной проработкой статистических данных в разных странах, которые не всегда сопоставимы и зачастую являются фрагментарными.

ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития) определяет богатство как величину, состоящую из элементов, имеющих определенную экономическую ценность и являющихся объектом права собственности [22]. Таким образом, под богатством можно понимать все экономические активы домохозяйств, в число которых входят как денежные средства, так и собственность, которую можно обратить в деньги.

Экономические активы можно разделить на финансовые и нефинансовые. К финансовым активам относятся:

- ◆ текущие счета;
- ◆ депозитные счета;
- ◆ пенсионные счета;
- ◆ облигации;
- ◆ акции;
- ◆ объединенные инвестиционные фонды;
- ◆ полисы страхования жизни;
- ◆ другие управляемые финансовые активы.

Нефинансовые активы включают:

- ◆ основное жилье;

- ◆ другую жилую собственность;
- ◆ капитал в нежилой собственности, включая землю;
- ◆ капитал, вложенный в бизнес;
- ◆ транспортные средства;
- ◆ другие нефинансовые активы (произведения искусства, ювелирные изделия, драгоценности, антиквариат, оснащение для хобби, предметы коллекционирования) [23].

Росстат оценивает нефинансовое богатство граждан по следующим показателям:

- ◆ дом или часть дома, квартира, комната в коммунальной квартире, пригодные для проживания круглый год
- ◆ дом или часть дома, квартира, комната в коммунальной квартире, пригодные для проживания сезонно
- ◆ земельные участки в собственности и/или распоряжении
- ◆ автомобили (легковой, грузовой, автобус, микроавтобус и прочий моторный транспорт)
- ◆ стационарный гараж или машиноместо/бокс на крытой многоместной стоянке [24].

В таблице представлены денежные расходы и сбережения российских граждан и обеспеченность их недвижимостью и товарами длительного пользования (таблица 1).

В связи с тем, что экономическое неравенство является сложным для измерения и управления процессом, это способствует появлению разных способов и индексов его измерения, как с монетарной, так и не с монетарной стороны.

Анализ показывает, что в России богатство принадлежит небольшой группе наиболее обеспеченных граждан, и в целом в стране наблюдается существенный разрыв между богатыми и бедными. Среди стран Европы Россия находится на ведущих позициях по экономическому неравенству. Более половины всего богатства нашей страны принадлежит 1% самых богатых жителей. Несмотря на то, что можно наблюдать снижение коэффициента Джини за ряд лет, распределение денежных доходов по 10% и 20% -ым группам значительно не улучшилось. На протяжении длительного периода децильный коэффициент фондов, который показывает разницу между доходами 10% богатейшего населения и бедных граждан России, постоянно увеличивался, оставшись неизменным лишь в 2019 г. А среди 20%-ых групп наблюдается увеличение доли населения с наименьшими доходами, в то время как доля группы, имеющей наибольшие доходы, снизилась — что свидетельствует о перетоке населения из богатых групп в группы

с более низкими доходами, и сохранении бедности населения в целом. Очевидно, что продолжающиеся анти-российские санкции дополнительно усугубят проблему неравномерного распределения доходов населения нашей страны, поэтому с целью недопущения потери

источников доходов как обеспеченными, так и менее обеспеченными группами населения, особую важность приобретают специальные программы и меры поддержки граждан и бизнеса со стороны регулирующих органов Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kuznets S. Economic growth and Income inequality. *The American Economic Review*. 1955. XLV. 1: 26.
2. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. — 592 с.
3. Brückner, Markus, and Daniel Lederman. 2015. Effects of Income Inequality on Aggregate Output. Washington: World Bank.
4. Stiglitz, Joseph E. The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers our Future. — 2013. — 234 P.
5. Анисимова Г.В. Государственная стратегия преодоления бедности: насущные проблемы // Экономика и предпринимательство. - № 9. - 2019. - С. 34–39.
6. Воейков М.И., Анисимова Г.В. Экономическое неравенство и экономический рост: проблемы измерения и регулирования // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. — 2015. — № 3(80). - С. 89–101.
7. Кормишкин Е.Д., Горин В.А. Воздействие неравенства на экономический рост: теоретические и эмпирические подходы // Инновационное развитие экономики. — 2018. — № 5 (47). — С. 46–51.
8. Горда А.С. Методические подходы к оценке экономического неравенства стран мира // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. — 2019. — № 1 (46). — С. 132–140.
9. Литвинов В.А. Уровень и модель кривой распределения доходов // Россия: тенденции и перспективы развития. — 2016. - Т. 3. — С. 440–443.
10. Неравенство доходов и экономический рост: стратегии выхода из кризиса / Под ред. А. Бузгалина, Р. Трауб-Мерца, М. Воейкова. М.: Культурная революция, 2014. — 406 с.
11. Тетерятников К.С. Экономическое и финансовое неравенство: предпосылки, причины и последствия // Менеджмент и бизнес-администрирование. — 2017. — Т. 12. — № 4. — С. 114–129.
12. Bulir A. Income inequality: Does inflation matter? *IMF Staff Papers*. — 2001.-Vol. 48. — No. 1. — pp. 139–159.
13. Albanesi S. (2007). Inflation and inequality // *Journal of Monetary Economics*. — Vol. 54. — No. 4. — pp. 1088–1114.
14. Walsh M. J. P., Yu J. (2012). Inflation and income inequality: Is food inflation different? *IMF Working Paper*. — No. — 12/147.-22 p.
15. Картаев Ф.С., Клачкова О.А., Лукьянова А.С. Как инфляция влияет на неравенство доходов в России? // Вопросы экономики. — 202. — № 4. — С. 54–66.
16. Попов В. Почему социальное неравенство погубит планету. Новая газета. 17.05.2021. https://www.ng.ru/kartblansh/2021-05-17/3_8149_kartblansh.html (дата обращения: 20.07.2021).
17. Указ Президента РФ о национальных целях развития России до 2030 года. 21.07.2020. Указ о национальных целях развития России до 2030 года • Президент России (kremlin.ru) <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения: 20.07.2021).
18. Аналитический центр при Правительстве РФ <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/15555.pdf> (дата обращения: 05.08.2021).
19. Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. [Электронный ресурс]. — URL:-https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/map_2020_web.pdf (дата обращения: 23.03.2021)
20. Анисимова Г.В. Социальное государство и экономическое неравенство в XXI Веке: Российская действительность, проблемы и перспективы/ Г.В. Анисимова // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 13. Ч. 1 / под ред. В.И. Герасимова. — М.: ИНИОН РАН, 2018. — С. 605–609.
21. Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара. Мониторинг экономической ситуации в России. — <https://www.iep.ru/ru/publikacii/publication/monitoring-ekonomicheskoy-situatsii-v-rossii-21-153-dekabr-2021-g.html> (дата обращения: 10.01.22).
22. OECD. OECD Framework for Statistics on the Distribution of Household Income, Consumption and Wealth. — 2013. — p.123.
23. Богомолова Т., Черкашина Т. Анализ и прогнозирование развития экономики России. Материалы конференции ИЭОПП СО РАН, ИНП РАН, ЭФ НГУ, 23–24 марта 2020.
24. Федеральная служба государственной статистики. Итоги комплексного наблюдения жизни населения в 2020 году. — https://rosstat.gov.ru/itog_inspect (дата обращения: 16.07.2021).

© Соколова Елена Юрьевна (eys@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД К УПРАВЛЕНИЮ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ ВУЗА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

COMPETENCE-BASED APPROACH TO THE MANAGEMENT OF HUMAN RESOURCES OF A UNIVERSITY IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF EDUCATION

**I. Sokolova
A. Sokolov
N. Kalinovskaya**

Summary. The changes taking place in the labor market under the influence of the digital economy are analyzed. The importance of higher education for the training of specialists who meet the modern requirements of employers is emphasized. Attention is focused on the competence-based approach in the management of human resources of the university, as a tool aimed at supporting the changes taking place in the educational paradigm of the university. The key competencies of a university teacher, which are necessary for the implementation of educational services in modern conditions, are considered.

Keywords: digital economy, human capital, competencies, competency-based approach to human resource management, digitalization of education, teacher's personal brand, leadership, digital competencies.

Соколова Ирина Александровна

*К.ф.н, доцент, Дальневосточный государственный университет путей сообщения
sokiadv@mail.ru*

Соколов Александр Валерьевич

*К.т.н., Дальневосточный государственный университет путей сообщения
sokolov_khv@inbox.ru*

Калиновская Наталья Александровна

*К.э.н., доцент, Дальневосточный государственный университет путей сообщения
v27-ot@mail.ru*

Аннотация. Анализируются изменения, происходящие на рынке труда под воздействием цифровой экономики. Подчеркивается важность высшего образования для подготовки специалистов, отвечающих современным требованиям работодателей. Акцентируется внимание на компетентностном подходе в управлении человеческими ресурсами вуза, как инструменте, направленном на поддержку изменений, происходящих в образовательной парадигме вуза. Рассматриваются ключевые компетенции преподавателя вуза, необходимые для реализации образовательной услуги в современных условиях.

Ключевые слова: цифровая экономика, человеческий капитал, компетенции, компетентностный подход к управлению человеческими ресурсами, цифровизация образования, личный бренд преподавателя, лидерство, цифровые компетенции.

Цифровизация оказывает преобразующее влияние на все сферы жизнедеятельности современного человека. Цифровизация экономики формирует новое мышление, новые компетенции, новые профессии, определяет специфику труда, определяет новую образовательную парадигму. Существует множество определений цифровой экономики. На наш взгляд, максимально комплексным является определение цифровой экономики, как «деятельности по созданию, распространению и использованию цифровых технологий и связанных с ними продуктов и услуг». [1]

Главным двигателем изменений, главной ценностью в эпоху цифровой экономики является человеческий капитал. Развитие экономики находится в зависимости от стабильного создания, распространения и использования знания, что в свою очередь невозможно без развития человеческого капитала. Цифровизация является продуктом человеческого капитала с одной стороны и его движущей силой, с другой. Человеческий

капитал включает в себя запас знания, образования, практических навыков, творческих и мыслительных способностей людей, их моральных ценностей, мотивацию и культурный уровень. Осознавая безграничные возможности человеческого капитала, обратим внимание на его существенный недостаток — устаревание знаний. Поэтому, для цифровой экономики важным фактором является наличие высококвалифицированных специалистов, которые обладают знаниями и компетенциями для разработки и внедрения цифровых технологий.

Рынок труда нуждается в талантливых сотрудниках. «...именно талант — главный фактор, определяющий успех компаний, и что способность компании привлечь, развивать и удерживать таланты будет главным конкурентным преимуществом еще много лет». [2] Талантливый сотрудник — это специалист, обладающий высоким уровнем профессиональных и личностных компетенций, максимально соответствующим требо-

ваниям той или иной компании, способный к постоянному развитию своих навыков, реализую свою потребность в самореализации.

В рамках развития цифровой экономики, талантливыми сотрудниками являются не только профессионалы в области информационных технологий, но и сотрудники, обладающие необходимыми компетенциями, позволяющими им быть максимально продуктивными на занимаемой должности, развивать и поддерживать ключевые компетенции организации, вносить свою лепту в конкурентоспособность организации.

Актуальным трендом в управлении человеческими ресурсами организаций является компетентностный подход, так как происходит трансформация понятия профессии, поскольку набор компетенций, которыми должен обладать работник, получивший подготовку по определенной профессии или специальности, перестает быть жестким и определенным, профили компетенций изменяются вслед за технологическими и организационными изменениями. Таким образом, компетенция как личная способность эксперта решать профессиональные и надпрофессиональные задачи оказывается важным требованием к специалисту в условиях цифровой экономики.

Компетентностный подход возник не сегодня, но его актуальность в условиях цифровизации все больше возрастает. Компетенция — это набор личностных и деловых характеристик человека, которые важны для эффективной работы на занимаемой должности и могут быть измерены через наблюдаемое поведение. Компетентностный подход к управлению человеческими ресурсами рассматривает поведение человека в организации, как проявление его компетенций.

Компетентностный подход к управлению человеческими ресурсами в организациях реализуется в качестве философии управления человеческими ресурсами (HR - human resource management), распространяющейся на полный цикл функций управления человеческими ресурсами. Или же модульно, развивая, приоритетные на определенный момент, направления в HR для использования инструментов компетентностного подхода. Управление человеческим капиталом на основе компетентностного подхода позволяет организациям: осуществлять политику найма максимально продуктивно и с минимальными затратами; иметь объективные критерии оценки эффективности сотрудников; целенаправленно развивать таланты; формировать действующий кадровый резерв; эффективно реализовывать мотивационные программы; проводить оценку и аттестацию персоналом; системно управлять корпоративной культурой персонала.

Не существует универсальной модели компетенций для всех организаций, нет и универсального профиля компетенций по должностям, так как и модель и профиль определяются стратегическими задачами организацией. Но, тем не менее, можно выделить набор универсальных компетенций, особенно актуальных в цифровой экономике, который важен, как для работодателей, так и для специалиста в рамках построения индивидуальной карьерной траектории: лидерство, управление командой, мотивация на успех, ориентация на результат, стрессоустойчивость, управление изменениями, управление эмоциональным интеллектом, цифровые компетенции, ориентация на развитие, гибкость, адаптивность, аналитическое и стратегическое мышление, креативность.

Развитие технологий, цифровая трансформация компаний, появление на рынке труда новых профессий, изменяющиеся компетенции в уже существующих, растущая конкуренция на рынке труда, предъявляют новые требования к вузам. Вектор системы образования вуза под воздействием цифровизации, должен быть направлен на подготовку профессионала, обладающего не только современными экспертными знаниями в своей предметной области, но и такими компетенциями, которые позволят ему быть востребованным специалистом на рынке труда.

Цифровизация образования это «процесс оказания образовательных услуг с использованием цифровых информационно-коммуникативных технологий с целью формирования у потребителя услуги определенных компетенций, в том числе соответствующих требованиям социальной адаптации в цифровой среде». [4] Полагаем, что не следует упрощать феномен цифровизации образования, ограничивая его рамками внедрения цифровых технологий. Необходимо акцентировать внимание на трансформацию образовательного процесса, модернизацию традиционных механизмов и методов преподавательской деятельности.

Цифровизация образования для вузов — это не только насущная необходимость для удовлетворения потребности в экспертах нового уровня в различных отраслях, это возможность повышения своей конкурентоспособности на рынке образовательных услуг за счет адаптированности для целевой аудитории. Преимуществами цифровизации образования являются: прозрачность и информативная гибкость; непрерывность; доступность; соответствие требованиям цифровой экономики; соответствие особенностям познавательного процесса современного поколения, повышение качества образовательной услуги.

В связи с чем, приоритетными направлениями развития образовательного процесса являются:

- ◆ развитие модели смешанного обучения, включая в учебные дисциплины цифровые инструменты и технологии;
- ◆ формирование онлайн-образования;
- ◆ создание виртуальной (цифровой) образовательной среды.

Внедрение и развитие в вузах цифрового образования потребует не только технико-технологической модернизации, образовательного процесса, но и подготовку профессорско-преподавательского состава, так как преподаватель становится не только носителем знаний, но и проводником по цифровому миру.

Фундаментом образовательного процесса вуза в условиях цифровизации, на наш взгляд, является компетентностный подход, позволяющий сформировать и развить необходимые компетенции ппс для успешной реализации образовательного процесса, подготовки таких специалистов, которые будут востребованы на рынке труда.

Основными видами деятельности преподавателя вуза являются: научная, методическая, педагогическая, предметная. Данные виды деятельности остаются неизменными в образовательной деятельности. Но, личностно-деловые характеристики преподавателя, которые наполняют каждый вид деятельности особым содержанием, определяют степень вовлеченности студентов в учебный процесс, влияют на качество образовательной услуги, изменяются в соответствии с вызовами времени.

На наш взгляд, важными личностно-деловыми характеристиками преподавателя — компетенциями являются: стремление к профессиональному и личностному развитию, активная гражданская позиция, мировоззрение, мотивация на успех, управление эмоциональным интеллектом, лидерство, стрессоустойчивость, гибкость, адаптивность, толерантность, цифровые компетенции, ориентация на результат, открытость новому.

Каждая из заявленных компетенций преподавателя вуза является важной, отметим те компетенции, которые особо актуальны в парадигме цифрового образования.

Стремление к профессиональному развитию. В современном мире скорость изменения профессиональных знаний увеличивается, что обуславливает необходимость постоянного обучения и повышения квалификации преподавателей в своей предметной области. Данная компетенция сопряжена с мотивационным комплексом преподавателя. Стремление к про-

фессиональному развитию должно быть продиктовано мотивацией достижения, а не мотивацией избегания. Повышение квалификации в профессиональной области не должно ограничиваться формальными требованиями к должности, а должно быть продиктовано профессиональным мастерством, лояльностью к своей профессии, повышением уровня профессиональных знаний у обучающихся.

Цифровые компетенции позволяют адаптировать образование к изменяющимся условиям. Феномен цифровизации образования, не ограничивается рамками внедрения цифровых технологий. Необходимо обратить внимание на модернизацию традиционных механизмов и методов преподавательской деятельности, которая выражается в новых формах и форматах подачи учебного материала, в методиках преподавания, в технологическом и ресурсном обеспечении, формировании цифровой культуры нового поколения. Таким образом, цифровые компетенции можно представить, как:

- ◆ оцифровывать учебно-методический материал и использовать его в педагогической практике;
- ◆ разрабатывать электронные учебники с элементами интерактивных технологий и программируемого обучения,
- ◆ создавать массовые открытые образовательные курсы
- ◆ осуществлять учебный процесс в онлайн и/или смешанном режиме, управляя и развивая цифровую культуру обучающихся.

Лидерство является одной из самых важных компетенций преподавателя, так как происходит изменение роли преподавателя в образовательном процессе. Представление об образовании, только как о процессе трансляции знаний не является актуальным. Преподаватель уже не является абсолютным носителем академических знаний и поставщиком информации, он превращается в наставника, коуча, дизайнера образовательного пространства.

Информационная перегруженность, информационная открытость, доступность информации порождает у современного поколения студентов иллюзию скорости и абсолютности принятия решения любой познавательной проблемы, теряется способность к критическому осмыслению. Многообразии информации вызывает у студентов желание выбрать самое легкое или первое пришедшее в голову решение. Поэтому, одной из главных задач преподавателя является научить студентов учиться в информационном пространстве, а не только находить и присваивать готовое решение. Таким образом, лидерство преподавателя проявляется в наставничестве, коучинге, организаторе образовательной среды.

Новая роль преподавателя оказывает влияние и на стиль педагогической деятельности, который является важным инструментом повышения качества обучения, соответствия потребностям целевой аудитории. Стиль преподавания представляет собой систему предпочитаемых приемов и способов педагогического взаимодействия преподавателя с обучаемыми. Стиль педагогической деятельности характеризуется различными иерархическими уровнями индивидуальности — от темперамента до высших уровней — ценностно-мотивационной сферы, направленности личности преподавателя. Оптимально соответствуют современным требованиям образовательного процесса научно-педагогической модель организации образовательной деятельности. Где «педагог, используя результаты собственных исследований, инициируя образовательные инновации, «вынужден» осваивать разные способы совместной деятельности; стремясь сделать студентов активными и значимыми участниками образовательного процесса, он сознательно стремится к организации партнерской модели коммуникации, в которой мало разрешить (позволить) студенту проявлять свою активность и самостоятельность — нужно особыми средствами, приемами и переформатированием учебного материала эту активность и самостоятельность «провоцировать», поддерживать и развивать». [3]

Таким образом, преподаватель, реализующий компетенцию лидерство, осознает особенности современного студенчества и выбирает подходящие способы и каналы коммуникации. Мотивирует на реализацию успешной образовательной траектории, формулируя учебные задачи для развития определенных компетенций. Своей харизмой оказывает воздействие на студенческую аудиторию, вовлекая ее в научные сообщества, формируя интерес к предмету, к постоянному профессиональному и личностному развитию.

Во все времена личность преподавателя оказывала влияние на становление и развитие профессиональных и личностных характеристик обучающихся. Ничего не изменилось и в эпоху цифровизации, но для того, чтобы оказывать влияние на современное студенчество, быть с ним в одном измерении, необходимо использовать инструменты, способствующие этому. Личный бренд преподавателя является одним из таких эффективных инструментов. Персональный бренд — это совокупность ассоциаций и образов, транслируемых личностью для формирования определенных представлений и ожиданий целевой аудитории с помощью маркетинговых инструментов. Но, это не искусственно, созданный конструкт, это то, что конкретный человек символизирует, его мировоззрение, компетенции, поступки, которые люди отождествляют с ним. Персональный бренд — это активное конструирование, развитие и продвижение

своих сильных сторон для определенных целей. Одно из самых главных преимуществ персонального бренда, заключается в возможности оказывать влияние на то, как другие люди воспринимают личность и превращать это восприятие в возможности.

Его актуальность применения в образовании оправдано, так как студенты, являясь потребителями образовательной услуги, оценивают ее качество, выражают лояльность и вовлеченность в учебный процесс в зависимости от впечатлений, полученных в результате взаимодействия с преподавателем. Структура личного бренда преподавателя представлена такими элементами, как: профессиональная экспертность и личностно-деловые характеристики, рассмотренные выше.

Совокупность данных элементов формируют образ и репутацию преподавателя. Если ценностно-нормативные характеристики, оказываются близки студенческой аудитории, то аудитория становится лояльной и преподавателю и/или дисциплине.

Персональный бренд преподавателя решает не только задачу повышения качества образовательного процесса, но направлен и на продвижение преподавателя в профессиональных кругах, на личностное и профессиональное развитие, формирует экспертность и конкурентоспособность на рынке труда. В парадигме цифровизации образования новый формат активности преподавателя в онлайн или офлайн пространстве становится ближе и понятнее студенческой аудитории.

Таким образом, компетентностный подход в управлении интеллектуальным потенциалом вузом, позволяет быстро реагировать на происходящие изменения в обществе, создавая и наращивая необходимый пул нужных компетенций профессорско-преподавательского состава.

В работе мы акцентировали внимание на самых важных компетенциях профессорско-преподавательского состава на данный момент времени: стремление к профессиональному развитию, цифровые компетенции, лидерство. Ориентация на эти компетенции позволит организовать траекторию личностного роста преподавателя для совершенствования своей профессиональной деятельности.

Следующим шагом является разработка комплексной модели компетенций для профессорско-преподавательского состава вуза. Данная модель может быть встроена в систему оценки преподавателей на избрание в должности, являясь инструментом оценки при приеме на работу молодых преподавателей, быть ориентиром для формирования программ повышения ква-

лификации профессорско-преподавательского состава. Системная модель компетентностного подхода, как инструмент управления человеческими ресурсами позволит повышать качество образовательной услуги, отражая современные тенденции экономики и образования.

Изменения, происходящие в обществе под воздействием цифровизации неизбежны. Образование в университете призвано не только помочь стать профессионалом «прямо сейчас», но и быть готовым к самообразовательной деятельности в быстро меняющемся мире. Система высшего образования должна своевременно

реагировать на возникающие вызовы, готовя специалистов обладающих высокими профессиональными знаниями и современными компетенциями, позволяющие им реализовать свою карьерную траекторию в современном мире. Поэтому, цифровизация образования предусматривает трансформацию образовательного процесса, включающая модернизацию традиционных механизмов и методов преподавательской деятельности. Использование компетентностного подхода в управлении профессорско-преподавательским составом вуза, направлено на поддержку изменений, происходящих в образовательной парадигме под воздействием цифровизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вишневский К.О. Цифровые технологии в российской экономике / К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг, В.В. Дементьев и др.; под ред. Л.М. Гохберга; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: НИУ ВШЭ, 2021. — 116 с.
2. Майклз Эд, Война за таланты /Хэндфилд-Джонс Хелен, Эд Майклз —М.— «Манн, Иванов и Фербер», 2005. — 280 с.
3. Поздеева С.И. Преподаватель высшей школы: методист, исследователь, новатор? // Высшее образование в России. 2017. № 3 (210). С. 52–58.
4. Семенихина В.А., Емельянович А.А., Коваль С.В. Бизнес. Образование. Право. // Проблемы и перспективы образования в контексте цифровизации Российской экономики — 2019. № 2 (47). С. 180–185.

© Соколова Ирина Александровна (sokiadv@mail.ru),

Соколов Александр Валерьевич (sokolov_khv@inbox.ru), Калиновская Наталия Александровна (v27-om@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Дальневосточный государственный университет путей сообщения

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА РЕГУЛИРОВАНИЯ РЫНКА ТРУДА НА УРОВНЕ ГОСУДАРСТВА И РЕГИОНА

THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC MECHANISM OF LABOR MARKET REGULATION AT THE STATE AND REGIONAL LEVEL

A. Traore

Summary. In order to determine a single vector of state influence on the labor market, it is considered appropriate to investigate the issue of defining the concept of state regulation, which is currently insufficiently developed and requires taking into account the conditions of the present. The article discusses the general aspects of the organizational and economic mechanism of labor market regulation. The concept of labor market regulation is presented. The main legislative acts that contain norms regulating labor processes in the state and the region are considered. Moscow acted as an example of regional regulation of the labor market. The problems of labor market regulation are highlighted, as well as the main measures to eliminate these problems are presented.

Keywords: regulatory mechanism, labor market, socio-economic development, region, legislative framework, employment, social and labor relations.

Траоре Абдулаи

Аспирант, Академия Труда и Социальных
Отношений
abtraore201@gmail.com

Аннотация. С целью определения единого вектора государственного влияния на рынок труда считается целесообразным исследовать вопрос определения концепции государственного регулирования, которая в настоящее время недостаточно отработана и требует учета условий настоящего. В статье рассмотрены общие аспекты организационно-экономического механизма регулирования рынка труда. Представлено понятие регулирования рынка труда. Рассмотрены основные законодательные акты, которые содержат нормы, регулирующие трудовые процессы в государстве и регионе. В качестве примера регионального регулирования рынка труда выступил г. Москва. Выделены проблемы регулирования рынка труда, а также представлены основные меры по устранению данных проблем.

Ключевые слова: механизм регулирования, рынок труда, социально-экономическое развитие, регион, законодательная база, занятость, социально-трудовые отношения.

Обеспечение устойчивого развития страны связано с решением таких важных вопросов, как модернизации экономики, повышение качества жизни, восстановление социальной защищенности населения. В практическом решении этих острых проблем одно из центральных мест занимает регулирование рынка труда, который является механизмом, обеспечивающим распределение и перераспределение общественного труда по видам экономической деятельности и в пространственном измерении в соответствии со структурой общественных потребностей и форм собственности.

В последние годы в развитии теории занятости, которая задает тренд государственного регулирования, наблюдается постепенный перенос акцента с экономических факторов и макроэкономических способов регулирования занятости в социально-психологическую и правовую сферы, что нашло отражение в ис-

следованиях индустриально-социологической теории занятости [4, с. 18–20], контрактной теории занятости [5, с. 86–89], теории гибкого рынка труда [10, с. 2–13]. То есть во время планирования государственного регулирования рынка труда средствами стратегического управления следует использовать стратегии и механизмы, которые направлены на стимулирование инновационных форм занятости, мобильности рынка труда и совершенствование нормативно-правового поля.

Для исследования сущности механизма регулирования регионального рынка труда для начала необходимо определить само понятие регионального рынка труда. Региональный рынок труда — это составная часть общего рынка труда, а потому он имеет все принципиальные признаки, как и совокупный (национальный) рынок. Однако для регионального рынка труда необходимо определить специфические признаки. Во-первых, это поле, где взаимодействуют как местные,

так и внешние работодатели и рабочие, что, с одной стороны, усложняет систему взаимоотношений, способствует повышению конкуренции, а с другой — положительно или отрицательно влияет на условия труда и цену рабочей силы. Во-вторых, это поле, где географические и природные условия влияют наибольшим образом. В-третьих, это поле, где национальные, ментальные и религиозные аспекты существенно влияют на выбор работников и работодателей. В-четвертых, особенности видов экономической деятельности в регионах существенно влияют на возможности рабочих реализовать свои физические и умственные способности. С теоретической точки зрения региональный рынок труда представляет собой совокупность социально-трудовых отношений, форм и методов согласования и регулирования интересов непосредственных производителей и работодателей (владельцев фирм), которые функционируют в определенном регионе страны.

Ученые приходят к выводу, что региональный и общий (национальный) рынки труда имеют общие признаки [11, с. 142]. Но, следует заметить, что регион является частью территории страны, имеет свои специфические признаки:

- ◆ территориальная приуроченность (то есть регион должен ограничиваться определенной территорией),
- ◆ взаимосвязь производств и отраслей (что проявляется в комплексности развития региона и обеспечивает его функционирование как системы),
- ◆ возможность воспроизводства потенциала (природного, производственного, демографического, научно-технического),
- ◆ своеобразии хозяйственного комплекса, который отличает данный район среди других,
- ◆ определенная специализация, которая определяет место региона в территориальном разделении труда,
- ◆ динамичность, которая проявляется в определенных изменениях, развитии региона, наличие внешних связей.

Учитывая вышесказанное, можно дать трактовку регионального рынка труда как системы социально-экономических отношений территориально целостной части страны со своими ярко выраженными природной средой, структурой экономики, глубокими и разнообразными связями между ними, законченным циклом воспроизводства, общими чертами исторического развития, производственными навыками, социально-культурными традициями населения, функциональными особенностями, в которой взаимодействуют участники в лице работодателей, наемных работников и государства по удовлетворению спроса и предложения на труд и рабочие места.

Понятие механизма регулирования регионального рынка труда обычно отождествляют с механизмом регулирования национального рынка труда [12, с. 266], что приводит к применению одинаковых подходов. Использование термина «механизм» при исследовании рынка труда не случайно, так как он выражает в полной мере понятие целостности, значение каждого элемента, структуры, возможности взаимодействия и взаимосвязи, нарушение которых приводит к изменению стройности всей системы и ее составляющих. Понятие «механизм» глубоко и содержательно характеризует течение рыночных процессов в обществе. Он показывает динамику, средства и характер перехода от одного состояния системы к другому.

Современный механизм регулирования рынка труда — это сочетание механизма саморегулирования и государственного влияния на процессы реализации трудового потенциала [7, с. 86]. Объективность процессов саморегулирования обусловлена влиянием внешнеэкономических факторов капитала и других ресурсов на динамику рынка товаров и услуг. Зато только на рынке труда возможно регулирование процессов формирования и использования трудовых доходов, а также реализация мероприятий по детализации и легализации средств, заработанных за рубежом. Ведь формирование трудовых доходов определяется эффективностью использования труда на рынке, что приносит прибыль и средства для перераспределения на социальные цели в бюджет. Благоприятные меры государственного воздействия (регулирования) могут обеспечить также направление нетрудовых и заработанных за рубежом средств не непосредственно на потребительский рынок, а в производственный процесс, что стимулирует инвестиционные и общерыночные процессы.

Всё же рыночный механизм сам по себе не может обеспечить полной, продуктивной и свободно избранной занятости, как этого требует Конституция и Закон РФ «О занятости населения в РФ» [2]. Качественной особенностью государственного регулирования рынка труда в РФ является его многосубъектность и разнородность. В частности, субъекты государственного регулирования рынка труда, условно разделяясь на активных и пассивных, реальных и формальных, различаются между собой по функциям, статусу, структуре, общественному характеру, масштабам, организационным, социально-экономическим способам влияния на экономическое пространство функционирования рынка труда и тому подобное. В аккумулированном виде субъектная база государственного регулирования рынка труда включает отдельных должностных лиц (Президент РФ, Председатель Правительства РФ), Государственную Думу РФ как высший в государстве

Рис. 1. Полномочия федеральных органов государственной власти в сфере регулирования рынка труда

законодательный орган, органы государственной власти всех уровней и органы местного самоуправления, а также отдельных юридических лиц (учреждения, организации и предприятия, общественные организации, негосударственные союзы, объединения (профсоюзы, союзы предпринимателей и т.п.). Полномочия федеральных органов государственной власти следующие — рис. 1:

В качестве примера конкретного региона выступает г. Москва. В Москве регулирование рынка труда происходит с опорой на конкретные институты регионального развития, а также трудовое законодательство региона. Законодательство города Москвы о занятости населения основывается на Конституции Российской Федерации, Трудовом кодексе РФ [1], федеральных законах, иных нормативных правовых актах Российской Федерации, Уставе города Москвы и состоит из основного Закона «О занятости» [2], законов и иных нормативных правовых актов города Москвы. На основании Закона г. Москвы «О занятости населения в городе Москве» реализуются основные меры регулирования

рынка труда в городе. Закон города Москвы «О занятости населения в городе Москве» [3] устанавливает правовые, экономические и организационные меры реализации государственной политики в области содействия занятости населения в городе.

Практика регионального управления в России свидетельствует о нехватке инновационных подходов к разработке программ развития регионов; применяются традиционные механизмы в планировании деятельности регионов, что, в конце концов, тормозит их прогрессивное развитие. Сегодня на региональных рынках происходят значительные трансформации, которые смещают акцент с доминирования работодателей к формированию ценности наемных работников (что особенно показательно для молодежного сегмента рынка труда). В условиях жесткой конкуренции за высококвалифицированный персонал работодатели ищут новые подходы, все чаще применяя маркетинговые технологии, среди которых показательным является формирование имиджа успешного работодателя на основе HR-брендинга. Конечно, это в меньшей степени касает-

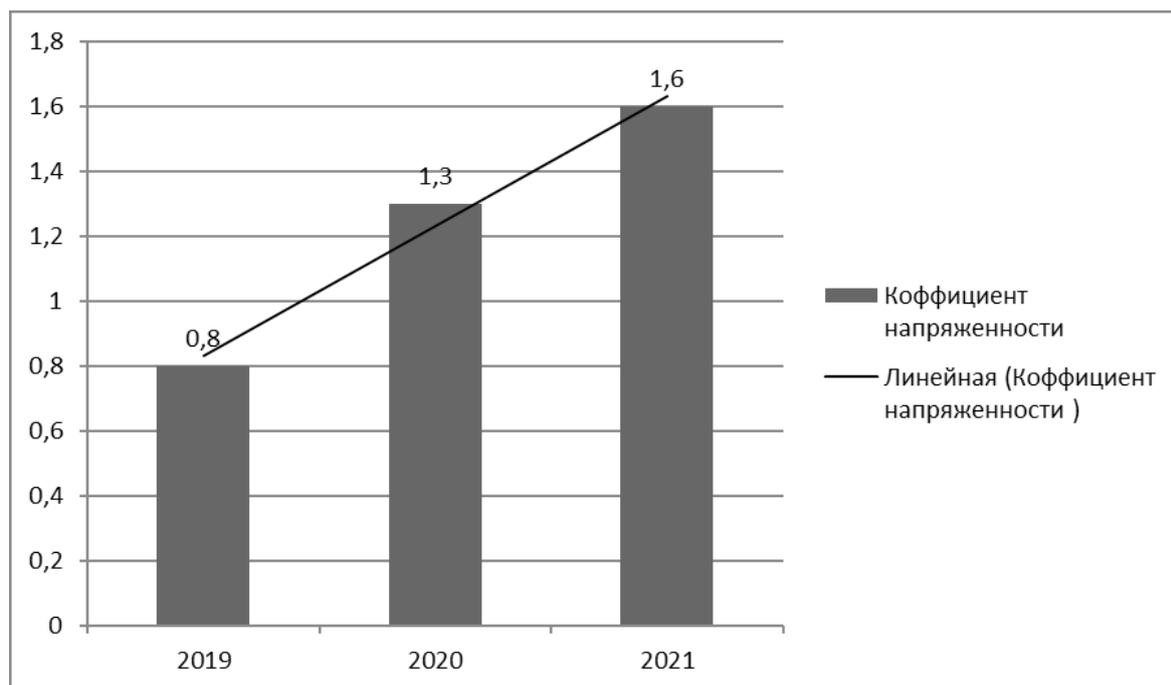

Рис. 2. Динамика коэффициента напряженности на рынке труда г. Москвы [на основе ист.8]

ся столь развитого субъекта РФ, как г. Москва, но всё же и на московском рынке труда существуют определенные проблемы. Они заключаются в следующем:

1. прогнозируемый дефицит рабочей силы на рынке труда (демографическая проблема); несоответствие образовательных услуг потребностям рынка труда в регионе, отсутствие высококвалифицированных работников в экономике (например, информационные технологии) [6, с. 183];
2. недостаточное обеспечение конкурентоспособной экономики мобильной рабочей силой (социальная проблема, пассивность молодежи);
3. сокращение отраслей и увеличение количества работников сферы услуг и торговли, в результате чего рост безработицы происходит по отдельным специальностям и возникает необходимость в переподготовке;
4. трудовой потенциал населения Москвы используется менее эффективно, не используется в производстве, но избыточен в других отраслях;
5. размывание границ между официальной и теневой занятостью, расширение теневой занятости — как национальная тенденция.

Эти проблемы требуют срочного и эффективного решения — в том числе в рамках деятельности центров занятости населения в районах г. Москвы.

Например, учитывая реалии современного информационного общества и потребности современного

бизнеса в квалифицированном персонале, который бы полностью отвечал необходимым компетенциям, усложняется задача поиска необходимых кадров — несмотря на то, что предложение на рынке труда велико. Это ведет к росту коэффициента направленности на рынке труда. Например, в г. Москве коэффициент очень сильно подрос в 2020–2021 гг. из-за влияния пандемии коронавируса — рис. 2:

На протяжении января 2020 года при содействии службы занятости, 262 граждан были трудоустроены, что составляет 30,6% от числа граждан (85,8 тыс. человек) сняли с учета, работало 20,6 тыс. человек — 78,6% от всех занятых (26,2 тыс. человека) (за тот же период 2019 года при содействии службы занятости, 24,9 тыс. граждан были трудоустроены, что составило 30,7% от числа граждан, снято с учета безработных граждан были трудоустроены 15,8 тыс. человек — 63,5% от всех занятых).

Несмотря на все споры и дискуссии по поводу важности составляющих компонент бизнеса, главным остаются человеческие ресурсы, от подготовки, опыта, состояния, квалификации и профессионализма которых зависит успех предприятия. Поэтому высокая текучка кадров практически во всех сферах деятельности, обобщенная неудовлетворенность (работодателя — сотрудниками, а сотрудников — работодателем и отсутствием социальной ответственности бизнеса) на фоне нестабильности в обществе становится проблемой не толь-

ко микро-, но и макроуровня. В этих условиях развитие персонала становится не личной задачей сотрудника или организации, а задачей региона и государства. Развитие работника как процесс обусловлен действием факторов внешней и внутренней среды, результатом организационных изменений, внедрение методик, процессов и ресурсов, необходимых для эффективного выполнения текущих и перспективных задач работодателя, так и для удовольствия работников в самореализации, профессиональной подготовке и карьерном росте. Система развития персонала, по нашему мнению, должна учитывать как интересы работодателя в быстром заполнении вакантных мест, экономии затрат на подбор, отборе, адаптации нанятых работников, так и интересы самих работников. Поэтому система развития персонала должна быть гибкой, адаптивной и регулируемой со стороны региона и государства.

Особенностью регионального регулирования рынка труда является то, что в основном реализуются отдельные организационно-экономические рычаги регулирования рынка труда [9, с. 178], при этом не решается проблема формирования единого целостного организационно-экономического механизма регулирования рынка труда региона. Следовательно, требуется совершенствование механизма регулирования рынка труда, который присущ именно региональной экономике, определяет ее специфику и состояние развития и способен обеспечить экономическую модернизацию и общественное благосостояние жителей региона. В то же время рыночные механизмы саморегулирования требуют дополнения со стороны государственного регулирования. По нашему мнению, гармонизацию социально-трудовых отношений следует рассматривать как фактор модернизации современного общества.

Этого можно достичь целенаправленным влиянием на рынок труда через соответствующий механизм, что позволит обеспечить использование национального трудового потенциала для достижения регионального и национального экономического роста и общественного благосостояния. При этих обстоятельствах организационно-экономический механизм регулирования рынка труда в России будет представлять собой систему экономических, социальных, организационных, правовых инструментов и рычагов, которые во взаимодействии обеспечивают гармонизацию интересов власти, бизнеса и социума не только в сфере воспроизводства и использования трудового потенциала, но и в сфере обеспечения устойчивого развития в приоритетных для страны направлениях.

Для этого должен быть реализован социально-экономический механизм взаимодействия транзитивного рынка труда и рынка образования, ориентированный

на обеспечение сбалансированности спроса и предложения труда, достижение баланса между защищенностью занятости и доходов и гибкостью рынка труда. Реализация этого механизма на уровне региона будет способствовать, прежде всего, согласованию спроса и предложения труда по образовательно-профессиональным характеристикам, в частности в направлениях качественного улучшения мониторинга обеих рыночных подсистем, учета прогностических оценок потребностей в квалифицированной рабочей силе в стратегических программах и при формировании государственного заказа на подготовку специалистов, рабочих и научных кадров, а также повышению конкурентоспособности национальной системы образования.

Необходимо закрепление механизма социального партнерства в сфере прогнозирования квалификаций, который предусматривал бы системную целенаправленную деятельность всех заинтересованных сторон в обеспечении экономики квалифицированными кадрами и создании необходимых условий для их полноценной реализации. Данный механизм направлен на решение важной социально-экономической задачи регионального развития — сбалансирование спроса и предложения труда по образовательно-квалификационным характеристикам.

С целью ускорения положительных эффектов от реализации структурных трансформаций регулирования рынка труда в условиях модернизации экономики предложено ввести комбинированный подход к профилированию безработных на уровне региона, что будет способствовать оптимизации работы служб занятости и минимизации рисков долговременной безработицы. Технология профилирования безработного населения может состоять из трех последовательных этапов (регистрации, сегментации, подбору программных мероприятий) и предусматривать процедуру выявления на ранней стадии проблемных категорий безработных с высоким риском долговременной безработицы и привлечения их к активным программам содействия занятости.

Таким образом, за счет активных мер регулирования со стороны государства будет обеспечиваться эффективная институционализация программной политики на региональном рынке труда, которая в конечном итоге будет работать на обеспечение социально-экономического развития региона и страны. Крайне важно, способствуя занятости, не только пытаться сократить долю незанятых граждан и обеспечить социальную защиту уязвимых категорий рабочей силы, но и сократить при этом неэффективную и низкокачественную занятость. Только тогда можно будет говорить о соответствии регионального рынка труда общественным потребно-

стям, а не только о соответствии рабочей силы потребностям последнего. Соответствие рынка труда региона общественным потребностям должна обеспечиваться набором социальных благ: правом доступа к развитой инфраструктуре рынка труда, социальной защитой рабочей силы в случае реализации критических перехо-

дов в течение жизни, гарантиями сохранения дохода и минимизации рисков социального отторжения в доступе к институциональным системам. Только через такие меры можно повысить эффективность регионального и государственного механизмов регулирования рынка труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 22.11.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.11.2021).
2. Закон РФ от 19.04.1991 № 1032-1 (ред. от 03.07.2018) «О занятости населения в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.03.2021).
3. Закон города Москвы «О занятости населения в городе Москве» (в ред. законов г. Москвы от 07.04.2010 № 9, от 28.09.2011 № 43, от 30.04.2014 № 20, от 14.12.2016 № 47).
4. Алымова А.К. Система государственного регулирования занятости и безработицы в Российской Федерации //Профессиональная ориентация.— 2018.— № . 2.— С. 18–20.
5. Зверева Е.В. Некоторые подходы к исследованию понятия «занятость населения» в анализе различных концепций и школ //Экономика и бизнес: теория и практика.— 2021.— № . 9–1.— С. 86–89.
6. Кущёв Н.П. Особенности и проблемы развития сферы рынка труда московского региона в современных условиях //Самоуправление.— 2019.— Т. 2.— № . 3.— С. 181–184.
7. Муромец Н.Е., Лоскутова В.В. Регулирование рынка труда в системе социально-трудовых отношений //Менеджер.— 2020.— № . 1.— С. 82–92.
8. Рынок труда и занятость населения // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики — г. Москва.— Режим доступа: <https://mosstat.gks.ru/> (дата доступа: 10.02.2022).
9. Тринеева Л.Т., Василенко И.Н., Шевченко Н.А. Инструменты государственного регулирования занятости населения //Государственное управление и развитие России: вызовы и перспективы.— 2021.— С. 175–180.
10. Хушвахтзода К.Х., Гоибназарзода С.М. О перспективах развития современного рынка труда //Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук.— 2021.— № . 2.— С. 2–13.
11. Шуай Л. Рынок труда в условиях глобальных вызовов современности //Социология.— 2020.— № . 3.— С. 140–147.
12. Ягодкина А.М., Заякина И.А. Механизм функционирования и регулирования рынка труда //Мировой опыт и экономика регионов России.— 2021.— С. 265–268.

© Траоре Абдулаи (abtraore201@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АУДИТОРСКАЯ ПРОВЕРКА АВТОНОМНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ НА БАЗЕ КОМПЛАЕНС-РИСКОВ

AUDIT OF AUTONOMOUS INSTITUTIONS ON THE BASIS OF COMPLIANCE RISKS

T. Turishcheva

Summary. The article is devoted to the consideration of the features of conducting an audit in autonomous institutions on the basis of compliance risks. In the course of the study, a classification of compliance risks was proposed. Also, the stages of organizing an audit in autonomous institutions are formalized, taking into account the relationship between the stages of auditing and assessing compliance risks. Based on the results of the study, recommendations were formulated for the development of the practice of conducting compliance audits in the field of public finance in Russia.

Keywords: compliance risks, compliance audit, autonomous institution, verification, assessment.

Турищева Татьяна Борисовна

*К.э.н., доцент, РЭА им. Г.В. Плеханова
ttb2812@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей проведения аудиторской проверки в автономных учреждениях на базе комплаенс-рисков. В процессе исследования предложена классификация комплаенс-рисков. Также формализованы этапы организации аудита в автономных учреждениях с учетом взаимосвязей между стадиями осуществления аудита и оценкой комплаенс-рисков. По результатам исследования сформулированы рекомендации развития практики проведения аудитов соответствия в сфере государственных финансов в России.

Ключевые слова: комплаенс-риски, аудит соответствия, автономное учреждение, проверка, оценка.

За последние годы значение финансового контроля и аудита в обеспечении надлежащего управления в государственном секторе было пересмотрено. Генеральная Ассамблея ООН в Резолюциях 2011 (A/RES/66/209) и 2014 (A/RES/69/228) гг. отметила важнейшую роль в поддержке эффективного, подотчетного, действенного и прозрачного государственного управления, которое является основой для достижения Целей развития тысячелетия и Целей устойчивого развития [1].

Деятельность Международной организации высших органов финансового контроля (INTOSAI), в которую сегодня входят 194 действительных члена и 5 ассоциированных, направлена на обеспечение высоких стандартов независимого аудита, выявление передовой практики, способствующей эффективной работе правительств, их прозрачности, подотчетности и эффективности в борьбе с коррупцией.

В настоящее время действующие стандарты ISSAI закрепили три основные формы аудита — финансовый аудит, аудит эффективности и аудит соответствия (комплаенс-аудит) [2]. В то время как финансовый аудит и аудит эффективности уже давно нашли свое применение при проверке учреждений, содержащихся за бюджетные ресурсы, комплаенс-аудит только начинает постепенно внедряться.

Обозначенная проблематика является актуальной и для России, поскольку функционирование автономных учреждений в постоянно меняющихся экономических условиях требует максимально эффективного, целевого и сбалансированного использования бюджетных средств. С этой целью в стране осуществляется постоянное усовершенствование форм и методов аудиторской проверки. Безусловно, базовые функции аудита (выявление мошенничества, технических, методологических, арифметических, процедурных ошибок в бухгалтерском учете) сохраняются, но теперь к ним добавляются новые, более оценочные функции, в том числе, предпринимаются попытки внедрения комплаенс-аудита. Связано это с тем, что в современных условиях при осуществлении аудиторской проверки автономных учреждений большое значение приобретают методы финансового контроля, которые нацелены на идентификацию рисков недобросовестного ведения дел, незаконного обогащения и угроз финансовой безопасности как самому учреждению, так и сферы его функционирования, региону пребывания и страны и целом.

Таким образом, необходимость изучения сущности, лучших международных практик, принципов организации и проведения комплаенс-аудита в автономных учреждениях России имеет больше теоретическое и практическое значение, что и обуславливает выбор темы этой статьи.

Вопросы организации и проведения аудита в органах государственного сектора составляют достаточно актуальную тематику, о чем свидетельствует уровень ее рассмотрения в трудах многочисленных ученых, таких как: Тургаева А.А., Малкина А.Н., Панфилов А.Н., Савчук Д.А., Alam, Md. Kausar; Ahmad, Abu U.F.; Muneeza, Aishath.

Категория «комплаенса» относительно новая для отечественной научной мысли, ее рассмотрению посвящены работы ряда исследователей, к числу которых относятся: Якимова В.А., Головин С.В., Луценко М.С., Шендрикова О.О. Однако в работах указанных и других российских авторов комплаенс рассматривается в основном в пределах противодействия коррупции в финансово-кредитной сфере.

Проблематикой развития внутреннего комплаенс-аудита в бюджетной сфере занимаются Боташева Л.Х., Головенкин А.С., McEldowney J.F.; Willett C.G.; Pallot J., Aveh, Felix Kwame.

Учитывая новизну обозначенной тематики для отечественных публичных финансов в целом, и автономных учреждений, в частности, необходимо отметить, что на сегодняшний день имеется масса открытых вопросов аудиторской проверки автономных учреждений на базе комплаенс-рисков. Так, отдельного внимания заслуживают ключевые аспекты стандартизации методологии и системного усовершенствования аудита соответствия, особенно с учетом современной тенденции повышения эффективности государственного управления и имплементации соответствующих международных стандартов.

Таким образом, цель статьи заключается в изучении особенностей аудиторской проверки автономных учреждений с учетом процедур комплаенс-рисков, применяемых в ходе аудита соответствия.

Итак, прежде всего, необходимо формализовать содержание аудита соответствия и комплаенс-рисков с теоретической точки зрения.

Аудит соответствия означает проверку систем финансового управления и контроля автономного учреждения, управленческих решений, принимаемых уполномоченными лицами, которые относятся к организации, планированию, управлению, отчетности и контролю бюджетных ресурсов и деятельности самого учреждения в отношении их соответствия требованиям, установленным в нормативных актах, внутренних документах и соглашениях [3].

Целью аудита соответствия в автономных учреждениях является получение уверенности в том, что основ-

ные операции, реализуемые процессы и процедуры соответствуют требованиям законов и нормативных актов, полномочия, которые делегированы учреждению, а также внутренние документы, распоряжения и приказы обеспечивают прозрачность системы использования бюджетных средств [4].

Как известно в автономных учреждениях кроме прямого финансового ущерба существуют и другие последствия нецелевого, нерационального расходования бюджетных средств — правовые и репутационные, которые играют не последнюю роль в его дальнейшей деятельности. Следует обратить внимание на тот факт, что бизнес-процессы, которые осуществляют автономные учреждения, могут обернуться для них не только финансовыми потерями, но и утратой доверия со стороны общества в лице инвесторов, партнеров и клиентов.

И в данном случае особое значение и роль играет правильная идентификация, анализ и своевременное выявление комплаенс-рисков.

Комплаенс-риск — это угроза финансовому, организационному или репутационному положению субъекта хозяйствования в результате нарушения законов, правил, кодексов поведения или организационных стандартов практики. [5]. Оценка комплаенс-риска позволяет определить вероятность наступления рисков события, причины, по которым оно может произойти, и потенциальную серьезность его последствий. Эффективно разработанная система контроля и анализа комплаенс-рисков дает возможность определить приоритетность рисков, соотнести их с соответствующими владельцами и эффективно распределить ресурсы для снижения.

С учетом особенностей деятельности автономных учреждений представляется целесообразным комплаенс-риски поделить на следующие три группы:

- ◆ к первой группе рисков можно отнести операционные риски, связанные с особенностями функционирования автономных учреждений (например, невыполнение определенных в рамках государственного администрирования функций, действий, операций, отсутствие или недостаточный контроль над реализацией процессов и процедур и т.д.);
- ◆ вторую группу рисков составляют так называемые диджитал-риски, или риски ИТ-систем, которые в условиях активной цифровизации государственного управления приобретают особую актуальность (отсутствие Интернет- и телефонной связи; недостаточные или недостоверные данные; сложность работы с большими объемами информации в условиях дефицита необходи-

Рис. 1. Этапы организации аудита в автономных учреждениях с учетом взаимосвязей между стадиями осуществления аудита и процессами оценки комплаенс-рисков

мых специалистов и технического оборудования);

- ♦ к третьей группе рисков можно отнести законодательные (правовые) риски, возникающие по причине несовершенства действующего законодательства.

В контексте данного исследования предлагаем выделить следующие этапы организации аудита соответствия в автономных учреждениях с учетом взаимосвязей между стадиями осуществления аудита и оценкой комплаенс-рисков (рис. 1).

Рассматривая отечественную практику проведения аудитов в автономных учреждениях, можно прийти к выводу, что некоторые элементы аудита соответствия присутствуют практически в каждом контрольном и экспертно-аналитическом мероприятии, но они являются фрагментарными и несистемными. Чаще всего элементы комплаенс-аудита появляются при объединении его с финансовым аудитом и аудитом эффективности. Однако, в соответствии с международными стандартами ISSAI, аудит соответствия должен быть выделен в отдельную форму.

Учитывая текущую ситуацию и уже имеющиеся разработки в отечественной практике можно сформулировать ряд рекомендаций по расширению использования в автономных учреждениях аудиторских проверок на базе комплаенс-рисков.

Во-первых, следует разработать и конкретизировать концептуальные основы проведения в государственном секторе аудита соответствия. Дальнейшее изучение теории и методологии проведения данного вида аудиторских проверок, а также анализ передового международного опыта позволит достичь конвенциональности применяемых понятий, что впоследствии должно составить основу соответствующих нормативно-правовых актов. Терминологическая солидарность необходима для улучшения координации всех подсистем аудита, а также оптимизации их взаимодействия.

Во-вторых, после внесения соответствующих изменений в нормативно-правовую базу логичным шагом станет разработка Министерством финансов отдельного Стандарта (или Методических рекомендаций) по проведению аудита соответствия. В основу этого внутреннего нормативного документа должны быть положены требования стандартов ISSAI.

В-третьих, полноценное и эффективное внедрение аудита соответствия возможно только при наличии подготовленных специалистов. Исходя из этого, обучение и повышение квалификации аудиторов по вопросам методологии и организации аудиторских проверок на базе комплаенс-рисков является чрезвычайно важным.

В-четвертых, в каждом автономном учреждении необходимо четко прописать регламент проведения внутреннего комплаенса, который должен включать в себя

описание риска, способы его проявления, процедуры контроля, требования к контрольным процедурам, периодичность проведения, перечень исполнителей, их компетенции и полномочия.

Таким образом, подводя итоги проведенного исследования, можно сделать следующие выводы. Аудиторские проверки в автономных учреждениях на базе комплаенс-рисков являются эффективным инструментом контроля за государственными финансами, который позволяет предупредить факты нарушения нор-

мативно-правовых актов и превышения полномочий, снижения деловой репутации и имиджа, приостановки деятельности учреждения, отстранения от участия в государственных контрактах и т.п.

Результаты, представленные в исследовании, могут стать основой для дальнейших теоретических и практических разработок, а учет предложенных рекомендаций позволит ускорить процесс внедрения стандартов ISSAI, повысить качество и эффективность аудиторских проверок в автономных учреждениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Mattei, Giorgia Exploring past, present and future trends in public sector auditing research: a literature review // *Meditari accountancy research*. 2021. Volume 29: Number 7; pp 94–134.
2. *Contemporary issues in public sector accounting and auditing* / edited by Simon Grima, Engin Boztepe. United Kingdom: Emerald Publishing, 2021. 265 p.
3. Thottoli, Mohammed The relevance of compliance audit on companies' compliance with disclosure guidelines of financial statements // *The journal of investment compliance*. 2021. Number 2; pp 137–150.
4. Якимова В.А. Атрибутивная выборка в процедуре комплаенс-контроля // *Финансы и бизнес*. 2019. Т. 15. № 1. С. 76–96.
5. Попондопуло В.Ф., Петров Д.А. Комплаенс как правовой инструмент минимизации рисков и профилактики правонарушений // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. 2020. Т. 11. № 1. С. 102–114.

© Турищева Татьяна Борисовна (ttb2812@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РЭА им. Г.В. Плеханова

ПРОТИВОРЕЧИЯ В АМЕРИКАНО-КАНАДСКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Филина Александра Дмитриевна

Финансовый университет при Правительстве РФ,
Москва
mrs.alexandra.filina@mail.ru

CONTRADICTIONS IN US-CANADIAN ECONOMIC RELATIONS

A. Filina

Summary. The article is devoted to an urgent problem of our time — the inconsistency and divergence of goals in trade and economic relations between the United States and Canada. Both countries are leaders in creating an open economy based on the rules of the multilateral trading system, characterized by mutual concessions regarding market access for goods and services, as well as discipline regarding trade restrictions and mandatory dispute settlement mechanisms. The purpose of this work is to investigate exactly how interactions between these countries are built in the market, in addition, to investigate the causal relationship of the emergence of disagreements between the two countries. The scientific novelty of the work consists in considering the issue of the interrelation of the studied countries not only on the basis of recently signed agreements, but also with the involvement of the opinions and works of modern experts in the field of international trade. The study notes the shift in relations between Canada and the United States caused by global China as one of the problems, and also analyzes the dependence of the Canadian economy on the economy of the United States of America. As a result of the study, the need for continued cooperation between the United States and Canada on a wide range of issues was justified, which reflects the extensive ties of these countries and the close working relationship between the institutions.

Keywords: United States of America; Canada; economic cooperation; USMCA; global China; trade agreements; trade in services; dispute settlement.

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме современности — противоречивости и расхождению целей в торгово-экономических отношениях между США и Канадой. Обе страны являются лидерами в создании открытой экономики, основанной на правилах многосторонней торговой системы, характеризующейся взаимными уступками в отношении доступа к рынкам для товаров и услуг, а также дисциплиной в отношении торговых ограничений и обязательных механизмов урегулирования споров. Цель данной работы исследовать, каким именно образом взаимодействия между данными странами выстраиваются на рынке, кроме того, исследовать причинно-следственную связь возникновения разногласий между двумя странами. Научная новизна работы заключается в рассмотрении вопроса взаимосвязи исследуемых стран не только на основе недавно подписанных соглашений, но и с привлечением мнения и трудов современных экспертов в области международной торговли. В исследовании в качестве одной из проблем отмечается сдвиг в отношениях между Канадой и США, обусловленный глобальным Китаем, а также проанализирована зависимость экономики Канады от экономики Соединённых Штатов Америки. В результате исследования была обоснована необходимость продолжения сотрудничества США и Канады по широкому кругу вопросов, который отражает обширные связи этих стран и тесные рабочие отношения между учреждениями.

Ключевые слова: Соединённые Штаты Америки; Канада; экономическое сотрудничество; USMCA; глобальный Китай; торговые соглашения; торговля услугами; урегулирование споров.

В рамках решения задачи по конкретизации теоретических аспектов и научных парадигм исследования как таковых региональных центростремительных и центробежных тенденций, следует обратить внимание на основные теории региональной интеграции и дезинтеграции, определяющие возможность экономического сотрудничества между государствами.

Соединённые Штаты ведут значительную торговлю услугами с Канадой. В 2019 году Канада являлась вторым по счёту государством, являющимся потребителем услуг на территории США. Это также второй по счёту поставщик своих услуг в США. В 2019 г. США отправили на экспорт в Канаду всего услуг на общую сумму 67,7 млрд. американских долларов. При этом был осуществ-

лен импорт на 38,6 млрд. американских долларов. Профицит оказался на уровне 29,1 млрд. американских долларов.

Одним из самых наглядных разногласий в торговле между США и Канадой выступил спор «Пиломатериал V». До октября 2015 года торговля пиломатериалами хвойных пород регулировалась семилетним соглашением, заключённым в 2006 году и впоследствии продлённым на два года, до 2015 года, ограничивающим канадский экспорт в Соединённые Штаты.

Текущий спор (Пиломатериал V) начался, когда истёк срок действия соглашения 2006 года. После годичного льготного периода коалиция производителей

пилотматериалов США подала 25 ноября 2016 года петиции о торговых средствах, в которых утверждалось, что канадские компании сбрасывают пилотматериалы на рынок США, а политика канадского провинциального лесного хозяйства субсидирует производство пилотматериалов в Канаде. Эти петиции впоследствии были приняты двумя агентствами США, которые управляют процессом правовой защиты торговли: Комиссией по международной торговле (ITC) и Управлением международной торговли Министерства торговли США (ITA).

Помимо этого, между странами также возник спор, в 2020 году Канада осталась в списке наблюдения USTR (Управление торгового представителя Соединенных Штатов). Многие опасения, высказанные в предыдущих отчётах Special 301, были сняты благодаря внедрению USMCA. Положения о правах интеллектуальной собственности в USMCA, затрагивающие Канаду, включают следующее:

- ◆ сроки авторских прав продлеваются с 50 до 70 лет;
- ◆ большие размеры штрафов за применение технологических обходов;
- ◆ увеличение требований относительно прозрачности географических указаний;
- ◆ положения по поводу восстановления сроков действия патента.

В итоге канадская сторона решила пересмотреть правила относительно восстановления действия патента, если соответствующее разрешение составляет более 5 лет после подачи основного патента.

Кроме этого, действовавшая система обеспечивала возможность патентообладателя обращаться в суд и требовать убрать с рынка то лекарство, которое способно нарушать авторские права. Доказательства должен был проводить патентообладатель. Если апелляция не принималась, выдавалось уведомление о соответствии. Это не давало возможности в дальнейшем оспаривать разрешение. Патентообладатель имел право снова подать иск, что приводило к повтору действий. Канада в 2017 году изменила данную систему и начала применять односторонний процесс. У сторон появились одинаковые права на осуществление обжалования.

В отчёте 301 за 2020 год обращено первоочередное внимание на деятельность Совета по рассмотрению цен на патенты на лекарства, и на обновление основополагающих принципов деятельности Совета, действующих с середины 2021 года. PMPRB представляет собой независимый орган, который был создан парламентом на основе закона о патентах за 1987 год. Его цель за-

ключается в том, чтобы защищать права канадцев относительно установления цены на запатентованные лекарственные средства. Орган должен предоставлять отчёты о деятельности фармацевтических компаний. Он сам не определяет цены на лекарства, но в то же время старается урегулировать цены и снизить их в случае их сильного завышения. В случае завышения цен в дальнейшем издается соответствующий указ по поводу снижения цены. Постановления Совета директоров применяются для предоставления сведений по ценам заинтересованным в этом сторонам. Предоставляется информация в том числе о понесенных затратах, чтобы была возможность выявить порядок ценообразования для лекарственных средств. Предлагаемые изменения включают:

- ◆ принятие решения по поводу максимально возможной цены на лекарства с применением для этой цели фармако-экономического анализа,
- ◆ ценообразования сравнивается с различными странами мира, которые данный орган считает схожими по уровню развития их экономики.

Далее следует рассмотреть применяемый в США закон о закупках и действующие положения о госзакупках, которые ограничивают заключение контрактов на осуществление закупок использованием стройматериалов и конечной продукции производства США. Американские законы определяют данные товары в качестве необработанных конечных продуктов и материалов, которые произведены в стране, или как материалы, стоимость компонентов, созданных на территории США в которых составляет более 55% от стоимости всех их составных компонентов.

На основании действующего в стране закона о торговых соглашениях от 1979 года возможна отмена ряда данных положений, касающихся продукции из стран, являющихся сторонами соглашения ВТО о госзакупках. Эта страны, подписавшие с США сообщение о свободной торговле. У американских поставщиков есть возможность осуществления госзакупок. [5]

На основе данных положений компании из Канады и поставщики могут принимать своё участие в торгах на закупки. Но описанные выше проекты не являются предметом осуществления закупок по соглашению. [1]

Помимо этого, весной 2018 года Трампом подписана прокламация, на основе которой устанавливаются тарифы на сталь, алюминий для ряда стран на основе раздела 232 закона о расширении торговли за 1962 год. Учитываются также поправки к данному закону, внесены после того, как Министерством торговли было определено, что осуществление импорта в прежних размерах угрожает нацбезопасности страны. Мексика

и Канада оказались исключены из тарифов. Это способствовало благоприятному окончанию переговоров по поводу пересмотра НАФТА. [3] Мексика и Канада отказались от подобной связи, в итоге в 2018 году для них были установлены определенные тарифы. Канада со своей стороны заявила о том, что она должна быть исключена из перечня из соображений нацбезопасности. Трюдо сказал, что тарифы, которые устанавливаются, оказываются вызовом партнерству в области безопасности Канады и США.

Канада в 2018 году объявила о применении со своей стороны ответных тарифов. Их величина составила 12, 8 миллиардов американских долларах. Они должны применяться, начиная с середины 2018 года. Американская сталелитейная продукция облагается пошлинами в размере 25%. В отношении алюминия и ряда иных товаров устанавливается 10% пошлины. Устанавливаемая пошлина обеспечивает получение максимальной прибыли. Канада со своей стороны возбудила дело, касающееся оспаривания обязанностей урегулирования споров ВТО.

Подписание Канадой USMCA в итоге привело к отмене ранее существовавших тарифов на алюминий и сталь, отраженных в разделе 232 и ответных тарифов. Это произошло в мае 2019 года. [6] Партнёры объявили о применении нового механизма мониторинга с целью предотвратить скачки импорта стали и алюминия. Следует отметить также наличие дополнительного документа на основе которого оказываются освобождены 2, 6 млн. автомобилей и 108 миллиардов долларов на автозапчасти от применения раздела 232 на автотранспорт ежегодно. Администрацией Трампа был введен тариф 10% на алюминий. Это случилось после того, как Трамп обвинил Канаду в том, что она нарушила со своей стороны обязательство о поддержании стабильного уровня экспорта алюминия. Впоследствии тарифы на алюминий были отменены. Это случилось после того, как Канада опубликовала перечень своих ответных мер. [5]

Как можно заметить, существует достаточное количество противоречий и разногласий между двумя исследуемыми странами. Очередным примером могут послужить разногласия между США и Канадой в ходе заключения друг с другом ряд соглашений, касающихся окружающей среды и природных ресурсов. [2] Данные соглашения необходимы для решения существующих трансграничных проблем. В последнее время члены конгресса наблюдали за работой совместных международных комиссий. Это двусторонняя организация, была на основе договора о пограничных водах от 1909 года. Её деятельность связана с проблем, касающихся трансграничных вод. Члены конгресса также отслеживали проводимые Переговоры по поводу планируемых из-

менений договора о реке Колумбия. На основе данного закона предусматривается эксплуатация ресурсы реки Колумбия в северо-западной части США, а также в юго-западной части Канады. США и Канада решили проводить совместную работу, направленную на борьбу за с климатическими изменениями, в том числе расширение их сотрудничества в Арктике.

Среди прочих существующих проблем следует также отметить отношения США и Канады, обусловленные деятельностью КНР. Эти страны должны переосмыслить свое партнёрство, которое на протяжении длительного времени помогало обеим странам успешно развиваться. Совместная деятельность стран развивается на протяжении многих десятилетий. Партнёрство необходимо в первую очередь для обеспечения совместных интересов, касающихся безопасности и развития в сфере экономики.

Страны объединила их история, география, экономика. [1] На протяжении длительного времени между ними были налажены отношения дружбы и партнёрства, не похожие ни на какие другие отношения стран в мире. В настоящее время отношения партнёрства между странами сталкиваются с рядом проблем, возникающих по причине расхождения интересов и в связи со сложностью реализации политики обеспечения национальной безопасности. Во многом партнёрству данных стран сейчас препятствует активное экономическое развитие.

В течение нескольких десятков лет американские президенты и канадские премьер-министры развивали совместные отношения и заявляли о том, что эти отношения достаточно крепкие, что связано с общим географическим положением стран, похожими интересами и ценностями, достаточно глубокими связями в сфере экономики. Трамп продемонстрировал в дальнейшем времени, что «особые» отношения можно легко проигнорировать. В результате отношения перешли от вполне предсказуемых к непредсказуемым. В итоге Оттава зачастую начала занимать оборонительную позицию. Наиболее очевидно это оказалось при решении различных торговых вопросов. Это касается пересмотра Североамериканского соглашения о свободной торговле. Оно было переделано в Соглашение Канады, США, Мексики (ЮМСКА). Изменены и американские тарифы на алюминий и сталь из Канады со ссылкой на соображения национальной безопасности. Был также осуществлен запрос со стороны США об экстрадиции финансового директора Huawei Мэн Ваньчжоу на основании обвинения в мошенничестве с его стороны.

За последние четыре года правления Трампа Канаде пришлось привыкнуть к новым реалиям, связан-

ным с двусторонними отношениями стран. Избрание Байдена предполагает возвращение к традиционной внешней политике США, в частности, к улучшению дружеских отношений США и Канады.

Президентство Байдена пришлось на период, когда США столкнулись со множеством внутренних кризисов и проблем. В частности, среди них стоит отметить ведение борьбы с пандемией COVID-19, стремление справиться с существующим экономическим и расовым неравенством, попытки укрепить разрушенную американскую экономику. Обозначенный Байденом приоритет внутренних интересов США стал очевиден после появления Исполнительного указа «Покупайте американские товары». В нем было уделено внимание использованию федеральных средств для приобретения продукции производства США. Более того, так как страны во всём мире начали пытаться купить качественные вакцины от COVID-19, появилось нежелание распространять вакцины производства США во всём мире. Это касается в том числе их продажи в Мексику и Канаду.

Для США элементы отношений неизбежно рассматриваются через существующую внутреннюю призму. При этом первоочередное внимание уделяется интересам США. Для Байдена реализуемая внешняя и внутренняя политика оказались тесно связаны между собой. Канаде потребовалось удвоить собственные усилия, направленные на продвижение ее интересов в отношении администрации Байдена, сосредоточенной на решении вопросов, связанных с пандемией коронавируса, проблемами в экономике, с расовым неравенством, климатических изменениях. Внутри своей страны Канада сталкивается со схожими проблемами. Продвижение интересов США и Канады требует от Оттавы создать взаимовыгодные отношения.

Канада два десятилетия тому назад отказывалась присоединиться к войне с Ираком, которая возглавлялась США. [4] Это связано в первую очередь с отсутствием соответствующего разрешения Совбеза ООН после выхода США из Транстихоокеанского партнерства и из Парижского соглашения при правлении Трампа, Канада, как и США, реализует свою независимую политику. Байден после своей инаугурации принял решение отменить разрешение на строительство трубопровода Keystone XL. Невзирая на непопулярность подобных решений, отношения двух стран продолжились.

Тема КНР играет важную роль для формирования успешных двусторонних отношений КНР и США. Для США одним из приоритетов, который был обозначен госсекретарем Энтони Блинкеном, стало осуществление «противостояния КНР». Китай стал рассматривать-

ся как страна, которая обладает своей военной, экономической, дипломатической, а также технологической мощью, эта страна вполне может бросить свой вызов международному сообществу. Байден занял достаточно жесткую позицию по отношению к КНР, в связи с чем Канада также поддержала противостояние Китаю.

В начале 2021 г. США и Канада начали осуществлять свое сотрудничество по 2 вопросам, касающимся совместного противостояния КНР. По первому из них Канада вступила в коалицию с 57 странами, в том числе с США. Эта коалиция объявила о том, что произвольные задержания в сфере межгосударственных отношений незаконны. Несмотря на то, что в заявлении не отмечена ни одна из стран, в нем проведены параллели с задержанием «двух Майклов». В ответ на преследование со стороны КНР уйгуров и прочих мусульманских меньшинств на территории Синьцзян — Западной китайской провинции, канадский парламент назвал это геноцидом. В этом вопросе Канада присоединилась к заявлению США, которое было сделано прежней администрацией. Соединенное Королевство и Евросоюз со своей стороны наложили санкции на 4 достаточно высокопоставленных чиновников из Китая, которые были обвинены в причастности к нарушениям прав человека в случае с уйгурами. Применение санкций привело к появлению достаточно резкой реакции со стороны Пекина. Это были в том числе ответные санкции, направленные в отношении чиновников из США и Канады.

Но Канада отошла от США в политике, реализуемой по отношению к технологии Huawei 5G, так как это единственная страна, официально не запрещающая и не ограничивающая применение технологий в своих сетях. Несмотря на оказание давление со стороны администрации Трампа, а также членов Конгресса США, правительство Канады утверждает то, что оно осуществляет проверку нацбезопасности и сможет принять решение позже. Прочие направления расхождения с США, возможно, будут связаны в первую очередь со сферой торговли, а также с инвестициями в отношениях с Китаем, в которых Канада рассматривается в качестве конкурента в области сельского хозяйства и энергетики. КНР — это на сегодня вторая по величине экономика, в связи с чем любой из существующих на сегодня конкурентоспособных стран невозможно игнорировать эту страну.

КНР и США вовлечены в геополитическую конкуренцию и экономически разобщены. Канаде требуется управлять своими интересами с КНР, если они при этом не угрожают развитию ее отношений с США в дальнейшем. США со своей стороны должны обеспечить гаран-

тию того, что их стратегическое соперничество с КНР не препятствует интересам и суверенитету Канады.

Тесное общение Оттавы и Вашингтона важно для обеспечения лучшего понимания интересов и целей

друг друга. Каждая из этих стран могут начать с формирования институциональных структур для дальнейшего упорядочения связей двух правительств, что имеет важное значение для обеспечения партнёрства Канады и США.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безрукова Н.В., Джурка Н.В. (2018). Экономические отношения стран-участниц НАФТА: оценка результатов сотрудничества [на украинском языке]. *Эффективная экономика*, 12, 1–10. <https://doi.org/10.32702/2307-2105-2018.12.79>
2. Вильярреал, М., и Фергюссон, И.Ф. (2017). Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА). Исследовательская служба Конгресса.
3. Дарькина, А.В. (2010). Интеграция в рамках НАФТА: динамика развития унификационных процессов в 1990–2000-е гг. (Экономическое содержание). *Региональные исследования*. 2. <https://sites.google.com/site/Regionalnyeissledovaniija/arhiv/vyp-2/av-darkina-integracionia-v-ramkah-nafta>
4. Костюнина, ГМ (2015). Североамериканская интеграция через 20 лет. Обзор международных отношений МГИМО, 2 (41), 231–241.
5. Мировая Торговая Организация. (nd). Данные о международной торговле и доступе к рынкам [набор данных]. https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/
6. Правительство Канады. (nd). Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА). <https://www.international.gc.ca/trade-commerce/trade-agreements-accords-commerciaux/agr-acc/nafta-alena/fta-ale/index.aspx?lang=eng>

© Филина Александра Дмитриевна (mrs.alexandra.filina@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Финансовый университет при Правительстве РФ

УРОВЕНЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНОВ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Шестиперова Елена Юрьевна

Аспирант, Поволжский государственный
технологический университет, г. Йошкар-Ола
88elena88@inbox.ru

THE LEVEL OF ECONOMIC SECURITY OF THE REGIONS VOLGA FEDERAL DISTRICT

E. Shestiperova

Summary. The article describes the indicators of economic security of the region, allowing to determine the level of threats from the economic, financial, industrial or social factors on the basis of threshold values that take into account the current state of economic development in the country. The system of indicators characterizing the level of economic security of the region has special requirements, including objectivity and timeliness of reflection of crisis phenomena in the economy. This is a complex methodological task and its solution is possible only with a certain classification of existing indicators. The threshold values of the economic security indicators of the region are closely interrelated with each other, and therefore it is not allowed to improve one indicator due to the deterioration of the values of another indicator. The study revealed that the most developed regions in the field of economic security in the Volga Federal District are the Republics of Bashkortostan and Tatarstan. The lowest level of economic security in the Republic of Mari El, the Kirov region and the Penza region.

Keywords: indicators of economic security of the region; the system of indicators; threshold values, score.

Аннотация. В статье описаны индикаторы экономической безопасности региона, позволяющие определить уровень угроз со стороны экономического, финансового, производственного или социального фактора на основании пороговых значений, которые учитывают современное состояние развития экономики в стране. К системе показателей, характеризующих уровень экономической безопасности региона, предъявляются особые требования, в числе которых объективность и своевременность отражения кризисных явлений в экономике. Это сложная методическая задача и решение ее возможно только при определенной классификации существующих показателей. Пороговые значения показателей экономической безопасности региона находятся в тесной взаимосвязи друг с другом, в связи с чем не допускается улучшение одного показателя за счет ухудшения значений другого показателя. В результате исследования выявлено, что наиболее развитыми в сфере экономической безопасности регионами в Приволжском Федеральном округе являются Республики Башкортостан и Татарстан. Самый низкий уровень экономической безопасности в Республике Марий Эл, Кировской области и Пензенской области.

Ключевые слова: индикаторы экономической безопасности региона; системе показателей; пороговые значения, бальная оценка.

В условиях воздействия дестабилизирующих факторов, угрожающих экономической безопасности региона, и обуславливающих наступления кризисных ситуаций, возникает необходимость в создании системы мониторинга состояния экономической безопасности региона для обеспечения возможности предупреждения возникновения кризисных ситуаций и предприятия необходимых мер нивелирования угроз.

Таким образом, мониторинг можно рассматривать в качестве превентивного инструмента, позволяющего фиксировать отклонения показателей экономического состояния от пороговых значений.

Разработка направлений и необходимого комплекса программно-целевых мер по снижению уровня угроз и обеспечению экономической безопасности должна опираться на анализ социально-экономического положения и соответствовать заданным индикаторам экономической безопасности. Для выявления угроз и их предотвращения целесообразно иметь систему показателей, являющихся критериями оценки экономической безопасности.

Индикаторы экономической безопасности региона являются теми предельными величинами, за пределами которых снижается стабильный уровень экономической безопасности. Значения пороговых индикаторов

Таблица 1. Индикаторы экономической безопасности региона

№ п/п	Показатели	Пороговое значение
1. Экономическая сфера		
1.1	ВРП на душу населения, руб.	≥ 586 630
1.2	Оборот розничной торговли на душу населения, руб.	≥ 192 897
1.3	Доля машиностроения в объеме отгруженных товаров собственного производства и услуг,%	≥ 20
1.4	Государственный долг субъектов Российской Федерации,% к ВРП	≤ 3,3
1.5	Энергоемкость валового регионального продукта, кг условного топлива / на 10 тыс. рублей	≤ 186
1.6	Индекс потребительских цен,%	≤ 104,5
2. Финансовая сфера		
2.1	Доля инвестиций в основной капитал в валовом региональном продукте,%	≥ 25
2.2	Степень износа основных фондов,%	≤ 70
2.3	Доля иностранных инвестиций в общем объеме инвестиций в основной капитал,%	≥ 15
2.4	Удельный вес убыточных организаций,%	≤ 32,6
2.5	Дефицит консолидированного регионального бюджета,% к ВРП	≤ 3
3. Производственная сфера		
3.1	Объем промышленного производства на душу населения, руб.	≥ 362 589
3.2	Продукция сельского хозяйства на душу населения, руб.	≥ 37 504,8
3.3	Объем инновационных товаров, работ, услуг в процентах от общего объема отгруженных	≥ 8,4
3.4	Объем платных услуг на душу населения, руб.	≥ 58 830,2
3.5	Потребление электроэнергии организациями, кВт*ч	≥ 10 930,29
4. Социальная сфера		
4.1	Коэффициент напряженности на рынке труда	≤ 2,7
4.2	Доля населения трудоспособного возраста в общей численности населения,%	≥ 56,7
4.3	Доля граждан с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума,%	≤ 12,6
4.4	Отношение среднедушевых денежных доходов населения к величине прожиточного минимума, раз	≥ 3,5
4.5	Общая площадь жилых помещений, приходящаяся на одного жителя, м ²	≥ 25
4.6	Число преступлений на 100 тыс. человек населения, ед.	≤ 5 000

должны учитывать не только особую специфику развития экономики и особенности региона, но и уровень материального производства, финансовую обеспеченность региона.

К системе показателей, характеризующих уровень экономической безопасности региона, предъявляются особые требования, в числе которых объективность и своевременность отражения кризисных явлений в экономике. Это сложная методическая задача и решение ее возможно только при определенной классификации существующих показателей.

Большинство исследователей указывают на необходимость использования взаимосвязи безопасности с категорией риска и включения именно таких показателей в систему. Важнейшими элементами концепции риска в стратегии экономической безопасности являются оценка риска и управление риском.

Оценка риска носит экспертный, вероятностный характер, а управление риском предполагает предвидение возможных критических социально-экономических ситуаций, с тем, чтобы предотвратить, ослабить и смягчить их последствия. Оценка уровня экономической безопасности включает в себя не только анализ факторов риска, но и определение ущерба, который может быть фактическим, ожидаемым, потенциальным, компенсируемым и некомпенсируемым.

Особое значение пороговые индикаторы приобретают при стратегическом планировании регионального развития, так как призваны сигнализировать о приближении критического состояния развития региона.

Как и при определении уровня экономической безопасности на федеральном уровне пороговые значения индикаторов и несоблюдение их значений свидетельствуют о дисбалансе элементов воспроизводства, что

Таблица 2. Бальная оценка индикаторов экономической регионов безопасности ПФО (часть 1)

№ п/п	Показатели	Республика Башкортостан	Республика Марий Эл	Республика Мордовия	Республика Татарстан	Удмуртская Республика	Чувашская Республика	Пермский край
1.1	ВРП на душу населения, руб.	0	0	0	1	0	0	0
1.2	Оборот розничной торговли на душу населения, руб.	1	0	0	0	0	0	1
1.3	Доля машиностроения в объеме отгруженных товаров собственного производства и услуг,%	0	0	0	0	0	0	0
1.4	Государственный долг субъектов Российской Федерации,% к ВРП	1	0	0	1	0	1	1
1.5	Энергоемкость валового регионального продукта, кг условного топлива / на 10 тыс. рублей	1	1	1	1	1	1	1
1.6	Индекс потребительских цен,%	1	1	1	1	1	1	1
ИТОГО сумма баллов по экономической сфере		4	2	2	4	2	3	4
2.1	Доля инвестиций в основной капитал в валовом региональном продукте,%	0	0	0	0	0	0	0
2.2	Степень износа основных фондов,%	1	1	1	1	1	1	1
2.3	Доля иностранных инвестиций в общем объеме инвестиций в основной капитал,%	0	0	0	1	1	0	1
2.4	Удельный вес убыточных организаций,%	1	1	1	1	1	1	1
2.5	Дефицит консолидированного регионального бюджета,% к ВРП	1	1	1	1	1	1	1
ИТОГО сумма баллов по финансовой сфере		3	3	3	4	4	3	4
3.1	Объем промышленного производства на душу населения, руб.	0	0	0	1	0	0	1
3.2	Продукция сельского хозяйства на душу населения, руб.	1	1	1	1	1	0	0
3.3	Объем инновационных товаров, работ, услуг в процентах от общего объема отгруженных	1	0	1	1	1	1	1
3.4	Объем платных услуг на душу населения, руб.	1	0	0	1	0	0	0
3.5	Потребление электроэнергии (потреблено всего крупными, средними и малыми организациями) гВт*ч	1	0	0	1	0	0	1
ИТОГО сумма баллов по производственной сфере		4	1	2	5	2	1	3
4.1	Коэффициент напряженности на рынке труда	1	0	0	1	1	1	1
4.2	Доля населения трудоспособного возраста в общей численности населения,%	0	0	0	0	0	0	0
4.3	Доля граждан с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума,%	1	0	0	1	1	0	0
4.4	Отношение среднедушевых денежных доходов населения к величине прожиточного минимума	1	0	0	1	0	0	0
4.5	Общая площадь жилых помещений, приходящаяся на одного жителя, м2	1	1	1	1	0	1	1
4.6	Число преступлений на 100 тыс. человек населения, ед.	1	1	1	1	1	1	1
ИТОГО сумма баллов по социальной сфере		5	2	2	5	3	3	3
ИТОГО сумма баллов по ЭБР		16	8	9	18	11	10	14

Таблица 3. Бальная оценка индикаторов экономической регионов безопасности ПФО (часть 2)

№ п/п	Показатели	Киров- ская область	Нижего- родская область	Орен- бургская область	Пен- зенская область	Самар- ская область	Сара- товская область	Улья- нов- ская область
1.1	ВРП на душу населения, руб.	0	0	0	0	0	0	0
1.2	Оборот розничной торговли на душу населения, руб.	0	1	0	0	0	0	0
1.3	Доля машиностроения в объеме отгруженных товаров собственного производства и услуг,%	0	0	0	0	1	0	1
1.4	Государственный долг субъектов Российской Федерации,% к ВРП	0	0	1	0	1	0	0
1.5	Энергоемкость валового регионального продукта, кг условного топлива / на 10 тыс. рублей	1	1	1	1	1	1	1
1.6	Индекс потребительских цен,%	1	1	1	1	1	1	1
ИТОГО сумма баллов по экономической сфере		2	3	3	2	4	2	3
2.1	Доля инвестиций в основной капитал в валовом региональном продукте,%	0	0	0	0	0	0	0
2.2	Степень износа основных фондов,%	1	1	1	1	1	1	1
2.3	Доля иностранных инвестиций в общем объеме инвестиций в основной капитал,%	0	1	0	0	1	1	1
2.4	Удельный вес убыточных организаций,%	1	1	1	0	1	1	1
2.5	Дефицит консолидированного регионального бюджета,% к ВРП	1	1	1	1	1	1	1
ИТОГО сумма баллов по финансовой сфере		3	4	3	2	4	4	4
3.1	Объем промышленного производства на душу населения, руб.	0	0	0	0	1	0	0
3.2	Продукция сельского хозяйства на душу населения, руб.	0	0	1	1	0	1	0
3.3	Объем инновационных товаров, работ, услуг в процентах от общего объема отгруженных	0	1	1	0	1	0	1
3.4	Объем платных услуг на душу населения, руб.	0	0	0	0	0	0	0
3.5	Потребление электроэнергии (потреблено всего крупными, средними и малыми организациями) гВт*ч	0	1	1	0	1	1	0
ИТОГО сумма баллов по производственной сфере		0	2	3	1	3	2	1
4.1	Коэффициент напряженности на рынке труда	1	1	0	1	1	1	1
4.2	Доля населения трудоспособного возраста в общей численности населения,%	0	0	0	0	0	0	0
4.3	Доля граждан с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума,%	0	1	0	0	0	0	0
4.4	Отношение среднедушевых денежных доходов населения к величине прожиточного минимума	0	1	0	0	0	0	0
4.5	Общая площадь жилых помещений, приходящаяся на одного жителя, м2	1	1	1	1	1	1	1
4.6	Число преступлений на 100 тыс. человек населения, ед.	1	1	1	1	1	1	1
ИТОГО сумма баллов по социальной сфере		3	5	2	3	3	3	3
ИТОГО сумма баллов по ЭБР		8	14	11	8	14	11	11

впоследствии может привести к усилению негативных тенденций для развития региона.

Пороговые значения показателей экономической безопасности региона находятся в тесной взаимосвязи друг с другом, в связи, с чем не допускается улучшение одного показателя за счет ухудшения значений другого показателя [3].

Многообразие существующих методик по оценке экономической безопасности не позволяют получать однозначные результаты. Для каждой из них характерен набор определенных показателей с соответствующими пороговыми значениями, что вызывает определенные сложности при оценке уровня экономической безопасности региона [4].

На уровне государства разработана единая Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, содержащая перечень показателей, имеющих первоочередное значение при оценке состояния экономической безопасности страны. Среди этих показателей имеются и те, которые могут быть применены и при оценке состояния экономической безопасности отдельно взятого региона.

Для удобства анализа показатели сгруппированы на категории, каждая из которых соответствует отдельной составляющей экономической безопасности по сферам: экономической, финансовой, производственной и социальной.

Приведенные в таблице 1 индикаторы экономической безопасности региона позволят определить уровень угроз со стороны экономического, финансового, производственного или социального фактора на основании пороговых значений, которые учитывают современное состояние развития экономики в стране.

Приволжский федеральный округ занимает 6,1% территории России — это второй по численности населения федеральный округ после Центрального. В его состав входит 14 регионов: 6 республик (Башкортостан, Марий-Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия), Пермский край и 7 областей (Кировская, Нижегородская, Оренбургская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Ульяновская). Центром Приволжского федерального округа является город Нижний Новгород.

Особенностью округа является наличие значительного производственного потенциала. Здесь сосредоточена четверть всего промышленного производства России, 85% российского автопрома, 65% авиастроения, 40% нефтехимии, 30% судостроения, 30% производства оборонно-промышленного комплекса. От-

личительной характеристикой структуры валового регионального продукта Приволжского федерального округа является высокая доля обрабатывающих отраслей — 24,5% (по России — 19,3%), а также добычи полезных ископаемых — 13,7% (по России — 10,5%).

Для оценки уровня экономической безопасности регионов применим бальную оценку, если показатель соответствует пороговому значению назначаем ему 1 балл, если показатель не соответствует индикатору ЭБ то присваиваем ему 0 баллов. По итогам анализа составим рейтинг регионов по уровню ЭБ. Данные проведенного анализа представлены в таблицах 1 и 2.

Таблица 3. Бальная оценка индикаторов экономической безопасности регионов. На основании проведенных расчетов показателей экономической безопасности регионов ПФО по сферам можно сделать вывод, что наиболее слабыми регионами в сфере экономики являются Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Удмуртская Республика, Кировская область, Пензенская область и Саратовская область. Основными направлениями по повышению уровня экономической безопасности перечисленных регионов в сфере экономики являются следующие: увеличение показателя ВРП на душу населения, снижение государственного долга, увеличение оборота розничной торговли на душу населения.

В финансовой сфере наиболее слабым регионом показала себя Пензенская область. Основными направлениями по повышению уровня экономической безопасности в финансовой сфере являются следующие: увеличение доли инвестиций в основной капитал в валовом региональном продукте и снижение убыточных организаций в регионе.

В производственной сфере наиболее слабыми регионами являются Республика Марий Эл, Чувашская Республика, Пензенская область и Ульяновская область. Основными направлениями по повышению уровня экономической безопасности в производственной сфере являются следующие: увеличение объема промышленного производства на душу населения, наращивание объема инновационных товаров, работ, услуг.

В социальной сфере наиболее слабыми регионами являются Республика Марий Эл, Республика Мордовия и Оренбургская область. Основными направлениями по повышению уровня экономической безопасности в социальной сфере являются следующие: снижение коэффициента напряженности на рынке труда и увеличение среднедушевых денежных доходов населения по отношению к прожиточному минимуму, установленному в регионе.

Проведенный анализ показал, что наиболее развита в сфере экономической безопасности являются Республики Башкортостан и Татарстан. Самый

низкий уровень экономической безопасности в Республике Марий Эл, Кировской области и Пензенской области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ворожихин, В.В. Проблемы определения категории «Экономическая безопасность» / В.В. Ворожихин, И.Г. Тютюник // Экономическая безопасность России: проблемы и перспективы: материалы II Международной научно-практической конференции — Нижний Новгород: Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексева, 2014. — С. 135–140.
2. Калинина Н.М. Экономическая безопасность региона: сущность, угрозы и меры обеспечения // Сибирский торгово-экономический журнал — Омск: Омский институт (филиал) Российского государственного торгово-экономического университета, 2010. — С. 17–23.
3. Карпов, В.В. Экономическая безопасность региона: понятийный аппарат, методология, угрозы / В.В. Карпов, А.А. Кораблева // Экономическая безопасность России: проблемы и перспективы материалы II Международной научно-практической конференции — Нижний Новгород.: Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексева, 2014. — С. 163–169.
4. Сидорина Т.В., Оценка состояния экономической безопасности Ростовской области / Т.В. Сидорина, Д.В. Маренчук // Актуальные вопросы обеспечения экономической безопасности в Российской Федерации в условиях цифровой экономики, 2018 — [Электронный ресурс] — Мельбурн: Auspublishers, 2018. — Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=34960028> (дата обращения: 21.06.2021).

© Шестиперова Елена Юрьевна (88elena88@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

г. Йошкар-Ола

ФОРМИРОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КЛАСТЕРА¹

FORMATION OF AN EFFECTIVE MODEL FOR THE DEVELOPMENT OF AN AGRO-INDUSTRIAL CLUSTER²

**A. Yudin
T. Tarabukina
A. Oblizov**

Summary. The development of agro-industrial clusters based on innovative technologies is typical for countries with the most developed or diversified economies (for example, Denmark, USA, Finland). The attractiveness of clusters for investors, in comparison with individual small and medium-sized businesses, contributes to increased investment activity, further development of cluster structures, and the agro-industrial sector as a whole, creating a multiplicative effect.

During the development of the agro-industrial cluster project in the Komi Republic, the main emphasis is placed on the American model of creating an agro-industrial cluster, the peculiarity of which is that the key interested party in the formation of an agro-industrial cluster is the private sector represented by agro-industrial enterprises. An important role in the formation of the cluster within the framework of the American model is assigned to scientific organizations focused on conducting various R&D and industry higher education institutions, whose activities are focused on providing agricultural enterprises with highly qualified personnel.

The role of state bodies in this model is to create favorable conditions for the further activities of the cluster, increase the investment and innovation activity of their participants, their cooperative ties and competitiveness. For example, government agencies can finance priority investment projects of the cluster, as well as provide other measures of financial and non-financial support.

Public-private partnership (PPP) is widely used to reduce the burden on the state budget and involve private capital in ongoing projects. This form is most common in socially significant areas. The experience of PPP in the field of agriculture is insignificant, but the prospects of PPP in this area are undoubtedly great.

Keywords: agro-industrial cluster, economic model, Komi Republic, subjects, integration process.

Юдин Андрей Алексеевич

*К.э.н., н.с., Институт агробиотехнологий
им. А.В. Журавского — обособленное подразделение
ФГБУН ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар
audin@rambler.ru*

Тарабукина Татьяна Васильевна

*К.э.н., н.с., Институт агробиотехнологий
им. А.В. Журавского — обособленное подразделение
ФГБУН ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар
strekalovat@bk.ru*

Облизов Алексей Валерьевич

*К.э.н., н.с., Институт агробиотехнологий
им. А.В. Журавского — обособленное подразделение
ФГБУН ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар
oblizov_a@mail.ru*

Аннотация. Развитие агропромышленных кластеров, базирующееся на инновационных технологиях характерно для стран с наиболее развитой или диверсифицированной экономикой (к примеру, Дания, США, Финляндия). Привлекательность кластеров для инвесторов, по сравнению с отдельными субъектами малого и среднего бизнеса, способствует повышению инвестиционной активности, дальнейшему развитию кластерных структур, и агропромышленного сектора в целом, создавая мультипликативный эффект.

В ходе разработки проекта агропромышленного кластера в Республике Коми главный акцент сделан на американскую модель создания кластера АПК, особенностью которой является то, что ключевой заинтересованной стороной в формировании агропромышленного кластера выступает частный сектор в лице предприятий АПК.

Важная роль в формировании кластера в рамках американской модели отводится научным организациям, ориентированным на проведение различных НИОКР и отраслевым высшим учебным заведениям, деятельность которых ориентирована на то, чтобы обеспечить предприятия АПК высококвалифицированным персоналом.

Роль государственных органов в этой модели заключается в формировании благоприятных условий для дальнейшей деятельности кластера, повышения инвестиционной и инновационной активности их участников, их кооперационных связей и конкурентоспособности. К примеру, государственные органы могут финансировать приоритетные инвестиционные

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания № FGMW-2019–0051 по разделу X 10.1., подразделу 139 Программы ФНИ государственных академий на 2020 год, регистрационный номер НИОКР 1021062411604–8–4.1.1

² The article was prepared within the framework of the state task No. FGMW-2019–0051 under section X 10.1., subsection 139 of the Program of the FNI of State Academies for 2020, R&D registration number 1021062411604–8–4.1.1

Исходя из мирового и российского опыта функционирования кластеров, наиболее эффективной моделью формирования агропромышленного кластера является та, где ключевая роль принадлежит агропромышленным предприятиям, у которых имеется заинтересованность в снижении издержек, в повышении уровня кооперации и формировании новых компетенций. Если в процессе формирования агропромышленного кластера центральная роль в нем будет принадлежать государственным органам, то эффективное функционирование кластера на долгосрочной основе обеспечить будет не возможно по причине отсутствия заинтересованности предприятий АПК в формировании данной структуры [1–2].

Модель агропромышленного кластера Республики Коми будет базироваться на использовании многомерной организационной структуры, ГЧП, предполагающей установление взаимосвязи предприятий АПК с учреждениями науки и образования Республики Коми. На рисунке 1 представлена структура управления кластером АПК. Управлять взаимодействиями внутри кластера предполагается посредством виртуальной деловой среды, представляющей организационную платформу с многомерной сетевой архитектурой [3].

Кластеры, как интеграционные объединения субъектов малого и среднего бизнеса, предполагают углубленное взаимодействие предприятий, развитие связей между ними посредством объединения производителей продукции сельского хозяйства, предприятий по выпуску средств производства для АПК, предприятий перерабатывающей отрасли и логистических структур и иных субъектов, связанных с деятельностью кластера [4].

Виртуальная деловая среда в данной модели представляет виртуальное объединение, основанное на взаимосвязи государственных органов управления и регионального центра кластерного развития, которые выступают инициаторами стартапов совместно с кластером АПК.

проекты кластера, а также предоставлять иные меры финансовой и нефинансовой поддержки.

Для снижения нагрузки на бюджет государства и вовлечения частного капитала в реализуемые проекты широко применяется государственно-частное партнерство (ГЧП). Данная форма наиболее распространена в общественно-значимых областях. Опыт ГЧП в сфере АПК незначителен, однако перспективы ГЧП в данной области несомненно велики.

Ключевые слова: агропромышленный кластер, экономическая модель, Республика Коми, субъекты, интеграционный процесс.

Научно-технической базой выступает интеллектуальная технология взаимосвязи участников кластера (рисунок 2).

Механизм ориентирован на создание виртуальных площадок между участниками кластера с целью продвижения идей стартапов в виртуальной среде посредством автоматического поиска потенциальных потребителей своей продукции.

Формируя кластер АПК в Республики Коми необходимо учесть общие предпосылки, характерные для этой формы взаимоотношений субъектов бизнеса, среди которых можно выделить [6]:

- ◆ положительные тенденции во всех отраслях АПК России и повышение его значимости как в условиях РФ, так и на мировом рынке. В частности, по итогам деятельности за 2018 год Россия вошла в состав лидеров по экспорту пшеницы;
- ◆ положительный опыт формирования крупных предприятий (холдингов, корпораций, ФПГ и т.д.), эффективно осуществляющих свою деятельность в России и за ее пределами, которые могут выступать в качестве инициаторов при формировании новых форм взаимодействия бизнеса;
- ◆ повышенное внимание со стороны Правительства РФ к сохранению сельских территорий посредством различных программ и мероприятий, основная цель которых повысить уровень и качество жизни [8];
- ◆ повышение инвестиционной привлекательности АПК;
- ◆ повышение уровня продовольственной безопасности страны;
- ◆ принятие совокупности мер, направленных на развитие малого и среднего бизнеса;
- ◆ развитие импортозамещения;
- ◆ поиск зарубежных рынков для экспорта продовольствия России;
- ◆ аграрный ориентир некоторых регионов России в виду природно-климатических условий нашей страны.

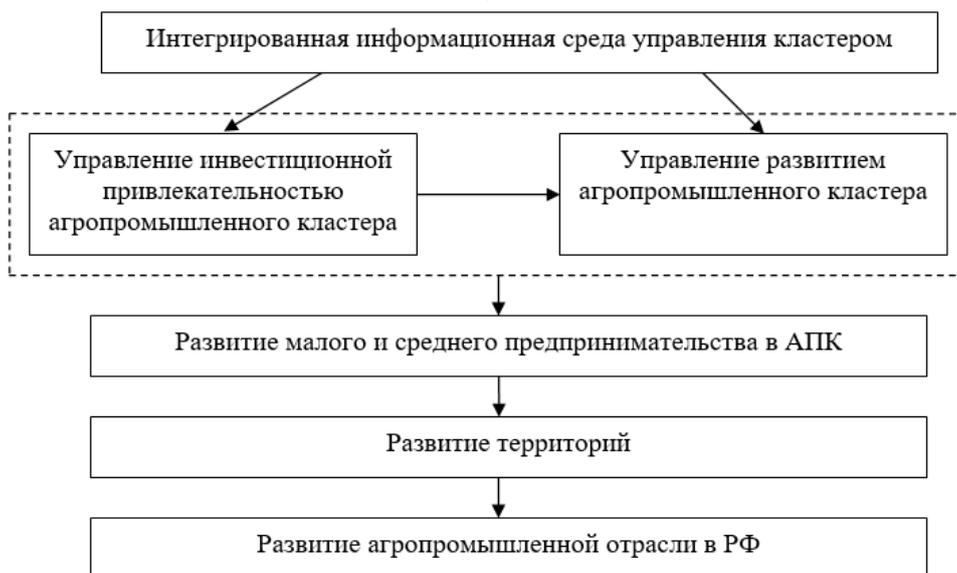

Рис. 1. Управление развитием кластера АПК Республики Коми

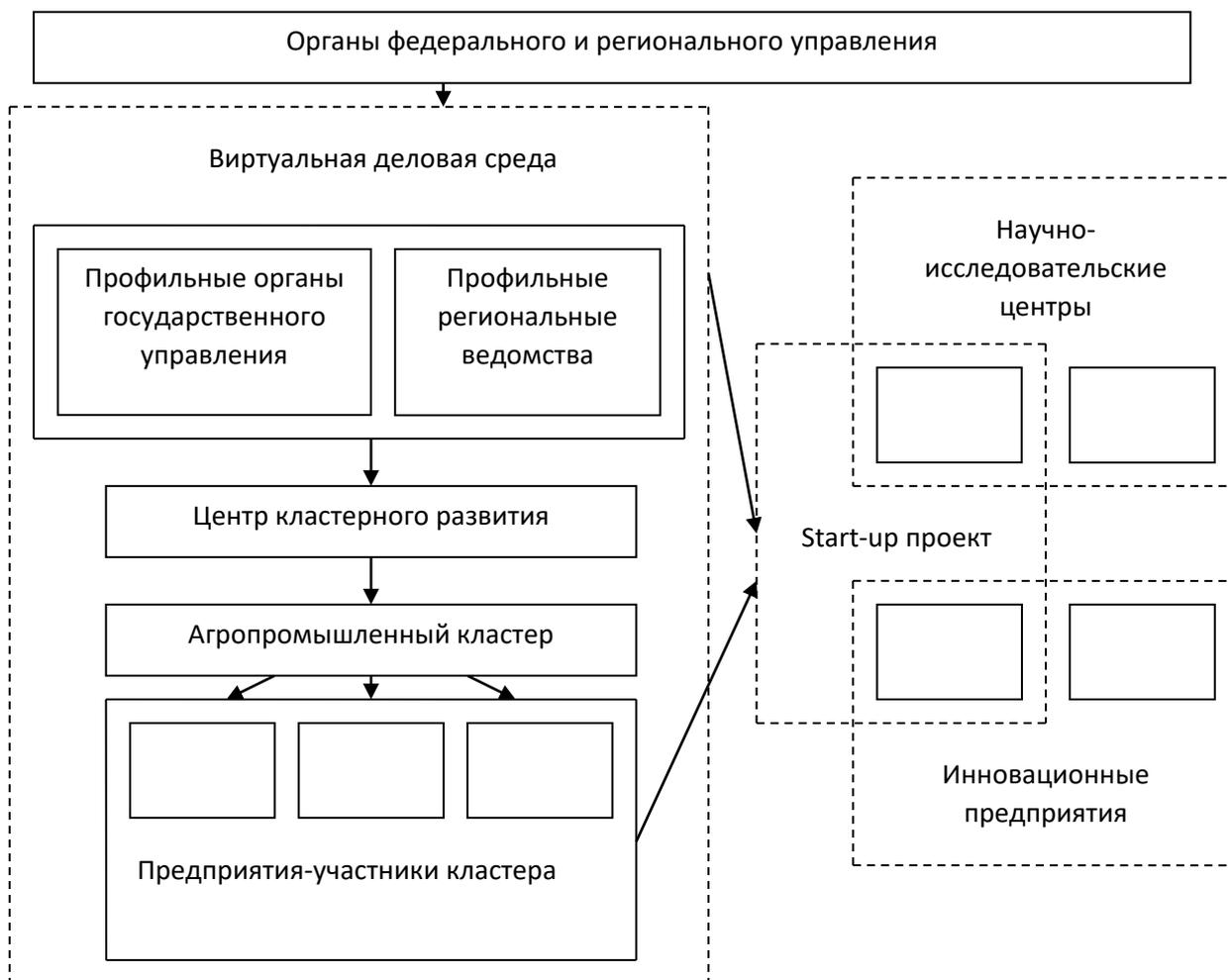

Рис. 2. Модель развития агропромышленного кластера Республики Коми [5]

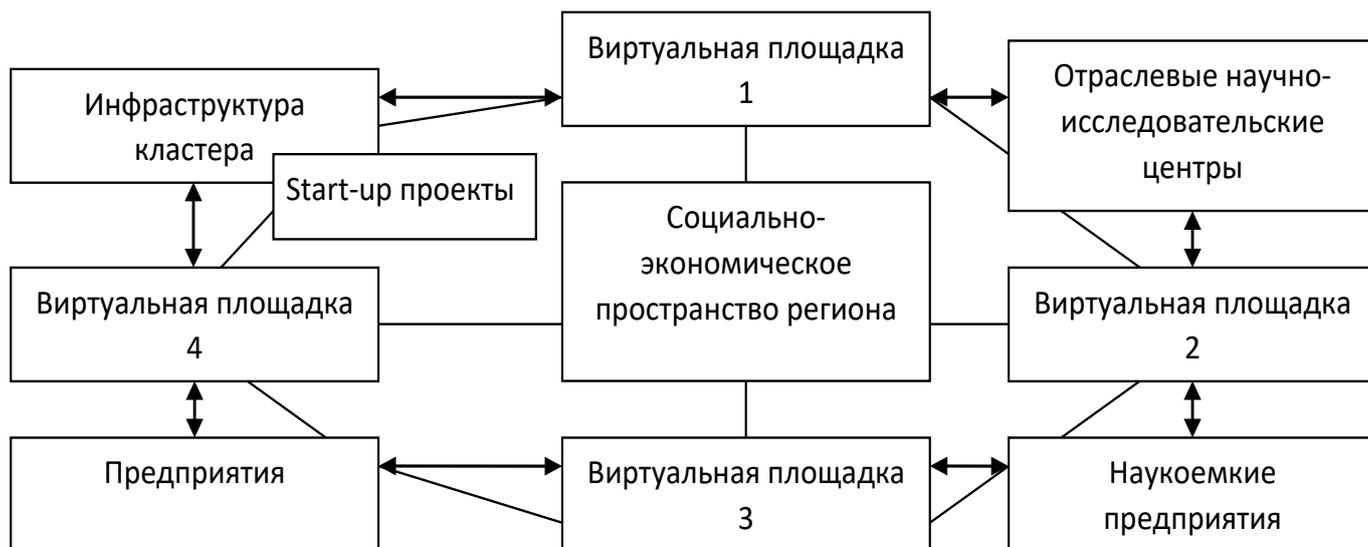

Рис. 3. Механизм взаимодействия участников кластера в процессе организации социально-экономического пространства региона [7]

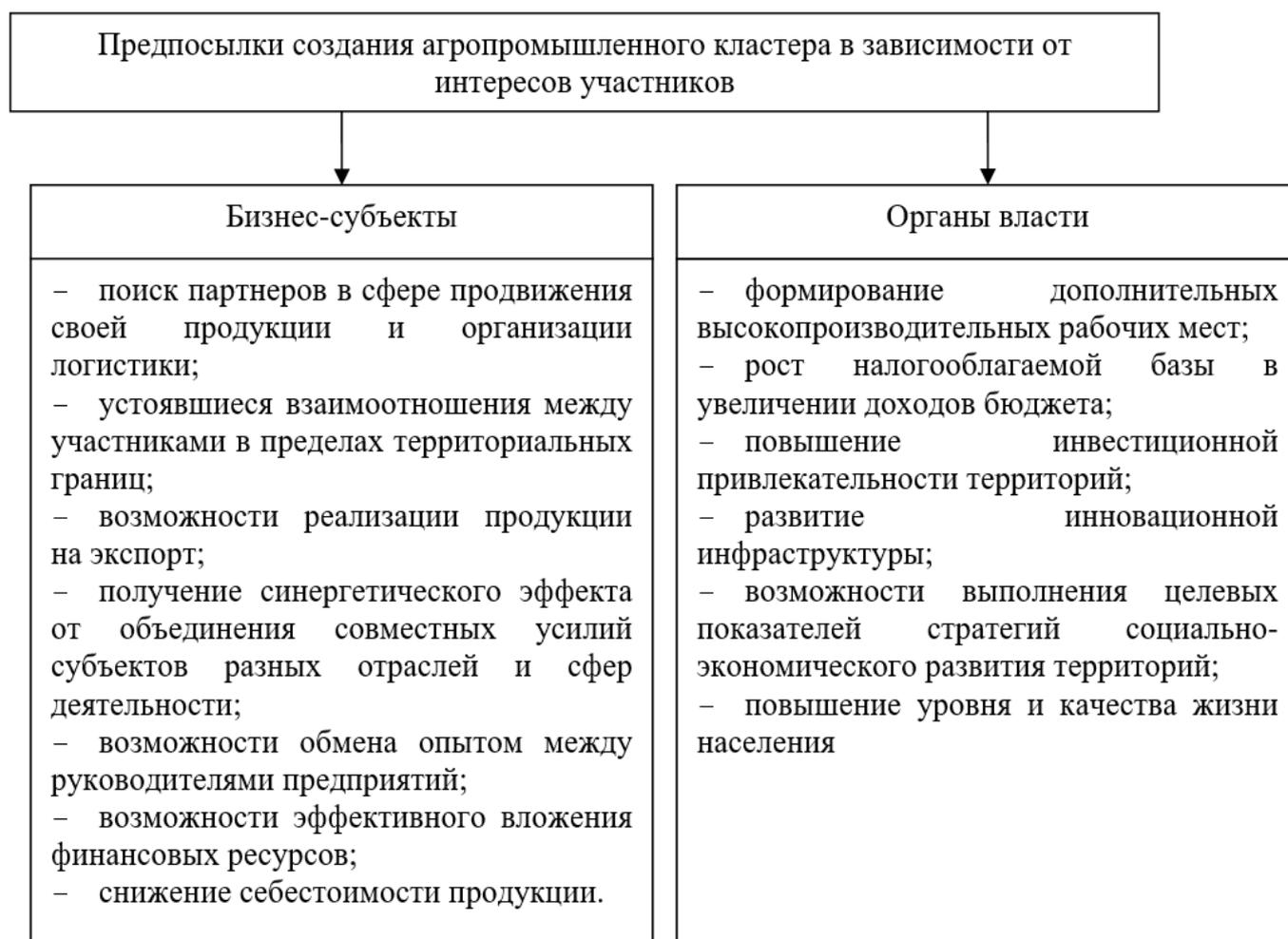

Рис. 4. Интересы сторон при создании кластера

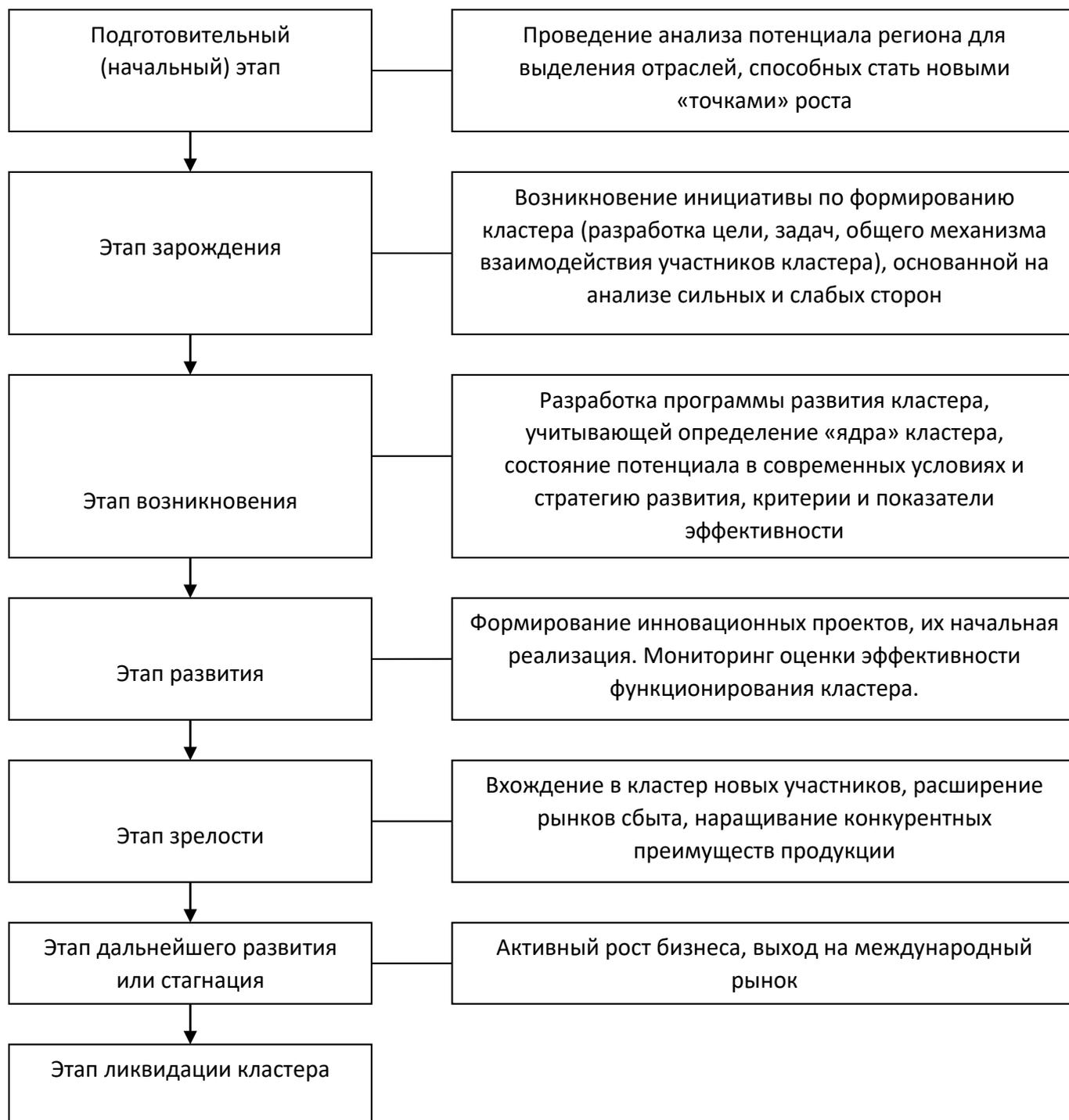

Рис. 5. Этапы жизненного цикла агропромышленного кластера

Также необходимо провести систематизацию эффективных причин формирования агропромышленных кластеров в зависимости от интересов контрагентов (рисунок 4).

Кластеру свойственен определенный жизненный цикл, что необходимо брать в учет при формировании

стратегических альтернатив перспективного развития (рисунок 5).

Процесс формирования агропромышленного кластера, как и любого другого является трудоемким процессом, поскольку требуется учет влияния большого количества факторов, систематизированных следующим образом [9]:

Рис. 6. Формы, содержание, виды и приоритетные направления поддержки малого бизнеса со стороны государства

1. Государственные предпосылки.

Согласно Майскому Указу Президента (от 07.05.2018 г № 204) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» одна из главных целей РФ — создать в базовых экономических отраслях, в первую очередь в АПК и обрабатывающей промышленности, высокопроизводительный экспортно-ориентированный сек-

тор, развитие которого базируется на современных технологиях и обеспеченности высококвалифицированным персоналом [10].

Вместе с тем статус отдельных национальных проектов присвоен:

- ♦ «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»;

Таблица 1. Характеристика региональных проектов по национальному проекту «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» относительно агропромышленного кластера

Название проекта	Целевые показатели до 2024 года
Создание системы поддержки фермеров и развитие сельской кооперации в Республике Коми	272 человек, которые вовлечены в субъекты МСП в области сельского хозяйства; 56 работников, которые зарегистрированы в Пенсионном фонде РФ, Фонде социального страхования и приняты крестьянскими (фермерскими) хозяйствами в году получения грантов «Агро-стартап»; 187 членов сельскохозяйственных потребительских кооперативов из числа малых и средних организаций, в том числе крестьянские (фермерские) хозяйства и потребительские кооперативы; 29 вновь созданных субъектов малого и среднего бизнеса.
Акселерация субъектов малого и среднего предпринимательства	увеличение числа субъектов МСП, получивших поддержку, до 2537 единиц; 10% субъектов малого и среднего бизнеса, охваченных услугами центра «Мой бизнес»; 75 субъектов малого и среднего бизнеса в моногородах, получивших поддержку.
Популяризация предпринимательства	366 вновь созданных субъектов малого и среднего бизнеса.
Улучшение условий ведения предпринимательской деятельности	13900 чел. самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус.
Расширение доступа субъектов МСП к финансовой поддержке, в том числе к льготному финансированию	596 выданных микрозаймов микрофинансовыми организациями субъектами малого и среднего бизнеса; 3075,88 млн. руб. на развитие инфраструктуры поддержки субъектов малого и среднего бизнеса, которая ориентирована на содействие развитию системы кредитования.

◆ «Международная кооперация и экспорт».

Для достижения целевых показателей по данным направлениям требуется выделение значительной величины финансовых ресурсов.

На рисунке 6 представлены формы, содержание, виды и приоритетные направления поддержки со стороны государства.

2. Региональные предпосылки.

В Республике Коми разработано и утверждено 5 региональных проектов по развитию малого и среднего бизнеса (таблица 1).

Общая величина финансового обеспечения мероприятий по национальному проекту «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной

предпринимательской инициативы» составляет свыше 1 млрд. руб [11].

В соответствии с национальным проектом «Международная кооперация и экспорт» в Республике Коми утверждены три региональных проекта:

- ◆ промышленный экспорт;
- ◆ системные меры развития международной кооперации и экспорта;
- ◆ экспорт продукции АПК.

Таким образом, в Республике Коми сформирована инфраструктура для получения различных видов поддержки предприятиям АПК и индивидуальным предпринимателям, выстроен механизм получения консультаций и доведения актуальной информации для субъектов АПК, что позволяет оказывать стимулирующее действие на процессы взаимодействия участников кластера и привлекать новых участников [12].

3. Эффективное взаимодействие с учебными заведениями Республики Коми, которые готовят специалистов для АПК.

Для обеспечения агропромышленного кластера высококвалифицированным персоналом необходимо более активно вести работу с Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкарский лесной институт (филиал) Санкт-Петербургского государственного лесотехнического университета им. С.М. Кирова.

Предлагаемый формат работы предусматривает:

- ◆ проведение совместных образовательных программ по направлениям подготовки магистратуры;
- ◆ участие в научно-практических мероприятиях (форумах, круглых столах, конференциях), организуемых учебными заведениями республики, позволяет найти партнеров по осуществлению совместных исследований и разработок;
- ◆ организация стажировок обучающихся;
- ◆ составление реестра баз практик для студентов в целях их последующего трудоустройства;
- ◆ организация совместных научных разработок в области АПК обучающимися всех направлений подготовки;
- ◆ организация конкурсов, которые позволят выявить наиболее талантливых выпускников ВУЗов для создания резерва высококвалифицированных работников, которые могут стать участниками кластера [13].

Это приведет к отсутствию дефицита в соответствующих работниках и создаст конкурентные преимуще-

ства относительно других субъектов, которые осуществляют деятельность в области АПК.

4. Эффективное развитие компаний участников посредством интеграции усилий и объединения конкурентных преимуществ.

Продукция, которая производится предприятиями агропромышленного кластера, имеет ориентир на широкую аудиторию, поскольку в виду своей значимости играет первостепенную роль для каждого гражданина. Это способствует открытию широких возможностей для ее сбыта и востребованности [14].

Общая цель и задачи развития будут способствовать более эффективному использованию логистических каналов, построению эффективного механизма доведения продукции до потребителя, повышению стоимости бизнеса, привлечению инвестиций посредством имеющегося инновационного и производственного, обеспечения конкурентоспособности выпускаемой продукции посредством внутрикластерного аутсорсинга. Центральная роль принадлежит повышению уровня загрузки производственной мощности перерабатывающей промышленности в результате роста объема сырья, что минимизирует издержки [15].

В целом участие в кластере приведет к снижению административных барьеров, повышению качества управления, получению новых источников финансирования деятельности, получению услуг по бизнес-планированию, а также обеспечению эффективными информационными коммуникациями и обменом компетенциями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаева, Т.К. Применение кластерного метода для эффективного управления регионом / Т.К. Абдуллаева, Х.Г. Абдулаев // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2018. — № 3 (89). — С. 62–72.
2. Афанасьев, М.В. Мировая конкуренция и кластеризация экономики / М.В. Афанасьев, Л.А. Мясникова // Вопросы экономики. — 2005. — № 4. — С. 75–85.
3. Байбарова, М.А. Маркетинговые инструменты продвижения территориального кластера в концепции развития региона / М.А. Байбарова // Синергия наук. — 2018. — № 27 — С. 258–268.
4. Дусаев, Х.Б. Агропромышленные кластеры — основа эффективности и конкурентоспособности регионального АПК / Х.Б. Дусаев // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. — 2014. — № 3 (20). — С. 32–35.
5. Завьялов, Д.В. Оценка перспективности кластерной политики в регионах Российской Федерации / Д.В. Завьялов // Федерализм. — 2015. — № 2 (78). — С. 63–74.
6. Мищенко, Ю.П. Кластерный подход организации производственного взаимодействия / Ю.П. Мищенко // Вестник КАСУ. — 2006. — № 4. — С. 83–91.
7. Паникарова, С.В. Северные регионы России: оценка уровня инновационного развития / С.В. Паникарова, М.В. Власов // Дайджест-финансы. — 2015. — № 4 (236). — С. 13–23.
8. Стукач, В.Ф. Аграрные инновации в системе стратегического развития региона / В.Ф. Стукач // Экономика и менеджмент инновационных технологий. — 2013. — № 7 // <http://ekonomika.snauka.ru/2013/07/2856>
9. Тарабукина, Т.В. Агропромышленный кластер как основа устойчивого развития сельского хозяйства северного региона / Т.В. Тарабукина, О.Ю. Воронкова // Экономика и предпринимательство. — 2019. — № 8 (109). — С. 1227–1231.

10. Чарыкова, О.Г. Региональная кластеризация в цифровой экономике / О.Г. Чарыкова, Е.С. Маркова // Экономика региона. — 2019. — Т. 15. — № 2. — С. 409–419.
11. Чорновол, Е.П. Понятие контрактной системы России в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд / Е.П. Чорновол // Право и экономика. — 2015. — № 4. — С. 42–46.
12. Шмелева, М.В. Разработка новой концептуальной модели государственных закупок через теоретическое познание основных категорий / М.В. Шмелева // Российская юстиция. — 2019. — № 6. — С. 48–51.
13. Шумпетер, Й.А. Капитализм, социализм и демократия: пер. с англ. / Под. ред. В.С. Автономова. — М.: Экономика, 1995. — 540 с.
14. Юдин, А.А. Инновационная стратегия развития отраслей АПК в регионах (на примере Республики Коми) / А.А. Юдин // Приоритетные научные направления: от теории к практике. — 2016. — № 22. — С. 268–273.
15. Юдин, А.А. Управление инновационным развитием аграрного сектора России в региональном спектре / А.А. Юдин // Аграрная наука Евро-Северо-Востока. — 2017. — № 4 (59). — С. 75–80.

© Юдин Андрей Алексеевич (audin@rambler.ru),

Тарабукина Татьяна Васильевна (strekalovat@bk.ru), Облизов Алексей Валерьевич (oblizov_a@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

г. Сыктывкар

ТИПОЛОГИЗАЦИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ КОМИ¹

TYPOLOGIZATION OF MUNICIPALITIES IN THE KOMI REPUBLIC²

A. Yudin
T. Tarabukina
A. Oblizov

Summary. To analyze the level of development of cities and districts of the Komi Republic, three groups with high, medium and low levels of agricultural production development were identified.

Syktvykar and Kortkeros districts, Syktvykar city form a group with a high level of agricultural development. This is due to the location of these city districts in the southern part of the region. Large agricultural organizations are located here.

The city of Ukhta, Priluzsky, Izhemsky, Sysolsky, Ust-Kulomsky, Ust-Vymsky and Ust-Tsilemsky districts form a group with an average level of development. It produces more than 2% of the total agricultural output of the region in value terms.

The group with a low level of development is formed by the Udorsky Knyazhpogostsky, Sosnogorsk, Koigorodsky and Troitsko-Pechora districts, the cities of Vuktyl, Pechora, Vorkuta, Usinsk. The city of Inta moves in the second and third groups, which leads to a change in the area of territories.

In settlements with a low level of development, less than 2% of the total agricultural output of the region is produced annually in value terms. It should be noted that a large share of the Komi Republic is made up of cities and districts with a low level of development, which in 2014 was 45%, and in 2018 increased to 50%. A significant share of the region consists of cities and districts with an average level of development, which decreased from 40% in 2014 to 35% in 2018. The smallest share in the Komi Republic is made up of cities and districts with a high level of development, their share remained unchanged during the period under review and amounted to 15%.

Keywords: typologization, Komi Republic, agricultural products, agro-industrial complex, municipal formation.

Юдин Андрей Алексеевич

*К.э.н., н.с., Институт агробиотехнологий
им. А.В. Журавского — обособленное подразделение
ФГБУН ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар
audin@rambler.ru*

Тарабукина Татьяна Васильевна

*К.э.н., н.с., Институт агробиотехнологий
им. А.В. Журавского — обособленное подразделение
ФГБУН ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар
strekalovat@bk.ru*

Облизов Алексей Валерьевич

*К.э.н., н.с., Институт агробиотехнологий
им. А.В. Журавского — обособленное подразделение
ФГБУН ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар
oblizov_a@mail.ru*

Аннотация. Для анализа уровня развития городов и районов Республики Коми были выделены три группы с высоким, средним и низким уровнями развития сельскохозяйственного производства.

Сыктывдинский и Корткеросский районы, город Сыктывкар образуют группу с высоким уровнем развития АПК. Это связано с расположением данных районов городов в южной части региона. Здесь расположены крупные организации сельскохозяйственного назначения.

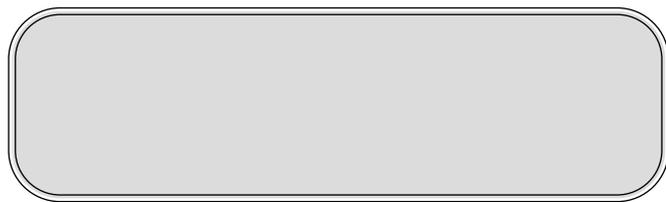
Город Ухта, Прилузский, Ижемский, Сысольский, Усть-Куломский, Усть-Вымский и Усть-Цилемский районы образуют группу со средним уровнем развития. Здесь производится свыше 2% общего объема сельскохозяйственной продукции региона в стоимостном выражении.

Группу с низким уровнем развития образуют Удорский, Княжпогостский, Сосногорский, Койгородский и Троицко-Печорский районы, города Вуктыл, Печора, Воркута, Усинск. Город Инта перемещается по второй и третьей группам, что приводит к изменению площади территорий.

В населенных пунктах с низким уровнем развития ежегодно производится менее 2% общего объема сельскохозяйственной продукции региона в стоимостном выражении. Следует отметить, что большую долю Республики Коми составляет города и районы с низким уровнем развития, которая в 2014 году составляла 45%, а в 2018 году выросла до 50%. Значительную долю региона составляют города и районы со средним уровнем развития, которая снизилась с 40% в 2014 году до 35% в 2018 году. Наименьшую

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания № FGMW-2019–0051 по разделу X 10.1., подразделу 139 Программы ФНИ государственных академий на 2020 год, регистрационный номер НИОКР 1021062411604–8–4.1.1

² The article was prepared within the framework of the state task No. FGMW-2019–0051 under section X 10.1., subsection 139 of the Program of the FNI of State Academies for 2020, R&D registration number 1021062411604–8–4.1.1

Для Республики Коми свойственна не только низкая сельскохозяйственная освоенность территории, но и неравномерность её размещения по административным районам и зонам. В состав муниципальных образований Республики Коми входят 6 городских округов и 14 муниципальных районов [1].

Анализируя площадь, занимаемую городами и районами Республики Коми в зависимости от тематических групп следует сделать вывод, что большую площадь Республики Коми занимают города и районы с низким уровнем развития, доля которой в 2014 году составляла 56,2%, а в 2018 году увеличилась на 7,2% (рисунок 1).

В 2018 году относительно 2014 года наблюдалось снижение площади городов и районов со средним уровнем развития с 37,1% до 29,9%.

Наименьшая площадь региона приходится на города и районы с высоким уровнем развития (6,7%), которая не меняется на протяжении 2014–2018 гг.

Численность населения Республики Коми в зависимости от тематической группы распределилась следующим образом: практически равные доли населения региона приходятся на группу с низким уровнем развития и с высоким, в 2018 году их доля в общей численности населения составила 36,98% и 36,09%, соответственно [2]. Следует отметить, что доля численности населения, проживающего в городах и районах с низким и высоким уровнем развития в 2018 году по сравнению с 2014 годом выросла. Доля населения, проживающего в городах и районах со средним уровнем развития в 2014 году составила 30,67%, а в 2018 году произошло ее снижение до 26,93% (рисунок 2).

Далее проанализированы основные показатели сельскохозяйственного производства в городах и районах Республики Коми, сгруппированных в зависимости от уровня развития [3].

Динамика объема продукции сельского хозяйства в городах и районах Республики Коми, сгруппированных в зависимости от уровня развития, за 2014–2018 гг. представлена на рисунке 3.

долю в Республике Коми составляют города районы с высоким уровнем развития, их доля на протяжении рассматриваемого периода оставалась неизменной и составляла 15%.

Ключевые слова: типологизация, Республика Коми, сельскохозяйственная продукция, АПК, муниципальное образование.

Из рисунка 3 видно, что в 2018 году относительно 2014 года по объему продукции сельского хозяйства по всем типологическим группам наблюдалось увеличение: по первой группе на 19,73%, по второй — на 2,25%, по третьей группе — на 2,64%. Следует отметить, что наибольший объем продукции сельского хозяйства характерен для первой группы, так в 2018 году он составляет 81,92% от всего объема сельскохозяйственной продукции; на вторую группу приходится 13,50% всего объема продукции, а на третью всего лишь 4,58%.

Динамика объема продукции растениеводства по типологическим группам Республики Коми за 2014–2018 гг. представлена на рисунке 4.

Из рисунка 4 следует, что по продукции растениеводства в 2018 году относительно 2014 года по всем группам произошло снижение: по первой группе на 17,54%, по второй — на 1,73%, по третьей группе — на 6,98%. Наибольший объем продукции растениеводства присущ первой группе, он составил в 2018 году 62,07% от всего объема растениеводческой продукции; вторая группа занимает 29,1% всего объема растениеводческой продукции; третья группа в структуре растениеводческой продукции составляет 8,79%.

Что касается продукции животноводства, то в исследуемом периоде по всем группам произошло ее увеличение: по первой группе на 30,74%, по второй — на 5,66%, по третьей группе — на 10,35% 5. Наибольший объем продукции животноводства характерен для первой группы, он составил в 2018 году 87,12% от всего объема продукции животноводства; вторая группа составляет 9,41% во всей продукции животноводства; а третья группа составляет лишь 3,48% [4].

В 2018 году относительно 2014 года в Республике Коми наблюдалось снижение общей посевной площади сельскохозяйственных культур по первой и третьей группе на 4,97% и на 20,66%, соответственно [5].

Что касается второй группы, то за этот период по ней произошло увеличение общей посевной площади сельскохозяйственных культур на 10,45%.

Наибольшая величина посевной площади сельскохозяйственных культур характерна для первой группы,

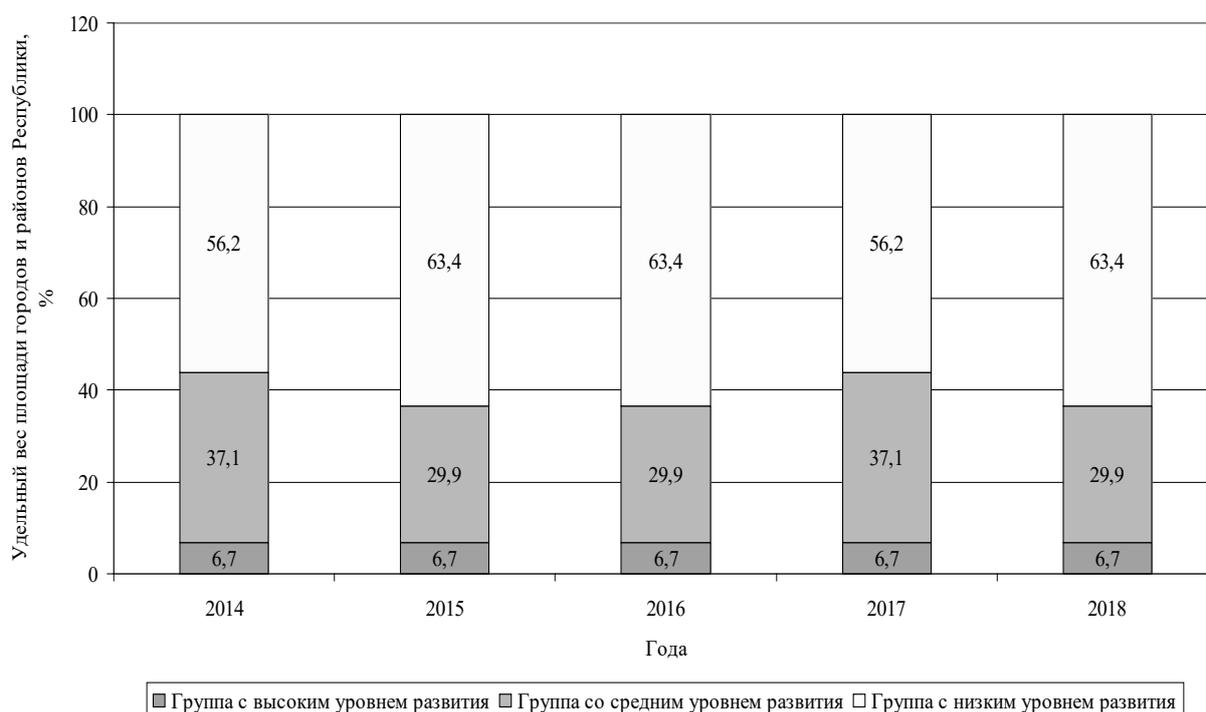

Рис. 1. Динамика доли площади городов и районов Республики, сгруппированных в зависимости от уровня развития за 2014–2018 гг.

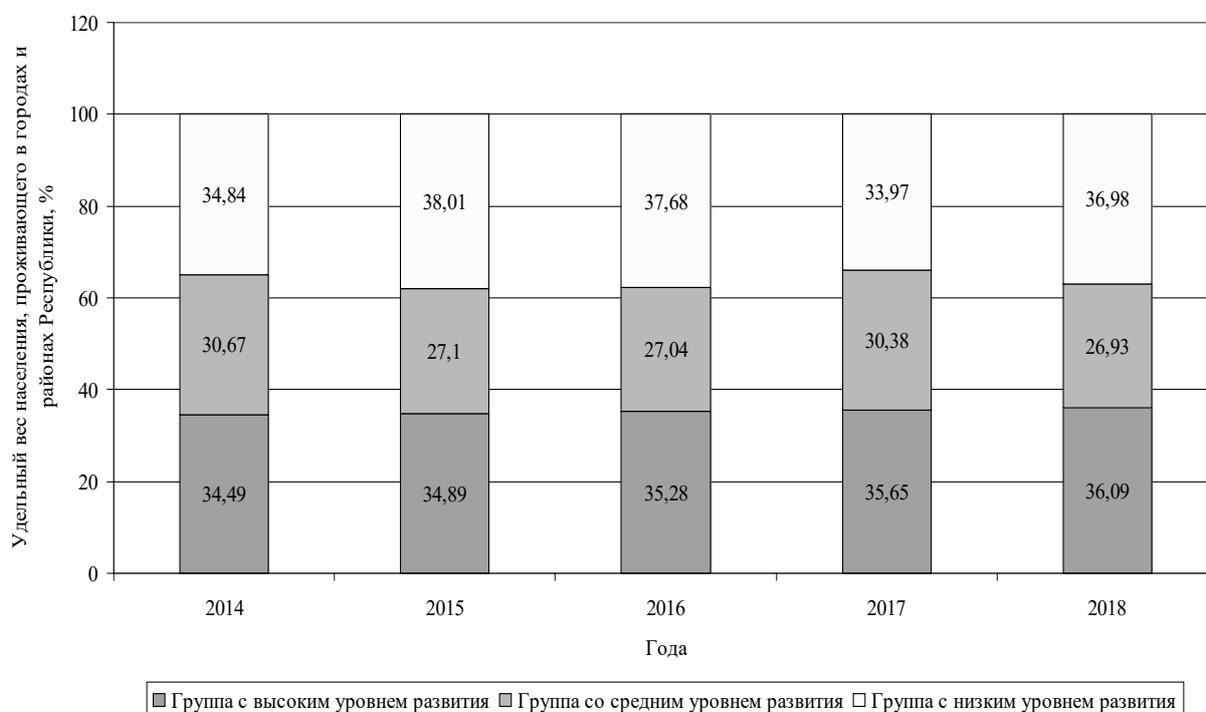

Рис. 2. Динамика доли населения, проживающего в городах и районах Республики Коми, сгруппированных в зависимости от уровня развития за 2014–2018 гг.

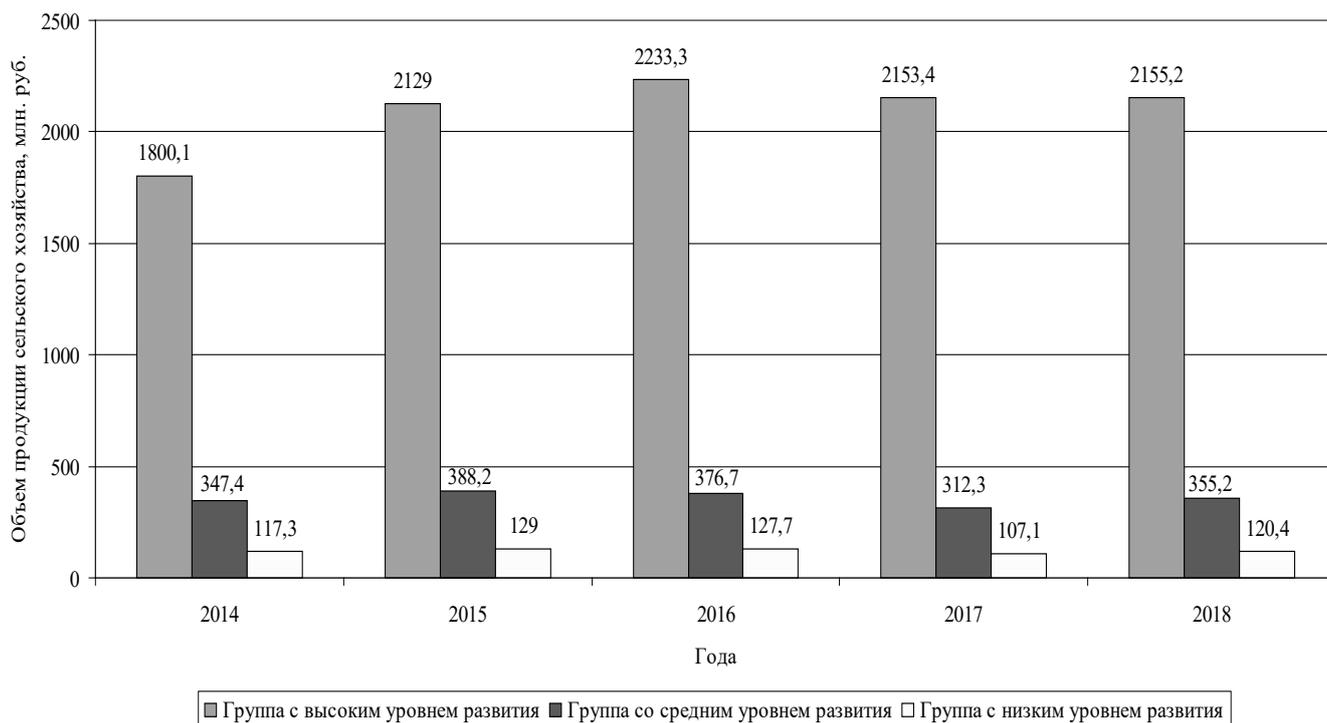

Рис. 3. Динамика объема продукции сельского хозяйства по типологическим группам Республики Коми за 2014–2018 гг.

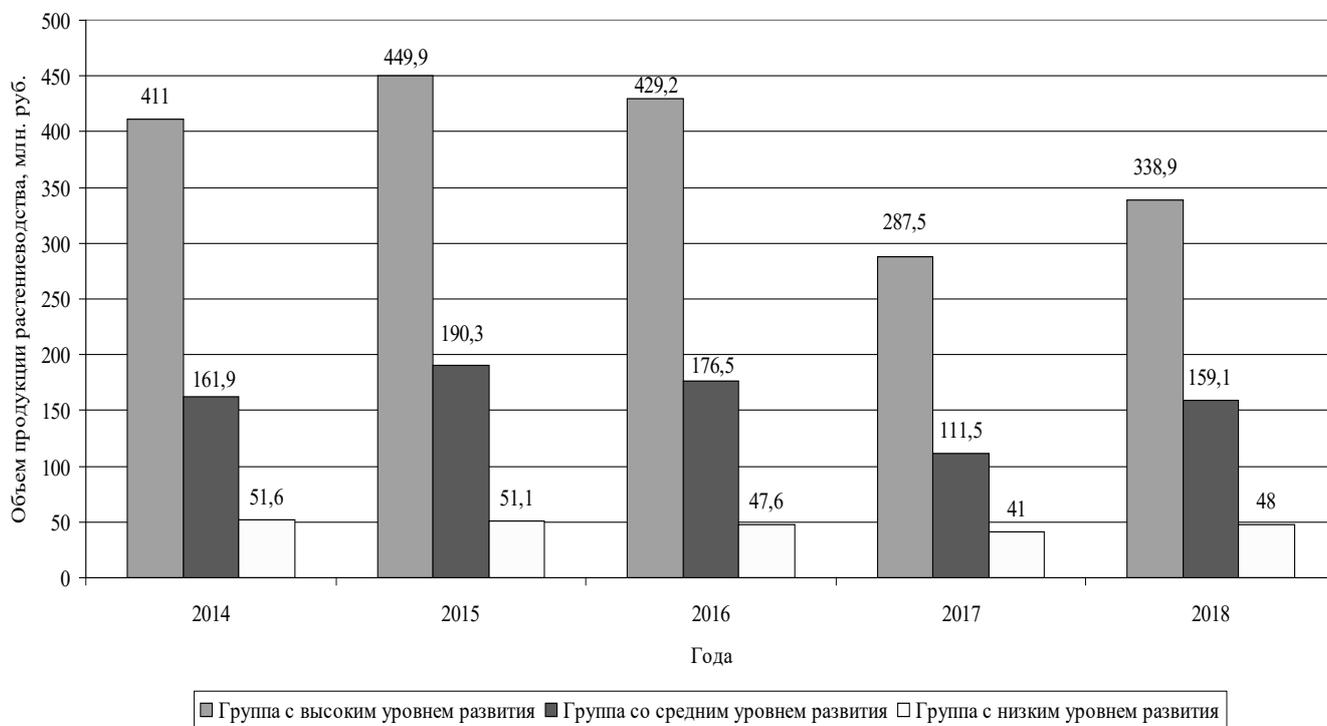

Рис. 4. Динамика объема продукции растениеводства по типологическим группам Республики Коми за 2014–2018 гг.

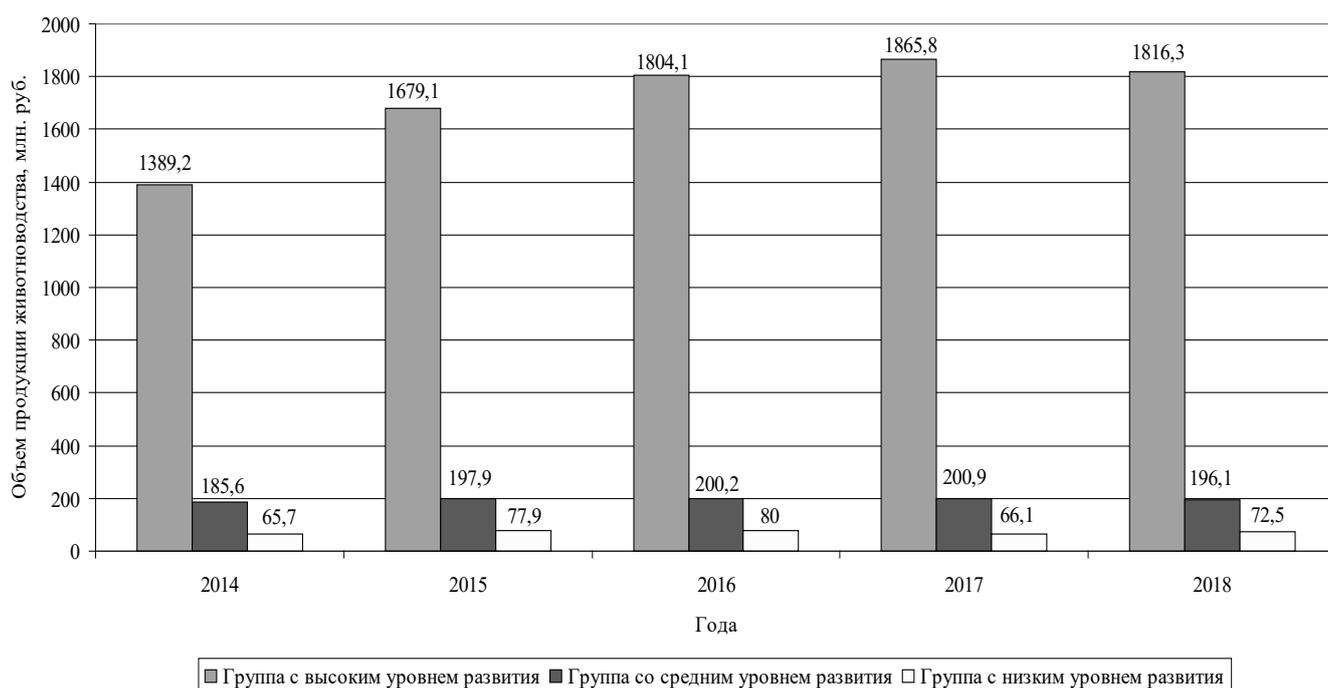

Рис. 5. Динамика объема продукции животноводства по типологическим группам Республики Коми за 2014–2018 гг.

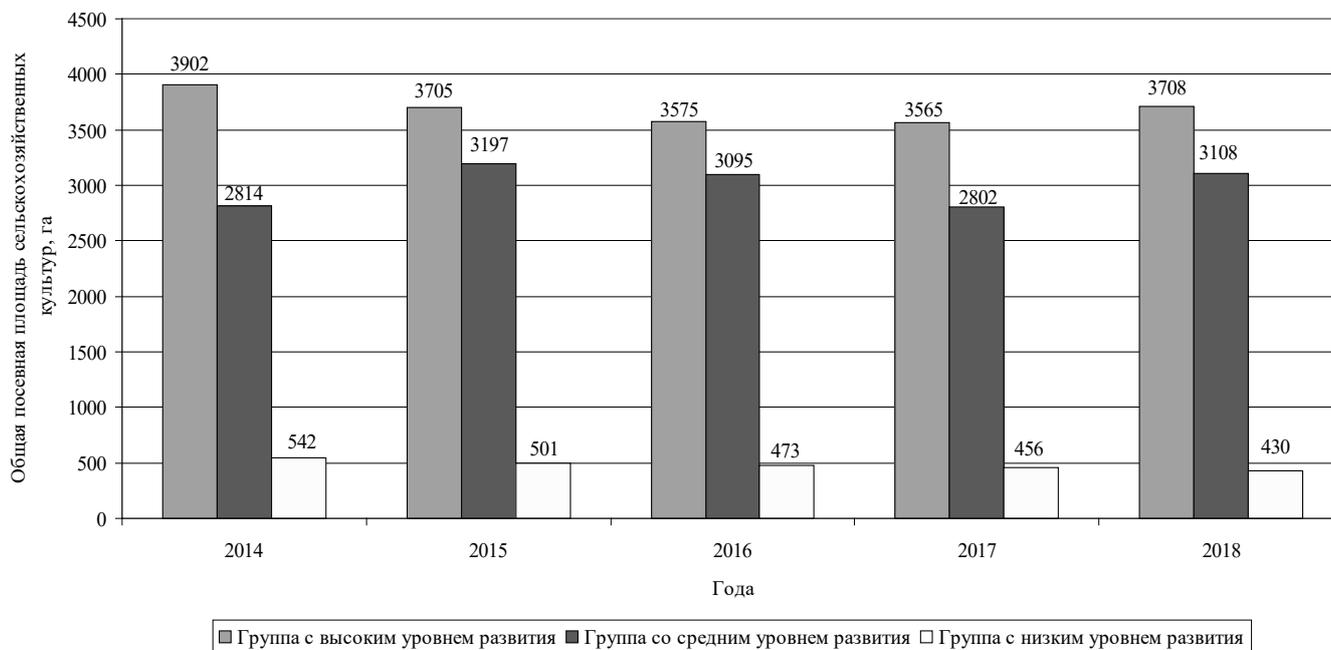

Рис. 6. Динамика общей посевной площади сельскохозяйственных культур в городах и районах Республики Коми, сгруппированных в зависимости от уровня развития, за 2014–2018 гг.

Таблица 1. Динамика поголовья животных по типологическим группам Республики Коми за 2014–2018 гг.

Показатель	Типологическая группа	Год				
		2014	2015	2016	2017	2018
Поголовье животных, голов						
Крупный рогатый скот	1	3556	3417	3269	3100	3045
	2	2263	2476	2489	2242	2399
	3	747	677	673	634	567
в том числе коровы	1	1472	1458	1338	1280	1344
	2	1028	1117	1109	1002	1098
	3	328	309	302	278	253
Свиньи	1	6334	8382	10942	12124	11386
	2	229	273	263	182	194
	3	296	278	280	236	192
Овцы	1	271	235	247	262	262
	2	772	963	912	762	770
	3	209	195	175	148	126
Козы	1	439	307	291	331	297
	2	380	405	407	326	341
	3	149	145	128	132	112
Лошади	1	36	28	23	19	15
	2	336	365	333	285	286
	3	52	46	37	29	28
Олени	1	–	–	–	–	–
	2	5351	1320	1375	5168	1583
	3	5268	8185	8261	5812	8480

ее доля составила в 2018 году 51,17% от всей посевной площади; вторая группа составляет 42,89% от всей посевной площади; а третья группа занимает наименьшую долю посевной площади — 5,93% [6].

За исследуемый период в Республике Коми произошло снижение валового сбора картофеля по всем типологическим группам: по первой — на 46,78%, по второй — на 30,04%, по третьей — на 15,78% (рисунок 6). Наибольший объем валового сбора картофеля присущ первой группе, так в 2018 году его доля составляет 50,48% от общей величины валового сбора картофеля в регионе; на вторую группу приходится 35,18% всего валового сбора картофеля, а на третью — 14,35%.

В 2018 году относительно 2014 года наблюдалось увеличение валового сбора овощей по первой и второй группе на 6,39% и на 6,95%, соответственно; по третьей группе данный показатель незначительно снизился на 1,53%.

В таблице 1 представлена динамика поголовья животных по типологическим группам Республики Коми за 2014–2018 гг.

Из таблицы 1 видно, что в 2018 году относительно 2014 году в Республике Коми наблюдалось снижение поголовья скота по первой и третьей группе на 14,37% и на 24,10%, соответственно, вследствие снижения по всем видам животных кроме: по первой группе за исследуемый период наблюдалось увеличение поголовья свиней на 79,76%, а по третьей группе в рассматриваемом периоде произошло увеличение поголовья оленей на 60,97% [7].

По второй группе поголовье скота увеличилось на 6,01%, что объясняется ростом поголовья коров на 6,81%, по остальным видам животных по второй группе произошло снижение [8].

Для первой типологической группы в рассматриваемом периоде характерно увеличение производства скота и птицы на убой в живой массе на 22,03%. Что касается второй и третьей групп, то по данному показателю наблюдалось снижение на 26% и на 12,06%, соответственно.

Производство молока в 2018 году относительно 2014 года увеличилось по первой и второй группе

на 3,62% и на 8,31%, соответственно. По третьей группе произошло снижение производства молока на 18,91%.

Надой молока на одну корову в сельскохозяйственных организациях в исследуемый период вырос по всем типологическим группам: по первой группе — на 10,99%; по второй группе — на 12,68%; по третьей группе — на 2,46% [9].

Среднесуточный прирост живой массы скота в сельскохозяйственных организациях вырос по первой и третьей группе на 0,25% и на 22,19%, соответственно. По второй группе данный показатель снизился на 13,95%.

В исследуемом периоде наблюдалось увеличение приплода от 100 коров в сельскохозяйственных организациях по первой группе на 7,25% и по третьей группе на 12,05%. По третьей группе приплод от 100 коров в сельскохозяйственных организациях снизился на 5,88% [10–13].

Расход кормов на одну условную голову скота в сельскохозяйственных организациях в 2018 году относительно 2014 года вырос по первой группе на 8%, а по второй — на 11,75%. В третьей группе в исследуемом периоде произошло снижение данного показателя на 9,09% [14–15].

В результате расчетов, были сделаны выводы:

1. Для городов и районов со средним уровнем развития характерен рост валового объема произ-

водства сельскохозяйственной продукции, что обусловлено изменением факторов x_1 , x_2 и x_3 (0,791; 0,891 и 0,881). В связи с этим по второй группе необходимо дальнейшее производство картофеля, овощей открытого и закрытого грунта и молока. Требуется поддержка в производстве скота и птицы, в основном продукции оленеводства.

2. Для городов и районов с низким уровнем развития свойственно увеличение валового объема производства сельскохозяйственной продукции при росте производства скота и птицы (0,783). Для этой группы требуется поддержка по выращиванию овощей закрытого грунта и картофелеводства в личных подсобных хозяйствах. В качестве основных направлений развития должно выступить создание цехов по переработке молока, производимого на фермах, цехов для забоя КРС и открытие новых ферм.

Во всех типологических группах необходимо создание тепличных хозяйств, где температурный режим обеспечивается посредством тепла.

Таким образом, основные направления развития сельского хозяйства городов и районов Республики Коми были определены путем выделения типологических групп и построения уравнений регрессии. Данные особенности дифференцируемых городов и районов следует учитывать при управлении инновационным развитием АПК Республики Коми.

ЛИТЕРАТУРА

1. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собр. законодательства РФ. — 2013. — № 14. — Ст. 1652.
2. О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собр. законодательства РФ. — 2011. — № 30 (ч. 1). — Ст. 4571.
3. Об утверждении Правил осуществления ведомственного контроля в сфере закупок для обеспечения федеральных нужд: постановление Правительства РФ от 10.02.2014 № 89 (ред. от 27.07.2019) // Собр. законодательства РФ. — 2014. — № 7. — Ст. 683.
4. О порядке осуществления Федеральной службой финансово-бюджетного надзора полномочий по контролю в финансово-бюджетной сфере: постановление Правительства РФ от 28.11.2013 № 1092 (ред. от 17.08.2020) // Собр. законодательства РФ. — 2013. — № 49 (часть VII). — Ст. 6435.
5. О перечне товаров, работ, услуг, в случае осуществления закупок которых заказчик обязан проводить аукцион в электронной форме (электронный аукцион): Распоряжение Правительства РФ от 21.03.2016 № 471-р (ред. от 18.06.2021) // Собр. законодательства РФ. — 2016. — № 13. — Ст. 1880.
6. Дмитриев, Ю.А. Развитие государственно-частного партнерства в агропромышленном комплексе / Ю.А. Дмитриев, Л.И. Шустров, Т.Л. Шустров, И.И. Савельев // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2018. — Т. 1. — № 3. — С. 45–50.
7. Дусаев, Х.Б. Агропромышленные кластеры — основа эффективности и конкурентоспособности регионального АПК / Х.Б. Дусаев // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. — 2014. — № 3 (20). — С. 32–35.
8. Иванов, В.А. Методические и практические аспекты стратегического управления устойчивым развитием аграрного сектора северного региона / В.А. Иванов // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. — 2019. — № 1. — С. 16–33.
9. Иванов, А.В. Рейтинг регионов России по уровню развития государственно-частного партнерства как инструмент оценки эффективности региональной инвестиционной политики (на примере Республики Коми) / А.В. Иванов // Вестник КРАГСиУ. Серия «Теория и практика управления». — 2019. — № 22 (27). — С. 46–49.

10. Иванов, В.А. Социально-экономическое развитие экономики Севера / В.А. Иванов // Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. — 2019. — № 1. — С. 16–33.
11. Логинова, Н.В. Инновационные подходы к организации контрактной системы в вузе / Н.В. Логинова // Инновационное развитие экономики. — 2019. — № 3 (51). — С. 37–45.
12. Магомадова, Э.И. Формирование государственных и муниципальных закупок / Э.И. Магомадова // ФГУ Science. — 2021. — № 1 (21). — С. 92–96.
13. Маршанская, А.В. Принципы контрактной системы в сфере закупок / А.В. Маршанская // Теория и практика современной науки. — 2017. — № 8 (26). — С. 157–159.
14. Митьковская, И.В. Понятие и сущность контрактной системы в сфере закупок / И.В. Митьковская // Современные научные исследования и инновации. — 2014. — № 10–2 (42). — С. 76–80.
15. Официальный сайт Министерства экономического развития РФ: Рейтинг регионов России по уровню развития государственно-частного партнёрства. — URL: <http://www.economy.gov.ru>

© Юдин Андрей Алексеевич (audin@rambler.ru),

Тарабукина Татьяна Васильевна (strekalovat@bk.ru), Облизов Алексей Валерьевич (oblizov_a@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

г. Сыктывкар

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ ОПТИМИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВ В СФЕРЕ СОТОВОЙ СВЯЗИ

Барченкова Яна Владимировна
Российская таможенная академия
Jocular16@mail.ru

THE SPECIAL KNOWLEDGE USING IN OPTIMIZING THE INVESTIGATION OF FRAUD IN THE FIELD OF MOBILE COMMUNICATIONS

Ya. Barchenkova

Summary. The article establishes that fraud is the withdrawal and circulation of other people's funds in favor of the guilty person or other persons committed for a selfish purpose by deception or abuse of trust, which caused damage to the owner or other owner of these funds, or committed by the same methods of acquiring the right to these funds. The creation of criminalistic characteristics of frauds in the field of cellular communications committed against the funds of individuals requires the involvement of knowledge from the sciences of the economic, natural, technical cycle, which indicates the complication of the nature of this crime and the activities for its detection and disclosure. It is advisable to use a broad approach that will allow you to take into account as much as possible all the numerous ways of committing fraud in the field of cellular communications. Accordingly, the following elements of the crime characteristics are essential in the criminalistic aspect: the fraud situation, the methods of preparation, commission, concealment of the crime, as well as the traces inherent in this criminal activity, the subject of fraud, the characteristics of the fraudster's behavior, the specifics of his motivation and the victim, as well as special knowledge that must be used in the investigation of such fraud. The author proves that the criminalistic characteristic of fraud looks like a crime information system structured as a result of the analysis of criminalistically significant elements, which is designed and intended for the needs of practice (detection, disclosure and prevention of fraud in the field of cellular communications).

Keywords: fraud, cellular (mobile) communication, investigation, examination, victim, sms notifications, digital devices, special knowledge.

Аннотация. В статье установлено, что мошенничество — это совершенные с корыстной целью путем обмана или злоупотребления доверием изъятие и обращение чужих денежных средств в пользу виновного или других лиц, что повлекло ущерб собственнику или иному владельцу этих средств, или совершенное этими же способами приобретения права на эти средства. Создание криминалистической характеристики мошенничеств в сфере сотовой связи, совершаемых в отношении денежных средств физических лиц требует привлечения знаний из наук экономического, естественного, технического цикла, что свидетельствует об усложнении природы данного преступления и деятельности по его выявлению и раскрытию. Целесообразно использовать широкий подход, который позволит максимально учесть все многочисленные способы совершения мошенничества в сфере сотовой связи. Соответственно, существенными в криминалистическом аспекте выступают такие элементы характеристики преступления: обстановка мошенничества, способы приготовления, совершения, сокрытия преступления, а также присущие этой криминальной деятельности следы, предмет мошенничества, характеристика поведения мошенника, особенности его мотивации и потерпевшего, а также специальные знания, которые необходимо использовать при расследовании таких мошенничеств. Автором доказано, что криминалистическая характеристика мошенничеств выглядит как структурированная в результате анализа криминалистически значимых элементов система информации о преступлении, которая разработана и предназначена для нужд практики (выявление, раскрытие и предупреждение мошенничеств в сфере сотовой связи).

Ключевые слова: мошенничество, сотовая (мобильная) связь, следствие, экспертиза, жертва, смс-уведомления, цифровые устройства, специальные знания.

Если говорить о мошенничестве, как об отдельном виде преступлений — следственная практика свидетельствует о чрезвычайной динамичности мошенничества. В последнее время правоохранительные органы сталкиваются с новыми проявлениями мошенничества, которые еще не нашли надлежащего анализа

в криминалистической литературе, а их расследование не получило надлежащего научно-методического обеспечения. В учебниках по криминалистике, учебных пособиях, изданных в последние годы, методика расследования мошенничеств излагается без учета изменений в способах и формах мошенничества. В лучшем случае

о них только упоминается, но не учитывается при определении особенностей возбуждения уголовного дела, типичных следственных ситуаций, особенностей задач расследования, тактики проведения следственных действий. Потребности же следственной практики требуют дифференциации мошенничества совершенного с использованием средств сотовой связи по криминалистическим признакам, которые обуславливают особенности их расследования. То есть речь идет о необходимости криминалистической классификации этих преступлений с целью разработки наиболее приближенных к потребностям следственной практики методик расследования определенных разновидностей мошенничеств [2].

Когда речь идет о мошенничестве совершенного с использованием средств сотовой связи — особенности данной группы мошенничеств обусловлены появлением принципиально новых коммуникативных средств, которые используются в обществе не только для передачи информации, но и как средства хранения и перечисления денежных средств.

Мошенничества названной категории специфичны с точки зрения используемых средств и среды (обстановки), которые обуславливают особенность носителей информации о преступлении и, соответственно, выявление, фиксацию, исследование и использование доказательств. Вместе с тем, особенностью преступлений данной группы является то, что они могут быть совершены в различных сферах общественной жизни, в частности, в быту, функционировании отдельных общественных институтов, предпринимательской деятельности и тому подобное.

Исследуя вопрос существования определенных разновидностей мошенничества в сфере мобильной связи невозможно обойти такой краеугольный вопрос как сам факт существования такого относительно обособленного вида мошенничества, как мошенничество совершенного с использованием средств сотовой связи и признаков, которые позволяют нам включать то или иное преступление именно до указанного множества.

Обоснование факта существования отдельной группы мошенничеств, которую мы предлагаем определить как мошенничество совершенного с использованием средств сотовой связи лежит в плоскости общей классификации мошенничеств в качестве разновидности преступлений.

По мнению Н.Я. Яджина, преступления в сфере мобильных телекоммуникаций следует группировать по следующим видам [12]:

- ◆ мошенничества, наносящие ущерб операторам мобильной связи, дилерам и абонентам;
- ◆ перехват конфиденциальной информации;
- ◆ нарушение режима сетевого обслуживания абонентов из хулиганских побуждений или других причин, не связанных с перехватом информации.

При этом, под преступлениями в сфере мобильных телекоммуникаций предлагается понимать систему уголовно наказуемых последовательных действий, направленных на несанкционированный доступ к системе мобильной связи, пользование ее ресурсами и предоставление такой возможности другим лицам [6].

При расследовании мошенничеств в сфере мобильной связи часто возникает необходимость в производстве различных судебных экспертиз. Среди них значительное место занимают экспертизы криминалистического класса, ведь именно на их долю приходится большинство объектов, встречающихся при расследовании мошенничеств.

В действующем ГПК РФ судебная экспертиза определяется как основная форма применения специальных знаний в судебном процессе (ст. 283 ГПК РФ) [4]. Следователем в качестве эксперта может быть вызвано любое лицо, имеющее необходимые для дачи заключения знания, поэтому он сам должен изучать компетентность эксперта, разъяснять ему его права и обязанности. Из-за этого является неправомерной практика возложения обязанности проведения экспертизы на юридическое лицо или определения руководителями экспертных служб без ведома следователя персональных субъектов будущего экспертного исследования [1].

С учетом важности проблемы использования специальных знаний, почти до 70-х годов XX века велась острая полемика о сущности самого термина. Следует отметить пробел в действующем УПК РФ [9], как отсутствие дефиниции «специальные знания», дающей теоретикам волю свободной ее трактовки. Занимался длительное время этим вопросом А.А. Эйсман, считавший, что под ними следует понимать знания не общеизвестные, на общедоступные, не имеющие массового распространения, а известные определенному кругу людей [11].

Заложенное определение долгие годы в советской криминалистике считалось исходным. Близкими считаем определение В.П. Трухина и А.Ю. Колюбы. Согласно их позиции, специальные знания — это знания и практический опыт в определенной сфере наук, искусства, техники, ремесла, полученные в результате специальной подготовки и необходимые для всестороннего и объективного установления всех обстоятельств, вхо-

дящих в предмет доказывания по уголовному делу [8; 5].

Преступная деятельность неразрывно связана с деятельностью по выявлению и раскрытию преступления, через то возникает необходимость включения в механизм расследования использования специальных знаний. Мы соглашались с мнением, что специальные знания — это система теоретических знаний и практических навыков в области конкретной науки либо техники, искусства и ремесла, что приобретенные путем специальной подготовки или профессионального опыта и используемых в процессуальных и не процессуальных формах.

Актуальным направлением развития уголовно-процессуального закона является совершенствование регулирования стадии возбуждения уголовного дела. Ведь на этой стадии следует проверить законность поводов к нарушению и обеспечить соблюдение прав и свобод участников процесса. Дискуссионным является вопрос допустимости назначения судебной экспертизы во время доследственной проверки. На практике нередки ситуации, требующие немедленного ее проведения (подделка документов, ювелирных изделий и изделий из драгоценных металлов). Яркое подтверждение приведенному следующее: количество экспертиз, назначенных на стадии возбуждения дела по признакам ст. 190 УК РФ [10], превышает суммарное их количество, назначавшихся на следующем этапе расследования мошенничеств (338 и 275 экспертизы соответственно). В указанных случаях целями проведения экспертизы должно быть установление оснований для возбуждения уголовного дела, если они не могут быть установлены из других источников [7].

Судебно-психологическая экспертиза является основной процессуальной формой использования специальных психологических познаний в уголовном процессе. Использование психологических познаний при расследовании мошенничеств не имеет широкого применения, однако они могут быть полезными для определения однозначной связи между психологическими характеристиками личности субъекта и совершенными им действиями. Традиционными уже стали такие виды судебно-психологических экспертиз, как:

- а) экспертиза индивидуально-психологических особенностей обвиняемого (подозреваемого);
- б) экспертиза аффекта, способности свидетеля или потерпевшего правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания и др.

По делам о мошенничестве, совершенном организованными группами, дополнительно могут быть назначены:

- ♦ судебно-психологическая экспертиза преступной группы, фонограмм и видеозаписей;
- ♦ психолого-лингвистическая экспертиза.

Судебно-психологическая экспертиза преступной группы назначается в тех случаях, когда члены группы дают противоречивые показания о том, кто является ее лидером (организатором).

Установление лидера организованной группы имеет определенное правовое значение, поскольку, во-первых, влечет за собой большую ответственность и, во-вторых, лидер организованной группы, как правило, является ее организатором, а это при условии получения соответствующих доказательств — влечет за собой ответственность, которая предусматривает более тяжкое наказание.

В документе, как распространенном объекте исследования по делам о мошенничествах, может содержаться не только информация об обстоятельствах преступления, но и сохраниться следы пальцев рук преступников. К сожалению, если провести анализ заключений экспертов и постановлений следователей о назначении дактилоскопических экспертиз, то можно убедиться, что в данных заключениях не будет выявлено последними вопросов о наличии таких следов перед экспертами. Но экспертная практика знает случаи успешного розыска преступника именно по следам пальцев рук на бумажных носителях (в эпоху цифровых технологий преступные лица все еще пользуются рисованными от руки схемами, списками, записями). Причина такого пробела в сборе следов заключается в субъективном факторе: нежелании выявлять такие следы или недооценке возможностей экспертов, незнании очередности изъятия таких следов наряду с необходимостью проведения почерковедческой и технико-криминалистической экспертиз.

К ряду наиболее сложных и трудоемких экспертиз относят физико-химические экспертизы. Предметом данного вида экспертиз является все материальное с места преступления — то есть проводится исследование свойств веществ, материалов и изделий с использованием физико-химических методов анализа.

Общепринятой чертой предмета криминалистической экспертизы является установление индивидуально-конкретного тождества объекта поиска. В отношении материалов, веществ и изделий как элементов материальной обстановки преступления также требуется установление такого тождества, что аналогично заданиям традиционных криминалистических экспертиз (судебно-почерковедческой, технико-криминалистической экспертизы документов, судебно-трасологической, судебно-портретной).

В делах о мошенничестве в сфере использования соевой связи данные методы используют при исследовании поддельных денег, документов, а также различных устройств, при помощи которых такие преступления совершаются (персональные компьютеры, ноутбуки, планшеты, смартфоны, телефоны).

Научную поддержку физико-химические исследования получили в 30-е годы прошлого века с появлением физических приборов в химических лабораториях, дало возможность регистрировать материальную информацию, недоступную человеческому восприятию, выявлять вещества минимальных концентраций [13].

В современных условиях мошенничество представляет собой вид хищения, который маскируется нередко под законную предпринимательскую деятельность, которая сопровождается составлением большого количества документов. Современные способы мошенничества предусматривают не только изготовление и использование поддельных документов, но и передачу их потерпевшему. А электронные формы банковских документов и чеков еще больше расширили поле для совершения преступлений в сфере сотовой/мобильной связи.

Стилистическая экспертиза по делам о мошенничествах в сфере сотовой/мобильной связи имеет определенную специфику. Мошенники копируют стандартные сообщения/уведомления мобильных операторов или банковских сервисов с целью корректирования таких уведомлений в собственных корыстных целях. Так, мошенники, которые осуществляют звонок жертве, представляются сотрудниками мобильного оператора, сотрудниками службы безопасности банка или представителями технической поддержки, затем просят раскрыть некоторые персональные данные, которые необходимы для получения доступа к средствам жертвы на банковской карте или мобильном счете, и мошенничество осуществляется. В более ранний период развития такого типа мошенничеств преступники использовали обычные номера мобильной связи, затем «научились» использовать функцию «Скрыть номер» (жертва не в состоянии определить код оператора и сам телефонный номер), в последнее время мошенники идентифицируют «левые» номера, которые для жертвы определяются как реальные службы поддержки клиентов банков или мобильных операторов (например, номер 900 — это служба технической поддержки и безопасности Сбербанка, и жертве уже не удастся избежать акта преступления, так как звонящий «сотрудник» не вызывает сомнений у абонента).

В стилистике уведомлений или сообщений нет количественных лимитов малых по объему записей. Основ-

ным критерием является неполное и специфическое на уровне единичных признаков проявление индивидуальности, устойчивости и вариационности самих текстов. То есть, предметом исследования эксперта может быть и небольшой рассылаемых уведомлений или несколько записей разговоров с «мнимыми сотрудниками банка» (отдельные слова или предложения, которые с небольшим, но все же отличием позволяют определить преступную схему).

Вопросы психофизиологического состояния лица, составлявшего такие уведомления ставятся редко. По изученным в публикациях материалам очевидно, что на момент назначения стилистической экспертизы следователь уже обладает детальным описанием признаков мошенника. К тому же, использование печатного способа составления текстов привело к выводу, что в 74% случаев объектами исследования выступили смс-уведомления с мобильных устройств (компьютеров, ноутбуков) мошенников. Экспертизы лишь только записей разговоров проводятся значительно реже (10% и 16% соответственно) [3].

По нашим исследованиям, почти каждый четвертый текст уведомления представляет собой простую конструкцию, состоящую из предложений простого построения, что дает эксперту минимальную информацию и усложняет процесс идентификации исполнителя. Именно это является причиной невозможности дать ответ в категорической форме или решить вопрос по существу. 5% следователей считают допустимым получение образцов путем проведения обысков и изъятия всех цифровых устройств.

При оценке заключения экспертизы обращается внимание на полноту проведенных исследований, достаточность установленных признаков для формулирования заключения, в том числе, установления особых признаков преступного лица и прочее. Как правило, вероятные выводы формулируются в случаях, когда качество исследуемых фотопортретов или сравнительных образцов недостаточно для их исследования в полном объеме.

Судебная экспертиза является наиболее квалифицированной, но не единственной формой использования специальных знаний в уголовном процессе, в том числе на начальном этапе расследования. Но вопросы использования других форм специальных знаний законом урегулированы не так в совершенстве. Таким образом, следует констатировать наличие серьезной проблемы использования специальных знаний, и, прежде всего, судебной экспертизы, решение которой относится как к сфере законодательного урегулирования, так и в практической деятельности правоохранительных органов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова И.А. Новое уголовное законодательство о мошенничестве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 21.
2. Архипова Н.А. К вопросу об использовании возможностей средств мобильной связи в раскрытии и расследовании преступлений: Сб. мат-лов криминалист. чтений. Барнаул: Барнаулский юрид. институт МВД России, 2014. № 10.
3. Багаудинов Ф., Журба С. Актуальные проблемы определения территориальной подследственности мошенничеств, совершаемых с использованием современных средств связи // Уголовное право. 2019. № 3. С. 96–100.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2022). ИСС «Консультант. Плюс». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570.
5. Колюба А.Ю. Использование специальных знаний при расследовании телефонных мошенничеств, совершаемых на территории исправительных учреждений // Вестник Самарского юридического института. 2014. С. 111–113.
6. Красикова А.А. Приобретение права на чужое имущество и хищение чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018.
7. Ненахова Е.Д. Судебная экспертиза в стадии возбуждения уголовного дела: Автореф. дис. ... канд.юрид.наук. Караганда: Карагандинский гос.ун-т им. Е.А. Букетова, 2007. 22 с.
8. Трухин В.П. Уголовно-правовая характеристика мошенничества в кредитно-банковской сфере: дис. ... канд. юрид. наук. — Иркутск, 2019. 178 с.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.12.2021). ИСС «Консультант. Плюс». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.01.2022, с изм. от 24.02.2022). ИСС «Консультант. Плюс». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699.
11. Эйсман А.А. Заключение эксперта: структура и научное обоснование. М.: Юридическая литература, 1967. 152 с.
12. Яджин Н.В. Психология мошенничеств, совершаемых с использованием средств сотовой связи // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. Т. 13. С. 4261–4265.
13. Kryshevych O., Andrushchenko I., Striltsiv O., Pyvovar Y., Rivchachenko O. Modern methods of computer-related fraud: legal characteristics and qualification. Cuestiones Políticas. Vol. 39. № 68 (Enero-Junio) 2021. P. 844—865.

© Барченкова Яна Владимировна (Jocular16@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗДЕЛА ОБЩИХ КРЕДИТНЫХ ДОЛГОВ СУПРУГОВ

PROBLEMATIC ASPECTS OF THE DIVISION OF COMMON CREDIT DEBTS OF SPOUSES

**A. Gudkov
V. Mishchenko
E. Kotlyarova**

Summary. In this article, the authors, analyzing the situation of settling property disputes over credit debts between spouses upon divorce, note some legal uncertainty in this area of legal relations. Based on the analysis of judicial practice, the authors note the ambiguity of the approaches of the courts in solving the problem under consideration, which leads to lengthy litigations, emphasize the need for further legislative settlement of this problem, without shifting the burden of credit debt to one of the former spouses.

Keywords: family, marriage, spouses, jointly acquired property, credit, credit debt, division of property.

Согласно действующему российскому законодательству, официальная регистрация брака производится в органах записи актов гражданского состояния. Иная форма регистрации отношений между лицами не признается законом, что, в свою очередь, лишает возможности «супругов» приобрести взаимные права и обязанности, в том числе на общее имущество и долги.

По официальным данным Федеральной государственной службы статистики РФ в 2021 году было зарегистрировано — 799 676 браков, в том же году расторгнуто — 537 880.

Расторжение брака по — разному воспринимается в недавнем прошлом близкими людьми, однако, как правило, перед супругами возникает вопрос о разделе имущества, которое они приобретали в период совместного проживания. Учитывая современные экономические реалии, когда такое имущество часто приобретается на кредитные средства, остается открытым вопрос о судьбе общих долгов.

В последнее время в России с целью легитимного регулирования имущественных отношений супругов все

Гудков Анатолий Иванович
К.ю.н., доцент, ВЮИ ФСИН России
gudkovaniv@yandex.ru

Мищенко Вячеслав Иванович
К.ф.н., доцент, ВЮИ ФСИН России
vyacheslav-mischenko@mail.ru

Котлярова Елена Исааковна
К.ф.н., старший преподаватель, ВЮИ ФСИН России
kotlyarova.advokat@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье авторы, анализируя ситуацию по урегулированию имущественных разногласий по поводу кредитных долгов между супругами при расторжении брака, отмечают некоторую правовую неопределенность в данной сфере правоотношений. На основе анализа судебной практики, авторы отмечают неоднозначность подходов судебных инстанций в решении рассматриваемой проблемы, что приводит к длительным судебным процессам, подчеркивают необходимость дальнейшего законодательного урегулирования данной проблемы, не перекладывая бремя кредитного долга на одного из бывших супругов.

Ключевые слова: семья, брак, супруги, совместно нажитое имущество, кредит, кредитный долг, раздел имущества.

большую популярность приобретает брачный договор. Рекордным по количеству заключенных подобных договоров между супругами стал 2020 год. Однако, несмотря на то, что в последнее время ежегодно заключается почти сто тысяч брачных договоров, споров по разделу имущества и долгов между супругами, по данным Федеральной нотариальной палаты, возникает немало.

Для урегулирования имущественных споров между участниками названных правоотношений необходимо, на наш взгляд, уделить внимание содержательной части категориального аппарата.

Долг — это часть общего имущества супругов. Необходимо определить содержание такой категории, как «имущество» именно в семейных правоотношениях (между супругами). В науке установлена доктринальная неопределенность и «многозначность».

Во-первых, под имуществом может пониматься совокупность вещей и иных материальных ценностей;

- ♦ во-вторых, имущество может рассматриваться более широко — как совокупность вещей и имущественных прав на получение вещей, имущественного удовлетворения от других лиц;

- ♦ в-третьих, в дополнение к вещам и имущественным правам в понятие «имущество» включаются имущественные обязанности (пассив) [6].

Согласно части 1 и части 2 Семейного кодекса РФ, общей совместной собственностью супругов, которое подлежит разделу, считается любое движимое и недвижимое имущество, нажитое ими в период брака [2]. А в соответствии с нормами Гражданского кодекса РФ, это имущество может являться объектом права собственности граждан, независимо от того, на чье имя из супругов оно было приобретено или оформлено [1].

Представляется, что ключевым моментом правовой конструкции совместной собственности супругов является понятие «нажитое» имущество. В классическом учении о праве собственности законодатель применяет иные термины: «приобретение», «возникновение». «Нажитое супругами имущество», таким образом, категория специальная, семейно-правовая.

Законодательные правила раздела общего имущества супругов установлены следующими нормами права: статьями 38, 39 Семейного кодекса РФ [2] и статьей 254 Гражданского кодекса РФ [3].

Согласно действующему законодательству, разделу подлежит общее имущество супругов, которое есть у них в наличии на дату рассмотрения дела о расторжении брака в суде. При этом при разделе совместного имущества супругов учитываются и общие долги. Согласно статье 38 Семейного кодекса РФ раздел долгов возможен как в период брака, так и после его расторжения.

Действующим российским законодательством установлено, что разделу подлежат не все долги супругов, а только — совместные. Однако, легальное определение «совместных долгов» отсутствует.

Основываясь на анализе правоприменительной практики, можно сделать вывод, что к ним относятся долговые обязательства, в которых, во-первых, оба супруга являются заемщиками по кредитному договору (либо заемщиками по договору займа). Во — вторых, это те долговые обязательства, которые сформировались с согласия обоих супругов, когда второй супруг согласился на заключения договора. И в-третьих, это обязательства, оформленные только одним из супругов, но денежные средства, в частности кредитные, были потрачены на общие нужды: покупка автомобиля, ремонт квартиры или приобретение дачи для семьи.

При невозможности достижения консенсуса в урегулировании имущественных разногласий, супруги вы-

нуждены обращаться за решением вопроса о распределении долга в суд. Как свидетельствует статистика,

в России наблюдается высокая закредитованность субъектов гражданского права. При этом каждая вторая семья имеет долговые обязательства перед банком. А, следовательно, проблемы с разделом общих долгов возникают регулярно.

Обращаясь в суд, истцу, выступающему заемщиком по договору, прежде всего, предстоит доказать природу возникновения общего долга, поскольку установлена презумпция, согласно которой долг супруга, оформленный на него, является его личным, пока не будет доказано обратное.

Итак, на истца возлагается процессуальная обязанность доказать, что долг возник по совместной инициативе супругов, и все полученные денежные средства были истрачены на нужды семьи. Безусловно, в таком случае суд может признать долг по кредитному договору общим долгом супругов.

Далее возникает вопрос о способе и порядке раздела такого долга между супругами (или бывшими супругами). Именно на данном этапе возникает множество споров и разногласий. Неоднозначность судебной практики, отсутствие единого подхода, приводят к длительным судебным процессам на различных этапах: от первой инстанции и до последующего обжалования в апелляционной и кассационной инстанциях.

Законодатель определяет возможность компенсации супругу, на которого кредитным договором возложено обязательство по уплате долга, путем увеличения его доли в общем имуществе супругов, то есть передачи в собственность части имущества сверх его законной доли.

В случае отсутствия у супругов совместного имущества, подлежит разрешению вопрос только о совместном долге.

На основе анализа судебной практики, мы пришли к выводу, что определенная часть судебных решений по вопросу раздела кредитных долгов сложилась таким образом, что супруг вправе обратиться в суд с исковым заявлением о разделе общих долгов к супругу (бывшему супругу) в случае, когда произведена полная выплата денежных средств по кредитному договору (Апелляционное определение Московского городского суда от 24.07.2018 по делу № 33–32564/2018).

Иной позиции по данному вопросу придерживается Верховный суд РФ, а именно в пункте 3 статьи 39 Се-

мейного кодекса РФ не содержится условий о том, что обращаться в суд с иском о разделе общих долгов супругов, представляется возможным только после их погашения в полном объеме, что указано в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 08.09.2015 № 5-КГ15-81. Следовательно, предъявить иск в суд о разделе общих долгов супруг (бывший супруг) вправе как до, так и после погашения кредитной задолженности, в том числе части долга.

Возможность супруга требовать компенсации определенной части денежных средств, выплаченных в счет погашения общего кредита, подтверждается также Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20.11.2018 № 18-КГ18-201 [3].

Отметим, что к требованиям о разделе общих кредитных долгов супругов, брак которых расторгнут, также применяется общий срок исковой давности — три года. Однако данный срок исковой давности необходимо исчислять со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права [4]. Применяя срок исковой давности, необходимо рассчитывать его отдельно для каждого платежа по кредитному договору.

Одной из проблемных аспектов раздела общего долга супругов является невозможность без согласия банка перевести часть общего кредита на другого супруга. Таким образом, в этом случае произвести в судебном порядке распределение обязательства по ежемесячным платежам между супругами не представляется возможным.

В Гражданском кодексе РФ (статья 450) сказано, что изменение или расторжение договора возможно лишь по соглашению сторон. В связи с этим распределение долговых обязательств между супругами «не должно изменять условия заключенного ранее кредитного договора без согласия на это кредитора и заключения соответствующего соглашения» [5].

Кроме того, согласно п. 2 ст. 391 ГК РФ перевод должником своего долга на другое лицо допускается с согласия кредитора и при отсутствии такого согласия является ничтожным.

Таким образом, истцу, обратившемуся в суд с иском о признании кредитного долга общим и отнесении части обязательства по погашению кредита (внесению ежемесячных платежей) на ответчика, необходимо представить в суд доказательства, подтверждающие согласие кредитора на изменение условий договора.

Раздел общего долга супругов путем включения в обязательство супруга (ответчика по делу) нарушает интересы банка и повлечет перемену лица в обязательстве, что, в свою очередь, противоречит требованию закона (Кассационное определение Московского городского суда от 08.08.2018 N4г-10236/2018 об отказе в передаче кассационной жалобы на судебные акты для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции).

В случае установления судом фактического отсутствия согласия кредитора на перевод части долга, а также наличие возражения относительно раздела долга, суд может принять решение в пользу ответчика (Апелляционное определение Московского городского суда от 14.12.2018 по делу № 33-52020/2018).

Таким образом, если бывший супруг не выплачивает свою часть кредита, установленную после развода, то второй супруг обязан его оплатить. Вместе с тем он получает право взыскать половину платежей с недобросовестного плательщика.

Супруг, который является заемщиком по договору, оказывается в крайне невыгодном положении, так как должен ежемесячно вносить платежи самостоятельно, до полного или частичного погашения долга по кредиту. Несмотря на то, что у него остается право на судебное взыскание выплаченной им части с супруга (бывшего супруга), возникает проблема с дальнейшим исполнением решения суда, например, невозможность взыскания по исполнительному производству, ввиду отсутствия у должника дохода или имущества.

Таким образом, можно выделить основные проблемы, возникающие при решении споров о разделе общих долгов супругов:

- ◆ сложности в доказывании природы возникновения общего долга, которая возлагается на истца;
- ◆ невозможность взыскания долга до момента частичного или полного погашения долга по кредитному договору
- ◆ невозможность перевода долга на второго супруга с разделом ежемесячных платежей, уплачиваемых в пользу банка.

В заключение отметим, что вопросы раздела общих кредитных долгов супругов являются реальной проблемой гражданских правоотношений на современном этапе развития российского общества, и, на наш взгляд, нуждаются в дальнейшем правовом регулировании, с тем чтобы на законодательном уровне решить вопрос о разделе общего кредитного долга супругов с возможностью раздела ежемесячных платежей до их полного погашения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №1-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // СЗ РФ. 1994. №32. Ст. 3301.
2. Семейный кодекс РФ // СПС Консультант Плюс. Дата обращения 17.03.2022 года.
3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20.11.2018 № 18-КГ18–201. // СПС Консультант Плюс. Дата обращения 17.03. 2022 года.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 № 15 (ред. от 06.02.2007) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» // СПС Консультант Плюс. Дата обращения 17.03. 2022 года.
5. Определение Судебной Коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20 ноября 2018 г. № 18-КГ18–201. // СПС Консультант Плюс. Дата обращения 18.03. 2022 года.
6. Суханов Е.А. Глава 11. Объекты гражданских правоотношений // Гражданское право: В 4 т. Т. 1. М., 2008. С. 399.

© Гудков Анатолий Иванович (gudkovaniv@yandex.ru),

Мищенко Вячеслав Иванович (vyacheslav-mischenko@mail.ru), Котлярова Елена Исааковна (kotlyarova.advokat@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЮИ ФСИН России

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ ПРИ РАСКРЫТИИ ИНФОРМАЦИИ

ABUSE OF THE RIGHT TO DISCLOSE INFORMATION

I. Dvoichenkova

Summary. The article examines the content and signs of the civil law structure of abuse of law in the disclosure of corporate information. The main interpretations in understanding the phenomenon of abuse of law in relation to corporate activities are highlighted. The conclusion is made about the limited nature of the legal definition of “abuse of right”, the absence of a statutory obligation of a shareholder to prevent the misuse of disclosed corporate information. Amendments to the current civil legislation aimed at increasing the legal protection of the interests of corporations are proposed.

Keywords: economic activity, joint stock company, abuse, information.

Двойченкова Инна Викторовна

Соискатель, Санкт-Петербургский
государственный экономический университет,
г. Санкт-Петербург
inna.dvoichenkova@mail.ru

Аннотация. В рамках статьи рассмотрено содержание и признаки гражданско-правовой конструкции злоупотребления правом при раскрытии корпоративной информации. Выделены основные трактовки в понимании феномена злоупотребления правом применительно к корпоративной деятельности. Сделан вывод об ограниченном характере легальной дефиниции «злоупотребление правом», отсутствии нормативно закрепленной обязанности акционера по недопущению неправомерного использования раскрытой корпоративной информации. Предложены изменения в действующее гражданское законодательство, направленные на повышение правовой защищенности интересов корпораций.

Ключевые слова: хозяйственная деятельность, акционерное общество, злоупотребление, информация.

Широкое развитие корпоративных отношений, как и расширение предпринимательских связей с иностранными корпорациями способствует углубленному изучению правовой природы корпорации, и корпоративных отношений (между ее субъектами), особенно в контексте недопущения злоупотребления правом. Изучение возможных форм, выделение типичных признаков злоупотребления правом в корпоративных отношениях, является важным элементом на пути дальнейшего совершенствования гражданского законодательства Российской Федерации. Злоупотребление корпоративными правами негативно влияет на развитие предпринимательских отношений в целом, так и хозяйственной деятельности коммерческих корпораций в частности.

Несмотря на наличие опубликованных научных работ в сфере злоупотребления корпоративными правами, на сегодняшний день остаются дискуссионными определение понятия и правовой природы, а также форм, видов и правовых последствий злоупотребления корпоративными правами. При этом основное внимание акцентируется на злоупотреблении юридическими (положительными) правами, то есть на таком осуществлении

определенных юридических (установленных государством) норм, которое сопровождается осознанным причинением вреда другим общественным отношениям. Однако, оценка последствий в виде причинения вреда, применение судебных арбитражных процессуальных мер в отношении лиц, которые злоупотребляют правами, вызывает определенную сложность. С каждым днем возникает все больше новых корпоративных конфликтов, для урегулирования которых необходим эффективный механизм правовой защиты.

Открытость информации о современных корпоративных организациях укладывается в общий тренд построения открытого информационного общества и прозрачности экономических связей. Базовые положения корпоративного права позволяют рассматривать возможность доступа участников корпоративных отношений к информации о деятельности корпорации не только как внешнее выражение соответствующего субъективного права, но и как самостоятельный правовой принцип.

Становление понятия «злоупотребление правом» в гражданском праве обусловлено эволюцией взглядов

на осуществление права: от принципа неограниченно-го осуществления права к принципу недопустимости причинения вреда другим лицам при осуществлении своих субъективных прав. Феномен злоупотребления правом возникает тогда, когда основные принципы естественного права, которые определяют настоящие пределы свободы поведения лица, слишком абстрактно или неадекватно закрепляются в нормах позитивного права. То есть возможность совершения злоупотребления правом чаще всего является следствием несовершенства норм позитивного права. Заметим, что основополагающие права человека, обычно получая свое нормативное обеспечение в международно-правовых актах по правам человека и дальнейшую конкретизацию в национальном законодательстве, тоже могут быть «инструментом» злоупотреблений.

Исходя из формулировки положения части 1 статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [1] следует сделать вывод, что правовая конструкция злоупотребления правом включает в себя действия правомочного субъекта по причинению вреда другому лицу, а также противоправные действия в обход закона, использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, злоупотребление доминирующим положением на рынке, заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав.

Общий характер представленной в тексте гражданского законодательства дефиниции рассматриваемой категории подчеркивается также и тем обстоятельством, что в ней не раскрывается сам субъект злоупотребления правом. Нет конкретного перечня прав, осуществляемых неправомерным образом (ч. 1. ст. 10 ГК РФ). Помимо вышеуказанного положения статья 10 ГК РФ включает в себя открытый перечень форм злоупотребления правом, что также является проблемой для квалификации действий субъекта в качестве злоупотребления правом. Представляется, что важным дополнением к существующему определению является указание на то, что лицо, действующее в нарушении части 1 статьи 10 ГК РФ должно нормативно иметь возможность осуществлять такие права, а, как следствие, быть управомоченным на осуществление таких действий.

Так, ряд ученых полагает, что злоупотребление правом выходит за границы осуществления субъективного права, а, следовательно, лицо, действующее вне таких рамок, не злоупотребляет своим субъективным правом, поскольку такого права у него и нет, а действуют противоправно, что фактически подразумевает совершение таким лицом правонарушения [8, с. 224]. Из этого можно вывести основные признаки злоупотребления правом: реализация права управомоченным лицом; на-

рушение пределов осуществления гражданских прав, нарушение прав других лиц; причинение вреда другим лицам или наличие условий, создающих условия наступления вреда.

Субъектом злоупотребления правом выступает управомоченное лицо, которому законодательно дана возможность реализовать свое право. Данный признак представляется определяющим, поскольку именно наличие у лица права позволяет установить границы его осуществления.

Содержание злоупотребления правом сводится к тому, что управомоченное лицо, реализующее свое право, использует недозволенные статья 10 ГК РФ формы и, как следствие, действует в нарушении принципа добросовестности и запрета на извлечение преимущества из своего недобросовестного поведения (часть 4 статьи 1 ГК РФ). Важной проблемой в квалификации действий или бездействия лица как злоупотребления правом является отсутствие закрепления в нормативных правовых актах критерия правомерности поведения субъектов. На данный момент это напрямую зависит от наличия законодательного запрета на те или иные действия, исходя из принципа добросовестности. Подобная ситуация порождает неопределенное и субъективное толкование принципа добросовестности. Вместе с тем, не представляется возможным вывести универсальную формулу определения добросовестного поведения ввиду множества факторов, влияющих на него и вариативности норм права, позволяющих или обязывающих лицо совершить то или иное действие (императивные и диспозитивные нормы). Однако усматривается единый признак, определяющий действие лица злоупотреблением правом — выход за рамки дозволенного поведения и, как следствие, затрагивание прав и законных интересов других лиц.

Вместе с тем, необходимо отметить, что сама реализация права в недозволенной форме может выражаться как в действии, так и бездействии. Бездействие в таком случае может быть выражено в формальном игнорировании установленных запретов в законе — достаточно доказать, что эти действия противоречат общим принципам гражданского права и (или) принципам гражданско-процессуального и (или) арбитражно-процессуального права, вместе с тем, достаточным будет указание на нарушения, в действиях лица, принципов отдельных отраслей права или сфер, в которых возникают правоотношения.

Гражданское законодательство прямо выделяет формы злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ), однако выделение указанных форм не дает представления о классификации злоупотребления правом, поскольку

в данном случае отсутствует единый критерий классификации. Так, законодатель выделил цели неправомерного осуществления правом, оставив, вместе с тем, такую форму как «иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав», которое по своей формулировке не содержит указание о намерении субъекта злоупотребления правом.

Правоведы, подразделяя злоупотребление правом на виды, стараясь придать универсальность классификациям также не пришли к единому выводу [4, с. 323]. Вместе с тем, в рамках рассмотрения злоупотребления правом в корпоративных правоотношениях преимущественно в качестве критерия классификации выделяют субъекта злоупотребления и организационно — правовую форму корпорации. Субъекты пассивно или активно злоупотребляют правами в организациях, которые представляют собой акционерные общества и общества с ограниченной ответственностью.

Выделяются миноритарные акционеры без уточнения цели их злоупотребления правом и акционеры, деяния которых заключены в рамки борьбы за контроль корпорацией. Определение в качестве субъекта злоупотребления правом при раскрытии корпоративной информации миноритария обусловлено его интересом в корпорации. Однако следует заметить, что однозначно определять для миноритария исключительно данную цель некорректно, исходя из личных качеств и отличных от указанных интересов, вместе с тем экономически обоснованным представляется именно такой вектор распоряжения акциями. Действия мажоритариев в корпорации хоть и направлены на извлечение прибыли, но имеют отличный от действий миноритариев характер — стратегическую направленность, которая может быть выражена в стремлении извлечь большую прибыль для корпорации, а также в решении возникающих проблем в процессе достижения указанной цели [6, с. 26].

Простые формы злоупотребления правом характеризуются большим разнообразием. Со стороны участников общества наиболее распространенными являются злоупотребление правом на получение дивидендов, право на управление обществом, правом на информацию, правом на выход из общества и тому подобное. Целью простых форм злоупотребления правом в корпоративных отношениях является достижение отдельных задач локального характера или осуществления подготовки до дальнейшего перехода к сложным формам.

Таким образом, злоупотребления правом при раскрытии корпоративной информации — это недобросовестное использование своего субъективного корпоративного права на получение информации о де-

ятельности корпорации субъектом корпоративных правоотношений, что как следствие наносит вред или создает реальную угрозу причинения вреда правам и интересам хозяйственного общества. Одним из ключевых признаков злоупотребления корпоративными правами при раскрытии информации является то, что злоупотребление корпоративными правами может быть осуществлено лишь лицом, которое владеет субъективным корпоративным правом на получение информации [5, с. 15].

Наиболее распространенным примером злоупотребления корпоративными правами, осуществление которых связано с контролем за деятельностью хозяйственного общества, является злоупотребление акционером правом на получение информации о хозяйственной деятельности акционерного общества. Получение информации лицом, которая не имела соответствующих полномочий на получение таких сведений, или неправомерное получение информации лицом, в запрещенный законодательством способ или же нарушением сроков уведомления всех участников о покупке акций.

С принятием Федеральным законом от 26.12.1995 N208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее — ФЗ № 208) [2] правовое регулирование права акционера на получение информации приобрело большей детализации, что положительно сказалось на реализации этого права акционерами. ФЗ № 208 определяет документы, в которых акционерное общество обеспечивает доступ каждому акционеру, сроки и порядок предоставления акционерным обществом информации. Перечень документов, закрепленный в ФЗ № 208, не является исчерпывающим. Кроме определенных документов, таких как устав общества, изменения к уставу, учредительный договор, в перечень входят и прямо не определены документы, например, документы, предусмотренные законодательством, уставом общества, его внутренними положениями, решениями общего собрания, наблюдательного совета, исполнительного органа. Кроме того, в соответствии с ФЗ № 208 акционеры могут получать дополнительную информацию о деятельности общества при согласии исполнительного органа общества или в случаях и порядке, предусмотренных уставом или решением общего собрания.

Установленный порядок предоставления акционерным обществом информации в первую очередь защищает права акционеров, однако имеет и обратную сторону. Право каждого акционера на доступ к неисчерпаемому перечню документов о хозяйственной деятельности акционерного общества и право получать дополнительную информацию, закрепленное в ФЗ № 208, скрывает в себе риск злоупотребления указанными правами со стороны недобросовестного акционера.

Недобросовестный акционер, опираясь на принадлежащее ему право на получение информации, может осуществлять свое право таким образом, что в результате его действий причиняется вред или создается реальная угроза причинения вреда правам и интересам акционерного общества. К таким действиям можно отнести многочисленные требования о предоставлении документов в отношении хозяйственной деятельности акционерного общества, требования о предоставлении дополнительной информации о деятельности общества. Подобное осуществление акционером права на получение информации существенно усложняет, а иногда делает невозможной хозяйственную деятельность акционерного общества. При этом указанные действия акционера должны формально иметь законный характер, поскольку акционер всего лишь осуществляет и защищает свое корпоративное право, предоставленное ему законом [7, с. 46].

При злоупотреблении правом у акционера действительно отсутствует правомерный интерес в получении информации. Сущность правомерного интереса акционера при реализации права контроля в форме запроса информации определяется наличием у него хозяйственного интереса.

От злоупотребления корпоративными правами необходимо отличать иные действия участников (акционеров) хозяйственного общества, в частности, нельзя считать злоупотреблением корпоративными правами голосования акционером «за» или «против» определенного вопроса повестки дня общего собрания акционерного общества и непринятия решения общим собранием общества о выплате дивидендов.

Важным замечанием является факт того, что лицо, действующее недобросовестно, действует так, заведомо зная об этом. Такая законодательная формулировка позволяет не привлекать к ответственности лицо, которое не знало и не могло знать о том, что действовало недобросовестно. До 2017 года в качестве одного из самых распространенных инструментов указывалось требование миноритарного акционера о предоставлении ему неограниченной информации, в частности, документов, указанных для обязательного предоставления по требованию в части 1 статьи 91 ФЗ № 208. Однако законодатель 29 июля 2017 обязал акционеров, владеющих «менее чем 25 процентами голосующих акций общества», указывать деловую цель, запрашиваемых документов (часть 4 статьи 91 ФЗ № 208). Таким образом, после внесения данных изменений такие действия миноритария не могут быть квалифицированы как корпоративный шантаж, поскольку общество вправе отказать в доступе к документам и информации при наличии условия, указанного в части 8 статьи 91 ФЗ № 208.

Следует отметить, что законодательное определение злоупотребления правом носит общий характер и не включает в себя необходимые признаки. В связи с чем, для защиты интересов корпорации при раскрытии информации, представляется целесообразным внести изменение в часть 4 статьи 65.2 ГК РФ, дополнив подпункт 4 абзацем следующего содержания: «не разглашать конфиденциальную информацию о деятельности корпорации».

Необходимо отметить, что понятийный аппарат всех элементов института злоупотребления правом независим от конкретного вида правоотношений. Однако в зависимости от вида злоупотребления правом в корпоративных правоотношениях законодатель должен вырабатывать превентивные меры по их минимизации. Действия лица следует квалифицировать как злоупотребление правом только в том случае, если возможность реализации такого права у него есть, т.е. субъектом злоупотребления всегда выступает управомоченное лицо. При этом нормы корпоративного законодательства, включая и Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [3], не содержат запрета на осуществление корпоративных прав с намерением причинить вред корпорации.

Представляется необходимым внести изменение в часть 2 статьи 9 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» дополнив ее последним абзацем следующего содержания:

«Не допускается осуществление корпоративных прав с намерением причинить вред корпорации, учредителю, участнику корпорации, единоличному исполнительному органу, членам коллегиальных органов корпорации или совершить действия в обход закона правовыми средствами с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление корпоративных прав (злоупотребление правом)».

Представляется, что дальнейшее развитие теории злоупотребления правом в корпоративных правоотношениях во многом зависит от законодательного закрепления принципов, основных признаков и форм злоупотребления правом. Кроме того, необходимо закрепление перечня субъектов корпоративных правоотношений в нормативных правовых актах, регулирующих деятельность коммерческих корпораций. Детализация структуры правовой формы злоупотребления правом, в том числе, зависит и от развития теории добросовестности и разумности участников корпоративных правоотношений и их надлежащей правовой реализации в т.ч. в арбитражном судопроизводстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 21.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 26.12.1995 N208-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об акционерных обществах» // Российская газета. N248. 29.12.95.
3. Федеральный закон от 08.02.1998 N14-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. N7. 16.02.98. Ст. 785.
4. Ахмеджанова С.Р. Гражданско-правовые последствия злоупотребления правом // Академическая публицистика. 2020. № 5. С. 322–325.
5. Лянгузова Е.М. Корпоративные злоупотребления правом: судебный-правовой аспект // Конкурентное право. 2020. № 1. С. 14–17.
6. Лянгузова Е.М. Причинные и иные детерминирующие связи в корпоративных отношениях на примере злоупотребления правом // Конкурентное право. 2021. № 1. С. 25–28.
7. Лянгузова Е.М. Экономические аспекты корпоративных злоупотреблений правом // Юрист. 2020. № 7. С. 44–49.
8. Назаренко В.А. Некоторые вопросы, возникающие при применении мер ответственности за злоупотребление правом // Государственная служба и кадры. 2021. № 2. С. 224–225.

© Двойченкова Инна Викторовна (inna.dvoichenkova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

CURRENT ISSUES OF FORENSIC AND EXPERT ACTIVITIES OF ECONOMIC ORIENTATION

**E. Yeltsova
I. Verchagina
I. Kolechkina**

Summary. This article emphasizes the role of forensic accounting expertise as the most important component of economic expertise in the investigation of economic offenses and crimes; the need to distinguish forensic expertise as a form of using special knowledge from other forms of activity; emphasis is placed on the increasing role of electronic media as objects of research during the examination; the need to create and verify new algorithms of expert activity.

Keywords: forensic accounting expertise, methods of documentary verification, quality of documents, formalization of methods and tools of forensic accounting expertise.

Ельцова Елена Валерьевна

К.т.н., Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева филиал в г. Белово
eltsova_ev@mail.ru

Верчагина Ирина Юрьевна

К.и.н., Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева филиал в г. Белово
vij.77@mail.ru

Колечкина Ирина Павловна

К.э.н., Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева филиал в г. Белово
40882kip@mail.ru

Аннотация. В данной статье подчеркивается роль судебно-бухгалтерской экспертизы как важнейшей составляющей экономических экспертиз при расследовании экономических правонарушений и преступлений; необходимость отличия судебной экспертизы как формы использования специальных знаний от других форм деятельности; делается акцент на возрастающей роли электронных носителей информации в качестве объектов исследования при проведении экспертизы; на необходимость создания и верификации новых алгоритмов экспертной деятельности.

Ключевые слова: судебно-бухгалтерская экспертиза, методы документальной проверки, доброкачественность документов, формализация методов и инструментов судебно-бухгалтерской экспертизы.

Несмотря на то, что историческая динамика развития нашей страны имеет существенные особенности, вместе с тем в России в той или иной степени находят свое отражение глобальные социально-экономические тенденции. Одним из трендов последнего десятилетия является поступательный рост преступлений экономической направленности. Так, по данным МВД с января по июль 2020 г. зафиксировано 71384 преступления в экономической сфере, за тот же период 2021 г. — 78290 преступлений. За первое полугодие 2021 г. ущерб от преступлений экономической направленности составил 142 млрд. рублей [1]. Наряду с этим, еще одной очевидной тенденцией в правоохранительной сфере является рост нагрузки на судебское сообщество [2]. Если, например, в 2018 г. судами было рассмотрено 31477 тысяч дел, то в 2020 г. — уже 38478 тысяч дел. Рост судебной нагрузки в судах общей юрисдикции идет как количественно, так и качественно. Под качественной нагрузкой мы понимаем возрастающую сложность преступлений именно экономической направленности, для расследования которых требуются сложные специализированные знания, в том

числе в сфере бухгалтерского учета. Ситуация также усугубляется транзитным состоянием российской системы учета и финансовой (бухгалтерской) отчетности, которая находится в очередной стадии перехода на международные стандарты финансовой отчетности.

Таким образом, на фоне роста судебного правоприменения с одной стороны и усложнения экономических споров и преступлений с другой стороны, возникает зазор, который, мы полагаем, в основном может быть покрыт только судебно-экспертной деятельностью в целом и судебно-бухгалтерской экспертизой в частности.

В России бухгалтерская экспертиза как процессуальный инструмент начинает формироваться и применяться с конца XIX века. Согласно статьям 325–326 Устава уголовного судопроизводства России 1864 г. вводится понятие «сведущего человека» [3]. Сведущие люди приглашаются в тех случаях, когда «для точного уразумения встречающегося в деле обстоятельства необходимы специальные сведения или опытность

в науке, искусстве, ремесле, промысле или каком-либо занятии. В качестве сведущих людей могут быть приглашаемы: врачи, фармацевты, профессора, учителя, техники, художники, ремесленники, казначеи и лица, продолжительными занятиями по какой-либо службе или части приобретшие особенную опытность» [3]. Практика проведения судебной бухгалтерской экспертизы была институализирована в советский период созданием в 1925 г. Института государственных бухгалтеров-экспертов, преобразованного в 1936 г. в Центральное бюро судебно-бухгалтерской экспертизы при Прокуратуре СССР [4]. Вплоть до 1991 г. данный институт претерпевает свои дальнейшие изменения, однако общим трендом бухгалтерской экспертизы в СССР был ее криминалистический уклон, ориентация, преимущественно, на участие в уголовном судопроизводстве, что было связано с особенностями хозяйственно-экономических отношений в СССР. Крайне ограниченный характер частной и иных форм собственности в СССР при абсолютном доминировании государственной собственности приводил к неизбежной криминализации экономической инициативы. В 1990–2000-е гг. сформировались новые, рыночные социально-экономические реалии, нашедшие отражение в правовом пространстве. Таким образом, современная российская ситуация показывает, что комбинация таких факторов как рост экономической преступности, усложнение деятельности, связанной с экономическими спорами, а также рост нагрузки на судебский корпус неизбежно приводит к расширению практики судебной экономической экспертизы, в том числе судебной бухгалтерской экспертизы.

В условиях современной России базовые положения о судебной экспертизе (включая бухгалтерскую) закреплены в УПК РФ, ГПК РФ, АПК РФ, КоАП РФ и Федеральным законом от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [5].

В ходе следственных мероприятий или же уже в процессе рассмотрения дел в связи с совершенными экономическими преступлениями, будь то арбитражные, гражданские или уголовные дела, а также при расследовании краж имущества, хищений материальных ценностей, растрат денежных средств и других подобных деяний, практически всегда возникает необходимость проведения экспертизы бухгалтерской финансовой отчетности и первичных учетных документов. Хозяйственные факты, хронологически или систематически отражающиеся в финансовой или управленческой документации, позволяют использовать их для выявления признаков преступления. Полномасштабное изучение представленной в отчетности экономической информации помогает повысить эффективность контрольно-ре-

визионной деятельности, в том числе по выполнению судебно-экономических экспертиз. На основании ст. 9 Закона № 73-ФЗ под судебной экспертизой понимается «процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, требующим при их разрешении специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла» [5]. Судебную экспертизу как основную форму использования специальных знаний необходимо отличать от других форм деятельности, а именно использование специальных знаний самим дознавателем или помощь специалиста (ст. 58 УПК РФ).

В соответствии с действующим законодательством в качестве аргументированного подтверждающего документа, имеющего юридическую силу, не принимается заключение аудитора, так как аудитор не является участником процессуальных правоотношений, и может быть принято только заключение эксперта. Эти нормы закреплены в УПК, ГПК и АПК соответствующими статьями. Экспертная работа призвана содействовать, в первую очередь, судьям, прокурорам и следователям при формировании доказательной базы и установлении фактов по конкретному уголовному, арбитражному или гражданскому делу разрешением специфических вопросов, ответы на которые могут быть получены только от узких специалистов в той или иной области знаний.

Помимо законодательного уровня, регулирование судебной экспертизы осуществляется на основании подзаконных актов и постановлений судов. Так, Приказом Минюста России от 27.12.2012 № 237 [5] утвержден Перечень видов судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечень экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России. Из общего понятия судебно-экономических экспертиз отдельно выделены бухгалтерская экспертиза как инструмент для установления намеренного искажения данных в первичных учетных документах и бухгалтерской (финансовой) отчетности; финансово-экономическая экспертиза для анализа финансового состояния и финансовой устойчивости экономического агента. Помимо такого классифицирования судебных экспертиз в законодательстве прописаны варианты их осуществления зависимости от места проведения, а именно по месту нахождения экспертного учреждения, или аттестованным специалистом за его пределами.

К действующим постановлениям судов, касающихся вопросов проведения судебной экспертизы, относятся Постановление Пленума Верховного Суда

РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам и Постановление Пленума ВАС РФ от 4 апреля 2014 г. № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе». Стоит отметить тот факт, что предыдущее постановление Верховного Суда, дающее разъяснения по вопросам судебной экспертизы (ныне не действующее) в сфере уголовного судопроизводства относится к 1971 г., тогда так разъяснения Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ обновляются более оперативно.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 даются общие разъяснения, касающиеся различных видов судебной экспертизы, тогда как Постановление Пленума ВАС РФ хотя и не указывает напрямую в качестве своего объекта именно экономическую судебную экспертизу (финансово-экономическую и бухгалтерскую), но, по сути, подразумевает преимущественно эти виды судебной экспертизы. Это объясняется самой сутью арбитражного судопроизводства, ориентированного на правосудие в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Судебная экспертная деятельность экономической направленности, эволюционируя, на текущий момент представляет собой триединство финансово-экономической, финансово-кредитной и бухгалтерской экспертизы. В составе судебной бухгалтерской экспертизы, в свою очередь, можно выделить отдельные специфические направления исследований, в соответствии с существующими видами бухгалтерской (финансовой) отчетности: экспертиза учетных данных коммерческих предприятий и организаций, экспертиза финансово-кредитных учреждений, экспертиза данных бюджетного учета, и экспертиза учетных данных страховщиков [6].

Бухгалтерская экспертиза тесно взаимосвязана с другими экономическими экспертизами [7]. В судебном заседании периодически возникает потребность в обосновании расчетов и перечислений в бюджеты разного уровня, законности и рациональности целевого финансирования, соблюдения условий кредитования и правомерность санкционных действий в отношении организаций, а это возможно в рамках финансово-кредитной экспертизы. В гражданском и арбитражном процессах могут возникать вопросы «упущенной выгоды», определения суммы убытков из-за нарушения договоров поставки и другие финансовые последствия, что требует уже компетентного мнения специалиста по финансово-экономической экспертной деятельности.

Если рассматривать работу бухгалтера-эксперта, то, с одной стороны, в своей деятельности он изучает фак-

ты, которые непосредственно связаны с хозяйственной деятельностью экономического субъекта и отражены в регистрах бухгалтерского финансового или управленческого учета, с другой стороны, круг изучаемых им вопросов обозначен следователем, судом в пределах профессиональных компетенций. В соответствии со спецификой судебно-бухгалтерской экспертизы ее объекты для исследования классифицируются на общие и специальные [8]. В число общих объектов входят первичные и сводные бухгалтерские документы, инвентаризационные описи и сличительные ведомости, бухгалтерские записи, регистры синтетического и аналитического учета, различные справки бухгалтерского оформления, данные оперативного и управленческого учета. К специальным объектам можно отнести акты документальных ревизионных проверок, заключения экспертов из смежных областей, заключения специалистов в узких областях знаний, протоколы изъятия разного рода документации, протоколы выемок, очных ставок, допросов и т.п. [8].

Работа бухгалтера-эксперта не может состоять только из исследований общих объектов или только специальных. Требуется комбинирование изучаемых объектов в той мере, в которой определено достижение поставленных перед экспертом задач. Анализ документов, относящихся к специальным объектам, позволяет специалисту подтвердить выводы, сделанные при исследовании фактов из первичных учетных документов, регистров бухгалтерского учета, которые относятся к общим объектам, а протоколы обысков и выемок, например, помогут быстрее и эффективнее вникнуть в суть дела. При этом в ходе проведения оценки данные протоколов экспертом не дублируются, но из них отбираются только та информация, которая непосредственно относится к предмету экспертного исследования.

Противоправные действия в финансово-экономической сфере хозяйствующего субъекта с использованием знаний и навыков учетного процесса, как правило, труднодоказуемы, так как осуществляются людьми, разбирающимися в бухгалтерском учете, налогах и налогообложении, экономике и праве [7]. Но надо отметить, что некоторые злоупотребления, независимо, где и когда они имели место быть, одинаково отражаются в бухгалтерском учете. Например, незаконное присвоение наличности, либо товарно-материальных ценностей, проявляется в учете как явная или скрытая недостача денежных средств или имущества. Перевод денежных средств с расчетных счетов в «теневой» сфере выявляется как трансферт подставным контрагентам под видом оплаты выполненных работ или погашения задолженности перед кредиторами. А такое явление, как присвоение денежных и материальных

средств при покупке и продаже материалов проявляется в виде незаконного получения оплаченных через банк ТМЦ, присвоения поступившей на расчетный счет выручки от продажи через частичное отражение в учете сумм, поступивших с расчетного счета, а также сокрытия выручки, поступившей наличными деньгами, путем фиктивного отнесения на расчетный счет [9]. При экспертной проверке хозяйствующих субъектов, занимающихся непосредственно производством продукции, зачастую злоупотребления и хищения вскрываются при сличении оприходованной на склад готовой продукции и вышедшей из производства, либо занижение ее стоимостной оценки. Требуется специальных методов экспертизы работа в отраслях, где нет точной оценки количества исходного сырья. Это касается, например, горнодобывающей промышленности, сельского хозяйства. Здесь, в отличие от обрабатывающей промышленности, где можно проследить всю цепочку: сырье- производство-продажа, исходные материалы определяются природными факторами и не имеют точного количественного учета. Отсюда вытекают возможности нарушений и злоупотреблений. Кроме того, получили широкое развитие сферы деятельности, находящиеся полностью в виртуальной сфере, не имеющие материальных предметов деятельности. Территориально хозяйствующие субъекты в таких сферах деятельности могут находиться в любой точке. Все это также требует новых подходов в бухгалтерской экспертной сфере.

При исследовании бухгалтерских документов эксперт применяет приемы и методы общей и частной методик [8]. Общие приемы уместны при исследовании материалов независимо от характера дела, отрасли экономики, в которой функционирует субъект, особенностей и размеров документооборота в организации. Отметим, что при производстве судебно-бухгалтерской экспертизы по подобным экономическим делам используются общие приемы, такие как моделирование, экономический и функционально-стоимостной анализы, статистические расчеты и т.п. Применение общих приемов исследования данных бухгалтерского учета экспертом-бухгалтером базируется на детальной проверке документов. Собственно, в этой части работа бухгалтера-эксперта мало чем отличается от работы ревизора или аудитора, которые используют формальную, арифметическую и нормативную проверку документов; сопоставление документов; встречную проверку; контрольное сличение; моделирование; восстановление количественно-суммового учета и др.

Критериями доброкачественности или недоброкачественности бухгалтерских документов для судебных бухгалтеров-экспертов являются те же, что и для бухгалтера любой организации в его повседневной работе.

По формальному признаку любой доброкачественный документ должен оформляться либо с использованием типовых унифицированных отраслевых форм, либо по форме, установленной самой организацией и закрепленной ею в учетной политике, с заполнением всех обязательных и дополнительных реквизитов. Документально зафиксированная совершенная хозяйственная операция должна соответствовать уставной деятельности организации и санкционирована уполномоченными должностными лицами. Отсюда все недоброкачественные документы классифицируются на недоброкачественные по форме и по существу.

Хотим подчеркнуть, что огромное значение представляет качество документальной ревизии, проведенной в рамках дела. Чтобы акт ревизии, с отраженными в нем характером нарушения, размерами ущерба, виновными лицами, были рассмотрены судом в качестве доказательств, ревизионная проверка должна проводиться аттестованными специалистами при соблюдении требований законодательства. Но перечень органов или лиц, которые могут быть привлечены к проведению ревизий следственными органами не определен на законодательном уровне [9]. Также не определен обязательный перечень универсальных методик ревизионных проверок. Ревизоры действуют, руководствуясь собственным опытом и профессиональным суждением. В таких случаях эти вопросы могут быть разрешены экспертом-бухгалтером. Он также определяет наличие или отсутствие финансовых злоупотреблений, вскрытых ревизором и отраженных в акте ревизии, уместность и целесообразность применения задействованных методик. В процессе исследования материалов дела он также может выявить условия, способствовавшие совершению злоупотреблений, к которым могут быть отнесены и несвоевременное проведение документальных ревизий, либо их недоброкачественность, либо в целом неудовлетворительная система экономической безопасности организации. Также как и аудитор, эксперт-бухгалтер в пределах своей компетенции, должен разработать меры, направленные на устранение причин, создавших почву для злоупотреблений в экономической сфере предприятия, связанные с неудовлетворительным состоянием учета, неправильным документальным оформлением учетных операций и т.п.

Реалии современной жизни таковы, что компьютеризация коснулась практически всех сфер деятельности общества, в том числе финансово-хозяйственных процессов всех хозяйствующих субъектов. Массив информации, который поступает извне и генерируется внутри самой организации, подвергается обработке, анализу автоматизированными учетными и аналитическими системами и хранению. В соответствии с требованиями

к организации архивного дела в РФ и хранения документов, бухгалтерская (финансовая) отчетность организации в дальнейшем хранится в архиве организации в бумажном виде определенное время до момента утилизации. Бумажные документы традиционно для эксперта при проведении судебно-бухгалтерской экспертизы являются основными объектами изучения, дающими основания для выдачи заключения о мошеннических действиях, и при этом крайне редко поднимается вопрос о так называемой слеодообразующей роли электронной бухгалтерской документации при проведении экспертного исследования и его информационном обеспечении [8]. Превалирует мнение о том, что более достоверная информация отражена в бумажной бухгалтерской документации, потому что заверена соответствующими подписями и печатями. Такой документ имеет юридическую силу с процессуальной точки зрения. Однако, законодательное закрепление цифровой подписи ставит под сомнение обоснованность данного утверждения. Представляется актуальным, что данные электронных носителей более информативны для исследования экспертом-бухгалтером, так как дают возможность определить реальное время оформления разного рода документов, количество и частоту произведенных изменений, взаимосвязь с другими данными, отраженными в ИТ-системе [10]. При исследовании применяемой автоматизированной системы проверяемой организации бухгалтер-эксперт имеет большую возможность выявить недоброкачественные документы, помня о том, что первичный учетный документ по форме может быть составлен без нареканий, но хозяйственный факт, отраженный в нем, является результатом других незаконных хозяйственных операций. Например, сумма в приходном кассовом ордере на внесение неизрасходованной подотчетной суммы фигурирует в авансовом отчете в качестве неизрасходованного аванса, а до него издан приказ и выписан расходный кассовый ордер на выдачу первоначальной суммы аванса. То есть необходимо прослеживание всей логической цепочки отражения взаимосвязанных учетных операций. Еще пример — все учетные документы в продуктах 1С имеют обязательные реквизиты: номер, дата и время. Они обуславливают внутреннюю упорядоченность и логику работы программы. При этом порядок нумерации задается автоматически, но он может сбиться, например, из-за вмешательства пользователей, которые могут поменять номера в ручном режиме. Если постороннего вмешательства не было, уникальность номеров гарантирована разработчиками и создание документа с одинаковым номером невозможно, при сохранении в журнале программа задает документу номер, следующий по порядку. Так называемая ручная корректировка будет установлена бухгалтером-экспертом только при изучении непосредственно электронной учетной программы проверяемого экономического субъекта и т.д. Все выше перечисленные примеры должны быть

тщательно проверены и проанализированы экспертом, и изучение не только бухгалтерской документации, представленной на бумажных носителях, но и автоматизированных учетных систем бухгалтерской программы, Клиент-Банка, систем передачи учетной информации в ИФНС и других информационных ресурсов позволят найти несостыковки в оформлении хозяйственных фактов и получить достаточные и надлежащие доказательства законности совершенных и отраженных в учете операций.

В этой связи остро встает вопрос о методиках и методах исследования, которые выбирает эксперт для подготовки экспертного заключения. Если в результате исследования эксперт приходит к неправильному выводу вследствие добросовестного заблуждения, отсутствия практического опыта, некомпетентности, несовершенства используемой экспертной методики, то в подобных случаях имеет место экспертная ошибка и ему могут быть применены меры дисциплинарной ответственности. В противном же случае заключение может быть признано заведомо ложным, а в действиях эксперта усматриваются признаки уголовного преступления.

Таким образом, требуется создание и верификация новых алгоритмов экспертной деятельности, включающих работу с бумажными и электронными носителями. Также целесообразно сформировать базу информации по мошенническим схемам и приемам, используемым в экономической сфере хозяйствующего субъекта. Это позволит формализовать экспертную работу, снизить риски и использовать ИТ-средства для проведения анализа и экспертизы.

Анализ литературы по исследуемой проблеме позволяет выделить также следующие проблемы организации экспертной бухгалтерской деятельности: назначение эксперта, процессуальные права, оплата услуг эксперта. Если в АПК РФ порядок проведения экспертизы регламентирован несколькими статьями, ключевой среди которых является ст. 83 АПК, то Постановление Пленума ВАС РФ дает исчерпывающие комментарии. Бухгалтерская и иная финансовая отчетность является объектом судебной экспертизы. Правоприменитель указывает, что «если объектом исследования является не сам документ, а содержащиеся в нем сведения, в распоряжение эксперта в силу положений части 6 статьи 71 и части 8 статьи 75 АПК РФ могут быть предоставлены надлежаще заверенные копии соответствующих документов после того, как они были приобщены к материалам дела».

Еще один уровень правового регулирования в сфере судебной экспертизы это национальные стандарты. В данном направлении экспертным сообществом проведена

значительная работа, в частности введены в действие: ГОСТ Р 58332–2018 Судебная экспертиза фонограмм, ГОСТ Р 57429–2017 Судебная компьютерно-техническая экспертиза, ГОСТ Р 58794–2020 Судебная экспертиза маркировочных обозначений, ГОСТ Р 59529–2021 Судебная строительно-техническая экспертиза и др. Однако на данный момент отсутствуют национальные стандарты судебной бухгалтерской экспертизы и судебной финансово-экономической экспертизы. Алгоритмизация работы экспертов данной сфере позволит значительно улучшить качество экспертных заключений.

Таким образом, резюмируя изложенное, можно сформулировать следующие выводы.

1. Современная ситуация свидетельствует о повышении роли судебно-экспертной деятельности

экономической направленности и в частности, судебно-бухгалтерской экспертизы, в работе по борьбе с экономическими преступлениями и правонарушениями.

2. Требуется развитие и формализация методов и инструментов судебно-экспертной деятельности экономической направленности в связи с широким использованием электронных носителей информации, а также в связи со спецификой конкретных сфер и видов деятельности.
3. Необходимо создание и верификация новых алгоритмов экспертной деятельности, формирование базы схем противоправной деятельности в экономической и бухгалтерской сфере, национальных стандартов судебной бухгалтерской экспертизы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Официальный сайт правовой статистики Право.ru // <https://pravo.ru/news/234052/> [электронный ресурс] (дата обращения 07.02.2022)
2. Официальный сайт Верховного Суда РФ. Итоги работы судов за 2020 г. // https://vsrf.ru/press_center/mass_media/29651/ [электронный ресурс] (дата обращения 11.02.2022)
3. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года // <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> [электронный ресурс] (дата обращения 11.02.2022)
4. Скрипкина О.В., Киселева О.В. Судебная экономическая экспертиза в России: исторический и современный аспекты // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2018. № 2 (434). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnaya-ekonomicheskaya-ekspertiza-v-rossii-istoricheskiy-i-sovremennyye-aspekty-2> (дата обращения: 24.02.2022).
5. Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31.05.2001 № 73-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации Консультант Плюс <http://www.consultant.ru/> [электронный ресурс] (дата обращения 21.01.2022)
6. Приказ Минюста России от 27.12.2012 № 237 (ред. от 28.12.2021) // Официальный интернет-портал правовой информации Консультант Плюс <http://www.consultant.ru/> [электронный ресурс] (дата обращения 07.01.2022)
7. Савицкий А.А. Актуальные проблемы назначения и производства судебных финансово-аналитических экспертиз // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2018. № 7 (47). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-naznacheniya-i-proizvodstva-sudebnyh-finansovo-analiticheskikh-ekspertiz> (дата обращения: 24.02.2022).
8. Зырянова Т.В., Полухина А.Л. Бухгалтерская экспертиза как вид экономических экспертиз // Международный бухгалтерский учет. 2011. Вып. 48. С. 25–33 <https://cyberleninka.ru/article/n/buhgalterskaya-ekspertiza-kak-vid-ekonomicheskikh-ekspertiz>
9. Юдова Д.А, Тетерина Д.Ю. Особенности проведения ревизий по требованию правоохранительных органов в ходе расследования экономических преступлений // Новые импульсы развития: вопросы научных исследований. 2020. № 6–1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-provedeniya-reviziy-po-trebovaniyu-pravoohranitelnyh-organov-v-hode-rassledovaniya-ekonomicheskikh-prestupleniy> (дата обращения: 27.02.2022).
10. Бобошко, В.И. Контроль и ревизия: Учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Экономическая безопасность», «Бухгалтерский учет, анализ и аудит» и «Финансы и кредит» / В.И. Бобошко. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. — 311 с.
11. Кузьмина Т.В. Роль бухгалтерских документов при проведении судебно-бухгалтерской экспертизы // Наука и общество. 2012. № 5 (8). С. 103–105.
12. Звягин С.А., Мальцев Е.П. Организационно-плановая документация бухгалтерской экспертизы // Экономический анализ: теория и практика. 2017. Т. 16. Вып. 6. С. 1187–1200. URL: <https://doi.org/10.24891/ea.16.6.1187>.
13. Ивашкевич В.Б. Экономология в системе цифровой экономики // Международный бухгалтерский учет. 2018. Т. 21. Вып. 4. С. 378–387. URL: <https://doi.org/10.24891/ia.21.4.378>.
14. Дубоносов, Е.С. Судебная бухгалтерия: учебное пособие для вузов / Е.С. Дубоносов. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2021. — 157 с. — (Высшее образование). — ISBN978-5-534-04347-1. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/468467> (дата обращения: 24.02.2022).

© Ельцова Елена Валерьевна (eltsova_ev@mail.ru),

Верчагина Ирина Юрьевна (viy.77@mail.ru), Колечкина Ирина Павловна (40882kip@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТИПИЧНЫЕ СИТУАЦИИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ МЕЛКОГО ХИЩЕНИЯ В ФОРМЕ КРАЖИ, СОВЕРШЕННОГО ЛИЦОМ, ПОДВЕРГНУТЫМ АДМИНИСТРАТИВНОМУ НАКАЗАНИЮ

TYPICAL SITUATIONS OF THE INITIAL PHASE OF THE INVESTIGATION OF PETTY THEFT IN THE FORM OF THEFT COMMITTED BY A PERSON SUBJECTED TO ADMINISTRATIVE PUNISHMENT

A. Zhaytumenova

Summary. This article deals with the problem of the lack of a methodology for investigating a crime under Art. 1581 of the Criminal Code of the Russian Federation. The idea of the need to develop typical situations that arise during the investigation of the analyzed corpus delicti is substantiated. The article explores the categories of forensic science: "typical investigation situations" and "typical investigative situations". A comparison is given to these categories, as well as an analysis of the views of researchers regarding them.

Particular attention is paid to the varieties of typical situations that arise in the investigation of crimes under Art. 1581 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author comes to the conclusion that there are three options for typical situations in the investigation of the considered corpus delicti. The main features of each situation are identified and described. An attempt was made to formulate an algorithm of actions of the interrogator for each situation. It is stated that it is necessary to develop typical situations when planning the investigation of a criminal case in order to effectively conduct investigative and other procedural actions.

Keywords: typical investigative situations, typical investigative situations, petty theft, investigative situations, investigative actions, procedural actions, algorithm of actions, planning.

Жайтуменова Альфия Рамазановна

*Адъюнкт, ФГКОУ ВО «Омская академия
Министерства внутренних дел Российской
Федерации», г. Омск
selena138@mail.ru*

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема отсутствия методики расследования преступления, предусмотренного ст. 1581 УК РФ. Обосновывается идея необходимости выработки типичных ситуаций, возникающих при расследовании анализируемого состава преступления. В статье исследуются категории науки криминалистики: «типичные ситуации расследования» и «типичные следственные ситуации». Дается сравнение данным категориям, а также проводится анализ взглядов исследователей относительно них.

Особое внимание в статье уделено разновидностям типичных ситуаций, возникающих при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 1581 УК РФ. Автор приходит к выводу, что существует три варианта типичных ситуаций расследования рассматриваемого состава преступления. Выделяются и описываются основные особенности каждой ситуации. Предпринята попытка сформулировать алгоритм действий дознавателя для каждой ситуации. Констатируется необходимость разработки типичных ситуаций при планировании расследования уголовного дела в целях результативности проведения следственных и иных процессуальных действий.

Ключевые слова: типичные ситуации расследования, типичные следственные ситуации, мелкое хищение, следственные ситуации, следственные действия, процессуальные действия, алгоритм действий, планирование.

Отдельный преступный акт — это событие уникальное по содержанию, участвующим лицам, последствиям и т.д. Обобщая практику совершения одной категории преступлений (либо нескольких аналогичных), можно выявить закономерности, составляющие типичные ситуации расследования.

Обращение внимания на данный элемент позволяет результативно провести весь комплекс следственных и иных процессуальных действий.

Следует учитывать, что формулировка «типичные ситуации расследования» в научной литературе упо-

требуется редко, чаще используется категория «типичные следственные ситуации». По нашему мнению, данный факт объясняется тем, что последнее понятие сформировалось как устоявшееся словосочетание, и было общепринятым для научного сообщества.

В УПК РФ закреплены две формы предварительного расследования: предварительное следствие и дознание. Категория «типичные следственные ситуации» соответствует лишь первой форме (определение «следственных» ситуаций характерных для «следствия»). Таким образом, выражение «типичные ситуации расследования» наиболее универсально (учитываются ситуации, складывающиеся при дознании, без употребления слова «следственные»). Однако, как бы ни трактовались рассматриваемые термины, смысловое значение они несут одинаковое. Их основополагающая цель — изучение, анализ информации и формулирование ситуаций, типичных для расследования определенной категории преступлений и выбора определенной криминалистической тактики.

Для понимания сущности рассматриваемых нами категорий приведем мнения ученых. Дефиниция криминалистической категории «типичные следственные ситуации» формулируется различно. Наличие дискуссий свидетельствует о том, что данная тема актуальна и интересна для многих исследователей. Кроме того, это означает, что имеется большое количество проблем, требующих внимания и своевременного разрешения.

Понятие «типичная следственная ситуация» впервые была сформулирована А.Н. Колесниченко. Ученый в рамках этой научной категории рассматривал определенное положение в расследовании преступлений, характеризующее наличием тех или иных доказательств и информационного материала, и возникающими в связи с этим конкретными задачами его собирания и проверки [1, с. 16].

Р.С. Белкин следственную ситуацию определял как совокупность условий, осуществления расследования, т.е. ту обстановку, в которой протекает процесс доказывания [2, с. 135]. В содержании данной категории профессор выделал психологические, информационные, процессуальные, тактические, материальные и организационно-тактические составляющие [2, с. 137].

Л.Я. Драпкин под следственной ситуацией понимает мысленную динамическую модель, отражающую информационно-логическое, тактико-психологическое, тактико-управленческое и организационно-управленческое состояния, сложившиеся по уголовному делу и характеризующее благоприятный или неблагоприятный характер процесса расследования [3, с. 55].

Н.П. Яблоковым рассматривает следственную ситуацию как положение, складывающееся в какой-то интересующий следователя момент его деятельности, по расследованию преступления, характеризующее тактическое информационное своеобразие оцениваемого следственного момента [4, с. 48].

Мы солидарны с мнением А.Б. Соколов, который считает, что позиция, изложенная Н.П. Яблоковым, наиболее логично и полно отражает суть рассматриваемой нами категории [5, с. 91].

Специфика посягательства, предусмотренного ст. 158¹ УК РФ, накладывает определенные условия. Требуется установить подозреваемого в хищении лицо, а затем выяснить имеется ли у него «неснятое» административное наказание по аналогичному деянию. Без наличия любого из условий не будет наступать уголовная ответственность.

В связи с вышеизложенным можно выделить следующие типичные ситуации, возникающие на первоначальном этапе расследования преступления, предусмотренного ст. 158¹ УК РФ:

1. Лицо подозреваемое, в совершении преступления, установлено и опрошено, на месте происшествия проведен комплекс первоначальных процессуальных действий. Полученных сведений достаточно для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.
2. Установлено и опрошено подозреваемое лицо, проведен комплекс процессуальных действий, однако имеющихся сведений недостаточно для решения вопроса о возбуждении уголовного дела;
3. Заподозренный установлен, но необходимые для возбуждения уголовного дела процессуальные действия проведены в неполном объеме, ввиду отсутствия данного лица, что не позволяет принять окончательное решение;

Первая ситуация, является наиболее благоприятной для дознавателя, поскольку собрана достаточная информация, позволяющая принять решение о возбуждении уголовного дела. В данном случае предлагается следующий алгоритм действий дознавателя для раскрытия и расследования факта хищения, предусмотренного ст. 158¹ УК РФ:

1. осуществить захват подозреваемого в совершении хищения на месте происшествия;
2. установить личность заподозренного;
3. проверить в ИЦ сведения о наличии у подозреваемого лица административных наказаний (в том числе, предусмотренного ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ);
4. установить личность потерпевшего;

5. установить количество и стоимость похищенного имущества;
6. провести иные процессуальные действия;
7. принять решение о возбуждении уголовного дела.

При определении достаточности сведений для возбуждения уголовного дела следует учитывать, что надлежащим образом зафиксированы два факта мелкого хищения по КоАП РФ и УК РФ, а также установлено, что с момента административного правонарушения не прошел год. При наличии данных условий деяние квалифицируется по ст. 158¹ УК РФ.

Дознавателю следует тщательно проверить материалы административного производства по первоначальному мелкому хищению, которое служит условием, данного правонарушения. Такая проверка позволит избежать в будущем безосновательного уголовного преследования. Действия дознавателя на данном этапе должны быть направлены на сбор дополнительных сведений о подозреваемом.

В условиях второй ситуации, когда первоначальных сведений недостаточно для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, эффективным может стать следующий алгоритм действий дознавателя:

1. осуществить захват заподозренного в совершении хищения на месте происшествия;
2. установить личность подозреваемого лица;
3. установить личность потерпевшего;
4. проверить сведения ИЦ на наличие у подозреваемого лица других правонарушений;
5. установить количество и стоимость похищенного имущества;
6. запросить материалы административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ.
7. провести иные процессуальные действия;
8. принять решение о возбуждении уголовного дела.

В рамках сложившейся ситуации расследования дознавателю следует восполнить имеющуюся у него нехватку доказательственной базы и иной документации.

Действия дознавателя либо иного лица на данном этапе должны быть сконцентрированы на документальной фиксации факта повторности совершения лицом административного правонарушения предусмотренного ст. 7.27 КоАП РФ. Такие сведения предоставляет информационный центр МВД России. Регистрация факта правонарушения по данной статье осуществляется незамедлительно, при невозможности принять решение назначается административное расследование на срок

до 3 месяцев. По результатам проверки принимается решение, либо о составлении административного протокола, либо об отказе в возбуждении административного производства, либо о передаче материалов для возбуждения уголовного дела.

Третья ситуация характеризуется отсутствием информации о местонахождении подозреваемого лица. Действия дознавателя в сложившихся условиях могут иметь следующий алгоритм:

1. попытаться установить местонахождение подозреваемого самостоятельно, используя сообщенные им ранее сведения о месте жительства, месте работы, о родственниках и коллегах;
2. направить поручения участковым уполномоченным полиции и отделу уголовного розыска;
3. проверить сведения ИЦ на наличие у подозреваемого лица других правонарушений;
4. установить личность потерпевшего;
5. установить количество и стоимость похищенного имущества;
6. запросить материалы административного протокола предусмотренного ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ.
7. провести иные следственные действия и мероприятия;
8. по результатам полученных сведений принять решение о возбуждении уголовного дела.

Дознавателю в сложившейся обстановке необходимо принять все меры для установления местонахождения подозреваемого посредством направления поручений в другие службы и через самостоятельные мероприятия (розыск по месту жительства и работы). Данная ситуация требует от дознавателя осуществлять контроль исполнения поручений (учитывая временные рамки и результативность). Кроме того, он должен руководить процессом розыскания подозреваемого и располагать всей информацией о полученных сведениях, об его местонахождении. Если имеются данные, что подозреваемый находится в определенном месте, то дознаватель должен принять меры к задержанию данного лица.

Также если меры, принятые дознавателем не дают результатов, то целесообразно направить запрос в информационный центр с периодичностью один раз в неделю для получения сведений о совершенных подозреваемым деяниях. Располагая данными сведениями, дознаватель может сузить район поиска данного лица.

Выработка типичных следственных ситуаций связана с планированием дознавателем хода расследования уголовного дела о преступлении, предусмотренном ст. 158¹ УК РФ. Последовательные действия должностного лица имеют значение для соблюдения срока производства дознания. Своевременность действий долж-

ностного лица находит отражение в неотвратимости уголовно-правового воздействия.

Дознавателю, расследующему преступление, предусмотренного ст. 158¹ УК РФ следует учитывать сложившиеся условия и избрать наиболее эффективную тактику расследования. От данных действий зависит

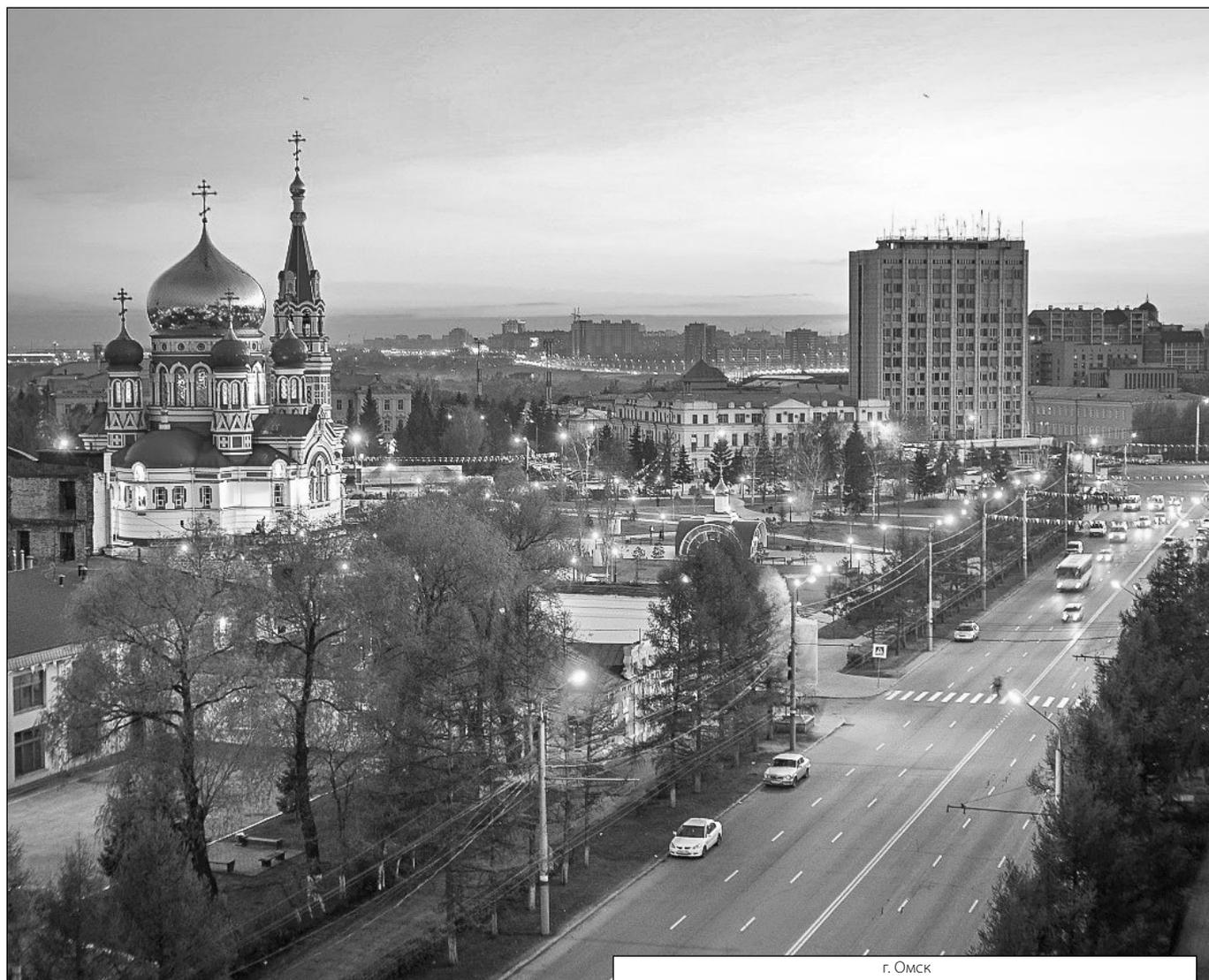
результативность действий дознавателя. При этом не следует относиться к рассматриваемой категории преступления как незначительному деянию, не имеющему тяжелых уголовно-правовых последствий. В совокупности преступления против собственности имеют преобладающее количество и несут колоссальный материальный вред для общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесниченко А.Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений: автореф. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1967.
2. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. М., 1997. Т. 3.
3. Криминалистика: Учебник / Под ред. Л.Я. Драпкина, В.Н. Карагодина. М., 2004. С. 55 (в соавт. с Я.М. Кокуриным).
4. Яблоков Н.П. Криминалистика: учебник для вузов. М., 2000.
5. Соколов А.Б. Расследование краж имущества граждан, совершаемых группами несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2011.

© Жайтуменова Альфия Рамазановна (selenal38@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

г. Омск

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ В УСЛОВИЯХ АНТИРОССИЙСКИХ САНКЦИЙ

IMPACT OF ANTI-RUSSIAN SANCTIONS ON GOVERNMENT INFORMATION SYSTEMS

I. Zubkov

Summary. The significance of sanctions restrictions in different sectors of the economy is significantly different. So, if such areas as the extraction of raw materials or oil products will suffer from sanctions to a minimal extent, given the high liquidity of these products, then the financial and innovative sectors of the national economy will suffer from sanctions restrictions to a much greater extent. The article considers the impact of new sanctions against the Russian Federation on the development of innovative sectors of the national economy, including the issues of digitalization of public services. It is concluded that under the current conditions, the proper functioning of one of the key groups of public services — public information systems is under serious threat. The study considers the concept of the state information system and its main characteristics as an analytical system. Also, the problems of shortage in the Russian Federation of computer (including server) equipment are considered. On the example of a shortage of processors for servers, legal ways to overcome the above deficit are considered. In addition, the features of the legal regulation of intellectual rights to software are considered, a conclusion is made about the priority of using the mechanism of compulsory licensing to ensure a reasonable balance of private and public interests in the area under study.

Keywords: sanctions, innovations, innovation sphere, sanctions restrictions, state information system, shortage of processors, legal consequences of sanctions.

Зубков Иван Борисович

Аспирант, Институт законодательства
и сравнительного правоведения при Правительстве
Российской Федерации
ZubkovI@spa.msu.ru

Аннотация. Значение санкционных ограничений в разных сферах экономики значительно отличается. Так, если такие сферы, как добыча сырья или нефтепродуктов пострадают от санкций в минимальной степени, учитывая высокую ликвидность данных продуктов, то финансовая и инновационные сферы национальной экономики пострадают от санкционных ограничений в значительно большей степени. В статье рассмотрено влияние, оказываемое новыми санкциями против Российской Федерации, на развитие инновационных отраслей национальной экономики, включая вопросы цифровизации государственных сервисов. Сделан вывод, что в сложившихся условиях, надлежащее функционирование одной из ключевых групп государственных сервисов — государственных информационных систем находится под серьезной угрозой. В рамках исследования рассмотрено понятие государственной информационной системы и ее основные характеристики, как аналитической системы. Также, рассмотрены проблемы дефицита в Российской Федерации компьютерного (в т.ч. серверного) оборудования. На примере дефицита процессоров для серверов, рассмотрены правовые способы преодоления вышеуказанного дефицита. Кроме того, рассмотрены особенности правового регулирования интеллектуальных прав на программное обеспечение, сделан вывод о приоритете использования механизма принудительного лицензирования для обеспечения разумного баланса частных и публичных интересов в исследуемой сфере.

Ключевые слова: санкции, инновации, инновационная сфера, санкционные ограничения, государственная информационная система, дефицит процессоров, правовые последствия санкций.

Обострение международно-политической обстановки в феврале 2022 г. привело к наложению в феврале-марте 2022 г. масштабных санкционных мер на Российскую Федерацию. Так, по сведениям базы данных санкций castellum.ai, начиная с 22 февраля 2022 г., на Российскую Федерацию было наложено 4362 различных видов санкций [1]. 3915 видов вышеуказанных санкций касаются физических лиц, что не представляет серьезной угрозы секторам экономики, однако 437 различных видов секторальных санкций прямо касаются наиболее уязвимых отраслей российской экономики, что создает серьезные, а в некоторых сферах — критические проблемы. Ситуация в данном контексте усложняется также тем обстоятельством, что санкции против Российской Федерации были наложе-

ны группой высокотехнологических государств, занимающих лидерские позиции в сфере инновационных технологий (США, Великобритания, Япония, государства Европейского Союза, Южной Кореи и т.д.).

Соответственно, именно наиболее высокотехнологические сферы экономики, и, в прежде всего — сфера информационных технологий столкнется, вследствие санкций, с наибольшим предполагаемым уроном. В данном контексте, необходимо отметить, что сфера информационных технологий является критически важной, учитывая процессы цифровизации общества [2]. Очевидно, что широкое распространение электронных технологий во всех сферах жизнедеятельности общества приводит к существенному ускорению

перемещения товаров и услуг, предоставления государственных сервисов и осуществления государственного управления.

Одним из направлений развития цифровизации государственного управления, является создание и увеличение потенциала государственных информационных систем (ГИС). Как отмечает И.С. Иванов, анализируя правовые признаки государственной информационной системы, данные системы, на сегодняшний день, представляют собой не только базы данных (картотеки результатов интеллектуальной деятельности субъектов), а аналитическую систему, позволяющую в режиме реального времени осуществлять информирование о тех или иных процессах [3]. Важная роль государственных информационных систем в современной российской правовой системе связана также с тем обстоятельством, что существует правовая презумпция достоверности информации, отображенной в государственной информационной системе [4]. Таким образом, нормальное функционирование государственных информационных систем в сложившихся условиях, является важным элементом электронной трансформации российской государственной системы.

Санкции, введенные группой государств, против Российской Федерации создают существенную проблему для деятельности государственной информационной инфраструктуры. Одной из наиболее болезненных санкционных мер стало эмбарго на поставку компьютерного (в т.ч. серверного) оборудования, а также программного обеспечения на территорию Российской Федерации.

Следует отметить, что к вышеуказанным ограничительным мерам против Российской Федерации присоединились также и те корпорации, которые находятся в юрисдикциях, формально не объявивших о присоединении к санкциям против РФ. Так, например, компания TSMC из Тайваня заявила о приостановке поставки чипов в Россию, а также о приостановке выпуска процессоров Эльбрус [5]. В вышеуказанном примере мы можем наблюдать, насколько сложен в практической реализации механизм импортозамещения: даже разработка собственного процессора не лишает необходимости обращения к подрядчикам для масштабизации такого производства.

Современное компьютерное (в т.ч. серверное) оборудование состоит из множества различных элементов и технологий. Часть вышеуказанных производственных цепочек, так или иначе, связана с теми юрисдикциями, которые объявили о санкционном воздействии на Российскую Федерацию. Исходя из вышеизложенного, приходится констатировать, что так называемое

«мягкое» импортозамещение, связанное с переходом на продукцию государств, которые не осуществляют санкций в отношении РФ (например, Китай) невозможно. Кроме того, взаимосвязанность мировой экономики приводит к тому, что тот же Китай вынужден отказывать Российской Федерации в поставках критически важных комплектующих (например, в сфере авиационных комплектующих) [6].

В данном контексте, на первый взгляд, представляется оправданным решение данной задачи путем создания собственного производства вышеуказанных комплектующих. В то же время, на практике реализация такого механизма представляется нереализуемой по следующим причинам. Во-первых, создание собственного производства процессоров и других критических комплектующих требует значительного количества времени. Во-вторых, создание производства современных процессоров требует иностранных (часто — запатентованных) технологий, получение которых в условиях санкций практически невозможно. Кроме того, создание собственной линии процессоров, в условиях отсутствия полноценной конкуренции, с неизбежностью приведет к технологической отсталости и, соответственно, не достижению поставленных целей по информатизации и цифровизации общества.

Также проблемным вопросом остается зависимость Российской Федерации от программного обеспечения. Одной из предлагаемых мер по устранению такой зависимости, является использование программного обеспечения без лицензии. Следует отметить, что программное обеспечение является объектом авторского права, использование которого без лицензии является правонарушением, так как такое использование нарушает интеллектуальную собственность правообладателей [7]. Безусловно, государство, как публично-правовой субъект, вправе внедряться в частноправовые отношения в интересах национальной безопасности, однако следует констатировать, что такие действия могут нести за собой международно-правовые последствия, прежде всего — связанные с участием РФ в ВТО.

Как справедливо отмечает О.Е. Агашева, в рамках права ВТО, а именно в соглашении ТРИПС, регламентируется права интеллектуальной собственности (авторское и смежные с ним права, патентное право, право на топологии интегральных микросхем) [8].

Таким образом, по мнению автора, большую перспективу имеет не механизм публично-правового отказа от авторского права, как такового (в связи с очевидными международными последствиями такого отказа), а механизм использования принудительной лицензии для вышеуказанного программного обеспечения. Как

отмечает Е.В.Ерохина, сущность механизма принудительного лицензирования состоит в том, что объект интеллектуальной собственности, востребованный для публично-правового субъекта, передается на основании принудительной лицензии, в соответствии с установленными судом условиями использования [9].

Именно использование механизма принудительной лицензии для программного обеспечения создаст справедливый баланс между частными и публичными интересами и позволит обеспечить надлежащую работу государственных информационных систем в новых санкционных условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ведомости базы данных castellum.ai [Электронный ресурс] режим доступа: https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard_
2. Луков Валерий Андреевич «Хорошее общество» и «Цифровое общество» // Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/horoshee-obschestvo-i-tsifrovoe-obschestvo> (дата обращения: 21.03.2022).
3. Иванов И.С. Правовые признаки государственной информационной системы // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2020. № 2 (41). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-priznaki-gosudarstvennoy-informatsionnoy-sistemy> (дата обращения: 21.03.2022).\
4. Амелин Р.В. Презумпция достоверности информации в государственных информационных системах // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2017. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prezumptsiya-dostovernosti-informatsii-v-gosudarstvennyh-informatsionnyh-sistemah> (дата обращения: 21.03.2022).
5. Новости: TSMC приостановила поставки чипов в Россию и производство процессоров Эльбрус [Электронный ресурс] режим доступа: https://www.iphones.ru/iNotes/tsmc-priostanovila-postavki-chipov-v-rossiyu-i-proizvodstvo-processorov-elbrus-02-27-2022_
6. Новости: Китай отказался поставлять запчасти для самолетов в Россию [Электронный ресурс] режим доступа: https://rb.ru/news/china-russian-avia/_
7. Чурилов Алексей Юрьевич Проблемы охраны программ для ЭВМ // Вестник СГЮА. 2020. № 1 (132). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemu-ohranu-programm-dlya-evm> (дата обращения: 21.03.2022).
8. Аграшева Ольга Евгеньевна Права на результаты интеллектуальной деятельности в праве ВТО // Вопросы российской юстиции. 2021. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prava-na-rezultaty-intellektualnoy-deyatelnosti-v-prave-vto> (дата обращения: 21.03.2022).
9. Ерохина Е.В. Институт принудительного лицензирования по законодательству РФ // Вестник ОГУ. 2012. № 3 (139). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-prinuditelnogo-litsenzirovaniya-po-zakonodatelstvu-rf> (дата обращения: 22.03.2022).

© Зубков Иван Борисович (ZubkovIB@spa.msu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНОЧНЫХ КРИТЕРИЯХ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА

ON THE QUESTION OF THE EVALUATION CRITERIA OF MORAL HARM

V. Zubkov
I. Guseva

Summary. The authors analyze various methods of determining the amount of moral damage. Attention is drawn to the controversial issues of each of the approaches. The circumstances that determine the need to develop a unified methodology for determining the monetary equivalent of moral harm and its legislative legalization are highlighted. In order to ensure the objectivity of the court decision, the necessity of conducting a medical and psychological examination of moral harm is justified.

Keywords: the amount of compensation for moral damage, moral suffering, physical injuries, fair amount of compensation, medical and psychological examination of moral harm.

Зубков Владимир Николаевич

Старший преподаватель, Владимирский
юридический институт ФСИН России
z-vladimir-z@mail.ru

Гусева Ирина Ивановна

К.ю.н., доцент, Владимирский юридический
институт ФСИН России
guseva-ir@mail.ru

Аннотация. Авторами анализируются различные методики определения размера морального вреда. Обращается внимание на дискуссионные вопросы каждого из подходов. Выделяются обстоятельства, обуславливающие необходимость выработки унифицированной методики определения денежного эквивалента морального вреда и ее законодательной легализации. В целях объективности судебного решения обосновывается необходимость проведения медико-психологической экспертизы морального вреда.

Ключевые слова: размер компенсации морального вреда, нравственные страдания, физические увечья, справедливая сумма возмещения, медико-психологическая экспертиза морального вреда.

Разрешение исков о компенсации морального вреда, в особенности определение его объективного размера в денежной форме, зачастую вызывают затруднения у судейского корпуса. Сложность ситуации состоит в том, что до сих пор отсутствует легальное закрепление механизма определения размера компенсации морального вреда, нет четких ориентиров по установлению глубины нравственных и физических страданий, а также их последствий, претерпеваемых пострадавшим лицом. Законодатель, возлагая решение этих вопросов на суд, не учел следующие факторы, влияющие на вынесение вердикта: стаж работы и жизненный опыт судьи; его знания в области психологии; способность справедливо и объективно оценивать обстоятельства рассматриваемого дела, а не использовать существующие решения по схожим делам, но не отражающие конкретные индивидуальные особенности потерпевших. По сути это приводит к вынесению несправедливых решений, что вызывает недоверие к суду.

Показательным примером является решение Петроградского районного суда Санкт-Петербурга о выплате в качестве компенсации морального вреда 150 тыс. рублей. Эта сумма подлежала взысканию с Министерства финансов Российской Федерации в порядке реабилитации за незаконное уголовное преследование, продолжавшееся около пяти с половиной лет, из которых более трех лет истец находился под стражей. Истец обосновывал

возмещение морального вреда нравственными страданиями, испытываемыми в связи с утратой социальных связей, невозможностью создать семью, проявлять заботу о престарелых родителях, сыне, которые находились на его содержании [1]. Верховный суд впоследствии отменил это решение, признав его не объективным и не справедливым, и определил выплату в размере 2 млн. 366 тыс. рублей, о которой ходатайствовал истец [2].

Дискуссия, развернутая ученым сообществом и юристами практиками по вопросу легализации критериев и их объективной оценки будет продолжаться до тех пор, пока не будет принято законодательное решение по выбору подхода в определении размера компенсации морального вреда.

На современном этапе необходимость реализации этого положения обусловлена следующими обстоятельствами:

- ♦ отсутствием единообразных ориентиров у судейского корпуса для назначения размеров компенсации морального вреда, что приводит к оценкам размера возмещения по схожим ситуациям и требованиям, отличающихся на два и три порядка;
- ♦ зависимостью результатов рассмотрения подобного иска от резонанса вокруг дела, в том числе наличие публикаций в средствах массовой

информации, обсуждений хода расследования по месту работы и среди жителей небольшого города, и последующей возможностью продолжать активную общественную жизнь и устроиться на работу по профессии. Так, суд присудил 15 млн. рублей в качестве компенсации за моральный вред женщине, пострадавшей при родах от непрофессиональных действий врачей Санкт-Петербургского государственного университета в 2010 году, в результате которых мать и ребенок получили тяжелые травмы, от которых сын через два года умер [3]. Ошибки в медицинской практике не единственный случай в России, но суммы выплаты в таком размере единичны;

- ◆ отсутствием точно сформулированных критериев и общего метода оценки денежного эквивалента морального вреда. Такая ситуация усугубляется дефицитом каких-либо значимых рекомендаций или разъяснений Верховного Суда по этому вопросу.
- ◆ зависимостью от сложившейся судебной практики по установлению размеров компенсации морального вреда в регионе;
- ◆ формальным подходом к установлению значимых, характерных индивидуальных особенностей пострадавшего. При вынесении решения суды ограничиваются приведением общих принципов определения размера компенсации морального вреда, закрепленных в положениях статей 151, 1101 ГК РФ. Такой подход подрывает доверие граждан к судебной системе и праву в целом, что порождает в обществе ощущение систематической несправедливости; [4]
- ◆ субъективной оценкой степени нравственных страданий и их последствий судьями в силу отсутствия у них специальных знаний в области психологии. В связи с тем, что сумма компенсации морального вреда напрямую зависит от субъективной оценки суда, установить конкретные минимальные и максимальные пределы такой компенсации в условиях отсутствия оценочных критериев сложно;
- ◆ особенностью компенсации морального вреда по отдельным категориям дел, из-за специфических оценочных критериев по каждой из категорий (например, о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина, о защите чести, достоинства и деловой репутации, в сфере трудовых правоотношений, в области защиты прав потребителей и др.);
- ◆ низкой правовой грамотностью населения. Иногда родственники погибших могут не достаточно полно указать, в чем конкретно выразился моральный вред конкретно для них, не представить доказательств его причинения.

Не один десяток лет ученые и практики занимаются исследованием критериев определения размера морального вреда, и на этой основе разработаны различные методики. Проблемам рассмотрения и совершенствования правового регулирования института компенсации морального вреда посвящено немало монографического и научного-практического материала. Особый интерес представляют работы А.М. Эрделевского, А.М. Беляковой, А.И. Карномазова, Е.В. Смиренской, А.Т. Табунщикова и других

Все существующие методики и предложения направлены на установление наиболее справедливого материального эквивалента за перенесенные моральные страдания. Наличие различных точек зрения и подходов к определению совокупности критериев и размеров оценки этих критериев позволяет проанализировать полученные предварительные результаты.

Существующие подходы к реализации института морального вреда можно условно разделить на несколько видов:

- ◆ концептуальный, то есть жизнь человека, функции отдельных частей его организма, как бы одиозно это не звучало, приравниваются к имуществу, состоящему из отдельных деталей, имеющих свою цену. Денежный эквивалент страданий соизмеряются в зависимости от степени тяжести вреда и глубины последствий;
- ◆ личностный, когда глубина страданий определяется особенностями присущими конкретному человеку, в зависимости от строения его психики и его понимания достаточности восполнения утраты;
- ◆ функциональный применяется, когда недостаточно или отсутствуют фактические доказательства, подтверждающие заявленную в иске оценку причиненного вреда и его последствия для потерпевшего, тогда суду предоставляется возможность по своему усмотрению установить справедливую сумму возмещения.

Первый подход характерен для исследований, проведенных А.М. Эрделевским, А.Т. Табунщиковым, Ассоциацией юристов России, Н.Р. Киришиной, Ю.В. Козыревым, И.А. Комар (в соавторстве) и др.

Так, в методике расчета размера компенсации морального вреда, предложенной А.М. Эрделевским, сумма компенсации зависит от степени опасности правонарушения. По сути, уровни размера морального вреда рассматриваются с точки зрения общепризнанного понимания степени страдания для среднестатистического человека от того или иного вида противоправного деяния. Величину базисного уровня компенсации

предлагается определить в размере 300 минимальных размеров оплаты труда (МРОТ). Далее окончательный расчет корректируется за счет умножения базовой суммы компенсации на поправочные коэффициенты в зависимости от вида правонарушения, а также указанных в ст. 151 ГК РФ иных обстоятельств, вины потерпевшего, индивидуальных особенностей потерпевшего по заданной формуле [5].

К концептуальному подходу можно отнести и методику предлагаемую Ассоциацией юристов России [6], которая схожа с методикой А.М. Эрделевского, и также основывается на установлении абстрактной базовой вменяемой компенсации (далее — БВК) морального вреда в размере 4,5 млн. руб., приведенной к самому тяжелому случаю, описанному в типизированном сценарии. Методика охватывает четыре группы модельных сценариев, в случае наступления которых, включается механизм расчета компенсации морального вреда: за временный дефицит здоровья; за постоянный дефицит здоровья (например, полной слепоты, потери руки или ноги, почки и т.п.); за страдания, не повлекшие дефицита здоровья; за страдания, связанные с потерей близкого. Причем величина БВК модельного сценария за самый тяжкий вред здоровью и постоянный дефицит последнего (тетраплегия — полный паралич) признается сопоставимой с модельным сценарием, связанным с гибелью близкого человека.

По сути, речь идет об абстрактном презюмируемом вменении определенным видам вреда установленного размера компенсации в стандартных ситуациях. БВК для типизированного сценария, в рамках которого принимаются типичные значения индивидуальных особенностей потерпевшего и глубины его моральных страданий (то есть, страдания, которые испытывал бы на его месте обычный гражданин среднего возраста, при отсутствии обстоятельств, связанных с уникальными особенностями его личности), что не отражает позицию ВС РФ и ЕСПЧ. К сожалению, разработчиками не раскрывается, что следует понимать под уникальными особенностями личности. Далее окончательный расчет корректируется путем умножения БВК на поправочные коэффициенты, понижающие или повышающие размер морального вреда, вводимые в формулу.

Спорной представляется позиция этой методики в части исключения из расчета критерия, учитывающего страдания, возникающие при утрате трудоспособности, как не являющегося справедливым измерителем глубины страданий [6, С. 17].

Исходя из толкования ст. 15 ГК РФ, потерпевший несет расходы для восстановления своего нарушен-

ного права (на полноценную и достойную человека жизнь). Теряя прежнюю работу, он утрачивает прежний доход (упускает выгоду), который не утратил бы, если бы его здоровье не было нарушено. Другими словами, потерпевший лишен возможности реализовать не только свое право на труд, но и желание работать именно по той профессии, которую в связи с утратой здоровья выполнять не может, что также должно учитываться судом. Подлежащий компенсации моральный вред в таком случае выражается в виде переживаний лица по поводу неустранимых последствий состояния увечья, лишаящего его возможности трудиться по профессии.

К такому же подходу следует отнести Методические рекомендации, разработанные в соавторстве Киршиной Н.Р., Козыревым Ю.В., Комар И.А. Содержание механизма определения размера компенсации морального вреда основано на модификации метода Эрделевского А.М, при котором оценка степени страданий также перенесена на среднестатистического человека (исходя из общих представлений). Презюмируемый моральный вред в этой методике дополняется оценочными методами определения имущественного вреда. Авторы методических рекомендаций предлагают определять размер компенсации как морального вреда жизни и здоровью, так и имущественного вреда, возникших при авиапассажирских перевозках. При расчете имущественных потерь вводится метод дисконтированной упущенной выгоды с использованием актуарных расчетов. Такая методика предусматривает привлечение профессионального оценщика. Исчисление морального вреда в данной методике не оговаривает возможность привлечения психолога на предмет установления степени страдания истца. В то же время, оставляя в формуле коэффициент индивидуальных особенностей потерпевшего, используются такие критерии оценки как средняя продолжительность жизни, возраст, стоимость среднестатистической стоимости жизни и др. [7].

Предлагаемая авторами модифицированная формула не включает в себя коэффициенты, учитывающие степень вины потерпевшего и причинителя вреда. Разработчики при исключении этих коэффициентов исходили из требований ст. 1100 ГК РФ о возмещении морального вреда владельцем источника повышенной опасности вне зависимости от вины и подменили понятие «степень вины» понятием «ответственность» [7, с. 18].

Степень вины характеризуется степенью необходимой заботливости и осмотрительности проявленной собственником источника повышенной опасности. В отношении потерпевшего, степень вины характери-

зается обстоятельствами, при которых он нарушает умышленно или не умышленно установленные правила поведения в транспорте (например, причинил вред самому себе). В этом случае суд вправе воспользоваться положением ст. 1083 ГК РФ и уменьшить или увеличить размер причиненного вреда. Следует обратить внимание, что такие критерии как «вина», «степень вины», «форма вины» устанавливаются судом. Поэтому потерпевший на стадии возбуждения гражданского дела, определяя сумму иска, может воспользоваться расчетом по формуле. Однако коэффициенты виновности могут им быть определены только исходя из собственного предположения. В этой связи, полагаем более целесообразным, применять коэффициенты вины только судом как корректирующие размер компенсации, рассчитанный по формуле.

Следует отметить, что во всех вышерассмотренных методиках базисные величины при определении размера компенсации морального вреда абстрактны. Расчет основан на учете страданий, сопоставимых с теми, которые испытывал бы на его месте обычный гражданин среднего возраста, что не бесспорно.

Полагаем любые расчетные формулы могут только выиграть, если будут:

- ◆ включать промежуточные значения коэффициентов, отражающих степень страданий;
- ◆ учитывать индивидуальные особенности потерпевшего, связанные с его психолого-психическим восприятием страданий, а не «среднестатистического человека»;
- ◆ определять степень страданий по заключениям специалистов в области психологии (психиатрии);
- ◆ обосновывать расчетом размер морального вреда, а не использовать начальную абстрактную величину;
- ◆ включать в состав отдельного блока (за пределами формулы) коэффициенты, учитывающие «степень вины», «формы вины», являющиеся прерогативой суда.

Ко второму подходу (личностному) следует отнести исследования Е.В. Смиренской [8], А.М. Беляковой [9] и др.

В своих работах они отстаивают позицию, что применение судебно-психологической экспертизы при определении степени нравственных и физических страданий является юридически обоснованным доказательством, позволяющим привести к максимальному учету индивидуальных особенностей потерпевшего, как оценочного ориентира в рамках функционального подхода, который мог бы стать «разумным утешением».

Обоснованным представляется взгляд авторов, что степень и характер физических и нравственных страданий потерпевшего должны приниматься во внимание во взаимосвязи с его индивидуальными особенностями, а не привязаны к стандартным переживаниям типичного человека. На это ориентирует и ЕСПЧ, указывая на то, что не существует стандарта, позволяющего измерить денежным эквивалентом боль, физическое неудобство и нравственное страдание и тоску [10]. Поэтому национальным судам необходимо в своих решениях приводить достаточные мотивы, оправдывающие ту или иную сумму компенсации морального вреда, присуждаемую заявителю.

В настоящее время складывается судебная практика, когда суд устанавливает к взысканию с причинителя вреда пожизненную компенсацию за причинение морального вреда в случае устойчивого вреда здоровью, который приводит к необратимым последствиям, и человек может испытывать страдания всю жизнь [11].

Авторами статьи разработана методика расчета размера компенсации морального вреда на основе смешанных подходов концептуального и личностного. Базовая величина размера компенсации морального вреда определяется расчетным путем [12, с. 62–65]. Методика предусматривает применение наиболее значимых критериев характеризующих индивидуальные особенности потерпевшего экспертным путем через назначение комплексной медико-психологической экспертизы морального вреда. Авторы предлагают оставить на усмотрение суда возможность оценки предоставленных материалов и обстоятельств, установленных при рассмотрении дела, имеющих значение для окончательного решения о размере компенсации морального вреда.

А.И. Карномазов, критикуя личностный подход, предлагает «исходить из принципа правового равенства и представлений о врожденном и внутренне присущем достоинстве каждого и любого человека, минимизировав при этом значение индивидуальных особенностей потерпевшего, допуская их учет только в исключительных случаях [13, с. 15].

Третий подход в настоящее время нашел отражение в существующей судебной практике, когда размер компенсации устанавливает суд, основываясь на своем правосознании при оценке заявленных истцом сумм в исковом заявлении, в том числе и не всегда обоснованных. Поэтому в судебной практике не редко возникают случаи, когда потерпевший оценивает свои страдания равной 3 млн. рублей, а суд только в 100 тыс. рублей.

Такие «качели», как правило, приводят к дальнейшему рассмотрению спора в вышестоящих судах, создают у участников процесса недоверие к судам.

Примером может служить дело фристайлистки Марии Комиссаровой, проходившей реабилитацию в клинике доктора Евгения Блюма после полученной на Олимпиаде в Сочи травмы. При заявленной истцом суммы компенсации морального вреда в 5 млн. рублей, суд первой инстанции установил размер компенсации подлежащей удовлетворению только 40 тыс. рублей. При этом во взыскании затрат в сумме 51 млн. рублей, произведенных за лечение, было отказано. Апелляционная инстанция изменила решение по делу, увеличив компенсацию до 2 млн. рублей [14].

Отстаивая позицию судейского усмотрения в вопросе определения размера морального вреда А.И. Карномазов обосновывает необходимость его ограничения более определенным критерием — единством судебной практики [13, с. 18–19]

Таким образом, в научных доктринах мы видим сторонников различных подходов к определению размера компенсации морального вреда. Каждая из методик обладает своей оригинальностью и может быть использована для создания унифицированной разумной методики, которая смогла бы стать надежным ориентиром даже самому квалифицированному судье в установлении справедливого возмещения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Обзор практики рассмотрения судом дел о защите чести, достоинства и деловой репутации. Утв. Президиумом ВС РФ 16.03.2019 // Бюллетень Верховного Суда РФ 2016. № 10
2. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14.08.2018 № 78-КГ18–38 / URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-14082018-n-78-kg18-38_557360/
3. Самые большие компенсации морального вреда в России. / URL: <https://uznyvse.ru/interesting-facts/8-postradavshih-kotrym-udalos-otsudit-bolshuyu-kompensaciyu.html>
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 28.10.2019 № 53-КГ19–6. Официальный сайт Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации / URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-28102019-n-53-kg19-6/>
5. Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда // URL: <https://www.garant.ru/article/1466521/>
6. Методические рекомендации по определению размера компенсации морального вреда при посягательствах на жизнь, здоровье и физическую неприкосновенность человека. / URL: https://zakon.ru/blog/2020/03/24/metodicheskie_rekomendacii_po_opredeleniyu_razmera_kompensacii_moralnogo_vreda_pri_posyagatelstvah_n
7. Методические рекомендации по определению стоимости права требования компенсации материального и морального вреда в связи с причинением вреда жизни пассажиров при авиаперевозках разработаны Киришиной Н.Р., Козыревым Ю.В., Комар И.А. утверждены Президиумом экспертного совета СПО «Союз «Федерация специалистов оценщиков» и Методическим советом СПО Общероссийская общественная организация «Российское общество оценщиков». / URL: <http://www.pgo.ru/about/mr.pdf>
8. Смирнская Е.В. Компенсация морального вреда как деликтное обязательство. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Волгоград. 2000 / URL: <https://www.disserscat.com/content/kompensatsiya-moralnogo-vreda-kak-deliktnoe-obyazatelstvo>
9. Белякова А.М. Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда (теория и практика). Автореф. Дис. д-ра юрид. наук. М., 1987. / URL: <https://us05web.zoom.us/j/3582182287?pwd=cGFOOHVvckdZUnhYNTNCQW1Sd2ZTU09>
10. Постановление Европейского Суда по правам человека от 18 марта 2010 г. по делу «Максимов (Maksimov) против России» / URL: <https://sudact.ru/regular/doc/zISOoUxoVv1d/>
11. Решение Каптанского районного суда Кемеровской области № 2–213/2020 М-130/2020 от 20 ноября 2020 г. по делу № 2–213/2020 / URL: <https://sudact.ru/regular/doc/z0MUgRi9z6J9/>
12. Гусева И.И., Зубков В.Н. Новые подходы к методике определения размера компенсации морального вреда в связи с причинением вреда здоровью и жизни граждан // Российская юстиция. 2019. № 1. С. 62–65.
13. Карномазов А.И. Гражданско-правовое регулирование определения размера компенсации морального вреда: Автореф. дис. . . канд.юрид.наук.-Самара,2010. 25 с.
14. Посттравматическую реабилитацию переоценили в суде <https://www.kommersant.ru/doc/4127879>

© Зубков Владимир Николаевич (zvladimir-z@mail.ru), Гусева Ирина Ивановна (guseva-ir@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОНТРАБАНДЫ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ И (ИЛИ) ТАБАЧНЫХ ИЗДЕЛИЙ

THE IDENTITY OF THE OFFENDER AS AN ELEMENT OF THE FORENSIC CHARACTERISTICS OF THE SMUGGLING OF ALCOHOLIC PRODUCTS AND (OR) TOBACCO PRODUCTS

A. Isaev

Summary. The article considers the main aspects related to the forensic portrait of the personality of the offender as an element of the forensic characteristics of smuggling, which is an economic crime in the customs sphere. As part of this study, an analysis of judicial practice was carried out in order to identify the characteristics characteristic of a criminal who has committed the smuggling of alcoholic beverages and (or) tobacco products. The most significant personality traits that are characteristic of persons committing the considered type of smuggling are revealed.

Keywords: smuggling, tobacco products, alcoholic products, forensic characterization of personality, forensic characterization of smuggling.

Исаев Алиабас Ибрагимович

Московский государственный университет имени

М.В. Ломоносова

isaev.aliabas@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены основные аспекты, касающиеся криминалистического портрета личности преступника как элемента криминалистической характеристики контрабанды, являющейся экономическим преступлением в таможенной сфере. В рамках данного исследования был проведен анализ судебной практики на предмет выявления характеристик, свойственных преступнику, совершившему контрабанду алкогольной продукции и (или) табачных изделий. Выявлены наиболее значимые свойства личности, являющиеся характерными для лиц, совершающих рассматриваемый вид контрабанды.

Ключевые слова: контрабанда, табачные изделия, алкогольная продукция, криминалистическая характеристика личности, криминалистическая характеристика контрабанды.

Контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий криминализована законодателем в декабре 2014 года путем включения статьи 200.2 в Уголовный кодекс РФ (далее — УК РФ) [1]. Рассматриваемый вид контрабанды в криминалистике относится к категории экономических преступлений в таможенной сфере, которая, обладает рядом специфических свойств, в частности, повышенной общественной опасностью, транснациональностью, латентностью, а также организованным характером [2].

При пресечении и раскрытии рассматриваемого вида контрабанды особое значение приобретает характеристика личности преступника. В целях терминологического единообразия, под преступником в данной работе будет пониматься виновное лицо, фактически совершившее преступление, предусмотрено УК РФ, вне зависимости от его процессуального статуса (подозреваемого, обвиняемого, подсудимого или осуждённого).

Термин «личность» впервые был сформулирован американским психологом Г. Мюррем для обозначения

совокупности свойств человека, появляющихся в процессе его общественно-исторического развития. Именно личность преступника рассматривается в качестве носителя причин совершения преступления вне зависимости от того, какие характеристики — социокультурные или биологические — послужили основанием для её антисоциальной деформации [3]. Стоит согласиться с определением М.А. Лушечкиной, которая рассматривает личность с точки зрения криминалистики как «совокупность специфических свойств человека» [4, с. 81].

В связи с этим, особую важность приобретает задача по созданию типологической модели личности преступника, которая, как точно отметила В.О. Молярова, «базируется на анализе существенных свойств, черт, признаков соответствующих групп преступников» [5, с. 130], а также определению значения криминалистической характеристики личности в структуре криминалистической характеристики контрабанды алкогольной продукции и (или) табачных изделий. Сформированная модель личности контрабандиста может служить основой индивидуализации преступника как

человека, обладающего рядом типичных признаков, использоваться при предупреждении и пресечении совершения преступления.

Контрабанда вообще и контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий в частности, является преступлением, характеризующимся множественностью способов проявления в нем роли преступника [6].

Сложность категории личности преступника, многообразие подходов к её пониманию и содержанию, необходимость разработки концептуальных основ её криминалистического исследования отмечается большинством учёных, например, Ю.М. Антоняном, Р.Л. Ахмедшиным, Ю.Л. Дябловой, М.А. Лушечкиной, Н.И. Малихиной и т.д.

Говоря о модели личности преступника, В.А. Жбанков определяет её как «физический аналог, знаковое описание или мысленное представление о системе социальных, психологических и биологических свойств личности». Стоит учитывать, что психологические свойства личности для криминалистической модели имеют значение в той части, в которой они являются полезными в процессе раскрытия, расследования и предупреждения преступления [7].

Общее число информативных свойств личности, выделяемых учёными, значительно. Стоит отметить, что П.С. Дагель, И.Ф. Герасимов, Г.А. Самойлов, К.В. Скибицкий, Н.П. Яблоков в своих исследованиях делают акцент на биологических, физических и психологических свойствах личности, значимых для криминалистической характеристики. Также, в научной литературе встречается разделение специфических криминалистических характеристик личности на категории, исходя из степени их подверженности внешнему воздействию [8]. При этом, стоит учитывать, что свойства личности обоснованно рассматриваются в качестве информационной основы учения о личности преступник [9].

Нами поддерживается точка зрения, высказанная В.А. Жбанковым, согласно которой, личность преступника формируется в результате взаимодействия социального и биологического фактора, которые в своей совокупности являются основанием возникновения психологических свойств личности. Интеграция этих трех свойств, в свою очередь, способствует появлению психофизиологических свойств личности [2]. Таким образом, полноценно личность преступника характеризует совокупность четырех групп факторов: соц-, био-, психо- и психофизиологического характера.

Безусловно, любой из этих критериев будет иметь влияние в ситуации, когда он окажет воздействие

на процесс подготовки, совершения или сокрытия контрабанды вообще, и контрабанды алкогольной продукции и (или) табачных изделий, в частности и будет иметь значение для идентификации лица. Учитывая данный аспект, стоит отметить, что убедительно звучит заявление Р.С. Белкина о том, что «когда речь идёт об установлении конкретного человека, совершившего преступление, необходимо рассматривать все формы выражения личности вовне, то есть не только его поведение, но и свойства, по отражению которых, например на окружающей обстановке, можно идентифицировать субъекта» [10]. Именно свойства личности отображаются в процессе преступной деятельности при процессе взаимодействия преступника и объектов окружающего мира, включая других людей, предметы, живые организмы. Они служат источником криминалистически значимой информации о преступнике, которая используется в процессе раскрытия, расследования и предупреждения преступления [11].

Соответственно, на основании вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что под личностью преступника, совершающего контрабанду алкогольной продукции и (или) табачных изделий, необходимо понимать совокупность его социальных, психологических, биологических и психофизиологических и иных особенностей, которые в совокупности с факторами внешнего воздействия имели значение при совершении преступления и могут быть использованы в процессе его раскрытия, расследования и предупреждения преступлений аналогичной категории.

В данном случае представляется возможным разделить свойства личности преступника, совершающего контрабанду алкогольной продукции и табачных изделий на общие, включающие биологические, социальные, психические свойства, отражающиеся в материальных и идеальных следах [2], а также отдельно освятить особенности свойств личности лиц, совершающих рассматриваемый вид контрабанды как преступления, относящегося к группе таможенных преступлений.

С точки зрения важности для построения криминалистической модели личности, на наш взгляд, будут иметь значения такие аспекты её свойств, как:

- ◆ объективные свойства личности (пол, возраст, гражданство и т.д.);
- ◆ социально-психологические характеристики личности (семейное положение, уровень образования, наличие работы и специальных навыков);
- ◆ мотивы личности при совершении контрабанды алкогольной продукции и (или) табачных изделий.

Все свойства личности находятся во взаимосвязи, так, например возраст обуславливает наличие или отсутствие определенного уровня образования, наличие семьи или иждивенцев, что, в свою очередь, сказывается на мотивах и целях совершения преступления. Также, характеристики личности преступника находятся во взаимосвязи с иными элементами криминалистической характеристики. Характеризуя личность преступника, признанного виновным в контрабанде алкогольной продукции и (или) табачных изделий, первоначально стоит отталкиваться от законодательных свойств такого лица, установленных в частях 1–3 статьи 200.2 УК РФ.

Уголовная ответственность за совершение контрабанды предусмотрена только с 16 лет, что устанавливает нижнюю границу возможного возраста преступника. Согласно статистическим данным за рассматриваемый период, из 128 осужденных по ст. 200.2 УК РФ, 1,56% составили лица в возрасте 16–17 лет; 16,41% — 18–24 года; 10,16% — 25–29 лет; 56,25% — 30–49 лет; 15,63% — 50 лет и старше [12]. Соответственно, можно сделать вывод, что совершение преступления контрабанды свойственно людям достаточно зрелого возраста. На лиц, старше 25 лет приходится более 80% всех случаев контрабанды алкогольной продукции и (или) табачных изделий. Такое возрастное соотношение, на наш взгляд, обуславливается тем, что контрабанда относится к экономическим преступлениям, связанным с таможенным перемещением товаров и предметов через границу, что требует определённых навыков, в том числе, коммуникативных, и жизненного опыта, который не свойственен людям, младше 25 лет. Согласно изученной статистике, каждый 6 преступник, осужденный в период с 2018 по 2020 годы в соответствии с положениями ст. 200.2 УК РФ, в профессиональной сфере был задействован в предпринимательской либо коммерческой деятельности. Такие лица морально и психологически подготовлены, обладают развитым навыком коммуникации, позволяющим обеспечить формально легальное пересечение границы.

Стоит отметить, что схожее процентное соотношение возрастных категорий в целом свойственно всей группе экономических преступлений, в которой наиболее опасным с точки зрения возможности совершения преступления в сфере экономики является возраст от 30 до 40 лет, а наиболее криминогенным считается возраст в 32 года [13]. Такая закономерность представляется логичной, поскольку контрабанда относится к экономическим преступлениям в таможенной сфере.

Незначительное число лиц в возрасте 16–17 лет можно объяснить ещё и тем, что в подавляющем числе случаев для совершения контрабанды алкогольной

продукции и (или) табачных изделий необходим навык вождения дорожного или водного транспортного средства, а также большую физическую силу, поскольку крупный размер контрабанды в данном случае предполагает значительный вес и объем, характеризующий незаконно переправляемую продукцию и изделия. В 92% изученных приговоров, вынесенных по ст. 200.2 УК РФ за период 2017 по 2020 годы, фигурирует использование транспортного средства как, непосредственно, при пересечении таможенной границы Таможенного Союза со скрытой от таможенного контроля в его конструктивных частях, либо в прицепе контрабандой, так и при перевозе контрабанды вне установленных мест работы таможенных органов например, в зоне лесополосы. В 6% случаев, преступник имел навык управления водного судна (катера, маломерного плавательного судна).

Вместе с тем, автомобиль активно используется преступником в целях прибытия к месту передачи алкогольной продукции и (или) табачных изделий вне установленного места таможенного контроля, а также для последующей перевозки контрабанды после её переправки через границу. Так, например, в Приговор Донецкого городского суда Ростовской области по делу № 1–94/2020 указано, что подсудимый получил «через заградительный забор коробки с табачными изделиями, которые погрузил в принадлежащий ему автомобиль».

Стоит отметить, что выбор такого способа контрабанды, как перемещение предметов или товаров вне установленных мест или в неустановленное время работы таможенных органов в этих местах, закрепленный в части 2 пункта 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.04.2017 № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде» [14], зачастую взаимосвязан с местом жительства преступника, которое позволяет ему постоянно наблюдать за работой таможенных органов, их графиком и установленными порядками, либо способствует изучению местности, прилегающей к уставленной границе Российской Федерации в рамках Таможенного Союза. В 78.13% случаев, преступник, осужденный по ст. 200.2 УК РФ, постоянно проживал в той местности, где совершал контрабанду алкогольной продукции или табачных изделий. Оставшийся процент приходится на лиц, проживающих в иной местности.

Проведённое исследование показывает, что контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий, в подавляющем числе случаев, является преступлением, совершаемым мужчинами: лишь 1 женщина была привлечена к уголовной ответственности по ст. 200.2 за период с 2018 по конец 2020 года, что составляет

0,78% от числа всех осуждённых за рассматриваемый вид контрабанды.

Совершение данного вида преступления возможно как гражданами России, так и лицами, обладающими гражданством других государств, что свойственно всем преступлениям, относящимся к категории таможенных.

Большинство преступников, привлечённых к уголовной ответственности по части 1 статьи 200.2 УК РФ, относится к категории трудоспособных лиц, но не имеющих постоянной работы или законного дохода, их процент достигает 54.69% от общего числа осуждённых. Мотивом преступной деятельности обычно выступает корысть — стремление получить имущественную выгоду, о чем в своих решениях прямо указывают суды в своих решениях.

Необходимость использования транспортного средства в целях контрабанды алкогольной продукции и (или) табачных изделий, влияет на такую характеристику личности преступника, как профессия. Контрабанда может совершаться, например, моряками (в частности, членами экипажа теплоходов), водителями-дальнобойщиками, водителем-экспедитором или грузчиком, специализирующимися на международных рейсах, водителями, занимающимися перевозкой пассажиров между государствами на постоянной основе и иными лицами, работа которых связана с частым пересечением границы и знакомством с правилами таможенного декларирования.

Как правило, лицо, привлекаемое к уголовной ответственности за совершение деяния, предусмотренного ст. 200.2 УК РФ, является ранее не судимым. На момент судебного рассмотрения, неснятые или непогашенные судимости имели только 3, 91% осуждённых лиц. Представляется логичным, что такие низкие показатели связаны с положением Федерального закона от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», предусматривающем, что право гражданина России на выезд из страны может быть временно ограничено в случаях, если он осуждён за совершение преступления, — до отбытия (исполнения) наказания или до освобождения от наказания (п. 4 ст. ст. 15). Таким образом, указанная норма имеет превентивное значение при совершении контрабанды.

Субъектом контрабанды может быть, как частное, так и должностное лицо. Исходя из анализа судебной статистики, можно сделать вывод, что 59 из 128 осуждённых по статье 200.2 УК РФ, привлекалось к ответственности по части 2 данной статьи, предусматривающей наказание за совершение контрабанды

алкогольной продукции и (или) табачных изделий группой лиц по предварительному сговору, либо при участии в контрабанде должностного лица.

С точки зрения взаимоотношения с законом, в практике сложился подход, согласно которому всех лиц, совершающих контрабанду, возможно разделить на два характерных типа, различающихся по степени своей общественной опасности: а) совершившие действия по незаконному перемещению в результате стечения обстоятельств; б) профессиональные контрабандисты [15].

В первом случае, лицо не является систематически нарушителем закона, его мотив может быть связан, например, с ситуативным получением материальной выгоды, решением каких-либо личных проблем. Данное лицо будет менее общественно опасно, чем преступник, относящийся ко второй категории. Профессиональные контрабандисты, считающие контрабанду постоянным источником дохода, будут характеризоваться не только более высоким уровнем планирования, подготовки и организации, но и наличием устойчивых асоциальных установок в отношении закона.

Чаще всего, в преступных группах, занимающихся контрабандой алкогольной продукции и (или) табачных изделий, могут участвовать и работники таможенной службы, в связи с чем, при расследовании преступлений следователю необходимо учитывать данные о кадровом составе конкретного таможенного подразделения. При этом, для квалификации по пункту «б», части 2 статьи 200.2 УК РФ достаточно того, чтобы должностное лицо, не предпринимая непосредственных действий по перемещению контрабанды, по предварительной договорённости с соучастниками выполняло действия, связанные с его службой, и способствующие незаконному перемещению алкогольной продукции через границу, либо умышленно не применяло мер по предотвращению её ввоза или вывоза [16].

В сложившейся судебной практике, редко встречаются случаи, когда судом устанавливается ответственность за совершение контрабанды организованной группой в соответствии с частью 3 статьи 200.2 УК РФ. При этом, в организованной группе на постоянной основе могут существовать различные категории участников, выделяемые на основе распределения ролей при организации и совершении контрабанды алкогольной продукции и (или) табачных изделий (организаторы, перевозчики, лица, обеспечивающие безопасности, коррумпированные должностные лица и т.д.) [17].

Примером квалификации по части 3 статьи 200.2 УК РФ является дело № 1–320/2019, рассмотренное

Щербинским районным судом города Москвы, что два должностных лица организации «Международный почтамт», работавших в должности инспектора и главного государственного таможенного инспектора отдела таможенного оформления таможенного контроля, способствовали контрабанде табачной продукции, совершаемой с использованием международных почтовых отправлений, содержащих табачные изделия, путём организации таких отправок через таможенную границу Таможенного союза на территорию США исключения возможности их проверки и изъятия, с привлечение лиц, поставляющих немаркированные табачные изделия из Армении на территорию России, а также лиц, непосредственно направляющих международные почтовые отправления. Обстоятельства дела позволяют говорить о том, что преступники, занимающиеся контрабандой алкогольной продукции и табачных изделий в группе, должны обладать высоким уровнем интеллекта и организаторскими способностями, позволяющими руководить процессом и координировать действия иных участников группы.

Таким образом, можно сделать вывод, что содержание криминалистической характеристики личности преступника при контрабанде алкогольной продукции и (или) табачных изделий образуют те специфические свойства, которые определяют выбор лица именно уголовно-наказуемого варианта поведения.

К данной группе характеристики относятся такие факторы, как, наличие необходимых знаний и навыков (знание порядка работы таможенного контроля, мест-

ности, прилагаемой к территории границы РФ, навыки вождения автомобиля или плавательных средств, коммуникативные навыки, позволяющие организовать группу), делающих привлекательным вариант получения денежных средств путём контрабанды алкогольной продукции и (или) табачных изделий.

Данному виду контрабанды свойственно совершение её группой лиц с распределением ролей либо планируемое совершение одним лицом с этапом предварительной подготовки: из 35 осуждённых по ч. 1–3 ст. 200.2 УК РФ в 2019 году по п. а ч. 2 осуждено 12 человек, за 2020 год из 64 осуждённых по п. а ч. 2 осуждено 28 человек [12]. Значимым фактором является профессия преступника. В зависимости от способа совершения преступления и вида контрабанды каждый из обозначенных элементов, входящих в криминалистическую характеристику и непосредственно связанных с личностью контрабандиста может иметь решающее значение в расследовании дела о контрабанде алкогольной продукции и табачных изделий. Криминалистически значимыми признаками, характеризующими личность преступника является его пол, возраст, место жительства в непосредственной близости от таможенной границы Таможенного союза или возможность частого её пересечения. Исходя из анализа нормы уголовного права и судебной практики, можно сделать вывод о том, что контрабанда алкогольной продукции и табачных изделий является экономическим преступлением в таможенной сфере, обладающим рядом характерных для этой группы преступлений, черт, в том числе, касающихся непосредственно личности преступника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 № 63-ФЗ (в действующей редакции) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. ст. 2954.
2. Жбанков В.А., Авдонин В.А. Специфика личности преступника при расследовании таможенных преступлений: монография / В.А. Жбанков, В.А. Авдонин. М.: РИО Российской таможенной академии, 2017. С. 3.
3. Антонян Ю.М. Личность преступника. Криминолого-психологическое исследование / Ю.М. Антонян, В.Е. Эминов. Монография. М.: 2010. С. 8.
4. Лушечкина М.А. Криминалистическое изучение личности как часть теории криминалистики: проблемы становления и перспективы развития // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы: Материалы Международной науч.-практич. конф. М., 2015. С. 79–84.
5. Молярова В.О. Типологические черты личности преступника, совершающего преступления против нравственности в сфере половых отношений // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 4. С. 130.
6. Коровин Н.К., Рамазанов Р.Ю. Значение криминалистической характеристики в расследовании контрабанды // Аллея науки. 2018. Т. 1. № 10 (26). С. 831–834.
7. Козлов В.А. Об установлении субъекта налоговых преступлений // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2004. № 1. С. 76.
8. Ахмедшин Р.Л. Криминалистическая характеристика личности преступника. Автореф. дисс. К.ю.н. Томск. 2006. С. 4–5.
9. Жбанков В.А. Человек носитель криминалистически значимой информации. М.: А.П.О. 1993. С. 7–8.
10. Белкин Р.С. Курс советской криминалистики. Общая теория советской криминалистики. М., 1978. Т. 1. С. 65.
11. Авдонин В.А. Свойства личности и их криминалистическое значение в выявлении и изучении лиц, совершивших таможенные преступления. Дисс.к.ю.н. Люберцы. 2015. С. 28.
12. Судебная статистика РФ // URL: — <http://stat.api-пресс.ф/stats/ug/t/14/s/17> (дата запроса 25.09.2021).
13. Мацкевич И.М. Причины экономической преступности: учеб. Пособие. М.: 2017. С. 95.

14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.04.2017 № 12 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о контрабанде» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, июнь 2017 г. № 6.
15. Судникова Н.Ю., Мальхин И.В. К вопросу о криминалистической характеристике контрабанды культурных ценностей // Проблемы правоохранительной деятельности. 2020. № 4. С. 10–15.
16. Шайдуллина, Э.Д. Контрабанда алкогольной продукции (ст. 200.2 УК РФ): уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016 № 1(23). С. 26–29.
17. Исаев А.И. Криминалистическая характеристика контрабанды алкогольной продукции и (или) табачных изделий // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 6. С. 87.

© Исаев Алиабас Ибрагимович (isaev.aliabas@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

ПУБЛИЧНЫЕ СЛУШАНИЯ НА ЕДИНОМ ПОРТАЛЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ: ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

PUBLIC HEARINGS ON THE FEDERAL PORTAL OF PUBLIC SERVICES: ORGANIZATIONAL AND LEGAL ASPECT

A. Kuznetsov

Summary. The article considers the transformation of forms of participation of the population in the implementation of local self-government on the example of public hearings, including those associated with the introduction of restrictive measures due to the COVID-19 pandemic. An analysis of the organizational and regulatory legal support for the use of the federal portal of public services as a platform for organizing and conducting public hearings in an online format is presented. The advantages and risks of using this portal are indicated.

Keywords: public hearings, the federal portal of public services, digital technologies, local self-government, public involvement.

Кузнецов Антон Константинович

*К.и.н., доцент, ФГБОУ ВО «Чувашский
государственный университет имени И.Н. Ульянова»*

(г. Чебоксары)

kuznetsov-ak@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрена трансформация форм участия населения в осуществлении местного самоуправления на примере публичных слушаний, в том числе связанная с введением ограничительных мер из-за пандемии COVID-19. Представлен анализ организационного и нормативного правового обеспечения использования единого портала государственных и муниципальных услуг (функций) как площадки для организации и проведения публичных слушаний в онлайн формате. Обозначены преимущества и риски использования данного портала.

Ключевые слова: публичные слушания, единый портал государственных услуг, цифровые технологии, местное самоуправление, вовлечение населения.

Распространение новой коронавирусной инфекции COVID-19 стало существенным толчком ко все большему использованию цифровых инновационных технологий, онлайн форматов, информационно-коммуникационных сетей и систем. Сегодня практически невозможно представить нашу жизнь без мессенджеров и иных мобильных приложений, чат-ботов и различных сервисов [3].

Подвергаются трансформации и формы участия населения в осуществлении местного самоуправления. Получают широкое распространение краудфандинговые платформы, рейтинговые голосования, например, по проектам благоустройства, создания комфортной городской среды, иные опросы с использованием различных интернет-площадок и платформ.

По данным Минюста России одной из самых распространенных форм участия населения в решении местных вопросов являются публичные слушания. В 2020 году они проводились более 63 тысяч раз, в допандемийные 2019 год — 85 тысяч раз, 2018 год — 92,6 тысяч раз [2]. Такое снижение вполне объяснимо принимаемыми ограничительными мерами. Тем не менее, публичные слушания не только являются факультативной

формой участия населения в осуществлении местного самоуправления, но и в случаях, определенных законодательством, обязательной стадией правотворческого процесса.

Так, в соответствии со ст. 28 федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» на публичные слушания должны выноситься проекты устава муниципального образования, муниципальных актов о внесении изменений и дополнений в устав, местного бюджета и отчет о его исполнении, стратегии социально-экономического развития муниципального образования, а также вопросы о преобразовании муниципального образования [6]. Ст. 24, 5.1 Градостроительного кодекса Российской Федерации указывают на необходимость проведения общественных обсуждений или публичных слушаний по проектам генеральных планов, правил землепользования и застройки, планировки территории, межевания территории, правил благоустройства территорий, решений о предоставлении разрешения на условно разрешенный вид использования земельного участка или объекта капитального строительства, решений о предоставлении разрешения на отклонение от предельных параметров разрешенного строитель-

ства, реконструкции объектов капитального строительства [1]. Кроме того, иное отраслевое законодательство также нередко содержит нормы о вовлечении населения в обсуждение важных решений. Например, федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» указывает, что принятие решения о реорганизации или ликвидации муниципальной общеобразовательной организации, расположенной в сельском поселении, не допускается без учета мнения жителей данного муниципального образования [5].

Кроме того, Мхитарян Л.Ю. обращает внимание на то, что в соответствии с федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» публичные слушания являются одной из форм общественного контроля наряду с общественным мониторингом, общественным обсуждением и другими формами взаимодействия институтов гражданского общества с государственными органами и органами местного самоуправления [4].

Таким образом, законодательное требование о необходимости проведения публичных слушаний, с одной стороны, и установление антиковидных ограничений, с другой, способствовали адаптации этой формы к новым условиям. Федеральный закон от 01.07.2021 № 289-ФЗ «О внесении изменений в статью 28 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» дополнил общие положения о порядке организации и проведения публичных слушаний. Введена необходимость размещения органами местного самоуправления материалов по вопросам, которые выносятся на публичное слушание, результатов такого слушания, обеспечения возможности направления гражданами своих предложений по вопросам слушания путем использования официального сайта органа местного самоуправления в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Одновременно законом при проведении публичного слушания предоставлена дополнительная возможность органам местного самоуправления использования федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» (единый портал госуслуг) [6].

Введение дистанционного инструмента организации и проведения публичных слушаний создает большие возможности вовлечения населения в осуществление местного самоуправления, тем самым развивая формы «электронной демократии». Вместе с тем, постановлением Правительства РФ от 03.02.2022 № 101 утверждены Правила использования портала госуслуг в целях организации и проведения публичных слушаний.

Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, (оператор портала госуслуг) обеспечивается организационная, техническая, методическая, информационная поддержка органов местного самоуправления, в том числе посредством направления рекомендаций, технологических регламентов, а также платформы обратной связи портала госуслуг. Размещение на портале госуслуг материалов и информации осуществляется специалистом органа местного самоуправления с использованием личного кабинета органа местного самоуправления.

Оператор портала госуслуг обеспечивает техническую возможность:

- ♦ оповещения жителей муниципального образования путем размещения информации о времени и месте проведения публичных слушаний, ознакомления с проектом муниципального правового акта;
- ♦ представления замечаний и предложений по вынесенному на обсуждение проекту муниципального правового акта, размещенному на портале госуслуг;
- ♦ участия жителей муниципального образования в публичных слушаниях;
- ♦ опубликования (обнародования) результатов публичных слушаний органом местного самоуправления, включая мотивированное обоснование принятых решений [7].

Орган местного самоуправления обрабатывает замечания и предложения с использованием личного кабинета органа, в том числе обеспечивается возможность осуществления предварительной проверки замечаний и предложений, направленных жителями, на предмет наличия в них нецензурных либо оскорбительных выражений, угроз жизни или здоровью граждан, призывов к осуществлению экстремистской и/или террористической деятельности, включая возможность отказа в их рассмотрении с информированием жителей о причинах отказа в срок, не превышающий одного дня со дня направления замечаний и предложений [7].

Необходимо обратить внимание на технологические преимущества применения портала госуслуг:

- ♦ использование федеральной государственной информационной системы «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме» (участие в публичных слушаниях могут принять жители, имеющие подтвержденную учетную запись), что позволяет успешно решать

проблемы, связанные с идентификацией участников публичных слушаний;

- ◆ экономия финансовых, кадровых и иных ресурсов, связанных с обеспечением организационно-технологического сопровождения публичных слушаний на официальном сайте муниципального образования (в том числе разработка и поддержание сервисов обратной связи, разделов официального сайта, платформ и т.д.);
- ◆ широкий набор средств взаимодействия с пользователями портала госуслуг: оповещение через личный кабинет, электронную почту, push и СМС-информирование;
- ◆ возможность соблюдения однократности действий (например, представления замечаний и предложений по проектам муниципальных правовых актов);
- ◆ информационная и кибербезопасность.

Кроме того, на сегодняшний день обозначился тренд объединения различных источников данных, информационных систем, сервисов, регистров, реестров, платформ и т.д. В этой связи доступность и удобство портала госуслуг также можно отнести к его преимуществам. Отсутствует необходимость поиска каких-либо иных ресурсов, например, официального сайта муниципального образования (нередко и на самом сайте

возникают проблемы с поиском необходимых разделов и информации).

Тем не менее, организация и проведение публичных слушаний на портале госуслуг требует всестороннего анализа и комплексного учета рисков, которые также необходимо обозначать (например, реализация права на участие в публичных слушаниях жителей муниципальных образований, не имеющих доступа к portalу госуслуг, или не имеющих навыков использования сети «Интернет»; ресурсы и мощности портала госуслуг при одновременном проведении слушаний в большом количестве муниципальных образований и т.д.).

Таким образом, трансформация публичных слушаний в части использования виртуальной среды, дистанционных технологий, цифровых сервисов является важным шагом по дальнейшему вовлечению жителей муниципальных образований в решение вопросов местного значения. Портал госуслуг, обладая достаточно широким набором инструментов, может стать одной из значимых площадок взаимодействия населения муниципального образования и органов местного самоуправления, в том числе в части организации и проведения публичных слушаний. Однако эти вопросы требуют тщательного мониторинга и анализа правоприменительной практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N190-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Российская газета. № 290. 30.12.2004.
2. Доклад Министерства юстиции Российской Федерации о результатах ежегодного мониторинга организации и развития местного самоуправления в Российской Федерации за 2020 год // URL: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/monitoring-msu-202115.docx> (дата обращения: 27.02.2022); Доклад Министерства юстиции Российской Федерации о состоянии и основных направлениях развития местного самоуправления в Российской Федерации (данные за 2019 г. — начало 2020 г.) // URL: https://minjust.gov.ru/uploaded/files/07122020-minjustru_V5Rts6s.docx (дата обращения: 27.02.2022); Доклад Министерства юстиции Российской Федерации о состоянии и основных направлениях развития местного самоуправления в Российской Федерации (данные за 2018 г. — начало 2019 г.) // URL: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/inf0.docx> (дата обращения: 27.02.2022).
3. Кузнецов А.К. О правовом регулировании новых цифровых технологий // Правовые и нравственные аспекты функционирования гражданского общества: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, д-ра юрид. наук, профессора В.П. Малкова: в 2-х частях. Чебоксары, 2020. С. 411–418.
4. Мхитарян Л.Ю. Особенности проведения публичных слушаний на постковидном пространстве как форма взаимодействия гражданского общества и государства // Вестник ПАГС. 2021. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-provedeniya-publichnyh-slushaniy-na-postkovidnom-prostranstve-kak-forma-vzaimodeystviya-grazhdanskogo-obschestva-i> (дата обращения: 27.02.2022).
5. Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2012 N273-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 30.12.2012.
6. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 06.10.2003 N131-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 06.10.2003. № 40. ст. 3822.
7. Об утверждении Правил использования федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» в целях организации и проведения публичных слушаний: постановлением Правительства РФ от 03.02.2022 N101 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 04.02.2022.

© Кузнецов Антон Константинович (kuznetsov-ak@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИЗВЕСТНА ЛИ ГАЛЛИКАНИЗМУ ИДЕЯ ПРАВОВОГО ПОРЯДКА?

DOES GALLICANISM KNOW THE IDEA OF A LEGAL ORDER?

I. Luchinin

Summary. This article aims to acquaint the reader with the development of Bartolism and Gallicanism in France in the sixteenth and seventeenth centuries, and to explore the scientific legal ideas of the Gallican lawyers and learn what Gallicanism and French Bartolism brought new to the science of law. When writing the article the author used methods of historical analysis, synthesis and historical-legal method. The article examines the Gallican liberties, the totality of national customs and traditions and French law within the ecumenical law of the Church. The research has led to the conclusion that the Gallican jurists, did not attach importance to the social aspect of law, its development and life, which limited their knowledge of law, because they only studied law in the framework of individual legal monuments and written sources of law. The idea of a legal order that does not simply denote institutional and political reality seems to be absent from Gallican theorie. This article will provide a better understanding of the theory of Gallicanism and French Bartolism and the role played by 16th and 17th century French jurists in the development of the science of law.

Keywords: Gallicanism, Bartolism, France, science of law, legal science, caonic law, Church, legal order, international law, custom, freedoms of the Church, Roman law, methodology.

Лучинин Иван Игоревич

МГИМО МИД России

luchinin.i.i@my.mgimo.ru

Аннотация. Настоящая статья имеет целью ознакомить читателя с развитием бартолизма и галликанизма во Франции в XVI–XVII веках, а также исследовать научные правовые идеи юристов-галликанистов и узнать, что галликанизм и французский бартолизм привнесли нового в науку права. При написании статьи автором использованы методы исторического анализа, синтеза и историко-правовой метод. В статье исследуются вольности Галликанской церкви, совокупность национальных обычаев и традиций, французское право в рамках вселенского права Церкви. В результате исследования были сделаны выводы, что юристы-галликанисты, не придавали значения социальному аспекту права, его развитию и жизни, что ограничивало их познание права, так как они изучали право лишь в рамках отдельных памятников права и письменных источниках права. Идея юридического порядка, не просто обозначающего институциональную и политическую реальность, кажется отсутствующей в галликанских теориях. Статья позволит лучше ознакомиться и разобраться в теории галликанизма и французского бартолизма и узнать какую роль сыграли французские юристы XVI–XVII веков в развитии науки права.

Ключевые слова: галликанизм, бартолизм, Франция, наука права, юридическая наука, каноническое права, Церковь, правовой порядок, международное право, обычай, свободы Церкви, римское право, методология.

В начале любого сравнения необходимо сравнить терминологию. Является ли существование теории рецепции достаточным для установления существования различия между правовыми порядками? Давайте сравним, например, причины, приведенные кассационным судом в решении по делу Жака Вабра [1], с разработками канониста Луи де Эрикура в книге «Les lois ecclésiastiques de France» [2], или комментарий Пьера Дюпюи к десятой статье «Свобод» Пьера Питу [3]. Отсюда можно сделать вывод, что понятие правового порядка, в той мере, в какой оно относится к науке права, отнюдь не является точкой согласия между двумя сторонами, напротив, это то, что четко их различает. Проход через совокупность норм права, из которых такая-то и такая-то статья черпает свою силу, сингуляризирует аргументацию Кассационного суда; в основном, норма определяется ее принадлежностью к правовому порядку. С другой стороны, галликанские теории действительно ссылаются на «знак королевской власти» и на свод «законов и обычаев королевства», но сходство исчерпывается близостью целей. Все, кажется,

останавливается на правах суверена и издании законов; они никогда не рассматривают точку зрения науки права в ее кельсианском смысле, чистой теории права [4].

Конечно, неудивительно, что в галликанизме тщательно искать различие между правом и наукой о праве, кантовское происхождение которого достаточно, чтобы объяснить его отсутствие [5]. Это тем более удивительно, что тема рецепции законов, не отрицая своего все более радикального поворота, который заметен у такого янсениста, как Зегер-Бернард Ван Эспен, также опирается на особенно древние элементы. В рамках галликанизма, в частности, ему не может быть предоставлена полная автономия от общего контекста конкилиаристской экклезиологии, и не покажется незначительным тот факт, что кардинал Ив Конгар написал несколько наиболее глубоких размышлений на эту тему [6]. Знаменитый юрист Пьер Дюпюи, слышущий либертином со времен виртуозных тезисов Рене Пинтара [7], не преминул написать: «Не следует думать, что только

екклезиасты Франциска составляют тело Галликанской церкви. Вся Франция, то есть все католические францисканцы, все вместе составляют Тело этой Церкви, главными служителями которой являются епископы». [8] В начале XVII века, после Религиозных войн, Дюпюи стремился отобрать у папы все возможные юрисдикционные полномочия, как это было до него в рамках всей французской традиции. Тем не менее, царственный галликанизм последних двух столетий Анцианского режима не столько отстаивал превосходство собора — отказ от тридентских норм в достаточной степени свидетельствует об этом, — сколько занимался адаптацией законов к национальным государствам. «Я бы сказал, что свободы Галликанской церкви вовсе не основаны на доктрине концилиаризма,» — писал Пьер де Марка, — «ибо мы защищаем наши свободы в равной степени как от новых декретов генерального собора, так и от конституций суверенного понтифика.» Юрисдикционные полномочия, которые галликанцы оспаривают у Папы, они приписывают уже не экуменическому собору, результат которого неясен, а собранию духовенства, королю или парламенту. Поэтому легко понять, насколько привлекательными могли быть теории рецепции законов для юристов, стремившихся разделить римскую власть, которая стремительно росла по мере того, как она вела войну против Реформации.

На самом отдаленном уровне эти теории связаны с изречением Грациана — «*Leges, instituuntur cum promulgantur, firmantur cum moribus utentium approbantur*» [9] — истоки которого можно найти в Институциях или у Святого Августина. Галликанские ученые согласны с тем, что для рецепции иностранной нормы существует два условия: промульгация и использование. Пьер Дюпюи, например, считал, «что для соблюдения церковных и гражданских законов необходимы две вещи. Во-первых, чтобы они были законно опубликованы, а во-вторых, чтобы они были получены и использованы».

Было бы неверно обличать в галликанизме те черты, которые сближают его с Реформацией: общая эпоха не стирает различий в сути. Логика *Scriptura sola*, сформированная как автономный дискурс, привела к чему-то совершенно отличному от массы галликанской критики. Иной дискурс, дистанция которого оставляет место для сомнений: Боссюэ, конечно, самый прославленный из галликанцев, а сколько других, менее известных, пытались наверстать упущенное, но тщетно. Как почти интуитивно писал Альфонс Дюпрон [10], тень средневекового единства нависает над галликанизмом, тень *Christianitas*, даже в лохмотьях, которая остается как горизонт понимания, себя и мира. Среди восьмидесяти трех статей книги Пьера Питу «Свобода галльской церкви» более трети сформулированы во-

круг формулы «Папа не может...»: негативный оборот речи, перечисляющий ряд моментов, которые не следует принимать во внимание: негативный оборот речи, который перечисляет исключения, оставляя в центре сияющий авторитет. «С тех пор как короли Франции стали христианами благодаря вере и святому принятию Крещения», — пишет Ги Кокиль в начале своего второго «Трактата о свободе Французской Церкви» [11], — «Королевство Франция всегда было защитником всего христианства, и в особенности Римской Церкви». Далее он добавляет, что «Церковь Франции всегда была очень смиренно неофициальной и послушной [Святому Престолу] в объятиях Церкви Франции, приняв ту же доктрину, которой придерживается Римская, Католическая и Апостольская церковь». Великое средневековое дыхание, обеспечившее единство права, поскольку Бог не переставал «открывать» Отцам и Соборам элементы литургии, дисциплины и доктрины, заключалось в том, чтобы найти убежище в «христианской доктрине», которая одна только и скрепляла европейское единство с тех пор. Здесь присутствует галликанская мечта: найти единство через минимальное догматическое соглашение, отделенное от вопросов юрисдикции, «дисциплины», оставленных на усмотрение национальных темпераментов. Другое дело — конституции и обычаи, касающиеся политики служения Церкви; ибо в этом отношении было несколько изменений и несколько различий в зависимости от происшествий и темперамента народов, поскольку дела этого мира не могут быть в постоянном состоянии.

Поэтому, когда речь идет о «дисциплине» или «политике», это действительно вопрос приема. «Что касается политики Церкви и служения Церкви», — продолжает Ги Кокиль, — «Церковь Франции сохранила соблюдение большинства древних декретов, не приняла и не одобрила все декреты, конституции и обычаи, принятые и введенные Римскими Папами, даже за последние пятьсот лет, она приняла некоторые просто терпимо и попустительски, в зависимости от времени и на время, не признавая, что обязана делать это постоянно, но скорее со свободой, имея возможность отказаться от них.» Не казалось провокацией писать в первые годы правления Генриха IV: «И дела Церкви должны рассматриваться либо с точки зрения религии, либо с точки зрения церковной политики», поскольку такое различие можно было утверждать на основании древней традиции и актов Тридентского собора. С одной стороны, «факт совести и духовности», «факт религии», «христианская доктрина» — выражения колеблются — относятся к «вечному или непреходящему праву», по выражению Жака Лешасье; с другой стороны, «святая и похвальная политика Церкви», «церковный порядок и дисциплина» относятся к «[правам] временным, созданным по человеческим и непостоян-

ным причинам». Следовательно, тридентские декреты, которые касаются «внешнего порядка Церкви», писал Пьер Дююи, «не имеют места во Франции, если они не опубликованы законным образом и не приняты там по приказу короля, который может интерпретировать и изменять их так, как он считает нужным для блага своего государства».

Многообразие и неизбежная энтропия норм подрывали бы единство правового порядка, если бы их действительность не могла быть в конечном счете, даже чисто логическим путем, связана с фундаментальной нормой. Конечно, было бы абсурдно пытаться критиковать с исторической точки зрения такой постулат. Определение *Libertés de l'Église gallicane*, французской «нормативной системы» в рамках универсального закона, приобрело иные характеристики, но во имя глобальной экономики правового мира, которая не требовала такого «порядка». Унификация права вокруг принципа законности, даже если он просто постулируется, является прекрасным примером пути национального государства в его конституирующем стремлении к однородности.

По своей природе и истории изобилие и неоднородность норм были особенно характерны для канонического права. Многочисленные источники этого закона стали предметом исторической критики со стороны галликанцев, которые считали, что они восстанавливают «общее и древнее право» [12] до папских начинаний. Они отбросили все источники, которые, как им казалось, противоречили свободам галликанской церкви. «Соблюдение одних конституций», — писал Ги Кокиль, — «и отказ от других — вот что в целом можно назвать свободой Церкви Франции». Выбор конкретных источников и их внутренняя критика неотделимы от работы над юридической и церковной историей, которая, начиная с непосредственных преемников Жака Кужа, таких как Пьер Питу или Клод Фоше, до Луи Томассена или Зегера-Бернара Ван Эспена в начале XVIII века, была большой галликанской страстью. С одной стороны, критика *Corpus juris canonici*, особенно Декрета Грациана, который, как сомневались, был верным отражением права первого тысячелетия, узаконила отмену григорианской реформы и ее последствий; с другой стороны, умножение концилиарных сборников, публикация — что очень важно — дограциановских сборников окутали древнее право, общее право, ореолом чистоты. «Свободы Галликанской церкви», — продолжал Кокиль (...), — «это древние постановления и обычаи церкви, касающиеся политики церкви, какими они были четыре или пятьсот лет назад». Галликанские свободы — это и общее, и древнее право.

Однако общий характер древнего права не позволял определить его как международный правопорядок.

Речь шла скорее о логике *jus commune*, характерной для средневековых ученых, которая обеспечивала согласованность права во вселенной нормативного плюрализма. Опыт юристов оставался привязанным к этой диалектике, которую Мишель Вилли обнаруживал между *Corpus iuris civilis*; в самой своей простоте, в своей относительной бедности «скромная дверь диалектики» могла быть интегрирована в юриспруденцию, которая, к тому же, была значительно удалена от схоластических методов. Галликанизм, с самого начала укоренившийся во внутренней среде, был задуман в судебных формах, которые отдавали предпочтение логике убеждения. Традиционно парламенты должны были стоять на страже основных законов королевства и свобод галликанской церкви; таким образом, из четырех средств, которые Пьер Питу предлагал для защиты свобод, два были непосредственно связаны с ними: рассмотрение «всех булл и экспедиций, исходящих от римского двора» и апелляции по поводу злоупотреблений. Эволюция парламентской риторики в конце XVI века в сторону совещательного, политического красноречия воссоздала в новых формах старую логику. В области права комментарий Марка Фумароли: «Само восприятие печатного текста в XVII веке предполагает [преобладание] искусства слова», имеет все последствия в правовой сфере. Именно, если вольности Галликанской церкви были определены в законе, то это было в рамках такого искусства, которое не столько развивало невероятный принцип законности, сколько вечно непрерывный процесс понтификальных начинаний. Это искусство оставалось невосприимчивым к строгости юридического порядка, поскольку, как писал Ги Кокиль, свободы — это «сохранение повиновения древним декретам», или, по словам Шарля Лойсо, «вечное сохранение нашего первоначального и естественного права».

Галликанские свободы предполагали аргументированную законность, но, в отличие от того, что требовали бы отношения приказов или норм, они не были объектом строгого определения. Они оставались, по сути, произведением доктрины. 83 статьи Пьера Питу представляют собой эталон; но помимо двух основных максим о независимости королей и ограничении власти папы, нельзя с уверенностью сказать, что можно точно подсчитать вольности. Антуан Хотман в конце XVI века заметил: «И такие свободы не могут быть определены, то есть их нельзя объявить числом, как это можно было бы сделать с привилегиями Франции. Ибо свободы неограниченно противостоят всем новшествам, которые кто-либо хотел бы ввести во Франции, как конституциями, так и толкованиями и последствиями». [13] Он также отметил, «что вся дисциплина Церкви должна поддерживаться в соответствии со святыми постановлениями и генеральными соборами, не упоминая о декретах». В начале XVII века Жак Лешасье предложил

различать разные возрасты вольностей. Галликанская церковь знала три последовательных кодекса: первый — кодекс вселенской церкви, на который ссылается одиннадцатая сессия Халкидонского собора (451); второй — римский канонический кодекс Дионисия Меньшего начала шестого века, который с тех пор был дополнен несколькими декретами; и третий, наконец, декрет Грациана, составленный около 1140 года. Древняя свобода Галликанской Церкви была бы полностью включена в первый кодекс: это была бы «первая изначальная и полная свобода Церкви». Для Лешасье этот кодекс был общим законом всех христианских народов, объединяющим первые четыре экуменических собора.

В той мере, в какой оно относится к науке права, понятие правового порядка не претендует на описание присущего вещам качества. Напротив, он коренится в проекте дискурса, внешнего по отношению к объекту права, чистой теории, построенной по образу и подобию точных наук. Невозможность найти в рамках галликанских теорий определение правового порядка во многом объясняется частичным отсутствием, неполнотой этого постулата. Теории галликанизма действительно занимались познанием права, используя глубокую логику, которая приведет к юридическому позитивизму, но не сумев строго выделить саму норму. Эта теоретическая трудность является одновременно неудачей и успехом; на самом деле она является расширением природы галликанской аргументации.

Гуманизм, а затем галликанизм изменили перспективу, противопоставив дедуктивной логике исторические рассуждения, а спекулятивной теологии — позитивную теологию. [14] С 1550 года и до конца 17 века свободы Галликанской церкви были определены и основаны работой по установлению и критике источников, начатой Ренессансом. Свод обычаев, который до тех пор более или менее препятствовал папской юрисдикции и налогообложению в королевстве Франция, стал сводом правил, подкрепленных историческим обоснованием. Тем не менее, это историческое знание не выделяется из сферы позитивного права так же, как мы выделяем право и юридическую историю. Различие между историей права и позитивным правом в том виде, в котором мы его проводим, возникло в XIX веке; оно в значительной степени является наследием немецкой исторической школы. Напротив, среди галликанских юристов наблюдается совпадение между определением и археологией права, между правом и его историей. Какие источники были получены во Франции исторически? Это первый этап их рассуждений. Затем, на втором этапе, они считают, что все, что добавлено к этим источникам, противоречит галликанским свободам. Определение свобод совпадает с их археологией. Таким образом, не существует проблемы права, с одной

стороны, и проблемы истории права, с другой: существует историческая критика права, которая позволяет определить право, возможно, восстановить его.

Эта фундаментальная особенность галликанской доктрины объясняет, почему каждый конфликт норм заканчивается расследованием фактов. Галликанские юристы придерживаются — в сильном смысле — документального взгляда на право. Следствием такого уподобления закона его исторической критике, закона и его истории является то, что любой закон, название которого не доказано исторически, является легендой. Следовательно, титулы, утверждаемые канонистами в пользу папской власти, которые не подтверждены исторической критикой, не имеют никакой ценности. Юристы, которые льстили римской власти, вели себя не как юристы, а как фальсификаторы. Они придумали ложный «Константинов Дар» так же, как они придумали ложные Декреталии. Когда Зегер-Бернард Ван Эспен называет Лжедекреталии, которые поддерживали определенные прерогативы Апостольского Престола, «фетидовыми товарами», он является дальним преемником Лоренцо Валлы. Истина закона совпадает с его филологической истиной. [15]

В использовании французскими юристами фактических и исторических элементов кроется глубокое изменение в науке права. Аристотелевская концепция науки не была ориентирована на определение редуцированного объекта чисто экспериментальным путем. Она не игнорировала все формы опыта, но как самое абстрактное знание, знание принципов, она не имела другой цели, кроме самой себя. Она достигала завершенности в теоретической жизни, мудрости. Это видение, которое еще встречается у св. Фомы в подчинении всей науки блаженству, понятно современному уму, но оно остается для него чуждым.

Определение права по его историческому происхождению поощряло научные исследования в рамках рациональности; в свою очередь, это подразумевало связь права с документальными свидетельствами. Поэтому она не обладала динамическим видением, которое позволило бы ей представить нормативный порядок как единое целое. Огромная эрудиция, мобилизованная Пьером Дюпюи для составления «Доказательств свободы галликанской церкви», кажется, привела к своего рода интеллектуальной близорукости. Но именно анахронизм обманывает нас больше, чем сила духа человека, которого прозвали «Папой Парижа». [7] Другой пример такого юридического обоснования можно найти в Паскале. В предисловии к своему «Трактату о видах» Паскаль различал два типа наук: «одни зависят только от памяти и являются чисто историческими, их цель — узнать, что написали авто-

ры; другие зависят только от рассуждений и являются полностью догматическими, их цель — поиск и открытие скрытых истин». Геометрия, арифметика, музыка, физика, медицина и архитектура относятся к наукам, которые зависят от опыта и рассуждений. Что касается юриспруденции, то Паскаль отводил ей место, но в науках, связанных с памятью, науках, в которых стремятся узнать только то, что написали авторы, науках, как он сам говорит, «столь же ограниченных, как и книги, в которых они содержатся».

Стоическая философия дала юридическому миру одну из самых старых и распространенных метафор: источники права. Цицерон в своем трактате «О законах» говорит о *fons legum et iuris*. [16] Удача этого образа процветала благодаря его необычайной податливости; то, что он обозначает как источник, является интеллектом создания закона. Этот вопрос решается Кельзенем в «Чистой теории» путем разграничения динамического и статического правового порядка. Единство правового порядка, будь то одного или другого типа, обеспечивается нормой, которая «действует как институт фундаментального элемента операций правотворчества». Галликанская критика не рассуждала в терминах правового порядка, поскольку оставалась зависимой от статичной концепции источников права. Важность галликанских произведений в историографии канонических сборников была еще раз подчеркнута Габриэлем Ле Брасом. Галликанские юристы были, бесспорно, великими юристами, но в мире, экзгумация которого скрепляет дистанцию: они были великими юристами эпохи Французского королевства. Этот горизонт понимания не был ориентирован на определение «нормативной системы»: способы создания права оставались для них строжайшим продолжением материальных источников.

В действительности, если галликанизм игнорировал понятие правового порядка, он, тем не менее, был организован и, в той мере, в какой этого требует практика права, закрыт специфическими формами аргументации. Философия времени и истории, одушевляющая галликанские исследования, является существенной причиной этого невежества. Она тесно связана с духом гуманизма и его стремлением к реформе, осуществляемой через реституцию прошлого. Филологическая критика текста и стремление удалить накопившуюся грязь выливаются в проект возвращения к истокам, *antiquitas redux*.

Древнее право, открытое и часто реконструированное с помощью безудержной учености, судит и осуждает современное право, запятнанное пристрастием к понтификальной власти. Ги Кокиль уже тогда желал восстановить «древние установления и порядок церк-

ви». [17] Принятие Трентского собора, писал Шарль дю Мулен, означало бы «ниспровержение всего древнего состояния Франции и Галликанской церкви», «древней и канонической свободы церкви», согласно Лешассье, которая есть не что иное, как «общий и древний закон»! Следует признать, что это древнее право «было ослаблено в Риме», продолжал он, но Галликанская церковь «противопоставляла против декретов древние каноны». Эти галликанские свободы, заверяет Антуан Хотман, «бессрочно противостоят любым новшествам, которые кто-либо захочет ввести во Франции, как конституциями, так и толкованиями и последствиями»; это «франшиза, [которой французы] пользуются с момента своего первого установления».

Единство правового порядка зависит от объединяющего принципа, который всегда подразумевает, независимо от того, какой концепции он придерживается, рассмотрение права как действия субъекта. Действительность закона и единство правового порядка связаны с одной и той же «фундаментальной нормой», которая влияет на его согласованность с «нормативной системой». Однако это вменение всей полноты закона субъекту, который обуславливает его действительность, является предпосылкой, полностью отсутствующей в галликанских теориях. Если теоретики галликанизма думали, что смогут найти поддержку своим утверждениям в истории, им так и не удалось написать генеалогию галликанских свобод как исключительного действия государства. Государство не мыслится как автор закона; оно также не является субъектом его историчности.

Устаревание галликанских теорий не связано с более глубоким знанием исторических документов. Возможность создания правовой теории исходит не из увеличения этих знаний, а из глобальной концепции права и истории, которая коренным образом изменила точку зрения юристов. Мы рассматриваем закон, мораль, культуру и даже человеческий разум как исторические и живые реальности. Мы воспринимаем право не изолированно и фрагментарно, а как зависимое от государства и набора норм, действительность которых оно гарантирует. Это видение было проигнорировано галликанскими юристами, которые оставались в плену своего рода объективизма источников. Их философия происхождения, их методы и условия работы склоняли их к документальному и археологическому видению права. Увлеченные поиском доказательств, установлением и восстановлением древнего права, они были одержимы поиском архива или исторического свидетельства, которое позволило бы им поддержать утверждение о галликанской свободе. Они так и не смогли увидеть в источниках, в документальной совокупности закона, применяемого во Франции, жизнь народа. Для того что-

бы прийти к теории правового порядка, сначала нужна была философская идея, которую Вико, Монтескье, Савиньи и, прежде всего, Гегель постепенно воплотили в жизнь. Тогда все право и его конкретные определения предстанут как «момент, зависящий от совокупности, в связи со всеми другими определениями, составляющими характер нации и эпохи». [18] Этот качественный скачок, который Гегель находит у Монтескье, позволит осмыслить государство уже не как объект, а как совокупный субъект источников права. И затем, возможно,

более скромно, но не менее глубоко, в мире практиков, который обязан столь многим галликанизму, наступит момент в девятнадцатом веке, когда источники права будут реорганизованы сверху донизу. Когда около 1830 года трактаты по римскому праву, каноническому праву, обычному праву и истории права были отброшены, а обилию источников был положен физический конец, библиотеки были не только тщательно рационализированы, но и была изобретена, так сказать, новая география идей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Решение Кассационного суда по делу «Sociétés des cafés Jacques Vabre», 24 мая 1975. D. 1975.497, AJDA, 1975, p. 567.
2. Луи де Херикурт, «Церковные законы Франции в их естественном порядке», Париж, 1771, 1-я часть, гл. 17, стр. 297.
3. Пьер Дююи, «Комментарий к Договору о вольностях Галликанской церкви М. Пьера Питу, адвоката Парламентского суда», 1731, стр. 31
4. Мишель Тропер, «Юридический позитивизм», стр. 30
5. Ганс Кельзен, «Чистая теория права», перевод Шарля Эйзенманна, Париж, 1962, стр. 98
6. Ив Конгар, «Рецепция как экклезиологическая реальность», в «Церковь и Папство», Париж, 2002, стр. 229–266
7. Рене Пинтар, «Ученый либертинизм в первой половине XVII века», Париж, 1983
8. Пьер Дююи, «Комментарий к Договору о вольностях Галликанской церкви М. Пьера Питу, адвоката Парламентского суда», в Дююи-Брунет, стр. 4
9. Луиджи де Люка, «Народное признание канонического права в мысли Грациана и его толкователей», том 3, Болонья, 1955, стр. 206
10. Альфонс Дюпрон, «Генезис современности. Рим, реформы и Новый Свет», 2001
11. Ги Кокиль, «Договор о вольностях Церкви Франции», в «Произведениях», том. 1, стр. 130
12. Жак Лешассье, «Об античной и канонической свободе...», Дююи-Брунет, стр. 237
13. Антуан Хотман, «Договор о церковных правах, франшизах и свободах Галиканской церкви», Дююи-Брунет, стр. 148
14. Жан-Луи Кантин, «Классический католицизм и Отцы Церкви. Возвращение к истокам (1669–1713)», Париж, 1999, стр. 103–111
15. Стефана Риалс, «Veritas iuris», в Droits, № 26, 1997, стр. 101–182
16. Цицерон, труд «О законах», I, 5
17. Ги Кокиль, «Предложить Его Святейшеству...», стр. 151
18. Гегель, «Принципы философии права», перевод Жан-Франсуа Кервеган, Париж, 1998, стр. 93

© Лучинин Иван Игоревич (luchinin.i.i@my.mgimo.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ МОЛОДЕЖНОГО РЫНКА ТРУДА

PROBLEMATIC ISSUES OF THE YOUTH LABOR MARKET

**T. Matveeva
N. Kuznetsova
O. Ryabova**

Summary. The article analyzes the youth labor market in Russia and in some foreign countries. The problematic issues of employment and employment in the modern period are revealed. The question is raised about the need for social support for the younger generation and ways out of the current situation in the labor market.

Keywords: unemployment, labor market, youth labor market, young generation.

Матвеева Тамара Павловна

Старший преподаватель, ФКОУ ВО «Владимирский
юридический институт ФСИН России»
matveeva33@mail.ru

Кузнецова Наталья Владимировна

Старший преподаватель, ФКОУ ВО «Владимирский
юридический институт ФСИН России»
kuznezova-1963@mail.ru

Рябова Ольга Алексеевна

Преподаватель, ФКОУ ВО «Владимирский
юридический институт ФСИН России»
frau.lelya2012@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется молодежный рынок труда в России и в некоторых зарубежных странах. Раскрываются проблемные вопросы занятости и трудоустройства в современный период. Ставится вопрос о необходимости социальной поддержки молодого поколения и путей выхода из сложившейся обстановки на рынке труда.

Ключевые слова: безработица, рынок труда, молодежный рынок труда, молодое поколение.

Разработка и внедрение эффективной модели трудоустройства молодежи является сегодня актуальной социально-экономической проблемой. Для молодого человека — это способ реализации жизненных и профессиональных планов, собственного материального обеспечения. Для работодателя — инструмент формирования и обновления кадрового состава предприятия. Для государства — решение вопросов экономического роста и определения перспектив общественного развития в целом. Необходимо помнить, что молодежь — это будущее нашего государства. Это ресурс для улучшения политической и экономической ситуации в стране, от которого во многом зависит ее благосостояние. Квалифицированное распределение трудовых ресурсов может помочь государству справиться с кризисными ситуациями на рынке труда. Учитывая внешние вызовы и трудную политическую и экономическую ситуацию в стране, это является крайне актуальным.

На сегодняшнем этапе развития Российского государства, хотелось бы рассмотреть проблемы трудоустройства молодого поколения в нашей стране. Молодежь сегодня занимает 1/3 трудоспособного населения в РФ. Возрастной ценз трудоспособной молодежи в России установлен в возрасте от 14 до 35 лет.[1] До принятия закона «О молодежной политике в Российской Федерации» возрастные рамки молодежи опреде-

лялись до 30 лет. Но возраст, с которого молодые люди могут вступить в трудовые отношения в России, установлен с 16 лет. Кроме всего, Трудовой кодекс РФ допускает трудовую деятельность и ранее этого возраста. Так в 15 лет гражданин может участвовать в трудовых отношениях, если он получил общее образование или продолжает его получать по иной форме обучения. Законодатель в этом случае конкретизирует, что труд должен быть легким и не причиняющим вреда здоровью или не ограничивающим получения общего образования. Также в соответствии со статьей 63 ТК РФ допускается с письменного согласия одного из родителей (попечителя) и компетентного органа, в данном случае органа опеки и попечительства, выполнять легкий труд в 14 лет и даже моложе. Но для малолетних работников определяются организации, в которых может быть использован их труд с обязательным ограничением режима труда. Трудовой договор в этом случае подписывают родители или иные законные представители (опекуны).

На сегодняшний момент, когда обучение в России в большей степени платное, количество бюджетных мест ограничено студенты стараются найти работу, которую можно было бы совмещать одновременно, получая среднее специальное или высшее образование. Чтобы снизить затраты родителей за обучение молодые люди соглашаются на любую работу. Следует отметить, что достаточно часто работодателями не соблю-

Рис. 1. Статистика безработицы в России по годам, 1992–2021 гг.[3]

дется трудовое законодательство при трудоустройстве данной возрастной категории работников, что практически не поддается контролю со стороны уполномоченных органов.

Работодатель чтобы не обременять себя лишними расходами на перечисление налогов старается не заключать с молодыми работниками трудовой договор. Даже если рабочие отношения оформляются, то не трудовым договором, а гражданско-правовым, в соответствии с которым различные льготы и гарантии не предусмотрены. Работодателю не надо предоставлять отпуска работникам, не требуется оплачивать больничные листы, так как отчислений в ФСС не производится. Кроме всего и пенсионные накопления не формируют будущую пенсию.

Значимость данной проблемы повышается в условиях демографической и социально — политической нестабильности, структурной и технологической перестройки хозяйства отдельных регионов и страны в целом. Обрушившаяся на мир коронавирусная инфекция, ограничительные меры, обучение в дистанционном формате усугубили и без того имеющиеся проблемы молодого поколения. Снижение рождаемости в 90 — е годы сегодня отозвалось сокращением рабочих мест на рынке труда. Все эти кризисные моменты обрушились на (работоспособную часть) населения нашей страны. Число работников в стране за последний год уменьшилось почти на полмиллиона человек. Самая работоспособная часть молодежи приходится на 20–35 лет. Но нельзя сказать, что на снижение численности молодых работников повлияла только пандемия. Снижение работоспособного молодого поколения происходит уже значительный период. По данным Росстата численность молодых работников в России, начиная

с 2019 года, снизилась, в общем, более чем на 1,4 млн. человек.

Безусловно, продолжающиеся более двух лет ограничения, связанные с пандемией, снижения числа рабочих мест вследствие экономических проблем в секторе малого и среднего бизнеса определенно сказались на рынке труда страны. Безработица в отдельные периоды доходила до высокого уровня. Закрытие отдельных секторов экономики привели к потере работы большого количества молодежи.

Самый пик безработицы пришелся на летний период 2020 года и составил 4,4 млн. человек, что соответствовало 6,4%. На конец 2020 года уровень безработицы в России составлял 5,9%. Доля молодежной безработицы в летние периоды достигала 21,3%. К концу того же года уровень безработицы среди молодежи снизился до 16,9%. За 2020 год численность занятого населения в стране стала меньше на 1,65 млн. человек. Численность занятой молодежи снизилась на 1 млн. человек.

К концу 2021 года общий уровень безработицы в нашей стране составлял 4,3%, 3,6% безработных приходилось на молодежь. Данные цифры показывают, что более высокий уровень безработицы приходится на старшее поколение. Для молодежи это не столь катастрофично как было в начале пандемии.[2]

Вместе с тем, проблемы, связанные с безработицей молодежи в Российской Федерации остаются актуальными и требующими внимания.

Хотелось бы отметить, что в сложившихся обстоятельствах, негативным изменениям подвергся не толь-

ко российский рынок труда, но и рынки труда многих стран мира.

В период начала пандемии безработица в мире достигла невероятных масштабов. Без работы остались 114 миллионов человек. К этому привели вынужденные ограничительные меры, которые стали фатальными для части представителей определенных слоев бизнеса, что резко сократило количество рабочих мест, причем затронутые секторы отличались перспективными направлениями именно в трудоустройстве молодежи.

По данным Международной организации труда 8,7% безработных в мире пришлось на молодое поколение. Некоторые западные специалисты прогнозировали, что молодежь не сможет восстановиться после таких колоссальных потерь.

Мировой рынок занятости понес огромные убытки. Наиболее высокий процент безработицы пришелся на Испанию (16,1%), доля молодежной безработицы была значительно выше (30%), максимальный уровень достигал отметки 55,9%, на Италию (10,2%), доля молодежи потерявшей работу составляла — 29,7%.

В Испании показатель молодежной безработицы снизился на начало 2022 года до 29,4%, в Италии в этот же период уровень безработицы составлял 8,8%. [4]

По данным Бюро трудовой статистики Соединенных Штатов Америки в США уровень безработицы на начало пандемии составлял — 14,7%, максимальный уровень молодежной безработицы достигал 27,4%, а минимальный — 4,8%.

На февраль 2022 года на долю безработных молодых людей в Соединенных Штатах Америки приходится 8,3%, что показывает о снижении уровня безработицы среди молодежи.[5]

Но хотелось бы отметить, что данные показатели определяют только тех, кто зарегистрирован официально как безработный. Уровень латентной безработицы значительно выше и в России, и в мире. К тому же среди молодых людей вероятность пополнить ряды безработных в мире больше чем среди более взрослого населения.

В России, как считают специалисты, хотя молодежь чаще подвержена рискам, больше всего пандемический кризис все же ударил по более зрелому населению страны, что сказалось на уровне безработицы в 5,8% на начало пандемии, 4,3–4,5% на начало 2022 года.

Это показывает, что за периоды распространения коронавирусной инфекции, несмотря на то, что волнообразные скачки повышения и снижения уровня безработицы коснулись также молодежи, это были все же незначительные колебания.

Ведь потеря работы одно из сильнейших потрясений, которое может очень сильно влиять на стабильность общества. Наличие работы — одно из самых определяющих условий благополучной жизни человека и его семьи.

Среди проблем, оказавших влияние на молодежный рынок труда можно выделить такие проблемы.

Достаточно большое количество молодых людей трудятся без оформления трудового договора, тем самым не получая те льготы и гарантии, которые предусматривает Трудовым кодексом РФ. И это в большей степени молодые люди в возрасте 15–22 лет, которые подрабатывают в сфере услуг в свободное от учебы время.

Также работающим без оформления трудового договора не всегда в полном объеме выплачивается обещанное вознаграждение. Полагаем, что данная проблема должна решаться посредством усиления законодательного регулирования труда молодежи и контроля в этой сфере. Указанные меры позволят снизить озвученные нарушения со стороны работодателей. А в качестве стимулирования работодателей, возможно, следует рассмотреть вопрос о предоставлении предприятию налоговых льгот при приеме на работу молодых специалистов.

Также известны определенные трудности, с которыми сталкиваются молодые люди при совмещении обучения с работой. Иногда даже государственные учреждения-работодатели отказываются предоставлять отпуска на период сессии при получении студентами образования впервые, хотя трудовое законодательство предусматривает такое право. Следовательно, необходимо ввести меры ответственности к подобным работодателям, чтобы снизить тем самым нарушение законодательных норм.

Определенные трудности в совмещении работы и обучения, отсутствие определенного опыта работы, а отсюда низкая конкурентоспособность, спрос и предложение не соответствуют на рынке труда, желание молодого поколения получить все и сразу, но, не прикладывая при этом больших усилий.

Значительная часть молодых людей трудится в таких сферах, которые могут стать опасными для общества

и для его стабильности в целом. Речь идет о том, что определенный процент молодежи использует в качестве заработка незаконные возможности. При этом получение больших гонораров за подобную «трудовую деятельность» крайне негативно сказывается на здоровье самого молодого поколения и дальнейшем его желании зарабатывать честным путем. По сводкам правоохранительных органов наибольший объем продажи наркотиков приходится на Россию. Данная проблема должна решаться усилением административной и уголовной ответственности за противоправную деятельность, а также проведением профилактических мероприятий с привлечением сотрудников внутренних дел, преподавателей средних специальных и высших учебных заведений.

Начавшаяся пенсионная реформа также повлияла на молодежный рынок труда. Рабочие места заняты в связи с увеличением возраста выхода на пенсию, запрет на увольнение работников предпенсионного возраста. Отсюда низкая конкурентоспособность, спрос и предложение не соответствуют на рынке труда, выпускникам образовательных учреждений приходится все сложнее найти работу после окончания учебных заведений.

Стремительное развитие научно-технического прогресса, роботизация отдельных сфер экономики также оказывает большое влияние на рынок труда.

В настоящее время возрастающая молодежная безработица — это болезнь не только российского государства, но и всего мирового сообщества. И именно молодежь наиболее уязвима в трудовом секторе экономики. В связи с этим возникает необходимость постоянного и интенсивного исследования рынка труда. Считаем что, следует поставить вопросы занятости молодежи на всеобщее обсуждение с учетом специфики каждого взятого региона страны. Каждый субъект на региональном уровне при всеобщем обсуждении должен выработать для решения конкретных задач определенные профильные программы, способные решить вопросы молодежного рынка труда. Молодежь должна быть адаптирована к происходящим условиям в современном мире.

Таким образом, проблемы должны решаться с разработкой целого комплекса методов, следует создать отлаженную систему, которая сможет действенно и эффективно готовить молодежь к труду.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // СЗ РФ от 4 января 2021 г. № 1 (часть I) ст. 28
2. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (Росстата). URL: <https://rosstat.gov.ru/>
3. Статистика безработицы в России. Источник: <https://ratenger.com/economics/bezraboticza-v-rossii>
4. Уровень безработицы: <https://take-profit.org/>
5. Бюро статистики труда (BLS): https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.62de52be-622dce5d-a7d3c769-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Bureau_of_Labor_Statistics

© Матвеева Тамара Павловна (matveeva33@mail.ru),

Кузнецова Наталья Владимировна (kuznezova-1963@mail.ru), Рябова Ольга Алексеевна (frau.lilya2012@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРАВОВОЙ СТАТУС ОРГАНОВ АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА: ГЕНЕЗИС, ИСТОРИЯ И ПРАКТИЧЕСКИЙ ОПЫТ ГЕРМАНИИ И ФРАНЦИИ

LEGAL STATUS OF THE BODIES OF THE JOINT-STOCK COMPANY: GENESIS, HISTORY AND PRACTICAL EXPERIENCE OF GERMANY AND FRANCE

V. Peskov

Summary. The article discusses the main and most popular organizational and legal models of societies existing in European member countries. Such types of companies as joint-stock companies are investigated, limited liability companies, business companies or trading companies, limited companies and production cooperatives as examples of corporate law in France and Germany. After our country has embarked on the path of self-identification and intra-centrality in a period of global transformations and harsh sanctions, legislators and scientists will have to set the task of analyzing the experience of modern European Union countries in the field of corporate law. Since this direction in science is relatively new in the Russian Federation due to the long historical path within the USSR and the subsequent period of transition to a market economy, the successful experience of the EU member states can serve as a fairly successful example for solving problems related to corporate legal relations.

Keywords: corporate law, EU corporate law, corporate legal relations, corporate rights and obligations, joint stock company, Germany, France.

Песков Виктор Сергеевич

Московский городской педагогический университет
victor.peskov@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрены основные и самые популярные организационно-правовые модели обществ, существующих в европейских странах-членах. Исследованы такие виды обществ, как акционерные общества, общества с ограниченной ответственностью, хозяйственные общества или торговые общества, командитные общества и производственные кооперативы как примеры корпоративного права во Франции и Германии. После того, как наша страна встала на путь самоидентификации и внутрицентричности в период глобальных трансформаций и жесткого санкционного воздействия, перед законодателем и учеными предстоит поставить задачу по анализу опыта современных стран Европейского Союза в области корпоративного права. Поскольку в Российской Федерации данное направление в науке является относительно новым из-за долгого исторического пути в составе СССР и последующего периода перехода к рыночной экономике, то успешный опыт стран-членов ЕС может послужить довольно успешным примером по решению проблем, которые связаны с корпоративными правоотношениями.

Ключевые слова: корпоративное право, корпоративное право ЕС, корпоративные правоотношения, корпоративные права и обязанности, акционерное общество, Германия, Франция.

Традиционно в истории стран Европы, а затем и в Европейском Союзе существуют следующие виды обществ: акционерные общества, общества с ограниченной ответственностью, хозяйственные товарищества или торговые общества, командитные общества, производственные кооперативы. В рамках данного исследования мы сфокусируемся на акционерных обществах как наиболее распространенных формах корпоративного права в Российской Федерации.

В классическом понимании акционерные общества — это объединение капитала многих участников для достижения общей цели. Первичный смысл таких обществ заключался в формировании крупных капиталов с помощью небольших сумм, которые состояли из средств всех участников, то есть акционеров. Прообразом первых акционерных обществ были крупные торговые компании, созданные в XVII в. в странах Европы. Это были голландские, британские, француз-

ские, ост-индийские компании. Их правовая природа заключалась в том, что государства предоставляли им значительные публично-правовые права, поэтому их с уверенностью можно было считать субъектами публичного права.

Торговый кодекс Франции в 1807 году впервые закрепил понятие акционерного общества, его особенности заключались в том, что:

- ◆ это было самостоятельное юридическое лицо, которое создавалась на признании только имущества такой юридического лица, это означало, что имущество общества не имело отношения к имуществу его участников и признавалось самостоятельным;
- ◆ из этого положения выходило признание ограниченной ответственности ее участников перед долгами, которые возникали в созданной ими компании;

- ◆ акции, с помощью которых возникала возможность быстрой передачи паев корпорации от одних лиц к другим [8].

То, что организация акционерных обществ фактически не затрагивает собственные средства их акционеров, обусловило необходимость создания определенной системы управления такими обществами. Особенность таких органов заключалась в том, что они не всегда формировались из состава акционеров — ими также могли быть и третьи лица.

Этот принцип в корпоративном праве Европы известен как *“Drittorganschaft”* — принцип самостоятельности органов. Несмотря на это, акционерное законодательство многих стран указывает на привлечение акционеров, между которыми бы разделялись риски, связанные с деятельностью их компании. Чтобы гарантировать выполнение этого положения, законодатели многих европейских стран постоянно делали меньшую в цене минимальную стоимость одной акции, что делало их доступными для многих граждан.

Как отметил Е.А. Суханов, практика использования такого акционерного законодательства выявила следующие риски.

1. Фактическое отсутствие личной ответственности акционеров по долгам компании несет большой риск для кредиторов, что требует четкой законодательной регламентации, которая бы защищала их интересы.
2. За то, что акционерами, как правило, были лица, которые плохо ориентировались в коммерческой деятельности, облегчало проведение манипуляций имуществом компании, которую проводил корпоративный менеджмент.
3. На современном этапе активное участие крупных акционерных обществ в организованных рынках капитала, в том числе и международном, требует усиления прозрачности их деятельности, расширение доступа к необходимой информации и публичного контроля сделок, которые заключают такие корпорации [2].

Другая группа представлена относительно небольшими корпорациями, деятельность которых не нуждается в таком роде повышенном контроле и регулировании из-за их незначительного количества [1; 11; 10]. Значительную роль в современном акционерном законодательстве в Европейском Союзе сыграл переход с «документарных» бумажных акций на их «бездокументарный» аналог, он состоялся в 80–90 годах XX века.

Как известно, в правовой истории не существовало аналогов общества с ограниченной ответственностью.

Это понятие впервые появилось в Германии, оно было начато в 1892 году Министерством юстиции. Это была попытка законодательства стабилизировать ситуацию после принятия слишком жестких норм акционерного законодательства. Характерной особенностью, которая отличала эту форму обществ от акционерного, было полное отсутствие личного элемента, поскольку в таком субъекте хозяйствования делалось невозможным свободное отчуждение участниками своих вкладов на пользу третьих лиц.

Необходимо отметить, что искусственно созданное Германией общество с ограниченной ответственностью понравилось и законодателям других стран тогдашней Европы. Особенно оно приобрело популярность во Франции и Швейцарии, которые, конечно, несколько изменили его положение. Например, во французской правовой системе законодателем намеренно усложнена процедура отчуждения паев участников таких обществ. Это было сделано для того, чтобы закрепить личный характер отношений субъектов малого и среднего бизнеса. А попытка швейцарского законодателя сделать намеренно жесткими нормы в отношении обществ с ограниченной ответственностью закончились тем, что количество акционерных обществ по сравнению с обществом с ограниченной ответственностью значительно возросла, что было совсем не характерно для правовых систем других стран Европы [17].

Надо отметить, что в предпринимательской и юридической практике все чаще прослеживались различные виды злоупотреблений в такой форме общества. Например, довольно легко довести предприятие к банкротству, если возвращать участникам их вклады под видом займа. Подобных пробелов было довольно много, поэтому в дальнейшем были внесены определенные изменения в законодательство. А пока их не произошло, главным преимуществом обществ с ограниченной ответственностью была минимизация имущественной ответственности участников. Именно это положение нивелировало очевидную опасность, которая возникала для потенциальных партнеров. После такой ситуации среди предпринимателей аббревиатура общества с ограниченной ответственностью начали иронически именовать «общество с ограниченным уважением» или как «иди с нами, но будь позади» [18].

Новая эпоха развития акционерных обществ в ЕС началась тогда, когда Европейский суд своим решением закрепил права компании, которые зарегистрированы в одной из стран-членов, вести свою предпринимательскую деятельность в другом государстве-члене. Это дало возможность национальным предпринимателям выбирать любую корпоративную форму из тех, что существуют в странах Европейского сообщества. Если

взять для примера Германию, то там многие предприниматели приняли решение вместо общества с ограниченной ответственностью (GmbH) перейти на акционерное общество (JSC). Прежде всего, нужно отметить, что причиной была упрощена система регистрации английских компаний, а следующая причина — символические требования к уставному капиталу (в Англии сумма составляла — 1 фунт, а в Германии — 25 тыс. евро) [22].

Возникает необходимость вернуться к вышеупомянутой директиве, которая предоставила возможность создавать общества с одним участником. Этот нормативно-правовой акт касался значительной мерой обществ с ограниченной ответственностью, но также он определял возможность существования акционерных обществ с одним участником. В европейском корпоративном праве начались разнообразные дискуссии по этому поводу, такую форму обществ иногда даже называли «искажением корпоративной идеи».

Так как любое акционерное общество — это значимый объект корпоративного права и одновременно являющимся разновидностью корпораций, то рассмотрим сущность и генезис понятия «корпорация» в Европейском законодательстве.

«Корпорация является «сообществом» в этом конкретном смысле: она также является совокупностью или структурой, происходящей от взаимодействия человека ...» [20], — идея, высказанная в 2014 году Тони Лоусоном, позволяющим утверждать о постепенной деформации теории фикции в корпоративном праве Европы. Ученый выступает против теории, указывая, что «... корпорация приобретает свою форму из совокупных и повторяющихся действий между корпоративными субъектами (акционерами, руководителями, работниками и другими), из их прав и обязанностей, образующих вместе определенную юридическую «структурность», которая возникает в результате этого взаимодействия. Существование корпорации имеет материальную основу в поведении человека». По мнению Тони Лоусона, акт юридической инкорпорации может иметь значение лишь тогда, когда существует предварительное (или, когда ассоциация находится в процессе создания, перспективная) социальное лицо, обладающее определенными свойствами [19].

Поддерживая позицию ученого, Давид Гиндис в обосновании реальности юридического лица» делает акцент на важном смысле, в котором корпорация одновременно независима от своих членов и зависит от них [15].

Сейчас в научной среде стран Западной Европы идеи реальности корпорации приобретают системный

характер. Мы интегрируем положения теории фикции юридического лица Ф.К. Савиньи и теории интереса Р. Иеринга в единую теорию — интегративную теорию юридического лица.

Юридическое лицо — это объективная реальность, которая имеет свое «тело». Это данность, которая существует как имеющийся факт нашего бытия. При отсутствии физической формы своего выражения юридическое лицо существует в правовом измерении как фикция человеческого существа, что обусловлено необходимостью, с одной стороны, объединения совокупной воли и капитала человеческого существа, а с другой — отделения правового интереса юридического лица от интереса физических лиц, через предоставление этой совокупности (совокупности воли и капитала) единого духа, воплощающегося в создании самостоятельного субъекта права.

Через прямое воздействие человека в существовании юридического лица моментом создания последнего не исчерпывается его автономность. Физическое лицо имеет постоянный интерес к юридическому характеру его деятельности, правовой мотивации принятых и соответствующих юридических и фактических последствий его участия в гражданском обороте. При этом такой интерес не ограничивается волеизъявлением физического лица, которое непосредственно привлечено к созданию юридического лица.

По аналогичному объему, но отличному по правовому основанию своего возникновения правовой интерес относительно деятельности юридического лица формируется также у физического лица, которое косвенно привлечено к его созданию и участию в гражданском обороте. Этот интерес обусловлен потребностью защиты собственного субъективного гражданского права, дающего возможность дойти до человеческого существа, находящегося за «вуалью» юридического лица.

Итак, юридическое лицо — это социальный организм, имеющий совокупную волю. Организационность такой воли, структурированность формы ее выражения формирует самостоятельную юридическую личность в праве.

Социальность этого организма раскрывается через активное поведение человеческого субстрата, направленного на достижение цели деятельности юридического лица, без чего юридическое лицо не функционально. Это юридическое лицо имеет собственные органы управления, определенную связь между ними, которая опосредована активным человеческим поведением. Кроме того, юридическое лицо как совокупная воля определенного круга лиц предполагает установление внутриволе-

вой координации индивидуального в совокупность для формирования коллективного волевого единства (правовые отношения между учредителями юридического лица, а также правовые отношения между юридическим лицом и его учредителями), при посредничестве чего юридическое лицо индивидуализирует себя.

Итак, с позиции интегративной теории юридического лица, последнее — это носитель предметно-практической деятельности и познания как совокупное единство воли, интереса и капитала персонифицированных лиц, которая направлена на достижение определенной цели деятельности, активность которой интерполируется через признаки: организационного единства, обособленности имущества, самостоятельной юридической ответственности и автономности участия в гражданском обороте.

В романо-германской правовой системе понятие «корпорация» имеет доктринальное значение. Не будучи закрепленным в законодательстве соответствующих стран, по своей сущностной характеристике под корпорацией понимается общество, целью создания которого является осуществление предпринимательской деятельности путем привлечения капитала для совместного инвестирования с целью получения прибыли или достижения цели общественного интереса.

Показательно такая позиция нашла свое закрепление в немецком Гражданском Уложении (нем. Bürgerliches Gesetzbuch, (BGB) — систематизированный сборник гражданских законов Германии, известный также, как Немецкий Гражданский кодекс 1896 года). Раздел второй этого правового акта (§ 21–21) [7] приводит классификацию юридических лиц частного права: некоммерческие объединения (Nicht wirtschaftlicher Verein) и коммерческие объединения (Wirtschaftlicher Verein) [16].

В свою очередь коммерческие объединения, детальные положения о которых, закреплены в специальных нормативно-правовых актах, в частности в коммерческом кодексе Германии, делятся на торговые общества (полные (Handelsgesellschaft (§ 105) и командитные (Kommanditgesellschaft (§ 161), и негласные общества (Stille Gesellschaft (§ 230) [5]. К коммерческим объединениям также относятся акционерные общества (Aktiengesellschaft), командитные общества на акциях (Kommanditgesellschaft auf Aktien) [4], общества с ограниченной ответственностью (Gesellschaften) [14], производственный и хозяйственный кооператив (Genossenschaft) [13].

В законодательстве Франции понятие «корпорация» не имеет соответствующей правовой регламентации.

Коммерческий кодекс Франции (фр. Code de commerce de France — свод норм коммерческого права Франции 2000 года) оперирует такой дефиницией, как коммерческое общество, под которым понимается юридическое лицо, которое совершает коммерческие акты в порядке привычной профессиональной деятельности (§ L. 110–1, § L. 110–2, § L. 121–1). К таковым относятся кооперативное общество (Les sociétés coopératives de commerçants détaillants (§ L. 124–1), полное общество (les sociétés en nom collectif), простое командитное общество (les sociétés en commandite simple), общество с ограниченной ответственностью (les sociétés à responsabilité limitée), акционерные организации (les sociétés par actions (§ L. 221–1), а также объединение экономического сотрудничества французского права (Les groupements d'intérêt économique de droit français (§ L. 251–1) и европейское объединение экономического сотрудничества (Les groupements européens d'intérêt économique (§ L. 252–1) [9]. Общества или ассоциации (L'Association) в соответствии с законодательством Франции — объединение лиц, имеющих другую цель, чем распределение прибыли [21].

Относительно правовой системы постсоветских стран следует отметить, что трактовка понятия «корпорация» имеет разное нормативное закрепление и смысловую нагрузку. Так, в Российской Федерации законодательно установлено (статья 65.1 Гражданского кодекса Российской Федерации), что корпоративными юридическими лицами (корпорациями) являются те юридические лица, учредители (участники) которых имеют право участия (членства) в них и формируют их высший орган (то есть имеют право принимать участие в управлении делами корпорации, получать информацию о деятельности корпорации и знакомиться с ее бухгалтерской и иной документацией, обжаловать решения органов корпорации, влекущих гражданско-правовые последствия, требовать, действуя от имени корпорации, возмещения причиненных корпорации убытков, оспаривать, действуя от имени корпорации, совершенные ею сделки по основаниям, и требовать применения последствий их недействительности, а также применения последствий недействительности ничтожных сделок корпорации.). К ним относятся хозяйственные общества, фермерские хозяйства, хозяйственные партнерства, производственные и потребительские кооперативы, общественные организации, общественные движения, ассоциации (союзы), нотариальные палаты, общества владельцев недвижимости, казацкие общества, а также общины коренных малочисленных народов Российской Федерации.

Юридические лица, учредители которых не становятся их участниками и не приобретают в них прав членства, являются унитарными юридическими лицами (государственные и муниципальные унитарные

предприятия, фонды, учреждения, автономные некоммерческие организации, религиозные организации, государственные корпорации, публично-правовые компании) [1].

В юридической практике многих европейских стран существует принцип, который был основан в корпоративном праве Германии, в соответствии с ним может появиться корпорация без участников (*Keinmanngesellschaft*). Для примера можно отметить следующее: если акционерное общество, которое имеет одного участника, остается без владельца (участника) вследствие его смерти и отсутствия наследников, то 100% доли имущества переходит к самому обществу. Этот принцип также называется «АО не умирают» — «*die JSC stirbt nicht*» [5].

Как известно, форма акционерных обществ является самой первой формой корпорации. Исторически она несла неограниченную ответственность за обязательства, которые возникают вследствие их коммерческой деятельности. Но надо отметить, что во многих странах современной Европы они не имеют полной правосубъектности, такие общества считаются юридическими лицами торгового права, но не самостоятельными субъектами гражданского права. Такая ситуация касается как торговых обществ, к которым относят полные общества на вере и командитные общества, так и обществ гражданского права, к которым относят простые общества и объединения, функционирующие на договоре о совместной деятельности.

Нужно отметить, что впервые свое законодательное выражение такая форма хозяйствования получила во Франции. Впервые — в Королевском Ордонансе о коммерции 1673 года, а впоследствии — и в Торговом Кодексе 1807 года.

Важной юридической характеристикой статуса участников акционерных обществ, является личное участие в деятельности общества и ответственность по долгам общества. Из этого положения можно прийти к выводу, что такое общество требует от участников долгосрочных отношений, которые базировались бы на полном доверии для успешного функционирования такого общества. Еще одна особенность заключается в том, что участник акционерного общества одновременно является также его органом, поэтому наемные менеджеры в обществах ранее никогда не использовались. В этом случае личность участника играет важную роль для общества и, как правило, в европейском правовом поле имеет вид объединения лиц.

Видовым прообразом акционерных обществ считаются командитные общества. Возникновение этого

вида обществ произошло в Европе в середине XX в. Командитное общество выглядело как объединение совместной деятельности предпринимателей и третьих лиц, которые вносили вклады в такие общества. Для примера хотелось бы обратиться к опыту немецкого командитного общества. Оно возникло из полного общества. Часть наследников участников такого общества не могли или не хотели участвовать в предпринимательской деятельности, но вместе с тем хотели сохранить деятельность общества, также эти участники преследовали цель нести ограниченную ответственность по обязательствам, возникающими из коммерческой деятельности такого общества [12]. Из-за этого в немецкой правовой системе такие общества, как правило, рассматриваются как разновидность полного общества, допускающего к участию лиц, которые не могут нести полную ответственность за деятельность такого общества. Относительно таких участников, то следует отметить, что они не имеют права участвовать в управлении компанией и принятии решений. А уже участники, которые несут полную ответственность, проводят предпринимательскую деятельность в рамках такой компании, выступают как лица, управляющие обществом, и представляют это общество в отношениях с третьими лицами. Довольно интересным нюансом является то, что права участников с общества могут расширяться или, наоборот, сужаться. Например, такие участники имеют право заниматься предпринимательской деятельностью от имени общества при условии, что у них есть доверенность от такого общества, в отличие от полных участников, которым для проведения такой деятельности доверенность не нужна.

Еще одним видом таких обществ, который нужно отметить и который довольно редко случается в корпоративном праве Европы, является акционерное командитное общество, также известное название «командитное общество на акциях». Его суть заключается в объединении лиц и объединении капиталов. Итак, исходя из вышеизложенного, такое общество для третьих лиц имеет вид акционерного общества, а вот внутренние взаимоотношения между участниками регулируются нормами командитного общества. Также интересным моментом в таких обществах является то, что лицами, которые взяли неограниченную ответственность и получили право управления компанией, могут быть несколько человек, и законодательством разрешено, что следующие участники могут быть юридические лица.

Кроме того, можно проследить определенную особенность участия в кооперативах (как еще одного вида общества в корпоративном праве). Их количество может быть ограничено уставами, а также тем, что к кооперативу могут быть допущены только такие участники,

занимающиеся определенной деятельностью (например, фермеры, которые работают в определенном месте).

В законодательстве многих европейских стран прямо запрещено устанавливать требования к уставному капиталу, потому что это будет препятствовать постоянному изменению состава участников. Также из данных положений выходит то, что в таком виде обществ исключается возможность монополизации в кооперативе.

В традиции европейского корпоративного права участниками кооперативов являются физические лица, которые обладают равными правами и обязанностями что касается управления им, они владеют одной частью в имущественном фонде и в соответствии с этим имеют по одному голосу. Именно такая норма исключает концентрацию власти у одного лица. В отличие от акционерного общества, в кооперативах исключена возможность «права участия без голоса», а в соответствии с этим и делает невозможным появление различных категорий участников (что является вполне привычным для тех же акционерных обществ).

Как известно, участники обществ не несут личную имущественную ответственность, которая возникает из деятельности такого общества, однако такая ответственность, как правило, предусматривается уставом определенных обществ, и в некоторых европейских странах такая ответственность закрепляется на законодательном уровне.

Исходя из этого, в западноевропейском корпоративном праве можно проследить следующие виды кооперативов [6]:

- ◆ кооператив с неограниченной ответственностью, в котором неограниченная солидарная ответственность по долгам такого общества возникает только в случае его ликвидации или признания такого кооператива банкротом;

- ◆ кооператив с ограниченной ответственностью. В этом случае речь идет об ответственности участников не только размером их паев, но и дополняется аналогичной суммой, если большая сумма не предусмотрена уставом такого кооператива. Как и в предыдущем случае, такая ответственность для участников кооператива наступает в случае ликвидации или признания такого кооператива банкротом;
- ◆ кооператив с ответственностью в размере паев участия. В таком виде кооперативов участники несут ответственность только размером пая их участия в имуществе такого кооператива. Необходимо добавить, что такой вид разрешается только для потребительских кооперативов [2].

На современном этапе развития коммерческой деятельности в Европе прослеживается тенденция, что, как правило, большинство кооперативов объединяются в рамках различных кооперативных союзов по территориальному принципу. Это касается как производственных кооперативов, так и потребительских кооперативов. Условно такие союзы можно разделить на две ветви. Первые — это обычные кооперативы, участие в которых принимают только физические лица. Вторые — это кооперативы, которые создаются из юридических лиц. Последние координируют деятельность и выполняют ревизионный контроль по отношению к первой ветви.

Корпоративное право Европы, благодаря своей древней истории достигло значительных позитивных законодательных решений сложных вопросов. Это касается как способов управления обществами, так и защиты корпоративных прав участников. Конечно, и законодательство Европы не смогло достичь полного решения вопросов, связанных со злоупотреблением корпоративными правами и обязанностями, но по сравнению с другими правовыми системами — их значительно меньше.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. URL: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_5142/28916ee0bbdf24214da0c780cd7ad21d728f37a4.
2. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. Москва: Статут, 2014. 456 с.
3. Aktiengesetz 1965. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/aktg/BJNR010890965.html>.
4. Aktiengesetz. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/aktg/index.html>.
5. Altmeppen H., Roth G.H. Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung (GmbH): Kommentar. 4. Aufl. München, 2003. 1359 s.
6. Bundesgesetz betreffend die Ergänzung des Schweizerischen Zivilgesetzbuches (Fünfter Teil: Obligationenrecht). URL: <https://www.admin.ch/opc/de/classifiedcompilation/19110009/index.html>.
7. Bürgerliches Gesetzbuch (BGB). URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/bgb/index.html>
8. Code de commerce. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr>.
9. Code de commerce. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do;jsessionid=C61515E1B5F152594190CC6E8AB725EE.tplgfr40s_3?idSectionTA=LEGISC TA000006133175&cidTexte=LEGITEXT000005634379&dateTexte=20180125.

10. Ekkenga J., Bernau T. Effektengeschäft. Handbuch zum deutschen und europäischen Bankrecht. 2009. P. 1679–1723.
11. Forsmoser P., Meier-Hayoz A. Schweizerisches Gesellschaftsrecht. Bern: Stämpfli Verlag AG, 2012. 908 s.
12. Gerwig M. Schweizerisches Genossenschaftsrecht. Stämpfli, 1957.
13. Gesetz betreffend die Erwerbs- und Wirtschaftsgenossenschaften. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/geng>.
14. Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung, GmbHG. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/gmbhg/index.html>.
15. Gindis D. From fictions and aggregates to real entities in the theory of the firm. Journal of Institutional Economics. 2009. Vol. 5. Is. 1. P. 20. DOI: 10.1017/S1744137408001203.
16. Handelsgesetzbuch (HGB). URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/hgb/BJNR002190897.html>.
17. Herberstein G. Die GmbH in Europa: 50 Länder im Vergleich. Verlag Österreich, 2001. 451 s.
18. Klunzinger E. Grundzüge des Gesellschaftsrechts. Vahlen, 2012. 384 s.
19. Lawson T. Comparing conceptions of social ontology: emergent social entities and/or institutional facts? Journal for the Theory of Social Behaviour. 2016. Vol. 46. Is. 4. P. 359–399. DOI: 10.1111/jtsb.12126.
20. Lawson T. The nature of the firm and the peculiarities of the corporation. Cambridge Journal of Economics. 2014. Vol. 39. Is. 1. P. 32.
21. Loi du 1er juillet 1901 relative au contrat d'association. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=LEGITEXT0000060695>.
22. Roth G.H. Grundriss des österreichischen Wertpapierrechts. Manz, 1999. 200 s.

© Песков Виктор Сергеевич (victor.peskov@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский городской педагогический университет

ПРИМЕНЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА В СТРАНАХ ЕВРОПЫ

APPLICATION OF THE ECOLOGICAL FUNCTION OF THE STATE IN EUROPEAN COUNTRIES

Yu. Potokin

Summary. The article is devoted to the study of the experience of the ecological function of the state in a number of European countries.

In the constitutions of most European countries, the main obligations and powers in relation to environmental protection are provided by the state. A favorable ecological environment is considered the most important value of a person and society. Environmental protection is entrusted to the state, which primarily performs an ecological function.

The history of development from nature management to nature protection activity leads to an increase in the importance of the ecological function of the state. It should also be noted that it is important to determine the environmental competence at all levels of the population, especially in federal and confederal states, society and government in the field of natural resource management to protect environmental safety and the well-being of citizens.

Today, many developed countries of the world face a complex interdisciplinary problem of ecology, as the most important factor determining the quality of life of the population. Environmental protection is the greatest concern of mankind. The current ecological situation threatens to become catastrophic for all mankind, and the main universal slogan at the beginning of the 21st century should have been the preservation of health and life on the planet.

Keywords: policy, environmental policy, ecological functions, functions of the state.

Потокин Юрий Николаевич

*Аспирант, Московский городской педагогический университет; Московский филиал ФГБУ «Уральский государственный научно-исследовательский институт региональных экологических проблем»
potokinjn@mgru.ru*

Аннотация. Статья посвящена изучению опыта экологической функции государства в ряде европейских стран.

В конституциях большинства европейских стран основные обязанности и полномочия в отношении охраны экологии предусмотрены государством. Благоприятное экологическое окружение считается важнейшей ценностью человека и общества. Охрана экологии возложена на государство, которое выполняет в первую очередь экологическую функцию.

История развития от природопользования к природоохранной деятельности ведет к возрастанию значения экологической функции государства. Так же нужно отметить то, что важно определить экологическую компетентность на всех уровнях населения, особенно в федеративных и конфедеративных государствах, обществе и правительстве в области управления природными ресурсами для защиты экологической безопасности и благополучия граждан.

Сегодня перед многими развитыми странами мира стоит сложная междисциплинарная проблема экологии, как важнейшего фактора, определяющего качество жизни населения. Охрана окружающей среды — самая большая забота человечества. Нынешняя экологическая ситуация грозит стать катастрофической для всего человечества, и главным всеобщим лозунгом в начале XXI века должно было стать сохранение здоровья и жизни на планете.

Ключевые слова: политика, экологическая политика, экологические функции, функции государства.

В некоторых странах важность природных благ отмечается в преамбулах общих, но концептуальных основных законов.

Согласно Конституции Чешской Республики, граждане полны решимости совместно защищать и развивать свои унаследованные природные и культурные, материальные и духовные богатства [3].

Свобода, национальное равенство, миротворчество, социальная справедливость, уважение прав человека, неприкосновенность собственности, защита окружающей среды и безопасность, верховенство закона и демократическая многопартийная система являются одними из высших ценностей в Хорватии. Согласно ст. 69 Конституции Хорватии, граждане, государство, общественные и хозяйственные учреждения

и организации обязаны в пределах своей компетенции придавать особое значение охране здоровья людей, природы и экологической безопасности.

В Словении государство занимается защитой экологической безопасности. В этих целях законом установлены условия и порядок осуществления хозяйственной и иной деятельности. Животные защищены от мучений. Государство и местные сообщества обращают внимание на охрану природного и культурного наследия. Для использования земель устанавливаются особые условия их эксплуатации, а также особая охрана земель сельскохозяйственного назначения [3].

В Финляндии власти должны продвигать здоровую окружающую среду и обеспечивать, чтобы каждый имел право влиять на решения по вопросам, связанным с его жизненной средой, в соответствии с законом.

Республика Казахстан нацелена на обеспечение экологической безопасности, пригодной для жизни и здоровья человека. Литовская Республика занимается охраной окружающей природной среды, флоры и фауны, отдельных природных объектов и особо ценных территорий, контролирует восстановление и улучшение природных ресурсов и их бережное использование. Чешская Республика придает большое значение бережному использованию природных ресурсов и охране природных ресурсов [4].

Республика Сан-Марино хранит историческое и художественное наследие, а также природу.

Латвийская Республика защищает право каждого человека жить в подходящей среде, информирует о своем положении, заботится о его защите и развитии.

Македония обеспечивает необходимые условия для реализации права своих граждан на здоровую окружающую среду [2].

В Польше органы государственной власти проводят политику, обеспечивающую экологическую безопасность для нынешнего и будущих поколений; экологическая безопасность — это ответственность государственных органов; органы государственной власти поддерживают действия граждан, направленные на сохранение и улучшение состояния экологической безопасности.

Словакия уделяет внимание экономическому использованию природных ресурсов, экологическому балансу и эффективной защите окружающей среды, а также обеспечивает защиту определенных видов диких растений и диких животных.

В Греции владение, эксплуатация и управление морскими лагунами и великими озерами, а также использование территорий, образовавшихся в результате высыхания, регулируются законом [3].

Органы государственной власти Королевства Нидерландов должны заботиться о защите населения, сохранении и повышении экологической безопасности. Благодаря своему географическому положению, важная роль отводится водопользованию и водосбережению. Поэтому нормотворческие и иные полномочия водохозяйственных органов, доступ общественности к их заседаниям определяются постановлением парламента [3].

Также выявляется, как регионы контролируют деятельность своих органов управления водными ресурсами. Решения органов водного хозяйства могут быть отменены только в том случае, если они противоречат закону или в интересах общества [1].

Республика Болгария обеспечивает сохранение и воспроизводство экологической безопасности, сохранение животного мира и его многообразия, рациональное использование природных богатств и ресурсов страны [2].

В Беларуси контроль за рациональным использованием природных ресурсов осуществляет государство [2].

В Испании власти контролируют рациональное использование всех природных ресурсов для сохранения и повышения качества жизни, а также защиту и восстановление экологической безопасности на основе необходимой коллективной солидарности [3].

Норвежские органы государственной власти принимают законные решения для обеспечения соблюдения конституционных положений о праве каждого на окружающую среду и получения информации о состоянии природной среды и ее влиянии на деятельность [4].

В Польше за контроль эпидемий и предотвращение неблагоприятных последствий для здоровья, связанных с ухудшением экологической безопасности, отвечают государственные органы [3].

В Турции государство гарантирует защиту исторических, культурных и природных богатств и ценностей и принимает необходимые для этого меры. Природные богатства и ресурсы находятся под контролем и управлением государства [2].

Право на исследование и использование ресурсов принадлежит государству, и оно может передавать это

право физическим и юридическим лицам на определенный срок. Закон определяет, какие природные богатства и ресурсы должны быть обнаружены и использованы государством, а какие будут использоваться государством напрямую. Условия, порядок и принципы осуществления государственного контроля и надзора, а также применения санкций определяются законом [1].

Защита греческой природной и культурной среды является обязанностью государства. Он обязуется принимать специальные превентивные или репрессивные меры для своей защиты. Закон определяет охрану лесов и лесов вообще.

Регулирование и контроль за землеустройством Греции, формированием, развитием, развитием и расширением городов и поселений в целом находится в ведении государства: его целью является обеспечение функциональной целостности и развития поселений, улучшение условий жизни. [3].

В целях интенсификации градостроительства и благоустройства собственники недвижимости обязаны безвозмездно предоставлять необходимые площади для строительства улиц и площадей, а также нести расходы по благоустройству и благоустройству земель и объектов общественного назначения по утвержденному плану.

В Португалии государство через собственные органы и общественную инициативу и поддержку несет ответственность за обеспечение права на здоровую окружающую среду в рамках устойчивого развития [4]:

- ◆ предотвращение и контроль видов эрозии, а также загрязнения и его последствий для экологической безопасности; способствовать развитию и развитию региона с учетом сбалансированного социально-экономического развития и охраны ландшафтов;
- ◆ создание и развитие заповедников и природных парков, парков отдыха, а также классификация и охрана природных достопримечательностей для обеспечения сохранности природных и культурных ценностей;
- ◆ содействие рациональному использованию природных ресурсов при сохранении возможности воспроизводства и экологической устойчивости при соблюдении принципа солидарности поколений; продвижение городской среды и качества городской жизни в сотрудничестве с местными органами власти;
- ◆ продвижение экологической направленности различных областей политики, разработанных и реализованных на отраслевом уровне; содействие экологическому просвещению и уважению экологических ценностей; обеспечить сосуществование развития, экологической безопасности и качества жизни посредством проведения соответствующей налоговой политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобылев С.Н., Ходжаев А.Ш. Экономика природопользования. Учебник. — Москва, 2003. — 567с.
2. Зерщикова М.А. Формирование механизма эколого-инновационной деятельности в регионе // Инженерный вестник Дона выпуск 1/том15/2011. — с. 26–32.
3. Матвеева Е.В. Экологическая политика Евросоюза. Международные отношения. Политология. Регионоведение // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2010, № 6, с. 311–317.
4. Поддубный И.А., Слюсаренко В.К. Международная эколого-экономическая деятельность: Учебное пособие. — Х.: ИД «ИНЖЭК», 2005. — 200с. Руск. яз.

© Потокин Юрий Николаевич (potokinjn@mgpu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЗАПРЕТ АНОНИМНОСТИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ КАК МЕРА ПРОФИЛАКТИКИ МОШЕННИЧЕСТВА

PROHIBITION OF ANONYMITY ON THE INTERNET AS A MEASURE TO PREVENT FRAUD

N. Semenova

Summary. This article analyzes the possibility of legislative introduction of a ban on anonymity on the Internet, as a fraud prevention measure, reveals the types and meaning of anonymity on the Internet. The scientific novelty of the article lies in the fact that the author makes an attempt to give a criminological assessment of anonymity on the Internet, to reveal its strengths and weaknesses. The expediency of banning anonymity on the Internet as a measure to prevent fraud is also analyzed. To do this, the author intends to find out exactly how anonymity is used to commit Internet fraud and how effective its ban will be and in what cases. Comparative-analytical research method is used in the analysis. In conclusion, it is concluded that the effectiveness of preventing Internet fraud depends on the implementation of a balanced policy to combat cybercrime by the state and society.

Keywords: internet-fraud, Internet fraud, internet anonymity, information security, computer fraud.

Семенова Наталья Александровна

Аспирант, Бурятский государственный
университет имени Доржи Банзарова
624559@list.ru

Аннотация. В настоящей статье проводится анализ законодательного введения запрета на анонимность в сети Интернет, как меры профилактики мошенничества, раскрываются виды и смысл анонимности в сети интернет. Автором предпринята попытка дать криминологическую оценку анонимности в сети Интернет, раскрыть её сильные и слабые стороны, проанализировать целесообразность запрета анонимности в сети интернет в качестве меры по профилактике мошенничества. Для этого предлагается выяснить, каким образом анонимность используется для совершения интернет-мошенничества, насколько эффективным будет её запрет и в каких случаях. При написании статьи использовался сравнительно — аналитический метод исследования. В заключении делается вывод, что эффективность предупреждения интернет-мошенничества зависит от проведения сбалансированной политики борьбы с киберпреступностью со стороны государства и общества.

Ключевые слова: интернет-мошенничество, мошенничество в сети Интернет, анонимность интернета, информационная безопасность, компьютерное мошенничество.

Слово анонимность происходит от греч. *ἀνωνυμία* «безымянность» от *ἀνώνυμος* «безымянный», неизвестный. Идея анонимности заключается в невозможности идентифицировать субъекта, однако анонимность может быть связана с понятиями конфиденциальности, свободы и безопасности.

Вопрос о целесообразности запрета анонимности в сети интернет, с правовой точки зрения остаётся мало изученным. Запрет анонимности, вызывает массовые споры, критику и даже протесты. Некоторые сторонники анонимности в интернете, справедливо опасаются, что такой запрет затронет их право на конфиденциальность персональных данных, личную и коммерческую тайну. В обоснование своих доводов они приводят понятие анонимности как способа защиты от противоправных действий третьих лиц, в том числе и мошенников.

Так по мнению Кецко К.В, для субъектов электронной коммерции, анонимность в сети Интернет, с одной стороны является преимуществом, с другой вызывает

опасения участников, несет определенные риски. Это, в частности, доступность внешнего проникновения, спам-атаки, создание сайтов-дубликатов [1, с. 58].

Другие авторы относят анонимность в сети Интернет к проблемам правового регулирования цифровых технологий, связанным с реализацией прав и свобод граждан. Они утверждают, что анонимность пользователя — это его конституционная гарантия, обеспечивающая охрану тайн его личной жизни. При этом авторы не исключают ограничение анонимности, когда она используется во вред охраняемым законом, общественным отношениям [2, с. 5].

Сторонники запрета анонимности в сети интернет, считают, что тем самым, можно снизить количество преступлений в виде мошенничества в сфере компьютерной информации. Как доказательство своей точки зрения, они приводят тот факт, что анонимность, затрудняет поиск лиц, совершивших мошеннические действия и сбор доказательств по соответствующим преступлениям.

Идея о запрете анонимности в интернете является не новой. Ее ещё в 2011 году поддержал один из ведущих мировых специалистов в сфере информационной безопасности Евгений Касперский. Однако в настоящее время на сайте <https://www.kaspersky.ru> пользователям предлагают услуги, маскирующие уникальный IP-адрес и гарантирующие полную анонимность в интернете.

Общеизвестным является факт, что основная проблема профилактики интернет-мошенничества заключается в том, что способы совершения мошенничества меняются с огромной скоростью.

Предупреждение интернет-мошенничества во многом зависит от того, насколько известен способ его совершения. Сегодня, правоохранители не успевают проанализировать все способы и предложить соответствующие меры профилактики, тем более довести эти профилактические меры до широкого круга лиц, которые потенциально могут стать жертвами интернет-мошенников.

Фактически профилактикой интернет-мошенничества занимаются как правоохранительные органы и государственные структуры, так и медиа и IT гиганты, такие как Google, Yandex, другие. Кроме того, профилактикой занимаются и субъекты предпринимательской деятельности — это банки, крупные корпорации, операторы сотовой связи, организации, занимающиеся разработками IT продуктов, другие организации и физические лица, так или иначе заинтересованные в информационной безопасности в сети Интернет.

Возможности социальных методов профилактики интернет-мошенничества ограничиваются восприятием субъектами профилактики профилактической информации и невозможностью раскрыть и донести до широкого круга пользователей, не только все схемы интернет-мошенничества, но и даже основные паттерны социальной инженерии используемые мошенниками. В человеческих отношениях, возможно всё, что угодно, восприятие людей сложно сориентировать на распознавание мошенничества, поэтому мошенники без особого труда находят своих жертв.

Что касается технических способов профилактики интернет-мошенничества, то речь идет о разнообразных программных методах, призванных защитить устройства, выходящие в сеть Интернет от различного рода атак злоумышленников. Сюда можно отнести различные антивирусные программы, сервисы типа CheckShortURL, используемые для проверки сайта на наличие вредоносных программ. Например, когда человек собирается перейти по ссылке на сайт.

Несмотря на разнообразие и всеобъемлющий характер профилактических мер, направленных профилактики и борьбу с мошенничеством в сети интернет, практика показывает, что сегодня, этих мер уже недостаточно, уровень интернет-мошенничества за последние два года резко возрос. Как следует из отчета Центробанка, всего за период времени с января по март 2021 года мошенники украли путем несанкционированных переводов у граждан и компаний в России 2,9 миллиардов рублей, что на 57% больше, чем в первом квартале 2020 года [3].

Профилактика мошенничества в сети Интернет в криминологическом аспекте, имеет некоторые затруднения вызванные тем, что интернет-мошенничество представляется, как мошенничество с использованием интернета как глобальной виртуальной сети, а также мошенничество с использованием интернет-связи. В последнем случае — это технология подключения к глобальной сети Интернет. При обсуждении вопроса анонимности в сети Интернет, понимание этих нюансов в контексте интернет-мошенничества необходимо для правильной квалификации деяний, образующих состав преступления.

Говоря об анонимности в сети, необходимо разграничивать анонимность в быденном понимании, анонимность данных и анонимность в техническом аспекте. Эти аспекты хотя и связаны между собой, всё же имеются существенные различия по содержанию.

Что касается анонимности в быденном понимании, речь идет, прежде всего, о возможности использования псевдонимов, вымышленных имен, создания в социальных сетях страниц, не содержащих личных данных, таких как имя, фамилия, другой информации, в том числе фотографий, позволяющей идентифицировать пользователя или опознать его. Не всегда такие страницы создаются с целью совершения мошенничества. Для многих это шанс пообщаться без идентификации, возможность будучи не опознанным, просматривать чужие страницы, выражать свои мысли, без боязни быть, в чем-либо уличенным, или в иных целях. Это так называемые, «технические» аккаунты.

В данном случае анонимность пользователей довольно условна, если речь идет о добропорядочных гражданах, ведь для регистрации в социальной сети, добропорядочным пользователям приходится оставлять какие-либо данные о себе.

Другое дело, когда в социальных сетях и на торговых площадках, например, «Авито», под вымышленными именами скрываются профессиональные мошенники, которые регистрируют страницы по сим-картам,

оформленным на подставных лиц, а в сеть выходят, используя специальные программы анонимайзеры, что существенно затрудняет их поиск. Однако, сами социальные сети, сайты знакомств и торговые площадки довольно быстро реагируют на такие подозрительные страницы, блокируя их деятельность.

В данном случае можно говорить об ограничении или запрете анонимности с целью профилактики мошеннических действий, при которых потерпевшие лица, подвергшись обману, сами передают, принадлежащие им денежные средства мошенникам, например в счёт оплаты несуществующих товаров или услуг, на благотворительность, в долг или на другие цели.

Безопасность пользователей в социальных сетях, на сайтах знакомств, а также на торговых площадках, в большей степени зависит от выполнения ими несложных правил, касающихся общения и обращения с денежными средствами. Полностью исключить обман и обезопасить каждого пользователя таких сайтов, запретив регистрацию анонимных страниц, представляется нам маловероятным. Добропорядочные граждане будут предоставлять паспортные данные при регистрации, предоставлять биометрические данные, а мошенники найдут способы, например, вскрыть чужие «настоящие» страницы и, как это практикуется сейчас, совершать преступные действия через них. Формально, запрет анонимности в социальных сетях и на торговых площадках повысит уровень доверия пользователей, в результате чего, мошенники только выиграют. В правовом плане, на выше упомянутые платформы будут возложены дополнительные обязанности по контролю и выявлению, ещё на стадии регистрации, недобросовестных пользователей, что неминуемо приведет к дополнительным затратам, которые скажутся на обычных пользователях, в отдельных случаях регистрация может стать платной или цена на регистрацию, если она была платной, возрастет.

Когда речь идет об анонимности данных, то имеется в виду идентификация анонимных данных конкретного лица в сети Интернет. Необходимо отметить, что в настоящее время возможности идентификации данных физических и юридических лиц в сети Интернет весьма велики без применения каких-либо специфических технических методов. Например, в социальных сетях, многие пользователи добровольно выкладывают информацию о себе. Здесь можно говорить об имени, дате рождения, семейном положении, номере телефона, транспортных средствах, включая государственные номера, данные геолокации и другую информацию, которую мошенники могут использовать в своих целях. Юридические лица так же выкладывают в сеть свои данные, используя которые можно узнать большинство интересующей информации. Но когда речь идет о за-

щите персональных данных, коммерческой тайны или данных, которые физическое или юридическое лицо не хотело бы придать огласке, например данные о наличии счетов в банках и тому подобные, необходимо иметь в виду, что для сохранности этих данных применяются технологии анонимизации данных. Анонимизация является способом обработки данных, в результате которого происходит преобразование идентификационной информации таким образом, чтобы по полученным данным нельзя было определить их принадлежность тому или иному субъекту. Анонимность данных рассматривается в качестве меры безопасности и должна, неукоснительно соблюдаться всеми субъектами оперирующими этими данными. Однако, как показывает практика, утечки данных происходят даже в крупных корпорациях. Попадая в руки мошенников, они используются ими в своих преступных целях. В этой связи необходимо учесть, что утечка данных происходит во многом благодаря тому, что они недостаточно анонимизированы, и вообще не защищены, часто они хранятся в незашифрованном виде, поэтому в определённых условиях становятся лёгкой добычей мошенников.

Так в феврале 2022 года в Бурятии завершилось расследование уголовного дела против 22-летнего жителя республики, обвиняемого в совершении преступлений предусмотренных частью 2 статьи 138 Уголовного кодекса РФ — «Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров и иных сообщений граждан, совершённое с использованием служебного положения», частью 3 статьи 272 «Неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации» и частью 3 статьи 183 УК РФ — «Незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую тайну». По данным следствия, 8 февраля 2021 года молодой человек устроился продавцом-консультантом в торговую точку дилера оператора сотовой связи. На следующий день он разместил в нескольких группах в популярном мессенджере объявления о том, что имеет доступ к конфиденциальной информации абонентов и готов предоставить её всем желающим за определённое денежное вознаграждение. В последующие несколько дней злоумышленник по запросам анонимных пользователей передал им сведения с детализацией телефонных звонков и сообщений восьми клиентов из разных регионов. За это ему заплатили 21 тысячу рублей [4].

Данный пример свидетельствует, о том, как отсутствие анонимизации данных, способствует совершению разнообразных преступлений. Становиться очевидным, что если данные попадают к мошенникам, то число мошенничеств неизбежно растёт.

В целях профилактики такого вида преступности, необходимо возложить на компании повышенную ответ-

ственность за неправильное и незащищенное хранение персональных данных, стимулируя их, тем самым, применять более строгие меры к отбору сотрудников, имеющих доступ к персональным данным. Например, предлагать им проходить проверки на полиграфе при приеме на работу.

Однако наиболее проблемным и спорным аспектом в борьбе с интернет-мошенничеством, на сегодняшний день является инициатива ограничения анонимности в сети Интернет, в техническом аспекте. Идентификация в интернете или локальной сети возможна благодаря IP-адресам. IP означает «Интернет-протокол» — это набор правил, регулирующих формат данных, отправляемых через сеть. IP содержит информацию о местоположении устройства, обеспечивая его доступность для связи. По IP-адресам идентифицируют компьютеры, маршрутизаторы и веб-сайты в сети Интернет. IP-адрес назначается устройству интернет-провайдером. Любое действие в сети, любой запрос будет привязан к этому адресу.

Отбросив технические тонкости про то, какие бывают IP-адреса как они работают, отметим, что скрытие IP-адреса для добросовестного пользователя — это способ защитить персональные данные и личность в сети Интернет, а для мошенника шанс остаться незамеченным и безнаказанным за совершенные им преступления. Зная IP-адрес, злоумышленники, с помощью специальных программ могут вести сбор статистики пользователя для передачи третьим лицам, определять его месторасположение, получать сведения о каких-либо действиях пользователя, в том числе компрометирующих его. Так, преступник сможет подтвердить чью-либо личность по IP-адресу системы, с целью, например загрузки какого-либо контента с IP-адреса этого пользователя. Такие действия совершаются часто с намерением загружать пиратские фильмы, музыку, видео, что является нарушением условий использования услугами провайдера. Может быть загружен контент, связанный с экстремизмом, терроризмом или детской порнографией, а также контент, способствующий совершению мошенничества, например, объявления о продажах товаров и услуг. Во всех случаях у правоохранительных органов возникают сложности с выявлением исполнителей. Отдельно отметим, что зная IP-адрес пользователя злоумышленники могут взломать устройство, заразить его вредоносными программами и использовать в своих преступных целях.

Мошенники могут использовать социальную инженерию, чтобы обманом заставить пользователя раскрыть IP-адрес. Например, они могут найти субъекта в Skype или аналогичном приложении для обмена мгновенными сообщениями, использующем IP-адреса

для связи. Общение с незнакомцами в этих приложениях, предполагает, понимание того, что они могут видеть IP-адрес. Злоумышленники могут использовать инструмент Skype Resolver, позволяющий определить IP-адрес по имени пользователя.

Однако наиболее спорный метод профилактики, предлагаемый в настоящее время — это запрет операторам связи использовать «серые» IP-адреса, то есть публичные сетевые адреса, преобразованные по технологии NAT (Network Address Translation). Сторонники метода ссылаются на то, что технология NAT позволяет преступникам безнаказанно совершать все новые и новые преступления. Поэтому ввиду сложности их изобличения предлагается законодательно запретить операторам связи использовать протокол «IPv4», а протокол «IPv6» применять как его альтернативу. Полагаем, что внедрение нового протокола может способствовать борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации, поскольку можно будет более точно выявить абонента, оставляющего электронные следы в сети Интернет.

Важно отметить, что данное предложение имеет смысл в долгосрочной перспективе, в ближайшие 10–15 лет, его реализация весьма затруднительна и экономически не обоснована. В настоящее время NAT (Network Address Translation) является базовой фундаментальной технологией и необходима для функционирования сети. А для перехода на протокол «IPv6» необходима замена аппаратно-технологической базы. То есть один IP-адрес должен соответствовать одному устройству, что на сегодняшний день технологически невозможно воплотить. Попытки же быстро осуществить данную политику могут повлечь обрушению сети Интернет. Кроме того, NAT (Network Address Translation) не является как таковой технологией анонимизации, анонимизация в данном случае, является её побочным продуктом.

К сожалению, что авторы таких предложений часто не приводят достаточных доказательств того, что запрет NAT (Network Address Translation) повысит уровень безопасности сети и снизит уровень преступлений в сфере обращения охраняемой законом информации. Более того, предлагая запретить NAT (Network Address Translation), необходимо ссылаться на исследования о экономической целесообразности такого запрета и провести оценки рисков для безопасности государства.

Говоря об отмене NAT (Network Address Translation) необходимо понимать, что, во-первых, преступники могут использовать и другие технологии анонимизации, например VPN тоннель (англ. Virtual Private Network — виртуальная частная сеть) или Проект I2P. I2P.

На наш взгляд, для вынесения предложения о законодательном запрете NAT (Network Address Translation) необходимо привлечение экспертов в сфере безопасности сетей к исследованию данного вопроса.

Нельзя игнорировать тот факт, что анонимность в сети Интернет имеет огромное значение для безопасности предприятий, компаний и государственных структур, так как анонимные каналы необходимы для передачи информации благонадежным участникам правоотношений. Именно анонимность в данном контексте, выступает гарантом безопасности от преступных посягательств. Большинство сервисов безопасности используют именно технологии NAT (Network Address Translation).

На практике для того чтобы остаться не идентифицированными в сети Интернет, используется множество разнообразных методов. Например, использование анонимайзеров, вход в интернет с зарубежных IP-адресов, использование серверов, получающих почтовые сообщения и переправляющих их по адресам, указанным отправителем, так называемые ремейлеры, когда при переадресовке, информация об отправителе уничтожается, использование Tor (The Onion Router — луковая маршрутизация) и VPN (Virtual Private Network — виртуальная частная сеть). Использование VPN с Tor обеспечивает максимальную анонимность.

Таким образом, можно сделать вывод, что для профессиональных интернет-мошенников, проблемы преодоления анонимности в сети Интернет не являются столь серьёзными, полагаем, что со временем преступники будут только совершенствоваться в уничтожении следов своей деятельности в сети Интернет. Поэтому,

для решения вопроса о законодательном запрете анонимности в сети Интернет, необходима тщательная оценка всех положительных и отрицательных последствий запрета. Для решения этого вопроса должны быть привлечены специалистов из разных сфер деятельности, начиная от IT и заканчивая криминалистами, криминологами и психологами. В противном случае запреты как мера профилактики мошенничества в сети Интернет приведут к ограничению возможностей и прав добросовестных участников правоотношений, что является недопустимым.

Что же касается профилактики интернет-мошенничества, полагаем, прежде всего, необходимо совершенствовать техническую защиту, проводить более глубокую профилактическую работу среди населения. Особенно со стороны субъектов, предоставляющих услуги сотовой сети и интернет, со стороны социальных сетей, торговых площадок. Очень важным является контроль за хранением и обработкой данных. Именно утечка данных даёт наибольшие возможности интернет-мошенникам осуществлять свои преступные намерения.

Эффективность предупреждения интернет-мошенничества зависит от проведения сбалансированной политики со стороны государства и общества в борьбе с киберпреступностью.

Законодательная защита интересов бизнеса, электронной коммерции, неминуемо приведёт к тому, что бизнес-сообщество получит более широкие возможности по укреплению и развитию технологий защиты от интернет-мошенничества и других киберпреступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кецко К.В. Преступность в сфере электронной коммерции // Российский следователь. 2021. №9. С. 58–63.
2. Уваров А.А. Проблемы использования цифровых технологий при реализации прав и свобод граждан // Право и цифровая экономика. 2020. №2. С. 5–11.
3. Евгения Чернышова <https://www.rbc.ru/finances/09/07/2021/60e845c39a794772e1d0e21e> <https://www.rbc.ru/finances/09/07/2021/60e845c39a794772e1d0e21e>
4. Артемий Иванов <https://www.infpol.ru/238278-v-ulan-ude-sotrudnik-salona-sotovoy-svyazi-prodaval-personalnye-dannye-klientov/>.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 28.01.2022 №3-ФЗ) // Российская газета от 31 января 2022 г. №202.
6. Федеральный закон от 28.12.2009 №381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 июля 2021 г. №27 (часть I) ст. 51823.
7. Федеральный закон от 27.07.2006 №152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 июля 2021 г. №27 (часть I) ст. 5159.
8. Федеральный закон от 07.07.2003 №126-ФЗ «О связи» (ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 января 2022 г. №1 (часть I) ст. 34.

© Семенова Наталья Александровна (624559@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ РАСПРОСТРАНЕННЫХ ОШИБОК ПРИ ФОРМУЛИРОВАНИИ ОБВИНЕНИЯ, ОГРАНИЧИВАЮЩИХ ПРАВО НА ЗАЩИТУ

ANALYSIS OF SOME MOST COMMON WORDING OF INDICTMENTS THAT RESTRICT THE RIGHT OF DEFENSE

*V. Stepanov-Yegiyants
D. Chekulaev*

Summary. An article analyzes the most common wording of indictments, which are formulated mistakenly and significantly violate the right defense. The authors research four types of such violations, illustrating them with examples from legal practice. The necessity of strict compliance by investigative bodies of the rules of qualification of crimes is emphasized. The conclusion is made about the actual impossibility of eliminating erroneous wording of indictments while considering cases by the criminal court, which dictates the necessity of a return of a criminal case to a prosecutor according to article 237 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Keywords: accusation, indictment, right of the accused to defense, qualification of crimes, presumption of innocence, Article 237 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Степанов-Егиянц Владимир Георгиевич

*Д.ю.н., доцент, ФГОУ ВО «Московский
государственный университет им. М.В. Ломоносова»
02041981@mail.ru*

Чекулаев Дмитрий Петрович

*К.ю.н., доцент, ФГОУ ВО «Московский
государственный университет им. М.В. Ломоносова»
dm_ch@inbox.ru*

Аннотация. В статье анализируются распространенные на практике ошибки при формулировании обвинения, которые существенно нарушают право обвиняемого на защиту. Авторы исследуют четыре вида подобных нарушений, иллюстрируя их соответствующими примерами. Подчеркивается необходимость неукоснительного соблюдения органами следствия правил квалификации преступлений. Сделан вывод о фактической невозможности устранения неконкретных формулировок обвинения при рассмотрении дела судом, что диктует необходимость возвращения уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ.

Ключевые слова: обвинение, обвинительное заключение, право обвиняемого на защиту, квалификация преступлений, презумпция невиновности, ст. 237 УПК РФ.

Накопленный авторами опыт юридической практики в сфере уголовного судопроизводства позволил выделить некоторые нарушения, допускаемые органами следствия при составлении обвинительных заключений, которые вместе с тем не всегда влекут возвращение судом уголовного дела прокурору в предусмотренном ст. 237 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ) порядке. Авторы полагают, что в ходе судебного разбирательства невозможно устранить анализируемые в настоящей статье нарушения, в связи с чем обвинительное заключение не может считаться составленным с соблюдением требований ст. 220 УПК РФ.

1. Обвинительное заключение содержит формулировки, свидетельствующие о виновности в совершении преступления лица, не являющегося подсудимым в уголовном деле.

В соответствии с ч. 1 ст. 252 УПК РФ судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» обоснованно указал, что использование в приговоре формулировок, свидетельствующих о виновности в совершении преступления других лиц, не допускается (п. 24). При этом пункты 1 и 2 ч. 1 ст. 220 УПК РФ устанавливают, что в обвинительном заключении должны быть указаны фамилии имена и отчества обвиняемых и данные о личности каждого из них.

Однако при расследовании преступлений, совершенных в соучастии, нередки ситуации, когда не все возможные соучастники привлечены в качестве обвиняемых в рамках направляемого в суд уголовного дела поскольку не установлены следствием или находятся в розыске. Например, в одном из известных авторам уголовных дел по ч. 1 ст. 210 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ) помимо обвиняемого «Степанова» указан некто «Петров», который совместно с неустановленными лицами в точно неустановленное время, до 1 декабря 2016 года, при неустановленных обстоятельствах, в неустановленном месте на территории

Московского региона, создал преступное сообщество, действующее под единым руководством, имеющее устойчивую, иерархическую структуру с распределенными ролями и функциями соучастников (в связи с тем, что уголовное дело находится в производстве суда и приговор или иное решение по настоящему делу не постановлены, фамилии обвиняемых изменены).

Однако в обвинительном заключении «Петров» не указан в числе обвиняемых, не содержится каких-либо данных о его личности, а равно отсутствует ссылка на вступивший в законную силу приговор суда, которым была бы установлена вина «Петрова» в создании преступного сообщества.

Полагаем, что использование в тексте обвинительного заключения формулировки «Петров и неустановленные лица» как создателей преступного сообщества при отсутствии в уголовном деле данных о личности «Петрова», равно как и каких-либо сведений о предъявлении ему очного или заочного обвинения нарушает право «Степанова» на защиту, делает обвинение неконкретным и не позволяет суду вынести законный и не основанный на предположениях приговор.

При такой формулировке обвинения «Степанова» существенно ограничен в возможности доказывания своей невиновности, поскольку ему трудно будет доказать отсутствие знакомства с неким «Петровым и неустановленными лицами» и каких-либо контактов с ними по системам связи, равно как и разработки совместных планов преступной деятельности, распределении преступно добытого имущества и т.п.). Фактически на «Степанова», в нарушение базового для уголовного процесса принципа презумпции невиновности, перекладывается обязанность по установлению личности «Петрова и иных неустановленных лиц», сбор сведений о них и о месте их нахождения в конкретных периодах времени с целью заявления мотивированных ходатайств о проверке версий защиты о невозможности совместных и согласованных с ними преступных действий.

2. В обвинительном заключении в нарушение п. 2 ч. 1 ст. 220 УПК РФ отсутствует указание на точное время или конкретный период совершения преступления.

Степень конкретизации времени важна, чтобы квалифицировать деяние в качестве уголовно наказуемого, определить основания и меры уголовной ответственности, установить закон, подлежащий применению с учетом его действия во времени, а также определить сроки давности привлечения к уголовной ответственности.

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, по уголовному делу в обязательном порядке подлежит доказыванию событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления). В соответствии с п.п. 3, 4 ч. 1 ст. 220 УПК РФ составленное органами предварительного следствия обвинительное заключение должно содержать существо обвинения, место и время совершения преступления, его способы, мотивы, цели и другие обстоятельства, имеющие значение для данного уголовного дела; формулировку предъявленного обвинения с указанием пункта, части, статьи УК РФ, предусматривающих ответственность за данное преступление.

Продолжая анализировать приведенное выше дело по обвинению «Степанова» и других отметим, что обвинительное заключение содержит формулировку, что «Петров совместно с неустановленными лицами в точно неустановленное время, до 1 декабря 2016 года, при неустановленных обстоятельствах, в неустановленном месте создали преступное сообщество».

Подобная формулировка не позволяет суду установить ни точную дату создания преступного сообщества, ни даже примерный временной период, в пределах которого оно было создано. Таким образом, можно допустить, что преступное сообщество было создано, например, 31 декабря 1996 года, то есть до введения в действие УК РФ. Такое утверждение соответствует тексту обвинительного заключения «до 1 декабря 2016 года».

Далее, в обвинительном заключении указано, что «Петров совместно с иными неустановленными организаторами и руководителями преступного сообщества, выполняя возложенные на них преступные роли, в точно неустановленное время, в период до 1 декабря 2016 года, с целью увеличения численности участников преступного сообщества, а также для расширения масштаба осуществляемой противоправной деятельности, посвятили в общий преступный умысел и привлекли к участию в преступном сообществе Степанова, который осознавая общие задачи функционирования преступного сообщества вступил в преступное сообщество».

Пункт 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» устанавливает, что если лицо присоединилось к уже созданному преступному сообществу (преступной организации) в целях реализации преступных намерений, то ответственность по статье 210 УК РФ наступает с момента вхождения их в сообщество (органи-

зацию) в зависимости от фактически выполняемых ими действий.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» в пункте 17 устанавливает, что под днем совершения преступления, с которого начинается течение и исчисление сроков давности привлечения к уголовной ответственности, следует понимать день совершения общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий (часть 2 статьи 9 УК РФ).

Таким образом, в приведенном примере обвинительное заключение не содержит указания на день совершения преступления, то есть день вхождения (вступления) Степанова в преступное сообщество. Отсутствие в обвинительном заключении точно определенной даты и времени вхождения «Степанова» в преступное сообщество не исключает и возможности истечения срока давности привлечения к уголовной ответственности к моменту рассмотрения уголовного дела судом. Подобного рода нарушение также ограничивает возможность эффективной защиты от обвинения, например лишая возможности подсудимого «Степанова» заявить об алиби.

3. Описание способа совершения преступления в обвинительном заключении не соответствует требованиям уголовно-процессуального закона в силу противоречий, которые не позволяют суду вынести решение по существу, а обвиняемому сформировать позицию защиты.

В исследованиях известных отечественных ученых под квалификацией понимается установление соответствия в содеянном признаков общественно опасного деяния признакам состава преступления, предусмотренного в нормах Общей и Особенной частей УК с выводом о применении той или иной статьи Кодекса [3]. По мнению А.А. Герцензона, с которым солидарны авторы статьи, «квалификация преступлений состоит в установлении соответствия данного конкретного деяния признакам того или иного состава преступления, предусмотренного уголовным законом» [1].

Таким образом, для непротиворечивой и научно-обоснованной квалификации деяния и отграничения одного преступления от другого, в обвинении необходимо четко указывать все элементы конкретного инкриминируемого обвиняемому преступления, без смешения с признаками других составов.

К сожалению, эти, казалось бы, очевидные постулаты квалификации далеко не всегда соблюдаются на практике. Органы расследования чаще всего допускают такие «смещения» составов при описании объективной стороны преступного деяния, указывая как признаки вменяемого, так и признаки другого состава преступления, что создает возможность для государственного обвинителя и суда позднее перевалифицировать деяние на другую статью УК РФ. Подобного рода «процессуальные хитрости» органов расследования существенным образом затрудняют планирование защиты, которая должна предусматривать фактически защиту «с запасом» с учетом возможного изменения квалификации первоначального обвинения.

Например, в одном из изученных авторами уголовных дел следствие указало, что обвиняемые лица «совершили грабеж, то есть открытое хищение чужого имущества, совершенного организованной группой, в особо крупном размере, с приобретением права на чужое имущество путем обмана и злоупотребления доверием похитив путем приобретения право на долю номинальной стоимостью 5 000 рублей, что составляет 50% стоимости уставного капитала ООО «Х»».

Состав грабежа, предусмотренный ст. 161 УК РФ не предусматривает в качестве способа совершения преступления «обман или злоупотребление доверием». Такой квалифицирующий признак в диспозиции статьи 161 УК РФ также отсутствует.

Верховный суд РФ разъяснил, что при рассмотрении дел о краже, грабеже и разбое, являющихся наиболее распространенными преступлениями против собственности, судам следует иметь в виду, что в соответствии с законом под хищением понимаются совершенные с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого *имущества* в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества [6]. Законодательная конструкция состава грабежа в ст. 161 УК РФ не предполагает возможности приобретения права на чужое имущества путем обмана или злоупотребления доверием. Предметом грабежа ни при каких обстоятельствах не может быть право на имущество, но это не помешало органам следствия использовать подобную формулировку в обвинительном заключении.

4. Обвинительное заключение не содержит описания роли и конкретных действий каждого из соучастников преступления, конкретных преступных действий обвиняемого.

В другом деле при формулировке обвинения по ч. 2 ст. 327 УК РФ органом предварительного следствия

указано, что «А., действуя совместно и согласованно с Б, В. и иными неустановленными участниками организованной группы, в неустановленное время в период до 2 июня 2017 года на территории г. Москвы изготовили методом цветной струйной печати при неустановленных обстоятельствах, заведомо подложный паспорт гражданина РФ...». Авторам непонятно, каким образом можно построить линию защиты от столького «общего» обвинения.

Пункт 8 Постановления Пленума Верховного суда № 43 от 17.12.2020 г.[8] устанавливает, что подделкой паспорта гражданина признаются как незаконное изменение отдельных частей такого подлинного официального документа путем подчистки, дописки, замены элементов и др., искажающее его действительное содержание, так и изготовление нового официального документа, содержащего заведомо ложные сведения, в том числе с использованием подлинных бланка, печати, штампа.

Между тем в обвинительном заключении в нарушение ч. 1 ст. 220 УПК РФ не указано:

1. Лицо, совершившее подделку бланка паспорта, поскольку роль и конкретные действия каждого из предполагаемых следствием соучастников в изготовлении бланка поддельного паспорта не указаны;
2. Лицо, совершившее заполнение поддельного бланка паспорта, поскольку роль и конкретные действия каждого из предполагаемых следствием соучастников в заполнение бланка поддельного паспорта не указаны;
3. Время, то есть день изготовления поддельного паспорта;
4. Следствием не установлено и в обвинительном заключении не описано: когда, где и на каком печатном устройстве был выполнен бланк паспорта?

Приведенные нарушения уголовно-процессуально-го закона являются существенными, поскольку нарушают право обвиняемого на защиту от предъявленного обвинения в части выполнения конкретных действий, составляющих, по мнению следствия, объективную сторону преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 327 УК РФ и лишает суд возможности постановить приговор или вынести иное решение.

Отсутствие в обвинительном заключении точно определенной даты и времени подделки паспорта гражданина РФ не исключает возможности истечения срока давности привлечения к уголовной ответственности, в связи с чем даже уточнение по результатам судебного следствия в приговоре даты и времени со-

вершения предусмотренного ч. 2 ст. 327 УК РФ преступления будет являться недопустимым изменением обвинения.

В качестве другого примера неконкретного обвинения можно привести обвинительное заключение по уголовному делу о грабеже, в котором указано, что «А., Б. и иные неустановленные соучастники находились на территории Московского региона, при этом в случае необходимости должны были прибыть на место совершения преступления, и выполнить отведенную им преступную роль, в том числе связанную с приданием совершаемым действиям законности и оказания психологического воздействия на сотрудников полиции».

Подобная формулировка обвинения в грабеже не содержит информации, которая должна быть установлена в соответствии со ст. ст. 73 и 220 УПК РФ: не указано место и время совершения открытого хищения чужого имущества, его способ, мотив и другие обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела.

Грабежом является такое хищение, когда «лицо, совершающее это преступление, сознает, что присутствующие при этом лица понимают противоправный характер его действий независимо от того, принимали ли они меры к пресечению этих действий или нет» [6]. В связи с этим какое-либо «придание законности совершаемым действиям» принципиально несовместима с составом грабежа, предусмотренным ст. 161 УК РФ.

Сам факт нахождения обвиняемых на территории г. Москвы в момент совершения другими лицами грабежа не может считаться достаточным для обвинения в совершении открытого хищения чужого имущества. Такая формулировка обвинения представляет собой объективное вменение, то есть ответственность без вины. Защищаться же от такого «обвинения» в «готовности прибыть к месту совершения грабежа» из некоего не установленного следствием места в «Московском регионе» (а возможно и за десятки километров от места совершения другими лицами грабежа) архисложно.

На судебных стадиях уголовного процесса устранить приведенные в настоящей работе нарушения при составлении обвинительного заключения без одновременного нарушения права на защиту не представляется возможным. Полагаем, что указанные нарушения не позволяют суду вынести законный и обоснованный как обвинительный, так и в ряде случаев оправдательный приговор. Наиболее правильным представляется принятие судом решения о возвращении уголовного дела прокурору по основаниям, предусмотренным п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ — обвинительное заключение, обвинительный акт или обвинительное постановление со-

ставлены с нарушением требований настоящего Кодекса, что исключает возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения на основе данного заключения, акта или постановления. Несмотря на наличие свойственных данному институту российского уголовно-процессуального права «побочных

эффектов» [2], иные процессуальные механизмы для устранения на судебной стадии уголовного процесса допущенных при формулировке обвинения недостатков, нарушающих в связи с неконкретностью обвинения право на защиту, в отечественном законодательстве отсутствуют.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герцензон А.А. Квалификация преступлений. М., 1947.
2. Головки Л.В. Истоки и перспективы института дополнительного расследования уголовных дел на постсоветском пространстве // Государство и право. 2009. № 11. С. 54–67.
3. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Научн. ред и предисл. академика В.Н. Кудрявцева. М., 2007.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 28.01.2022, с изм. от 24.02.2022);
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ (ред. от 30.12.2021);
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»;
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре»;
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2020 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324–327.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».

© Степанов-Егиянц Владимир Георгиевич (02041981@mail.ru), Чекулаев Дмитрий Петрович (dm_ch@inbox.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТЬ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И КРИТЕРИИ ПРИМЕНЕНИЯ

INSIGNIFICANCE OF AN ADMINISTRATIVE OFFENSE: LEGAL NATURE AND APPLICATION CRITERIA

**O. Chernova
A. Tatalina**

In this article, a study was made of the institution of insignificance of an administrative offense, its content, legal essence and features of law enforcement. In this work, the formal-legal method and the method of judicial statistics were used. The issue of the possibility of recognizing an administrative offense as insignificant is analyzed, the criteria are considered that allow the release of a person who has committed an administrative offense from administrative punishment. The problem of assessing the degree of threat to public legal relations, which is infringed by an administrative offense, is outlined for its significance.

Keywords: insignificance, administrative offense, subject of administrative jurisdiction, court, legal consequences, verbal remark, threat to protected relations, harm.

Чернова Ольга Анатольевна

*К.ю.н., доцент, Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск
olga_khstu@mail.ru*

Таталина Анна Витальевна

*К.ю.н., доцент, Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск
tatalina_anna@mail.ru*

Аннотация. В данной статье проведено исследование института малозначительности административного правонарушения, его содержание, юридическую сущность и особенности правоприменения. В данной работе использовались формально-юридический метод и метод судебной статистики. Анализируется вопрос возможности признания административного правонарушения малозначительным, рассматриваются критерии, позволяющие освободить лицо, совершившее административное правонарушение от административного наказания. Обозначена проблема оценки степени угрозы общественным правоотношениям, на которые посягает административное правонарушение, на предмет ее существенности.

Ключевые слова: малозначительность, административное правонарушение, субъект административной юрисдикции, суд, правовые последствия, устное замечание, угроза охраняемым отношениям, причинение вреда.

Законодательство об административных правонарушениях закрепляет возможность субъекту административной юрисдикции признать административное правонарушение малозначительным, а лицу, его совершившему, избежать административного наказания. При этом Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) не раскрывает ни дефиницию «малозначительность», ни критерии ее применения. Законодатель ограничился одной нормой, закрепив в статье 2.9 КоАП РФ, что при малозначительности совершенного административного правонарушения судья, орган, должностное лицо, уполномоченные решить дело об административном правонарушении, могут освободить лицо, совершившее административное правонарушение, от административной ответственности и ограничиться устным замечанием [1].

Малозначительность административного правонарушения — это институт освобождения от административной ответственности лица, совершившего административное правонарушение, сопровождающийся прекращением производства по делу и объявлением устного замечания, о котором указывается в постановлении о прекращении производства по делу.

На основе анализа судебной практики и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации рассмотрим вопросы о том, какие правонарушения можно признать малозначительными и каковы критерии, позволяющие лицу, в производстве которого находится дело об административном правонарушении, освободить нарушителя от ответственности, ограничившись

устным замечанием. Следует отметить, что устное замечание — превентивная функция, призванная оказать исключительно моральное воздействие на нарушителя, и направлена на то, чтобы предупредить нарушителя о недопустимости совершения подобного нарушения впоследствии.

По смыслу пункта 4.2 постановления Конституционного Суда РФ от 25.02.2014 № 4-П использование возможности освобождения от административной ответственности в связи с малозначительностью не зависит от вида совершенного административного правонарушения и распространяется на случаи, когда с учетом характера противоправности, степени вины нарушителя в его совершении, отсутствия вредных последствий — не представляет существенной угрозы охраняемым общественным отношениям [2].

Верховный Суд Российской Федерации в постановлении от 24.03.2005 № 5 так же указал, что при признании административного правонарушения малозначительным учитываются характер совершенного правонарушения и роль правонарушителя, размер вреда и тяжесть наступивших последствий. Последствием совершения малозначительного административного правонарушения является отсутствие существенного нарушения охраняемых общественных правоотношений [3].

Высший Арбитражный Суд Российской Федерации в постановлении от 2 июня 2004 г. № 10 аналогичным образом разъяснил, что малозначительность правонарушения имеет место при отсутствии существенной угрозы охраняемым общественным отношениям [4].

Итак, все «высшие» суды исходят из того, что малозначительным может быть признано только то административное правонарушение, которое не повлекло существенной угрозы охраняемым общественным отношениям. При этом учитываются и имеют значение такие обстоятельства, как: характер противоправности действия или бездействия, степень вины нарушителя, размер вреда и тяжесть последствий.

О последствиях административного правонарушения можно говорить, в любом случае, если его состав является материальным. Материальный состав административного правонарушения включает в себя помимо противоправного действия или бездействия обязательное наступление в результате его совершения общественно опасных (вредных) последствий (например, нарушение водителем правил дорожного движения, может повлечь причинение вреда здоровью, материальный ущерб).

В случае, когда достаточно одного противоправного действия или бездействия без наступления последствий,

говорят о формальном составе административного правонарушения. Формальный состав административного правонарушения не предусматривает наступления в результате его совершения какого-либо общественно опасного, вредного последствия, констатируется лишь факт нарушения той или иной нормы права. Именно с такими составами, по нашему мнению, возникают сложности при признании административного правонарушения малозначительным, поскольку требуется оценить насколько существенна в результате его совершения степень общественной опасности (угроза охраняемым общественным отношениям).

Наличие или отсутствие существенной угрозы объекту, на который посягает нарушение, несомненно, является исключительно субъективным и оценочным критерием субъекта административной юрисдикции, с учетом конкретных обстоятельств рассматриваемого дела.

К сожалению, как правило, вопросы признания совершенного правонарушения малозначительным разрешаются не в административном, а в судебном порядке (либо при рассмотрении дела об административном правонарушении судом, либо при обжаловании в суд постановления по делу об административном правонарушении). Лицу, совершившему административное правонарушение по собственной инициативе следует заявить ходатайство о признании нарушения малозначительным с указанием обстоятельств, на которых основано соответствующее заявление.

Учитывая, что законодатель не определяет обстоятельства, позволяющие признать то или иное административное правонарушение малозначительным, а существенность или несущественность угрозы охраняемым общественным правоотношениям носит оценочный характер, практика судов не отличается единообразием, то есть одно и то же правонарушение может быть, как признано малозначительным, так и нет.

Рассмотрим практику применения ст. 2.9 КоАП РФ в отношении административных правонарушений в области таможенного дела, административная ответственность за которые наступает по ч. 3 ст. 16.1 КоАП РФ, и правовые позиции судей на предмет квалификации административного правонарушения как малозначительного.

Так, например, Тринадцатый арбитражный апелляционный суд в постановлении от 02.03.2021 № 13АП-34905/2020 по делу № А56-73475/2020 признавал малозначительным правонарушение, выразившееся в сообщении перевозчиком в таможенный орган при помещении товара под таможенную процедуру таможенного транзита недостоверных сведений, в том чис-

ле о весе товара. При этом отметил, что при формальном наличии признаков состава административного правонарушения, допущенное обществом нарушение не создало существенной угрозы охраняемым законом государственным и общественным отношениям. Угроза может быть признана существенной в том случае, если она подрывает стабильность установленного правопорядка с точки зрения его конституционных критериев, является реальной, непосредственной, значительной, подтвержденной доказательствами [5].

В другом из дел Пятый арбитражный апелляционный суд в постановлении от 25.01.2022 № 05АП-8674/2021 по делу № А51-17401/2021, напротив, счел о невозможности применения к аналогичному правонарушению положений ст. 2.9 КоАП РФ, указав на следующее. Анализ диспозиции части 3 статьи 16.1 КоАП РФ показывает, что рассматриваемое административное правонарушение посягает на установленный нормативными правовыми актами порядок перемещения товаров при таможенной процедуре таможенного транзита, который должен носить устойчивый характер и соблюдение которого является обязанностью декларанта, как участника таможенных правоотношений. Соответственно существенной угрозой охраняемым общественным отношениям в спорной ситуации является отсутствие надлежащей работы, направленной на выработку эффективного механизма по заявлению достоверных сведений о весе товара при помещении [6].

В целом, анализируя правоприменение ст. 2.9 КоАП РФ, можно сделать вывод о том, что административные правонарушения, имеющие материальный состав не могут признаваться малозначительными, так как имеют вредные последствия, и существенную угрозу общественным правоотношениям. Правонарушения же с формальным составом оцениваются судами на предмет малозначительности по-разному. В одних случаях в судебных актах отмечается, что существенная угроза охраняемым общественным отношениям заключается не в наступлении каких-либо последствий правонарушения, а в пренебрежительном отношении нарушителя к исполнению своих публично-правовых обязанностей по соблюдению требований законодательства. А в других, напротив, содержатся выводы о, что нарушитель не нанес какого-либо ущерба совершенным правонарушением, не причинил вреда интересам граждан, общества и государства.

Интерес представляет зарубежный опыт законодательного регулирования освобождения от административной ответственности при малозначительности правонарушения. Так в Кодексе Республики Казахстан в статье 64-1 имеется примечание, содержащее перечень обстоятельств, при наличии которых правонарушение признается малозначительным. Субъект адми-

нистративной юрисдикции должен учитывать личность правонарушителя, объект посягательства, а при наличии причиненного вреда — его размер [7]. Таким образом, малозначительным может быть признано административное правонарушение, как с формальным, так и с материальным составом.

В примечании к статье 39 Республики Туркменистан малозначительным признается правонарушение, которое по характеру, размеру причиненного вреда и степени тяжести последствий не оказало существенное воздействие на интересы, охраняемые законом [8].

В Кодексе Республики Беларусь в части 1 статьи 8.2 имеется норма, закрепляющая понятие малозначительного деяния — административное правонарушение, формально содержащее признаки административного правонарушения, но с учетом своего характера, степени общественной вредности и обстоятельств совершения не причинило и по своему содержанию не могло причинить значительного вреда охраняемым настоящим ... интересам. При этом, в части 2 указанной статьи указано на возможность признания деяния малозначительным до начала административного процесса, а в части 3 — перечисляются случаи, при которых норма о малозначительности не применяется [9].

Кодекс Азербайджанской Республики об административных проступках возможность освобождения от административной ответственности в связи с малозначительностью не предусматривает.

Таким образом, по мнению авторов, закрепление в отдельных частях статьи 2.9 КоАП РФ понятия «малозначительное административное правонарушение» (часть 2), четких критериев, позволяющих субъекту административной юрисдикции признать правонарушение малозначительным (часть 3), оснований для неприменения нормы о признании совершенного административного правонарушения малозначительным (часть 4), приведет к исключению неоднозначного применения статьи 2.9 КоАП РФ в правоприменительной практике.

Полагаем, что при определении ключевых характеристик малозначительного административного правонарушения следует принять положения об обстоятельствах его совершения, изложенные в постановлении КС РФ от 25.02.2014 года № 4-П: «малозначительным признается деяние лица, формально содержащее все признаки состава административного правонарушения, но фактически не представляет существенной угрозы охраняемым общественным отношениям с учетом характера конкретного противоправного деяния, степени вины нарушителя в его совершении, отсутствия вредных последствий».

ЛИТЕРАТУРА

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 28.01.2022) // СПС КонсультантПлюс;
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.02.2014 № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 7.3, 9.1, 14.43, 15.19, 15.23.1 и 19.7.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях...» // СПС КонсультантПлюс;
3. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2005 № 5 (в ред. от 23.12.2021) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС КонсультантПлюс;
4. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 2 июня 2004 г. № 10 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях» // СПС КонсультантПлюс;
5. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.03.2021 № 13АП-34905/2020 по делу № А56-73475/2020 // СПС КонсультантПлюс;
6. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 25.01.2022 № 05АП-8674/2021 по делу № А51-17401/2021 // СПС КонсультантПлюс;
7. Кодекс Республики Казахстан «Об административных правонарушениях» от 5 июля 2014 года № 235-V [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://kodeksy-kz.com/ka/ob_administrativnyh_pravonarusheniyah
8. Кодекс Туркменистана «Об административных правонарушениях» от 29 августа 2013 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=62468
9. Кодекс Республики Беларусь «Об административных правонарушениях» от 6 января 2021 № 91-3 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk2100091>

© Чернова Ольга Анатольевна (olga_khstu@mail.ru), Таталина Анна Витальевна (tatalina_anna@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

г. Хабаровск

ИСТОРИЯ И РАЗВИТИЕ КОРПОРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В КИТАЕ¹

Чжао Лэ

Аспирант, Московская Государственная
Юридическая Академия
le.zhao@yandex.ru

HISTORY AND DEVELOPMENT OF CORPORATE LEGISLATION IN CHINA²

Zhao Le

Summary. After the formation of the PRC, with the annulment of the «Book of Six Laws of the Republic of China», the process of corporate law in China was terminated, and the traditional model of the civil and corporate law system was completely abandoned by the transplantation and implementation of legal theory and system. For a long time, the Soviet legal system became with the development of the rule of law process in China and the improvement of the legal system, the socialist legal system with Chinese characteristics has been basically formed in 2011 and improve continuously.

Keywords: corporate law; corporate law; legislation in China; China company law.

Аннотация. После образования КНР и на фоне аннулирования «Книги шести законов Китайской Республики», процесс развития корпоративного законодательства в Китае был прекращен, а традиционная модель системы гражданского и корпоративного законодательства была полностью отброшена. Достаточно длительное время советская правовая система была моделью законодательства в различных правовых областях КНР, а советская теория права стали теоретическим образцом различных юридических дисциплин в КНР, в том числе, для корпоративного законодательства КНР. С развитием процесса верховенства права в Китае и совершенствования правовой системы, социалистическая правовая система с китайскими особенностями к 2011 году была окончательно сформирована, однако процесс ее совершенствования идет и сегодня.

Ключевые слова: корпоративное право; корпоративное законодательство; законодательство в Китае; закон о компаниях Китая.

Взлет и падение корпоративного законодательства в Китае в основном соответствуют основным фазам экономического и социального развития Китая. В связи с этим, трансплантация и аннулирование закона о компаниях в Китае отражают изменения в модели экономического развития, применяемого китайским обществом. В частности, они отражают отношение Китая к экономической глобализации.

Модернизация правовой системы в Китае в основном осуществляется путем трансплантации современной западной правовой системы. Традиционная китайская правовая система не может обеспечить институциональную и культурную поддержку процветания и модернизации Китая, поэтому всеобъемлющая трансплантация западной правовой системы считается одним из средств достижения Китаем процветания и модернизации корпоративного законодательства. На данном фоне процесс развития корпоративного за-

конодательства в Китае был тесно связан с процессом модернизации Китая в целом.

Историю развития корпоративного законодательства в Китае можно разделить на пять этапов: корпоративное законодательство в конце династии Цин, в периоде Китайской Республики, в начальном периоде образования КНР, а также в современную эпоху и в XXI веке. Рассмотрим данные этапы детально.

1. Стремление к созданию корпоративного права в конце династии Цин

Модернизация правовой системы Китая началась со стремления к западному конституционализму в конце династии Цин. В процессе реализации конституционализма в конце династии Цин «свод великой Цин» выступил первым источником корпоративного права.

¹ Данная статья субсидируется Китайским стипендиальным советом

² This article is sponsored by the China Scholarship Council

Он состоял из «свода о компаниях» и «общего свода коммерсантов». По сути, цель данного закона состояла в спасении судьбы династии Цин. Его структура, содержание и даже язык, являлись незрелыми, но его издание выступило в качестве первой попытки развить корпоративное законодательство. Как следствие, данный документ обладает определенным историческим значением и представляет собой исследовательский интерес. Как следствие, этот документ является значимым моментом в истории развития правовой системы Китая.

2. Развитие корпоративного права в периоде Китайской Республики

Революция 1911 года Китая закончила 2000-летнюю историю феодальной монархии Китая и закон о компаниях, принятый в конце династии Цин, утратил свое значение. После окончания династии Цин, Нанкинское национальное правительство постепенно создало современную национальную правовую систему, включая корпоративное законодательство. В 1929 году Нанкинское национальное правительство пересмотрело и приняло «положение о компаниях», которое учитывало предыдущие положения о компаниях, а цель этого положения состояла в том, что открыть государственную экономику и защитить частные предприятия. Руководствуясь идеей правительства об ограничении частного капитала, данный закон о компаниях налагал большие ограничения на частную экономику, но в нем впервые были введены правила о собственности.

В период антияпонской войны в целях адаптации к изменениям внутривнутриполитического положения, в 1929-м году Нанкинское национальное правительство существенно изменило закон о компаниях. Например, в него были добавлены компании с ограниченной ответственностью. Также в данный период был пересмотрен бывший институт акционерной компании, а также добавлено положение об иностранных компаниях. Под влиянием второй мировой войны, Нанкинское национальное правительство приблизились к США, поэтому данный закон о компаниях имел сильный капиталистический оттенок и содержал многочисленные положения англо-американского права.

3. Развитие корпоративного законодательства после образования КНР

1 октября 1949 г. было создано Центральное народное правительство Китайской Народной Республики. Одновременно с этим был отменен ряд законов, принятых Нанкинским национальным правительством. Чтобы создать новую правовую систему, правительство КНР

приняло ряд новых законов о компаниях, в том числе временное положение о частных предприятиях, принятое в 1951 г. В данное время советское право оказало важное и всестороннее влияние на различные правовые дисциплины в Китае, в том числе на корпоративное законодательство. В 1954 году для того, чтобы обеспечить процесс социалистического преобразования народного хозяйства, центральное правительство КНР сформулировало и приняло временные положения о государственно-частных совместных промышленных предприятиях, а из правовой системы временно исчез термин «компания». С тех пор, с постепенным углублением и завершением социалистического преобразования народного хозяйства, Китай перешел на плановую экономическую систему, поэтому постепенно исчезли частные компании, основанные на товарной экономике, исчез и закон о компаниях. После этого Китай вступил в модель развития плановой экономики. Большая часть ресурсов общества распределялись государством, поэтому закон о компаниях потерял свою актуальность.

4. Новый закон о компаниях после осуществления политики реформы и открытости в Китае

Высокоцентрализованный режим, применяемый Китаем в эпоху плановой экономики, доказал, что он не может способствовать модернизации экономики и общества Китая, поэтому после окончания культурной революции 3-й пленум ЦК 11-го созыва определил основные принципы национальной политики, который именовали «хозяйственное строительство как центр строительства». На этом фоне плановая экономика стала постепенно уходить с исторической сцены Китая.

29 декабря 1993 года был официально принят первый закон о компаниях КНР который означал полный переход плановой экономики Китая к рыночной экономике. Это было также важным символом новой модернизации и интеграции с мировой экономикой в Китае. В то же время, «Закон о товариществах», принятый в 1997 г. и «Закон о индивидуальном предприятии», принятый в 1999 г. в дальнейшем дополнили и усовершенствовали правовую систему корпоративного права Китайской Народной Республики.

5. Развитие современного корпоративного законодательства КНР в XXI веке

По различным причинам, таким как позднее начало практики китайских компаний и быстрое развитие рынка, у многих законодательных положений КНР можно было наблюдать ряд недостатков. К их числу можно

отнести строгие принципы, плохую работоспособность и множество юридических лазеек, что порождало различные трудности в правоприменительной деятельности. В связи с этим, 25 декабря 1999 года «Закон о компаниях» был пересмотрен и в него было добавлено правовое регулирование деятельности высокотехнологичных акционерных обществ по выпуску новых акций и подаче заявок на листинг акций.

15 декабря 2004 года Исполнительное заседание Государственного Совета Китая приняло «Проект закона о компаниях Китайской Народной Республики» и представило его на рассмотрение Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей. После трех обсуждений проект «закона о компаниях» был принят на восемнадцатом заседании Постоянного комитета Десятого Всекитайского собрания народных представителей 27 октября 2005 года и вступил в силу с 1 января 2006 года. В этом документе содержались общие положения, а также порядок создания и учреждения обществ с ограниченной ответственностью, отчуждения акционерного капитала общества, порядок создания акционерного общества. Регулировался бухгалтерский учет, слияние компаний, увеличение и сокращение капитала, роспуск и ликвидация компаний, порядок функционирования филиалов иностранных компаний. Стоит отметить, что этот закон в дальнейшем усовершенствовал корпоративную правовую систему Китая, соответствовал требованиям углубления социальных реформ и содействия экономическому развитию, а также обеспечил более стабильную институциональную поддержку развитию социалистической рыночной экономики.

В целях содействия высококачественному экономическому развитию Китая в новую эпоху «закон о компаниях» вступил в свою шестую редакцию под пристальным вниманием всех слоев общества. 20 декабря 2021 года законопроект «закон о компаниях» был представлен на 32-е заседание Постоянного комитета 13-го Всекитайского собрания народных представителей для первоначального обсуждения. Данная редакция по «закону о компаниях» внесла большое количество поправок для реализации требований Центрального

комитета КПК по принятию решений и разворачиванию по углублению реформы государственных предприятий, оптимизации бизнес-среды, усилению защиты прав собственности и содействию здоровому развитию рынка капитала. Данные меры были объективной необходимостью для совершенствования современной корпоративной системы с китайскими особенностями, а также для обеспечения надежных гарантий, необходимых для построения более динамичного китайского рынка.

Данный пересмотренный проект состоит из 15 глав и 260 статей. На основе 13 глав и 218 статей действующего Закона о компаниях, было добавлено и пересмотрено по существу около 70 статей, которые в основном включают такие аспекты, как соблюдение партийного руководства государственными предприятиями, совершенствование специальных правил государственных компаний, совершенствование системы создания и выхода из компании участком, оптимизацию организационной структуры компании, совершенствование системы управления капиталом компании, усиление ответственности контролирующих акционеров и менеджеров высшего звена, а также усиление корпоративной социальной ответственности.

Таким образом, в представленной статье были рассмотрены пять этапов развития корпоративного законодательства Китая. Выявлено, что компания выступает в качестве важнейшего субъекта рынка, а закон о компаниях является основным законом системы рыночной экономики. Корпоративное законодательство в Китае, по сравнению с другими странами, появилось достаточно поздно. Кроме того, установлено, что на развитие китайского корпоративного законодательства особое влияние оказало британское и американское законодательство, однако некоторые их нормы были отклонены, так как они не полностью соответствовали правилам развития рыночной экономики Китая. В последние годы, на фоне планомерного улучшения правовой системы и уровней законодательства, Китай изучает корпоративное законодательство и разрабатывает возможные пути развития компаний, соответствующие его национальным особенностям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чжэн Юбо. Корпоративное право /Издательство книжного магазина. — Санмин — 1980. 6 с.
2. Лю Лянью. Принципы корпоративного права. /Издательство Китайского университета политики и права. — 2002. — 8 с.
3. Конг Сянцзюнь. Основы корпоративного права. /Издательство Народного суда. — 1997—11 с.
4. Сюй Янь. Принципы корпоративного права. /Юридическая пресса. — 1997—18 с.
5. Чжао Сюйдун. Корпоративное право. /Издательство Высшего образования. — 2003—14 с.
6. Аньшэном Д. Британское коммерческое прав. /Издательство Law Press — 1991. — 9 с.
7. Сюй Янь. Принципы корпоративного права. /Издательство юридической прессы. — 1997—19 с.

8. Фэн Гуо. Основы корпоративного права. / Издательство Уханьского университета. — 2003—8 с.
9. Ван Вэнью. Основы корпоративного права / Издательство Китайского университета политики и права. — 2004. — 19 с.
10. Цзян Дасин. Развитие и оценка корпоративного права. / Издательство права. — 2001—7 с.
11. Сюй Янь. Принципы корпоративного права. / Издательство юридической прессы. — 1997—20 с.
12. Ван Вэнью. Основы корпоративного права. / Издательство Китайского университета политики и права. — 2004—19 с.
13. Мао Яминь. Сравнительное исследование корпоративного права. China Legal System Press. — 2001—24 с.
14. Сюй Янь. Принципы корпоративного права. /Юридическая пресса. 1997—5 с.

© Чжао Лэ (le.zhao@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московская Государственная Юридическая Академия

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЕКЛАМЫ В АУДИОВИЗУАЛЬНЫХ СЕРВИСАХ

Ярмолович Глеб Валерьевич

Соискатель, Финансовый Университет при
Правительстве Российской Федерации
gleb.yarmolovich@gmail.ru

LEGAL REGULATION OF ADVERTISING ON AUDIOVISUAL SERVICES

G. Yarmolovich

Summary. In this article the author examines the main results of the research work on the experience of application of legal norms in the sphere of regulation of advertising in the framework of audiovisual services. The grounds that allow to speak about the relevance of the present study are defined. In particular, a brief analysis of contracts used by audiovisual services was conducted. A brief study of articles devoted to this topic, as well as acts of law enforcement related to the work of audiovisual services has been carried out. A comparative analysis of audiovisual services and Internet sites that host user's audiovisual materials was conducted.

The main approaches to the legal regulation of audiovisual services were studied. A brief analysis of legislation on the availability of rules governing the relations arising from the placement of advertising in the framework of audiovisual services was carried out. Prospects for existing norms in the field of regulation of advertising within audiovisual services were assessed.

Keywords: results of research work, advertising relations, audiovisual services, advertising activities, Internet.

Аннотация. В данной статье автором рассмотрены основные результаты научно-исследовательской работы относительно опыта применения правовых норм в сфере регулирования рекламы в рамках аудиовизуальных сервисов. Определены основания, которые позволяют говорить об актуальности настоящего исследования. В частности, проведен краткий анализ договоров, используемых аудиовизуальными сервисами. Проведено краткое исследование статей, посвященных данной тематике, а также актов применения норм права, связанных с работой аудиовизуальных сервисов. Проведен сравнительный анализ аудиовизуальных сервисов и интернет-сайтов, в рамках которых размещаются пользовательские аудиовизуальные материалы.

Изучены основные подходы к правовому регулированию работы аудиовизуальных сервисов. Проведен краткий анализ законодательства на предмет наличия норм, регулирующих отношения, возникающие при размещении рекламы в рамках аудиовизуальных сервисов. Дана оценка перспективам действующих норм в сфере регулирования размещения рекламы в рамках аудиовизуальных сервисов.

Ключевые слова: результаты научно-исследовательской работы, рекламные отношения, аудиовизуальные сервисы, рекламная деятельность, сеть Интернет.

В рамках настоящей статьи будут рассмотрены вопросы правового регулирования деятельности, связанной с размещением рекламы в рамках аудиовизуальных сервисов. Несмотря на то, что как вид интернет-сайты, предоставляющие возможность просмотра видеозаписей на условиях демонстрации рекламы или платных подписок существуют не первый год, в 2020 году данные сервисы получили широкое распространение среди населения, потеснив не только рынок видео продукции на материальных носителях, но и привычные кинотеатры. Обусловлены данные обстоятельства пандемией коронавирусной инфекции COVID — 19, в рамках борьбы с которой люди были вынуждены находится в изоляции от внешнего мира. Подтверждением того, что данные обстоятельства связаны можно рассматривать данные исследования «Telecom Daily», в рамках которого было установлено, что прирост пользователей российского рынка в 2020 году

составил 20%. [8] Указанные обстоятельства говорят о высоком спросе аудиовизуальных сервисов среди потребителей, что подтверждает актуальность темы исследования.

Правовое регулирование данной сферы в Российской Федерации берет свое начало в 2017 году, вместе с внесением изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и защите информации», в рамках которых законодателем было дано определение аудиовизуального сервиса. В соответствии с этим определением под аудиовизуальным сервисом понимается сайт в сети и (или) страницу сети Интернет, и (или) информационную систему, и (или) программу для электронных вычислительных машин, которые используются для формирования и(или) организации распространения в сети Интернет совокупности аудиовизуальных произведений, доступ к ко-

торым предоставляется за плату и(или) при условии просмотра рекламы, направленной на привлечение внимания потребителей и доступ к которому в течение суток составляет более ста тысяч пользователей сети «Интернет», находящихся на территории Российской Федерации [3]. Самим определением предусмотрена возможность использования аудиовизуально, что составляет объективную сторону рекламных отношений. В настоящий момент правоотношения, связанные с распространением рекламной информации посредством аудиовизуальных сервисов, регулируются статьей 10.5 Федерального закона № 149 — ФЗ от 27 июля 2006 года «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [4]. Рассматриваемая статья не только закрепляет определение аудиовизуального сервиса, но и устанавливает круг обязанностей владельцев аудиовизуальных сервисов, к числу которых относятся:

- ◆ не допущение использования сайта для совершения уголовно наказуемых деяний, разглашения сведений, составляющих государственную тайну, распространения сведений, содержащих публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, пропагандирующих порнографию культ насилия и жестокости, материалов, содержащих нецензурную брань;
- ◆ классифицирование распространяемой информации в соответствии с требованиями Федерального закона № 436 — ФЗ от 29 декабря 2010 года «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»;
- ◆ соблюдение запретов и ограничений, предусмотренных законодательством о референдуме и о выборах;
- ◆ не допущение распространения телеканалов и программ, незарегистрированных в соответствии с Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124–1 «О средствах массовой информации»;
- ◆ размещение контактной информации для направления юридически значимых сообщений;
- ◆ установление средств определения количества пользователей информационным ресурсом;
- ◆ обеспечение возможности исследования объема аудитории аудиовизуального сервиса;
- ◆ обеспечение распространения, без взимания платы, всех общероссийских обязательных общедоступных каналов [4].

Важным является то обстоятельство, что в данном перечне отсутствуют положения, связанные с порядком распространения рекламной информации, что по мнению автора является недостатком правового регулирования. Просмотр содержимого аудиовизуального сервиса ставится в зависимость от демонстрации рекламы, при этом условия такой демонстрации не указаны в за-

коне. В соответствии со статьей 14 Федерального закона «О рекламе» установлены определенные требования в части прерывания телепрограммы и телепередач для демонстрации рекламных материалов, такие как:

- ◆ демонстрации предупреждения о предстоящем показе рекламы;
- ◆ установление размера «бегущей строки», накладываемой на демонстрируемое изображение;
- ◆ установление общей продолжительности рекламных перерывов в течение одного часа и/или суток;
- ◆ запрещение прерывание рекламой или совмещение демонстрации «бегущей строки» религиозные телепередачи или телепередачи продолжительностью менее пятнадцати минут;
- ◆ запрещение прерывание иных телепередач и художественных фильмов рекламными блоками длительностью более 4 минут;
- ◆ запрещение увеличения уровня громкости для демонстрации рекламных материалов;
- ◆ запрещение демонстрации рекламы в рамках телеканалов, доступ к которым, предоставляется на платной основе [5];

Статья 17 указанного закона устанавливает запрет на прерывание рекламой демонстрации фильмов при кино- и видеообслуживании. Принимая во внимания указанные положения, а также разъяснения Федеральной антимонопольной, изложенные в письме от 28.08.2015 N АК/45828/15 «О рекламе в сети «Интернет», в соответствии с которыми требования законодательства о рекламе, следует применять к рекламе, распространяемой в сети Интернет [7], можно сделать вывод, что аудиовизуальные сервисы должны соблюдать положения статей 14 и 17 Федерального закона «О рекламе». Однако, на практике, происходит иначе. В качестве примера, автором было рассмотрено пользовательское соглашение, размещенной на сайте Интернет кинотеатра Ivi.ru. Указанное соглашение заключается в форме договора присоединения, в порядке предусмотренным статьей 428 ГК РФ [1]. Предмет соглашения определяет назначение сервиса, как средства просмотра видеоконтента без взимания с Пользователя платы и с сопровождением процесса демонстрации видеоконтента рекламой и/или без сопровождения процесса демонстрации видеоконтента рекламой [10]. Соглашение закрепляет права владельца аудиовизуального сервиса на распространение рекламной информации посредством осуществления рассылок, а также путем размещения, без указания способа размещения, рекламной информации в любом разделе сайта, а также путем прерывания демонстрации аудиовизуальных произведений. Исключений или правил прерывания аудиовизуальных произведений для демонстрации рекламы, пользовательское соглашение не содержит.

Присоединяясь к соглашению, пользователь дает свое согласие на демонстрацию рекламных материалов, на условиях, установленных владельцем сервиса, и принимает на себя обязательство не предпринимать мер, направленных на несанкционированное блокирование рекламной информации. Таким образом, можно сделать вывод о том, что владелец аудиовизуального сервиса заключает с пользователями соглашение, в соответствии с которым ему предоставлено право распространять по своему усмотрению рекламную информацию, и прерывать, демонстрируемые видеоматериалы для целей демонстрации рекламы. По мнению автора, такие условия договора присоединения противоречат действующему законодательству о рекламе в части регулирования порядка демонстрации рекламных материалов.

Также, немаловажным по мнению автора является тот факт, что такие интернет-сайты как Youtube.com ввиду ограничений, установленных законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», не относятся к аудиовизуальным сервисам. В соответствии со статьей 16 указанного закона не относятся к аудиовизуальным сервисам интернет-ресурсы, зарегистрированные в качестве СМИ, поисковые системы, информационные системы, на которых аудиовизуальные произведения размещаются преимущественно другими пользователями. При этом часть пользователей Youtube являются профессиональными участниками рекламного рынка или создателями аудиовизуальных произведений. Более того, Youtube предоставляет своим пользователям сервис монетизации, т.е. извлечения прибыли за счет количества рекламы демонстрируемой в пользовательских файлах. В 2018 году Youtube установил дополнительный сервис, позволяющий за плату избежать просмотра рекламных объявлений. Указанные обстоятельства позволяют сделать вывод, что положения статьи 16 закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» на сегодняшний день являются устаревшими и не могут обеспечить надлежащую защиту прав пользователей сети Интернет. Тот факт, что такие интернет-сайты как Youtube предоставляют своим пользователям получать прибыль за счет демонстрируемых объявлений, а также избежать просмотров рекламы при условии внесении платы, позволяет отнести его к аудиовизуальным сервисам. В соответствии с определением, размещенным на сайте Youtube, данный сервис является платформой, на которой пользователи могут находить и смотреть видео и другой контент, публиковать собственные материалы, а также общаться между собой и делиться новостями и идеями [11]. Исходя из буквального толкования определения следует, что Youtube является крупным файлообменником, основная цель которого объединение общих информационных ресурсов пользователей для создания глобально-

го хранилища информации. Рассматривая подробнее правила монетизации под которой понимается предоставление каждым зарегистрированным пользователем для Youtube права демонстрации рекламы внутри размещаемых материалов или взимания платы с других пользователей за доступ к таким материалам, можно сделать вывод о том, что пользовательское соглашение Youtube содержит в себе элементы лицензионного договора в понимании статьи 1235 ГК РФ [2],

Учитывая тот факт, что интернет-сервис Youtube принимает к размещению видео-материалы пользователей на условиях заключения лицензионного соглашения, а также предоставляет возможность избежать просмотров рекламы на условиях внесения дополнительной платы, можно сделать вывод возможности его квалификации в качестве аудиовизуального сервиса. Участники рынка придерживаются схожей позиции, и проявляют инициативу по привлечению внимания антимонопольной службы к деятельности сервиса Youtube. Одним из таких примеров служит обращение ассоциации «Интернет — видео» в ФАС с жалобой в отношении содержания рекламы, размещаемой в пользовательских записях сети Youtube. Ссылаясь на необходимость единообразного подхода к регулированию порядка размещения рекламы в рамках сервисах, доступных на территории России, ассоциация обратила внимание антимонопольного органа на наличие на сайте Youtube рекламы онлайн — казино. По результатам рассмотрения жалобы, представители контролирующего органа пришли к выводу, что Федеральная антимонопольная служба России не уполномочена оценивать исполнение закона о рекламе вне доменных зон российского Интернета [9].

Отнесение сайтов, содержащих рекламу и видеоматериалы к аудиовизуальным сервисам является особенно актуальным, поскольку пользователи, которые активно используют монетизацию, могут распространять материалы, пропагандирующие насилие, жестокость и призывы к террористической деятельности. По мнению автора, своевременная идентификация сайтов с пользовательским контентом как аудиовизуальных сервисов поможет избежать случаев бесконтрольного распространения вредной информации, поскольку на владельцев будут возложены те же обязанности, что и на владельцев аудиовизуальных сервисов.

Подводя итоги исследования, автор приходит к выводу, что все интернет-сайты, предоставляющие доступ к видео материалам на условиях демонстрации рекламы или взимании платы необходимо относить к аудиовизуальным сервисам. Данное обстоятельство обусловлено использованием схожих договорных конструкций при взаимоотношении с пользователями и авторами.

Важным по мнению автора является то обстоятельство, что несмотря на интерес антимонопольных органов к содержанию рекламных материалов, размещаемых в аудиовизуальных сервисах, остается не регламентированным порядок прерывания видео материалов для демонстрации рекламы. Частота прерывания аудиовизуальных произведений может зависеть от владельца аудиовизуального сервиса, который, в первую очередь, будет руководствоваться популярностью видеозаписи среди других пользователей, а не ее длительностью или содержанием. Несмотря на наличие писем разъяснений ФАС [7], в соответствии с которым, антимонопольный орган предписывает применение общих правил Федерального закона «О рекламе» [5], аудиови-

зуальные сервисы игнорируют требования закона о порядке прерывания видео трансляций. По мнению автора для необходимо обеспечение единства правового регулирования в сфере размещения рекламы в рамках аудиовизуальных сервисов, путем установления требований к частоте и порядку прерывания видео. Также, важным направлением является исключение ограничений, установленных статьей 16 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Указанные мера может помочь сбалансировать объем рекламной информации, которая воздействует на потребителя, а также внести прозрачность в соглашения, используемые аудиовизуальными сервисами регистрации новых пользователей.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N51-ФЗ // «Российская газета», N238–239, 08.12.1994.
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)» от 18.12.2006 N230-ФЗ // «Российская газета», N289, 22.12.2006,
3. Федеральный закон от 01.05.2017 N87-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации». // «Российская газета», N94, 03.05.2017,
4. Федеральный закон от 27.07.2006 N149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» / «Российская газета», N165, 29.07.2006,
5. Федеральный закон от 13.03.2006 N38-ФЗ «О рекламе» // «Российская газета», N51, 15.03.2006,
6. Федеральный закон от 01.05.2017 N87-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации». // «Российская газета», N94, 03.05.2017,
7. Письмо ФАС России от 28.08.2015 N АК/45828/15 «О рекламе в сети «Интернет» // [Официальный справочной правовой системы «Консультант +» <http://www.consultant.ru>, (дата обращения: 25.01.2019)]
8. Статья «Общая выручка легальных онлайн-видеосервисов в России составила 38 млрд. 942 млн. руб.» Тадвайзер <https://www.tadviser.ru/index.php/>
Статья: [Онлайн-видео_\(рынок_России\)_Онлайн-кинотеатры_\(VOD-видео_по_запросу\)](#)
9. Статья «Фас отказалась оценивать нарушение рекламы в Youtube» // Михаил Джапаридзе 16 мая 2018 года официальный сайт информационного агентства ТАСС дата доступа 04 12 2021
10. Пользовательское соглашение Онлайн кинотеатра Ivi.ru – Текст: электронный. — URL: <https://www.ivi.ru/info/agreement> (дата обращения: 10.03.2022).
11. Пользовательское соглашение Youtube.ru – Текст: электронный. — URL: <https://www.youtube.com/static?template=terms&gl=RU&hl=ru> (дата обращения: 10.03.2022).

© Ярмолович Глеб Валерьевич (gleb.yarmolovich@gmail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБРАЗОВАНИЕ, СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ

Сунь Шуфэн

Аспирант, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский
государственный университет»
sunshufeng@mail.ru

EDUCATION, SOCIAL STRATIFICATION AND SOCIAL MOBILITY

Sun Shufen

Summary. Education is an important force contributing to social stratification and social mobility, and higher education directly influences social stratification and social mobility. Equity of resources of higher education directly affects the change in the social level of educated people after receiving higher education. Thus, it is important to pay attention to the impact of higher education on social stratification and social mobility, and to examine the promotion and advancement of higher education on social stratification and social mobility. Social stratification is the social root of education. The phenomenon of «exam-oriented education» is common and not unique to our country at this stage. The fundamental issue of education is social resources, and then the issue of competition for educational resources. Given a realistic premise of a vision of the objective existence of social stratification, more fundamental questions are how to ensure equality in education and achieve social justice and equity through education.

Keywords: education, social stratification, social mobility, social class, structure rationalization, educational development, educational resources.

Аннотация. Образование является важной силой, способствующей социальному расслоению и социальной мобильности, а высшее образование напрямую влияет на социальное расслоение и социальную мобильность. Справедливость ресурсов высшего образования напрямую влияет на изменение социального уровня образованных после получения высшего образования. Таким образом, важно обратить внимание на влияние высшего образования на социальное расслоение и социальную мобильность, а также изучить продвижение и продвижение высшего образования на социальное расслоение и социальную мобильность. Социальная стратификация — это социальный корень образования. Феномен «ориентированного на экзамен образования» является обычным явлением, а не уникальным явлением для нашей страны на данном этапе. Фундаментальный вопрос образования — это социальные ресурсы, а затем вопрос конкуренции за образовательные ресурсы. При реалистичной предпосылке видения объективного существования социального расслоения более фундаментальными вопросами являются способы обеспечения равенства в образовании и достижения социальной справедливости и справедливости с помощью образования.

Ключевые слова: образование, социальная стратификация, социальная мобильность, социальный класс, рационализация структуры, образовательное развитие, образовательные ресурсы.

Образование — это социальное существование. Проблема школьного образования — это проблема не только самой школы, но и системы образования, а тем более общества. Социальная стратификация — объективное социальное явление. Именно мотивация оставаться позади или преодолевать социальное расслоение делает образование, ориентированное на экзамены, неизбежным.

Социальная стратификация относится к институционализированной системе социального неравенства. В этой неравной системе некоторые люди или группы могут получить больше возможностей бороться за социальные ресурсы или даже захватывать общественные ресурсы, в то время как другие люди или группы

явно находятся в невыгодном положении с точки зрения доступа к ресурсам. Здесь понятие ресурсов является широким. Он включает в себя власть, богатство, престиж и другие элементы. Социальная стратификация тесно связана с социальным неравенством. Социальное неравенство является основой социальной стратификации, а социальное неравенство в первую очередь проистекает из социальных различий. Но чистые социальные различия не могут составлять социальное неравенство. Социальное неравенство вместе с оценкой людьми таких различий формирует социальное неравенство. Видно, что оценка людей играет важную роль в социальном неравенстве. Итак, кто такие люди? Как формируются оценки людей? Как оценки людей связаны с социальным неравенством? Кто обладает

дискурсивной властью для оценки и кто контролирует стандарты — это очень сложный политический и культурный вопрос. Различные объяснения могут быть получены с разных сторон. С антропологической точки зрения это вопрос культуры. На оценку людей влияет культура. «Приоритет власти (в системе ценностей)» может быть ценностным стремлением большего числа людей в контексте конфуцианской культуры. С точки зрения философии и этики, это вопрос человеческого достоинства и ценности; с точки зрения права и политики, это вопрос прав и власти; с точки зрения экономики это вопрос стоимости и выгоды. В любом случае социальное расслоение несет в себе много иерархии и неравенства.

Влияние социального неравенства на образование

Структура социального класса Китая превратилась из первоначальной структуры «два класса и один социальный слой» в структуру из десяти основных социальных классов. Диверсификация социальных классов и постоянное расширение среднего класса — две наиболее очевидные характеристики. В эволюции структуры социального класса наибольшую роль играют экономические факторы и факторы образования, и оба они в основном сыграли большую роль. Маркетизация, индустриализация и урбанизация экономики позволили фермерам и рабочим и даже многим безработным в городах и поселках получить право выбора работы, больше возможностей для экономического развития и возможности для восходящей мобильности, например, они могут стать промышленными рабочими, владельцами бизнеса и индивидуальными предпринимателями. В то же время еще одним фактором, способствующим социальной дифференциации и мобильности, является нормализация и популяризация образования. В частности, развитие высшего и профессионального образования предоставило все большему количеству молодых людей механизмы и каналы для изменения своего социального статуса. Тем не менее, другое негативное явление становится более очевидным, вызывая социальную неудовлетворенность, а именно, рост социального неравенства и очевидное сокращение возможностей для восходящей мобильности нижнего уровня, так что некоторые ученые считают, что китайский социальный класс сломался и затвердевает. Люди начали сомневаться в том, позволяет ли экономическое развитие людям делиться друг с другом и может ли образование по-прежнему помогать людям, особенно тем, кто находится в низших слоях общества, получить возможности для восходящей мобильности.

Индекс Джини — это показатель, используемый для отражения степени неравенства в распределении об-

щественного богатства. Значение находится в диапазоне от 0 до 1, чем больше значение, тем больше неравенство в распределении богатства, то есть тем больше разрыв между богатыми и бедными. Обычно 0,4 считается «линией предупреждения», а коэффициент Джини в развитых странах обычно составляет от 0,24 до 0,36.

Данные Национального бюро статистики показывают, что в последние годы индекс Джини моей страны не сильно колебался: 0,462 в 2015 году, 0,465 в 2016 году, 0,4670 в 2017 году, а индекс Джини в 2018 году также составляет около 0,474, что превышает международное предупреждение³. Разрыв между богатыми и бедными в нашей стране велик, а разрыв в доходах между городскими и сельскими районами сохраняется на высоком уровне — более 1:3. Что еще более важно, образование не только не в состоянии уменьшить социальное неравенство, но и стало важным механизмом расширения социального неравенства. Еще 10 лет назад некоторые ученые подтвердили гипотезу о том, что образование выполняет функцию поддержания социального неравенства. Исследования показали, что отдача от образования не увеличилась за последние два десятилетия, а снизилась. Наиболее очевидным поворотным моментом изменений является расширение и популяризация высшего образования после 1997 года. Трудоустройство выпускников колледжей изменилось с государственного устройства на свободную конкуренцию на рынке. Есть даже определенный процент выпускников колледжей, которые не могут достичь трудоустройства каждый год семьи из низшего среднего класса в сельской и городской местности. В результате люди усомнились в «ценности образования», и появилась новая версия «рассуждения (полемика) о бесполезности учёбы».

Исследования показали, что постоянная концентрация ресурсов высококачественного образования в среднем и высшем классах стала важной причиной расширения социального неравенства и укрепления социальной стратификации. Доля студентов престижных университетов страны в сельской местности значительно снизилась по сравнению с тем, что было 10 и 20 лет назад. Средний класс, особенно семьи государственных служащих и профессионально-технический персонал, имеют значительное преимущество в количестве студентов. Так недавно Университет Цинхуа, Пекинский университет, Народный университет и другие известные университеты по всей стране выделили определенное количество мест для набора студентов в центральных и западных регионах и сельских районах. Однако это не изменило структуру неравенства среди известных студентов университетов в сельских городах. С другой стороны, чтобы бороться за высококачественные ресурсы, семьи из низшего класса несут

более тяжелое бремя образования. В обширных сельских районах существует феномен «аренды дома для сопровождения студентов». Так называемая аренда дома для сопровождения во время учебы в школе означает, что сельские родители предпочитают покинуть сельскую местность, чтобы их дети не слишком сильно отставали в начальной школе, снимают дом в графстве или центральном городе и позволяют детям посещать школу там, что равносильно «выбору школы» в городе. В городских или сельских районах выбор школы требует огромных экономических и социальных затрат, а также требует определенных социальных отношений. В процессе выбора школы многие люди, не имеющие социальных отношений и экономического капитала, могут только столкнуться с этим. Факт «жестокости» социального неравенства, конечно же, делает образование еще более важным механизмом разделения общества.

Неравенство в образовании вытекает из социального неравенства

Само образование не имеет функции разделения социального неравенства или содействия разумной социальной мобильности и разумным изменениям в социальной структуре. Его влияние на социальное расслоение, что еще более важно, зависит от социального неравенства. При обсуждении вопроса о том, может ли образование способствовать рационализации социальной стратификации, часто игнорируется влияние социальной стратификации на образование. Иными словами, образование будет играть разные функции и эффекты в разных моделях социальной стратификации. Фактически, нынешние образовательные ресурсы в моей стране выделяются для удовлетворения требований социального неравенства. Все высококачественные образовательные ресурсы, как правило, распределяются в места и области, которые более доступны для среднего и высшего классов. Где средний и высший классы концентрируются, тем больше доступно качественных ресурсов. Напротив, там, где сосредоточены более низкие уровни, меньше образовательных ресурсов и меньше качественных образовательных ресурсов. В процессе продвижения выравнивания образовательных ресурсов в одном городе по-прежнему остается несколько престижных школ, чтобы заботиться о детях из высших слоев общества. В то же время в слаборазвитых районах почти все сельские начальные школы не могут нанимать учителей с уровнем образования колледжа или выше, потому что там зарплаты учителей слишком низкие, а молодые студенты колледжей, которые работают учителями там после окончания учебы, могут зарабатывать менее 1000 юаней в мес., не так хорошо, как зарплата трудовых мигрантов, выходящих на работу.

Дети, которые получают качественные образовательные ресурсы в начальной и средней школе, с большей вероятностью поступят в престижные университеты, а студенты, окончившие престижные университеты, с большей вероятностью найдут хорошую карьеру. В настоящее время многие работодатели предусматривают набор только студентов и аспирантов, окончивших 985 или 211 университетов. Студенты, окончившие другие университеты, даже не имеют квалификации для прохождения собеседования. Несмотря на то, что это дискриминационное постановление, Министерство людских ресурсов и социального обеспечения издало правила, направленные на предотвращение такой дискриминации при приеме на работу, но в действительности национальная политика не имеет практического эффекта. На первый взгляд кажется, что студенты, окончившие 985 и 211 вузов, имеют более высокую квалификацию, но на самом деле это еще одно проявление социального неравенства. Конечно, рынок труда имеет порог технических способностей, и конкуренция студентов колледжей при приеме на работу в определенной степени также является конкуренцией технических способностей. Развитие технических способностей каждого человека зависит не только от личных усилий и талантов, но и от того, пользуются ли они лучшими ресурсами и возможностями. Принятие в качестве квалификаций выпускников 985 и 211 университетов якобы отражает использование технических способностей в качестве стандарта, но на самом деле это усиливает формирование и конструирование технических способностей за счет социального неравенства. Как указывалось выше, студенты, которые могут поступить в 985 и 211 университеты. Происходят из. Есть больше семей среднего и высшего класса, чем семей низшего класса. Таким образом, нормы или негласные правила приема на работу только 985 и 211 выпускников колледжей на самом деле являются практикой среднего и высшего класса, использующего образование в качестве разумного технического порога для поддержания своего статуса. То есть то, что немецкий социолог Вебер и французский социолог Будиус называли школами, являются воплощением классового порога.

Кроме того, повсюду можно увидеть другие виды неравенства, связанные с трудоустройством выпускников университетов. Исследования показали, что существует сильная положительная корреляция между размером социального капитала и трудоустройством выпускников колледжей, то есть чем больше социального капитала, тем больше рабочих мест вы можете найти и тем лучше рабочие места вы можете найти, что означает, что вы можете поступить на работу. высший социальный класс. Социальный капитал влияет на трудоустройство и профессиональный статус выпускников университетов как минимум по следующим трем аспек-

там: Во-первых, при поиске работы можно получить больший социальный капитал, более надежную информацию о занятости; во-вторых, больший социальный капитал может помочь ищущим работу получить больше межличностной помощи в конкуренции; в-третьих, социальный капитал больше способствует смене карьеры и продвижению по службе. Несмотря на то, что в нашей стране внедрена система приема на работу государственных служащих и государственных учреждений, на нее по-прежнему влияют межличностные отношения в некоторых звеньях. Например, условия собеседования могут быть смягчены, чтобы позволить людям со связями, но с плохими результатами тестов пройти собеседование, будет играть роль для социального капитала, обеспечивая определенное социальное пространство.

Популяризация высшего образования и рост ожиданий людей от образования

Поднимался вопрос о балансе между элитарным образованием и популяризацией образования. После восстановления высшего образования в конце 1970-х годов высшее образование всегда рассматривалось как образование для культивирования социальных элит. Те, кто поступает в высшие учебные заведения, естественно рассматриваются как социальные элиты. Это сформировало консенсус в обществе, но с 1990-х годов к концу десятилетия, после масштабного расширения приема в колледжи, поступить в колледж было не так уж и сложно. Доля поступающих в колледжи из средних школ по всей стране внезапно выросла с 3% до 5%, в прошлом и более 30%, а некоторые старшеклассники поступили в колледжи, чтобы достичь 100%. Видно, что университетское образование становится все более и более популярным. Студенты колледжей больше не обучаются как социальная элита. После окончания учебы им все равно придется выходить на жестко конкурентный рынок труда для борьбы, и они могут не найти работу или найти заработная плата и др. Условия не идеальны для работы. Исследования показали, что разница между скоростью возврата выпускников колледжа и скоростью возврата выпускников средней школы не так велика, как скорость возврата выпускников средней школы и степень возврата выпускников неполных средних школ. Люди вздыхали, что «студенты колледжа бесполезны», а еще есть поговорка «эпоха «сынков»».

Вот трезвое понимание социальной функции образования: во-первых, сегодня Китай вступил в эпоху знаний и информации, и получение определенного уровня образования стало необходимым условием для выживания и развития людей в эту эпоху. С общим

повышением уровня образования населения высшее образование больше не является единственным условием для достижения более высокого социального статуса, как раньше. Во-вторых, образование может играть роль и функцию содействия рационализированной мобильности социальных слоев только при определенных социальных условиях, и трудно определить социальную функцию образования без определенных социальных условий. Причина, по которой образование в Китае в настоящее время не выполняет функцию рационализированной социальной мобильности, как надеялись люди, не в самом образовании, а в социальном неравенстве. Хотя на ранней стадии реформ также существовало социальное неравенство, экономические и социальные реформы и развитие срочно требовали большого количества выдающихся талантов, чтобы предоставить больше социальных возможностей и должностей для тех, кто получил более высшее образование, особенно университетское, поэтому их считали как общество. Сегодня верхний средний класс общества полностью оккупирован, и сформировалась мощная группа интересов, которая будет в полной мере использовать образовательные ресурсы для защиты своих корыстных интересов. При таких обстоятельствах членам более низкого уровня беспрецедентно трудно использовать образование для достижения восходящей мобильности.

Влияние развития образования на социальную мобильность

Образование — важнейший механизм социальной мобильности. Социальная мобильность существует разумная и неразумная, и разумная социальная мобильность должна поддерживаться разумным механизмом социальной мобильности. Образование как механизм социальной мобильности означает, что люди достигают цели получения социального статуса или возможностей социальной мобильности посредством получения образовательного статуса. Разрыв в экономическом развитии между востоком и западом в Китае и разрыв между богатыми и бедными между городскими и сельскими районами огромен. Несмотря на то, что правительство усилило корректировку экономического перераспределения, перед лицом огромной численности населения трудно добиться качественного улучшения за короткий период с помощью различных политик по сокращению бедности и обеспечению прожиточного минимума, а также трудно эффективно увеличить владение экономическим ресурсом среднего и низшего классов общества. Передача и распределение организационных ресурсов более сложны, и нет эффективного способа увеличить занятость организационных ресурсов в средних и низших классах обще-

ства. Чтобы социальная структура не развивалась в направлении, не способствующем социальной гармонии, необходимо создать справедливый, разумный и плавный механизм социальной мобильности. По сравнению с экономическими ресурсами и организационными ресурсами, культурные ресурсы легче всего получить средним и низшим классам общества. Образование, как особый общественный продукт, позволяет правительству осуществлять трансфертные платежи за счет разумного распределения социальных ресурсов государственного образования или реализации основанной на политике льготной компенсации для среднего и низшего классов общества, эффективно увеличивая степень владения ресурсами. среднего и низшего классов общества. Таким образом, в известном смысле можно сказать, что в современном Китае и даже в течение длительного периода времени в будущем образование будет все больше заменять институциональные реформы и становится важнейшим механизмом социальной мобильности Китая.

Однако это не означает, что члены низшего звена не имеют надежды на улучшение своего социального статуса с помощью образования. Фактически, в Китае все еще есть много социального пространства, чтобы образование могло сыграть свою роль в улучшении структуры социальных классов. Первое пространство — это обновление и преобразование экономической структуры. Обновление и преобразование экономической структуры требует большого количества хорошо образованных талантов, но талантов, культивируемых в настоящее время в Китае, недостаточно для поддержки преобразований и модернизации экономической структуры. В другом пространстве размер среднего класса все еще слишком мал. Хотя академическое сообщество не достигло консенсуса по определению среднего класса, обычно считается, что размер среднего класса не превышает 30% от среднего класса. По данным исследований, это всего около 25%. Размер среднего класса в развитых странах Европы и США превышает 60%. Если Китай хочет догнать этот уровень, очевидно, что ему еще предстоит пройти долгий путь, и еще есть много возможностей. Первое условие попадания человека в средний класс — получить хорошее образование. Третье направление — это продвижение нового типа урбанизации. Новый тип урбанизации — это урбанизация, ориентированная на людей. Хотя уровень урбанизации постоянного населения достиг 53%, около 17% из них по-прежнему мобильны и в то же время урбанизация должна догнать уровень урбанизации в развитых странах, и ее необходимо завершить более чем на 20 процентных пунктов. Урбанизация часто способствует росту среднего класса, но те, кто вступает в урбанизацию, могут войти в средний класс только при условии получения хорошего образования. В про-

тивном случае урбанизация не обязательно расширяет масштабы среднего класса.⁶

В настоящее время образование не может выполнять очевидную рационализирующую функцию социальных слоев, как это было в прошлом. С одной стороны, это вызвано социальным неравенством. С другой стороны, само образование также имеет проблемы неравенства. В последние годы страна энергично продвигала выравнивание образовательных ресурсов, но на практике это выравнивание все еще подвержено социальному неравенству: школы и классы, располагающие высококачественными образовательными ресурсами, делают все возможное, чтобы получить больше высококачественных образовательных ресурсов, в то же время некоторые отделы образования в различных регионах готовы выделить престижные учебные заведения высококачественные образовательные ресурсы, чтобы продемонстрировать свои политические достижения. Границы социальных классов имеют тенденцию быть стереотипными, и переход через границы классов становится все труднее и труднее. В таких обстоятельствах, как изменить функцию преемственности социального класса образования, чтобы лучше способствовать рационализации структуры социального класса, должно быть одним из первых вопросов, которые страна должна рассмотреть и решить в следующей всеобъемлющей и системной реформе.

Государство должно правильно рассматривать взаимосвязь между образованием как государственной услугой и образованием как вложением в человеческий капитал в реформировании системы образования. Как государственная услуга, образование должно осуществляться государством, и принцип равенства должен соблюдаться. Другими словами, государство должно увеличить инвестиции в обязательное образование и устранить разрыв между городскими и сельскими районами и различными социальными слоями в обязательном образовании. В нынешней системе образования обязательное образование в основном осуществляется местными органами власти. Из-за большого финансового дефицита в различных регионах уровень развития обязательного образования неравномерен. В то же время, местный протекционизм в сфере образования очень силен, особенно в отношении Местные власти неохотно позволяют детям мигрантов пользоваться местными образовательными ресурсами, особенно местными высококачественными образовательными ресурсами.

Высшее образование и профессиональное образование как инвестиции в человеческий капитал должны определяться рыночным механизмом в соответствии с предпосылкой обеспечения общественного благосо-

стояния. С этой целью национальная система образования должна провести следующие институциональные и финансовые реформы: Во-первых, включить старшие средние школы в обязательное образование и увеличить продолжительность обязательного образования. Во-вторых, уменьшите ответственность округов и округов за обязательное образование, увеличьте ответственность центрального правительства и провинциальных правительств за обязательное образование и, по крайней мере, сформируйте центральные финансы, провинциальные финансы и окружные финансы, чтобы взять на себя одну треть ответственности за обязательное образование. Среди них центральное правительство должно активизировать свои усилия по развитию обязательного образования в слаборазвитых странах. В-третьих, центральное правительство, правительства провинций и муниципалитетов добились разделения труда и сотрудничества в области создания высшего образования. Однако необходимо не допускать, чтобы центральные колледжи и университеты становились престижными школами, а школы провинций и муниципалитетов — непрестижными школами. Следовательно, должен существовать независимый механизм оценки колледжей, поощрять провинциальные и муниципальные органы власти создавать колледжи и университеты, содействовать здоровой конкуренции между колледжами и университетами и в то же время поощрять общество и правительство к совместному созданию высшего образования. В-четвертых, реформировать систему доходов учителей, попытаться устранить разрыв в доходах между учителями одного уровня и вознаградить учителей, которые готовы поддерживать слаборазвитые районы (особенно отдаленные сельские районы). Очень важно сократить разрыв в доходах учителей. Сейчас, когда существует огромный разрыв в доходах учителей между регионами и школами. Таким образом, концентрация выдающихся учителей в развитых регионах и известных школах очень очевидна, что значительно ослабляет образование в слаборазвитых регионах и обычных школах.

Выравнивание образовательных ресурсов не обязательно позволяет образованию действительно выполнять функцию содействия рационализации структуры социальных классов. Ключевым фактором здесь также является система и механизм социальной мобильности. Открытый, разумный и справедливый механизм социальной мобильности — идеал, к которому стремится каждое общество. Если выравнивание образования в максимально возможной степени снижает влияние социального неравенства на образовательный процесс, то открытый, разумный и справедливый механизм социальной мобильности может максимально ограничить вмешивающееся влияние социального неравенства на социальную мобильность. Этот механизм пото-

ка является механизмом приобретения, то есть каждый человек борется за свой социальный статус на основе его или ее собственных способностей, а не отношений, власти или денег. Уже есть некоторые механизмы, которые точно отражают это, например, система экзаменов на госслужбу. Однако у людей по-прежнему есть большие сомнения по поводу процесса найма на госслужбу. Что касается процесса продвижения по службе после приема на государственную службу, действительно, люди не назначались на должности только по способностям. Реформа партийно-государственной кадровой системы и реформа системы государственных предприятий будет ключевым моментом.

Заключение

После возобновления вступительных экзаменов в колледжи и нормализации образования в 1977 году образование сыграло важную роль в содействии рациональному течению китайской социальной классовой структуры. Конечно, экономическое развитие и прерывание предыдущего образования привели к отсутствию большого количества профессиональных талантов в стремлении модернизации страны, что делает образование нести бремя. Важная задача рационального потока структуры социального класса. Но с середины 1990-х годов с популяризацией образования, особенно высшего, ежегодно проходят обучение более миллионов студентов. Популяризация высшего образования заставляет людей чувствовать, что функции или преимущества образования не так очевидны, как раньше. Классовая структура становится все более и более стереотипной, что затрудняет для низших слоев населения достижение классовой мобильности вверх через образование. Это похоже на многие другие страны. Поэтому некоторые исследователи выдвинули точку зрения, что образование должно поддерживать порядок класса. Однако по сравнению с развитыми странами в Китае еще больше возможностей для развития, который обеспечивает важную основу для того, чтобы образование играло роль классовой мобильности. Следует отметить, что некоторые существующие системы и механизмы препятствуют этому. Это необходимо углубить всеобъемлющую и систематическую реформу, но трудности беспрецедентны.

В общем, хотя образование не смогло выполнить важную задачу рационализации структуры социальных классов, как это было раньше, без крупномасштабного развития образования нет способа рационализировать структуру социальных классов. Независимо от того, является ли это человек или страна, образование необходимо развивать. Страна должна сделать образование более ценным с точки зрения всеобъемлющих и систематических реформ.

ЛИТЕРАТУРА

1. 刘精明. 教育与社会分层结构的变迁[J]. 中国人民大学学报, 2001 (2) Лю Цзинмин. Образование и изменения в структуре социальной стратификации [J]. Журнал Китайского университета Жэньминь, 2001 г. (2)
2. 陆学艺. 当代中国社会阶层研究报告[M]. 北京: 科学文献出版社, 2002 Лу Сюеи. исследований доклад о современном китайском социальном классе [M] Пекин: Издательство научной документации, 2002 г.
3. 陆学艺. 当代中国社会流动[M]. 北京: 社会科学文献出版社, 2004 Лу Сюэи. Социальная мобильность в современном Китае [M]. Пекин: Издательство литературы по социальным наукам, 2004
4. 中国居民人均可支配收入基尼系数。来源: <https://www.ceicdata.com/zh-hans/china/resident-income-distribution/gini-coefficient> Коэффициент Джини располагаемого дохода жителей Китая на душу населения. Источник: <https://www.ceicdata.com/zh-hans/china/resident-income-distribution/gini-coefficient>
5. 王春光. 教育对推动阶层结构合理化的意义探讨 [J], 2014 Ван Чунгуан. Дискуссия о значении образования в содействии рационализации классовой структуры [J], 2014 г.
6. 李强. 积极调整社会结构[N]. 人民日报, 2006年 Ли Цян. Активно корректировать социальную структуру [N]. газета «Жэньминь Жибао», 2006 г.
7. 龚维斌. 中国社会流动机制: 变迁与问题 [J]. 中国社会科学院研究生院学报, 2004 (4): 64 ~69 Гонг Вэйбинь. Механизм социальной мобильности Китая: изменения и проблемы [J]. Журнал Высшей школы Китайской академии социальных наук, 2004 г. (4): 64 — 69.
8. 钱民辉. 教育真的有助于向上层社会流动吗——关于教育与社会分层的关系分析 [J]. 社会学研究, 2004, (4). Цянь Миньхуэй. Действительно ли образование помогает перейти в высший класс? Анализ взаимосвязи образования и социальной стратификации [J]. Социологические исследования, 2004, (4).

© Сунь Шуфэн (sunshufeng@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Тихоокеанский государственный университет

НАШИ АВТОРЫ OUR AUTHORS

Aliev A. — Doctor of Economics, Professor, Academy of Social Management
alievadik@yandex.ru

Baldin K. — Doctor of Economics, Professor, MIREA - Russian Technological University
kvbaldin@mail.ru

Barchenkova Ya. — Russian Customs Academy
Jocular16@mail.ru

Belousov S. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin
bsv-gelios@yandex.ru

Butuzova L. — PhD in Economics, Associate Professor, RANEPА under the President of the Russian Federation, Moscow
lbtzz@mail.ru

Chekulaev D. — Candidate of legal sciences, Docent, Federal state institution of higher education «Moscow state university named after M.V. Lomonosov»
dm_ch@inbox.ru

Chernova O. — PhD in Law, associate Professor, Pacific State University, Khabarovsk
olga_khstu@mail.ru

Dvoichenkova I. — Competitor, Saint-Petersburg State Economic University, Saint-Petersburg
inna.dvoichenkova@mail.ru

Filina A. — Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow
mrs.alexandra.filina@mail.ru

Grigorjeva K. — Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
ksushagrigor@list.ru

Gudkov A. — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, VUI FSIN of Russia
gudkovaniv@yandex.ru

Guseva I. — PhD (Law), Associate Professor, Assistant Professor, VLI of the FPS of Russia
guseva-ir@mail.ru

Isaev A. — Lomonosov Moscow State University
isaev.aliabas@mail.ru

Kalinovskaya N. — Candidate of Economics, Associate Professor, Far Eastern State University of Communications
v27-om@mail.ru

Kapustina I. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
kapustina_iv@spbstu.ru

Klevtsova M. — PhD in Economics, Associate Professor, Southwestern State University (Kursk)
klevtsovam@mail.ru

Kolechkina I. — Ph.D., Kuzbass State Technical University. T.F. Gorbachev branch in Belovo
40882kip@mail.ru

Kolesnikova A. — Plekhanov Russian University of Economics
llaitr@mail.ru

Korobeynikova E. — Candidate of economic sciences, associate professor, Samara State University of Economics
korob-lena-79@mail.ru

Kotlyarova E. — PhD in Philosophy, Senior Lecturer, All-Russian Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia
kotlyarova.advokat@mail.ru

Kovtun I. — Applicant, Military Academy of Logistics named after General of the Army A.V. Khrulev (St. Petersburg)
vatt@mil.ru

Kuznetsov A. — Ph.D in History, associate professor, I.N. Ulyanov Chuvash State University (Cheboksary)
kuznetsov-ak@mail.ru

Kuznetsova N. — Senior lecturer, Vladimir law Institute of the Federal penitentiary service of Russia
kuznezova-1963@mail.ru

Leontieva L. — Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Faculty of Public Administration, Department of Regional and Municipal Administration

Luchinin I. — Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
luchinin.i.i@my.mgimo.ru

Matveeva T. — Senior lecturer, Vladimir law Institute of the Federal penitentiary service of Russia
matveeva33@mail.ru

Mishchenko V. — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, VUI FSIN of Russia
vyacheslav-mischenko@mail.ru

Mokrova L. — Ph.D., Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow
LMokrova@fa.ru

Morozov K. — Moscow State University of Food Production
5726vmoroz@mail.ru

Murtazina I. — Graduate student, Kazan (Volga Region) Federal University Naberezhnye Chelny Institute (branch) KFU
inna4386@mail.ru

Myao Yuntao — Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
1406515969@qq.com

Oblizov A. — Candidate of Economic Sciences, Researcher at the Institute Agrobiotechnologies named after A.V. Zhuravsky – a separate division of the Federal State Budgetary Institution of the Komi National Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar
oblizov_a@mail.ru

Onishchenko N. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Pacific State University, Khabarovsk
natalia.onichenko@mail.ru

Peskov V. — Moscow City University
victor.peskov@gmail.com

Polozhentseva Y. — PhD in Economics, Associate Professor, Southwestern State University (Kursk)
polojenceva84@mail.ru

Potokin Yu. — Graduate Student, Moscow City University; Ural State Research Institute of Regional Environmental Problems (Moscow branch)
potokinjn@mgpu.ru

Ruban L. — Doctor of Social Sciences, Professor, Institute of Socio-Political Research FNISTS RAS
lruban@yandex.ru

Rubantsev P. — Marketer, Khabarovsk branch LLC Region Media

Ryabova O. — Teacher, Vladimir law Institute of the Federal penitentiary service of Russia
frau.lelya2012@yandex.ru

Sabirzyanov R. — Moscow State University of Technology and Management
sabirzyanov131101@gmail.com

Savoskina E. — Candidate of economic sciences, associate professor, Moscow State Construction University (National Research University)
savoskina@mail.ru

Semenova N. — Postgraduate student, Dorzhi Banzarov Buryat State University
624559@list.ru

Senotrusova S. — Professor, Moscow state University named after M.V. Lomonosov
svetlsen@mail.ru

Shestiperova E. — Postgraduate Student, Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola
88elena88@inbox.ru

Sokolov A. — Candidate of Technical Sciences, Far Eastern State University of Railways
sokolov_khv@inbox.ru

Sokolova E. — Doctor of Economics, Professor, Department of State and Municipal Administration, Financial University under the Government of the Russian Federation
sokolovaes15@mail.ru

Sokolova E. — PhD Economics, docent, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow
eys@mail.ru

Sokolova I. — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Far Eastern State Transport University
sokiadv@mail.ru

Stepanov-Yegiyants V. — Doctor of legal sciences, Docent, Federal state institution of higher education «Moscow state university named after M.V. Lomonosov»
02041981@mail.ru

Sun S. — Postgraduate student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Pacific State University»
sunshufeng@mail.ru

Svinukhov V. — Professor, Plekhanov Russian University of Economics
customs_fgu@mail.ru

Tarabukina T. — Candidate of Economic Sciences, Researcher at the Institute of Agrobiotechnologies named after A.V. Zhuravsky - a separate division of the Federal State Budgetary Institution of the Komi National Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar
strekalovat@bk.ru

Tatalina A. — PhD in law, associate Professor, Pacific State University, Khabarovsk
tatalina_anna@mail.ru

Titov A. — Candidate of Economics, Associate Professor, independent researcher
a238@rambler.ru

Traore A. — Postgraduate student, Academy of Labor and Social Relations
abtraore201@gmail.com

Turishcheva T. — Candidate of economic Sciences, associate Professor, REA im. G.V. Plekhanov
ttb2812@mail.ru

Vardapetyan T. — Moscow State University of Food Production
vardt@yandex.ru

Vaslavskaya I. — Doctor of Economics, Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Naberezhnye Chelny Institute (branch) KFU

Verchagina I. — Ph.D., Kuzbass State Technical University. T.F. Gorbachev branch in Belovo
viiy.77@mail.ru

Vertakova Y. — Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (Kursk branch)
vertakova7@yandex.ru

Yarmolovich G. — Postgraduate student, Financial University under the Government of Russian Federation
gleb.yarmolovich@gmail.ru

Yeltsova E. — Ph.D., Kuzbass State Technical University. T.F. Gorbachev branch in Belovo
eltsova_ev@mail.ru

Yudin A. — Candidate of Economic Sciences, Researcher at the Institute Agrobiotechnologies named after A.V. Zhuravsky – a separate division of the Federal State Budgetary Institution of the Komi National Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar
audin@rambler.ru

Zhao Le — Postgraduate student, Moscow State Law Academy
le.zhao@yandex.ru

Zhaytumenova A. — Adjunct, Federal State Educational Institution of Higher Education «Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation», Omsk
selena138@mail.ru

Zheglicheva V. — Plekhanov Russian University of Economics
inmar2000@mail.ru

Zhirnova T. — Candidate of economic Sciences, associate professor, Samara State Technical University
jtv.80@mail.ru

Zubkov I. — Post-graduate at the Institute of Legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation
ZubkovIB@spa.msu.ru

Zubkov V. — Senior Lecturer, VLI of the FPS of Russia
z-vladimir-z@mail.ru

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением ".doc", или ".rtf", шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).